

АНТИНОМИИ

yearbook.uran.ru/
ifp.uran.ru/ezh/about/

2025

Том 25
Выпуск 1

Я. Моисеенко

Основные подходы
к исследованию конформизма

А. Мельников, Б. Поздняков

Ежи-садисты и философская гавань:
И. Берлин и Ж. Делез
о двух формах мышления

**О. Чекрыгин, Д. Надеина,
И. Мезенцев**

Платоническое учение о Едином,
многом и космосе в контексте
современной философии
математики

**Д. Жуков, Д. Сельцер,
В. Ловцов**

Политизированные сообщества
в социальной сети «ВКонтакте»

В. Горбань

Роль историографии
в философии права
и формировании понятийного языка
современной правовой теории

С. Маликов, А. Чучаев

Историческая школа права:
отражение идей в русском
уголовном праве (статья первая)

В. Васечко

Доктор В.Ф. Чиж
и психиатрическое направление
в русской школе
криминальной антропологии

В. Лапаева

Тема русского раскола
в отечественной историографии:
политико-правовой анализ

В. Руденко

Солидарность как конституционно-
правовая ценность в России

Е. Дьяченко

Формирование концепции
евразийского интеграционного
правопорядка
в отечественной юриспруденции

**Г. Доурадо Роша,
Э. Карнеро Арройо,
А. Отрашевская**

Защита прав коренных
народов Перу в контексте
Межамериканской системы защиты
прав человека

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
Уральского отделения
Российской академии наук

АНТИНОМИИ

Том 25

Выпуск 1

Екатеринбург – 2025

Главный редактор

Виктор Николаевич РУДЕНКО, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), академик РАН, д-р юрид. наук, проф.

Редакционная коллегия

Философия:

Хоакин Х. АЛАРКОН, проф. Университета г. Мурсии (Мурсия, Испания), д-р философии; **Владимир ДИЕВ**, директор Института философии и права Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия), д-р филос. наук, проф.; **Юрий ЕРШОВ**, д-р филос. наук, проф. (Екатеринбург, Россия); **Владислав ЛЕКТОРСКИЙ**, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва, Россия, председатель), академик РАН, д-р филос. наук, проф.; **Михаил МАЛЫШЕВ**, проф. Автономного университета штата Мехико (Толука, Мексика); **Шон САЙЕРС**, почетный проф. философии Кентского университета (Кент, Великобритания); **Елена СТЕПАНОВА**, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук; **Елена ТРУБИНА**, проф. Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук; **Цинянь АНЬ**, проф. философии Народного университета Китая (Пекин, КНР).

Политическая наука:

Ольга МАЛИНОВА, главный научный сотрудник ИНИОН РАН (Москва, Россия), д-р филос. наук, проф.; **Виктор МАРТЬЯНОВ**, директор Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р полит. наук, доц.; **Петр ПАНОВ**, главный научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН (Пермь, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Ольга ПОПОВА**, зав. кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Сергей ПОЦЕЛУЕВ**, проф. кафедры теоретической и прикладной политологии Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия), д-р полит. наук; **Томас РЕМИНГТОН**, проф. политологии Университета Эмори (Атланта, США), д-р политологии; **Камерон РОСС**, проф. политических наук Университета Данди (Данди, Великобритания), д-р философии; **Ольга РУСАКОВА**, зав. отделом философии Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Ричард САКВА**, проф. Кентского университета (Кент, Великобритания), д-р философии; **Саския САССЕН**, проф. социологии Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), д-р философии; **Кароль СИГМАН**, сотрудник Института политических и социальных исследований Национального центра научных исследований, д-р политологии (Париж, Франция).

Право:

Алексей АВТОНОМОВ, директор Центра сравнительного права НИУ – Высшая школа экономики (Москва, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Олег ЗАЗНАЕВ**, зав. кафедрой политологии Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Михаил КАЗАНЦЕВ**, зав. отделом права Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Сергей КОДАН**, проф. Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Александр КОКОТОВ**, судья Конституционного суда Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Павел КРАШЕНИННИКОВ**, председатель комитета Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации (Москва, Россия), д. юрид. наук, проф.; **Валентина РУДЕНКО**, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), к. юрид. наук, доц.; **Армандо СЕРОЛО ДУРАН**, проф. Университета г. Сан-Пабло (Сан-Пабло, Испания), д-р права, д-р полит. наук; **Наталья ФИЛИППОВА**, зав. кафедрой государственного и муниципального права Сургутского государственного университета (Сургут, Россия), д-р юрид. наук.

Журнал с 2011 г. включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук (спец.: 5.1.1; 5.1.2; 5.5.1; 5.5.2; 5.7.1; 5.7.2; 5.7.7). Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ); КиберЛенинку; базу данных Russian Science Citation Index на платформе Web of Science (RSCI); международные базы данных EBSCO; Ulrich's Periodicals Directory; Directory of Open Access Journals (DOAJ); International Impact Factor Services (IIFS); ERIH PLUS.

Учредитель и издатель

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук

Журнал издается с 1999 г. В 1999–2018 гг. выходил под названием «Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук». С 2019 г. журнал издается под названием «Антиномии». Подписной индекс 43669 через подписное агентство «Урал-Пресс» (контакты ближайших офисов на сайте <https://www.ural-press.ru>).

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ № ФС77-75331 от 05 апреля 2019 г.

ISSN 2686-7206 (Print); ISSN 2686-925X (Online)

Адрес учредителя, издателя и редакции: 620108, Россия, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

Тел./факс: 7 (343) 374-33-55. E-mail: admin@instlaw.uran.ru

Интернет-сайт журнала: <http://yearbook.uran.ru>

Статьи распространяются на основе
публичной лицензии Creative Commons

INSTITUTE OF PHILOSOPHY AND LAW
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

ANTINOMIES

Volume 25

Issue 1

Ekaterinburg 2025

Editor-in-Chief

Viktor N. RUDENKO – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia).

Editorial Board

Philosophy

Joaquin H. ALARCON – University of Murcia (Murcia, Spain); **Vladimir DIYEV** – Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia); **Yuri ERSHOV** (Ekaterinburg, Russia); **Vladislav LEKTORSKY** – Institute of Philosophy, the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Mikhail MALYSHEV** – Autonomous University of Mexico (Toluca, Mexico); **Sean SAYERS** – University of Kent (Kent, Great Britain); **Elena STEPANOVA** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia); **Elena TRUBINA** – Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia); **Qinian AN** – Renmin University of China (Beijing, China).

Political Science

Olga MALINOVA – Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN) (Moscow, Russia); **Viktor MARTYANOV** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia); **Petr PANOV** – Perm Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Perm, Russia); **Olga POPOVA** – Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); **Sergey POCELUEV** – Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia); **Thomas REMINGTON** – Emory University (Atlanta, USA); **Cameron ROSS** – University of Dundee (Dundee, UK); **Olga RUSAKOVA** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia); **Richard SAKWA** – University of Kent (Kent, UK); **Saskia SASSEN** – Columbia University (New York, USA); **Carole SIGMAN** – Institute for Humanities and Social Sciences, National Center for Scientific Research (Paris, France).

Law

Alexei AVTONOMOV – Center for Comparative Law, Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Oleg ZAZNAEV** – Kazan Federal University (Kazan, Russia); **Mikhail KAZANTSEV** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia); **Sergey KODAN** – Ural State Law University (Ekaterinburg, Russia); **Alexander KOKOTOV** – Constitutional Court of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia); **Pavel KRASHENINNIKOV** – State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation (Moscow, Russia); **Valentina RUDENKO** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia); **Armando ZEROLO DURAN** – University of San Pablo (San Pablo, Spain); **Natalia FILIPPOVA** – Surgut State University (Surgut, Russia).

Since 2011, the journal has been included into the List of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate and Doctor of science should be published (specialties: 5.1.1; 5.1.2; 5.5.1; 5.5.2; 5.7.1; 5.7.2; 5.7.7). It is indexed and referenced in the Russian Science Citation Index (RSCI); CyberLeninka; RSCI database on the Web of Science platform; EBSCO; Ulrich's Periodicals Directory; Directory of Open Access Journals (DOAJ); International Impact Factor Services (IIFS); ERIH PLUS.

Founder and Publisher

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

The journal has been published since 1999. In 1999–2018 it was published under the title "Research Yearbook, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences". Since 2019, the journal has been published under the title "Antinomies". Subscription index 43669 via Subscription agency "Ural-Press" (contacts of the nearest offices are to be found on the website <https://www.ural-press.ru>).

Registered as the periodical journal by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications.

The Certificate of Registration ПИ № ФЧ77-75331, April 5, 2019.

ISSN 2686-7206 (Print); ISSN 2686-925X (Online)

Contacts: S. Kovalevskaya st., 16, Ekaterinburg, Russia, 620108.

Tel/fax: 7 (343) 374-33-55. E-mail: admin@instlaw.uran.ru

Web-site: <http://yearbook.uran.ru>

The articles are distributed under
a Creative Commons public license

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

<i>Моисеенко Я.Ю.</i> Основные подходы к исследованию конформизма в современной политической философии.....	7
<i>Мельников А.А., Поздняков Б.Б.</i> Ежи-сидисты и философская гавань: И. Берлин и Ж. Делез о двух формах мышления	32
<i>Чекрыгин О.В., Надеина Д.А., Мезенцев И.В.</i> Платоническое учение о Едином, многом и космосе в контексте современной философии математики	54

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Жуков Д.С., Сельцер Д.Г., Ловцов В.А.</i> Политизированные сообщества в социальной сети «ВКонтакте»: фракции и их влияние.....	73
---	----

ПРАВО

<i>Горбань В.С.</i> Роль историографии в философии права и формировании понятийного языка современной правовой теории.....	107
<i>Маликов С.В., Чучаев А.И.</i> Историческая школа права: отражение идей в русском уголовном праве (статья первая)	128
<i>Васечко В.Ю.</i> Доктор В.Ф. Чиж и психиатрическое направление в русской школе криминальной антропологии.....	159
<i>Лапаева В.В.</i> Тема русского раскола в отечественной историографии: политико-правовой анализ	180
<i>Руденко В.В.</i> Солидарность как конституционно-правовая ценность в России	198
<i>Дьяченко Е.Б.</i> Формирование концепции евразийского интеграционного правопорядка в отечественной юриспруденции	217
<i>Доурадо Роша Г., Карнеро Арройо Э., Отрашевская А.М.</i> Защита прав коренных народов Перу в контексте Межамериканской системы защиты прав человека.....	238

CONTENTS

PHILOSOPHY

- Ya. Moiseenko.** Studying Conformity
in Contemporary Political Theory7
- A. Melnikov, B. Pozdnyakov.** Sadistic Hedgehogs and Philosophical Harbor:
I. Berlin and G. Deleuze on Two Modes of Thinking.....32
- O. Chekrygin, D. Nadeina, I. Mezentsev.**
The Platonic Theory of the One, the Many, and the Cosmos
within Contemporary Philosophy of Mathematic54

POLITICAL SCIENCE

- D. Zhukov, D. Seltser, V. Lovtsov.** Politicized Netizens
on VKontakte: Factions and Their Influence.....73

LAW

- V. Gorban.** The Role of Historiography in Legal Philosophy and the Formation
of the Conceptual Language in Contemporary Legal Theory 107
- S. Malikov, A. Chuchaev.** The Historical School of Law:
Reflection of Ideas in Russian Criminal Law (Part One) 128
- V. Vasechko.** Dr. Vladimir F. Chizh and the Psychiatric Approach
in the Russian School of Criminal Anthropology 159
- V. Lapaeva.** The Russian Schism in Domestic Historiography:
A Political and Legal Analysis..... 180
- V. Rudenko.** Solidarity as a Constitutional and Legal Value in Russia..... 198
- E. Dyachenko.** Establishing the Concept of Eurasian Integration
Legal Order in Russian Jurisprudence217
- G. Dourado Rocha, E. Carnero Arroyo, A. Otrashevskaya.**
Protection of Indigenous Peoples' Rights in Peru:
An Analysis Within the Inter-American Human Rights Framework.....238

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

Моисеенко Я.Ю. Основные подходы к исследованию конформизма в современной политической философии // Антиномии. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 7-31.
https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_1_7

УДК 32.001:167:165.731

DOI 10.17506/26867206_2025_25_1_7

Основные подходы к исследованию конформизма в современной политической философии

Ян Юрьевич Моисеенко

Институт философии и права Уральского отделения РАН

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: yan.moisseenko@mail.ru

*Поступила в редакцию 09.01.2025, поступила после рецензирования 15.02.2025,
принята к публикации 25.02.2025*

В статье очерчивается круг основных подходов к изучению конформизма, анализируется их потенциал для концептуализации конформизма в предметном поле современной политической философии, а также ограничения, которые каждый такой подход имеет в виду сложившейся для него традиции применения. Необходимость концептуализации конформизма в политической философии обусловлена рядом факторов, среди которых на первый план выходит потребность в ревизии самого понятия «конформизм». Оно было сформировано преимущественно в конце XIX – первой половине XX в. и в формате определенной дисциплины – социальной психологии, откуда уже мигрировало в соседние области гуманитарного знания, где обросло новыми коннотациями. В обыденном восприятии закрепилась трактовка конформизма как некритического следования взглядам, мнениям, поведению

© Моисеенко Я.Ю., 2025

господствующего большинства, непротивление ему, часто вопреки внутреннему несогласию. Однако с того момента, как общий смысл понятия окончательно сформировался, прошло немало времени; философия попадала не в одну «зону турбулентности», в результате чего сформировались предпосылки провести новое исследование «конформизма», которое отвечало бы вызовам современности. Для достижения поставленной цели – провести ревизию понятия и превратить его в концепт – настоящая статья совершает экскурс в историю осмысления конформизма в формате разных дисциплин. Выделяются две основополагающие традиции прочтения «конформизма»: *социально-психологическая* и *социально-философская*. Вторая традиция, в свою очередь, разветвляется на два нарратива: *структурный функционализм* и собственно *социальную философию*. Среди методов, позволяющих определить возможные трактовки конформизма в предметном поле политической философии на современном этапе, в фокусе внимания статьи прежде всего оказываются позитивистский и аксиологический подход, поскольку дебаты между сторонниками этих подходов сформировали основное «тело» политической философии Модерна. Позитивистский подход вносит вклад в концептуализацию «конформизма», поскольку позволяет увидеть участников политического процесса как абстрактные единицы, не принимая во внимание их личные истории и социальный контекст, что упрощает исследование поведения. Примером того служат исследования С. Аша, описывающие «конформиста» как «черный ящик», реагирующий на внешние импульсы с рациональными мотивациями – подобную параллель можно наблюдать и в теории «рационального выбора». Ценностный подход указывает на ограничения этого метода, ведь чрезмерное использование теории «рационального выбора» и подобных ей интеллектуальных стратегий может привести к искусственному «уравниванию» мира, в котором человек всегда и везде одинаков. В свою очередь, эта методология способна перенести исследование конформизма в аксиологическую плоскость, где на первый план выходят взаимосвязи между целями, определяемыми ценностями и культурой, и институциональными средствами их достижения, а также противоречия между целями и средствами. Дополняют традиционные подходы две неклассические оптики политической философии – концептологический и дискурсивный подходы. Благодаря этим методологиям конформизм рассматривается как имманентный элемент концепций и дискурсов, место которых уже не оспоримо в современной политической философии – примерами того становится концепция политического К. Шмитта и дискурс властных отношений М. Фуко.

Ключевые слова: конформизм; социальная философия; методология политической науки; концептуализация; структурный функционализм; позитивизм; аксиологический подход; концептологический подход; дискурсивный метод; Карл Шмитт; Мишель Фуко

Studying Conformity in Contemporary Political Theory

Yan Yu. Moiseenko

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,

E-mail: yan.moiseenko@mail.ru

Received 09.01.2025, revised 15.02.2025, accepted 25.02.2025

Abstract. The article outlines key approaches to studying *conformity*, analyzing their potential for conceptualizing *conformity* within contemporary political theory, along with limitations of each approach arising from the established tradition of their application. The demand for conceptualization of *conformity* in political theory results from various factors, most notably the necessity to revise its very notion. *Conformity* as a term was primarily formulated in the late 19th and early 20th centuries within social psychology, from which it subsequently migrated to other fields of humanities, accumulating new connotations along the way. This has led to a widespread perception of *conformity* as uncritical adherence to the views, opinions, and behaviors of the dominant majority, often in opposition to one's internal disagreements. However, considerable time has elapsed since general understanding of the term was firmly established; during this time philosophy itself underwent numerous turbulences. As a result, new conditions have emerged that warrant a fresh investigation of *conformity* that responds to contemporary challenges. In pursuit of revising the term, the article embarks on a historical exploration of *conformity* across various disciplines. This exploration reveals two fundamental traditions of its interpreting: the socio-psychological and the socio-philosophical. The latter tradition is further divided into two narratives: structural functionalism and social philosophy itself. Among the methods directly associated with political theory, the article primarily focuses on positivism and the normative approach, since the debates between these two perspectives have shaped the core of modern political science. The positivist approach contributes to the conceptualization of *conformity* by allowing participants in the political process to be viewed as abstract units, thus simplifying the investigation of behavior without considering their personal histories and social contexts. Research by Solomon Asch serves as an example, depicting "a conformist" as "a black box" that reacts to external impulses with rational motivations. Conversely, the normative approach highlights the limitations of positivism, claiming that the theory of *rational choice* and similar positivistic intellectual strategies may lead to an artificial equalization of the world, where individuals are perceived as the same everywhere and at all times. The normative approach can shift the study of *conformity* into the axiological dimension, where the relationships between goals, defined by values and culture, and the institutional means of achieving them come to the fore, alongside the contradictions between these goals and means. In addition to that, two non-classical perspectives complement traditional approaches: the conceptological and the discursive. Through these methodologies, conformity can become an integral element of political theory problem area, examined through the lenses of Carl Schmitt's concept of the *political* and Michel Foucault's discourse on power relations.

Keywords: intellectual virtue; relativism; responsibilism; philosophy of science; hybrid virtue epistemology

For citation: Moiseenko Ya.Yu. Studying Conformity in Contemporary Political Theory, *Antinomies*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 7-31. (in Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_1_7

Введение

Нелишним будет заметить, что пик исследовательского и просто обывательского интереса к конформизму пришелся на вторую половину XX в., вследствие чего в массовом сознании закрепилось следующее его значение – конформизм трактовался как некритическое следование взглядам, мнениям, поведению господствующего большинства, молчаливое

непротивление этому большинству, в том числе вопреки внутреннему несогласию. Как известно, XX век завершился одновременным крушением советской идеологии и триумфом т.н. «либерального консенсуса», в связи с чем ответственность за подведение итогов трансформаций этого ушедшего столетия взяла на себя широкая научная и публицистическая общественность, ориентированная именно на либерально-демократические ценности. Совсем неудивительно, что она объявила «несостоятельными» политические идеологии, за которыми стояли «проигравшие» XX в. политические режимы – это и коммунистическая идеология, и национализмы всех мастей. Однако для настоящего исследования немаловажно, что она также нарекла эти идеологии и режимы «благодатной почвой» для взращивания конформизма в качестве ценностной ориентации – общества – разумеется, сам феномен «конформизма» и порождаемые им «конформисты» получили не только сугубо негативную интерпретацию, но понимались главным образом в контексте либеральной критики этих идеологий-оппонентов.

Сейчас, в завершение первой четверти XXI в., восторженность от успехов и достижений «либерального консенсуса» в глобальном масштабе постепенно спадает, что порождает актуальность пересмотра не только многих понятий, но и самих явлений, стоявших за этими понятиями, монополия на владение которыми подвергается сомнению. Ровно так и изучение самого конформизма как социально-политического явления и разворачивающихся вокруг этого явления научных дебатов ставит перед исследователями задачу пересмотра многих понятий, которые утвердились в гуманитарном дискурсе как «сами собой разумеющиеся» (англ. *taken for granted*)¹. Требование этого пересмотра обосновано несколькими ключевыми факторами, но в формате настоящей статьи имеет смысл обозначать лишь некоторые из них.

Во-первых, современные гуманитарные исследователи вынуждены действовать в условиях т.н. «методологического анархизма», когда новые идеи и подходы ломают устои действующей прежде главной парадигмы – Модерна. Современная философия представляет эти мировоззренческие и онтологические сдвиги как некие «повороты» (англ. *turns*). Среди них стоит выделить «дискурсивный поворот» (англ. *discursive turn*), открытый Мишелем Фуко в его знаменитой книге «Археология знаний» (Фуко 2004); «мобильный поворот» (англ. *mobility turn*), проанализированный такими авторами, как Зигмунт Бауман (Бауман 2008), Пьер Бурдьё (Бурдьё 1993; Бурдьё 2007) и Манюэль Кастельс (Кастельс 2001). Новые методологические гори-

¹ Выражение *taken for granted* настолько часто используется в англоязычном научном дискурсе в совершенно разных контекстах, что фактически оно стало самостоятельным концептом, включающим комплекс негативных коннотаций, связанных с «теснотой мышления». Всевозможные русские аналоги этого выражения, такие как «само собой разумеющийся», «не требующий доказательств», «воспринимаемый как должное» не имеют подобного семантического и символического веса, и используются в речи вполне обыденно. По этой причине, с нашей точки зрения, имеет смысл даже в русскоязычных публикациях приводить английскую формулировку.

зонты, открытые в рамках этих «поворотов», ускорили демонтаж онтологических оснований современности (англ. *modernity*) (Касториadis 2003, Гидденс 2011). В некоторых случаях этот процесс сопровождался характерной для постмодернистов иронией и нарочитым разоблачением традиционных для Модерна исследовательских объектов (Бодрийяр 2000; Бодрийяр 2015). Яркие примеры таких методологий включают «шизо-анализ» Жюль Делеза и Феликса Гваттари (Делез, Гваттари 2007), а также постмодернистскую социологию Бруно Латура, ключевые постулаты которой были сформулированы в провокационной работе «Нового времени не было» (Латур 2006).

Вслед за ослаблением реперных точек, на которых строилась система координат «интенсивного» (т.е. активно развивающегося и «уверенного» в собственных онтологических основаниях) Модерна, стали фрагментироваться привычные социальные иерархии, ценности и средства их достижения. Полураспад некогда универсальных смыслов привел к возникновению новых форматов общественных отношений, чертами которых стали ориентация на демонтаж прежних коллективных идентичностей, моральный релятивизм, упование на технологии, позволяющие достичь быстрых результатов. В этих условиях становится сложно разобраться в содержании таких социально-психологических явлений как, собственно, конформизм, а также смежных с ним явлений (нонконформизм) или причудливых воплощений (негативизм), проследить их глубинные основания. Нередко возникают и такие ситуации, когда нонконформизм или негативизм, что традиционно воспринимались как разные по содержанию выражения протеста (Sándor 2023), оказываются лишь закамouflированными формами нового социального конформизма, который все больше ассоциируется с ревизией гендерной повестки (Çakiroğlu 2018; Rieger, Savin-Williams 2012).

Во-вторых, нельзя не учитывать фактор, что общества «экстенсивного» (сомневающегося в своих онтологических основаниях или, другими словами, «уставшего от самого себя») Модерна вовлечены в новый виток борьбы за власть и распределение значимых ресурсов, осознавая, что прежние правила не работают, а новые еще не выработаны (Бек 2000). В данных реалиях особенно важно исследовать не только новые формы системной организации обществ, но и пути социализации, адаптации и идентификации индивидов и социальных групп, а также специфику информационной среды, в которой осуществляется распределение ресурсов и дивидендов (Кастельс 2001). Прежняя дистанция между *элитами* и *массами*, *экспертами* и *профанами*, которая сохранялась до тех пор, пока знание считалось сакральной категорией, постепенно нивелируется, формируя тем самым у людей ощущение доступности практически любой информации, независимо от уровня образования и навыков критического мышления (Дьякова, Трахтенберг 2019).

Разнообразие форм адаптации не только отдельной личности, но и целых институциональных структур к меняющимся условиям среды отражается на различных, подчас противоречивых трактовках типов социального поведения в дискурсивном поле научно-гуманитарного знания (Turner 2001). Особенным в проблематике исследований конформного (равно как

и неконформного) типов поведения является тот факт, что они строятся вокруг изучения такого зонтичного концепта как *социальность* (Гидденс 2011). Потому отвечающее вызовам современности, обновленное исследование конформизма требует переосмыслить принципы социальной организации на разных уровнях – от «малой группы» до национального государства – режимы функционирования этих уровней, структурные особенности и те причины, что ведут к распаду этих форм или к общественной дезорганизации в целом. Безусловно, такая задача выглядит слишком серьезной, чтобы намереваться ее решить в формате отдельной научной статьи. Однако перечисленные обстоятельства в совокупности подчеркивают ценность не только *ревизии* существующих подходов к изучению конформизма, анализа их сильных и слабых и сторон, но и поиска новых методологий, которые позволят переосмыслить конформизм в предметном поле современной политической философии, преодолев данные ограничения. Следует руководствоваться именно этой целью в настоящем исследовании.

Осмысление конформизма в социальной психологии и философии

Конформизм и смежные с ним формы поведения и ориентации (такие как неконформизм, негативизм, солидарность, лояльность и пр.) оказываются в центре широких научных дискуссий по поводу социальной ответственности и социальной инертности человека, границ свободы личности и пределов социальной детерминации с конца XIX в. (Дюркгейм 2008). Тем не менее, даже полтора столетия спустя научное сообщество вынуждено констатировать, что единства в осмыслении конформизма (англ. *conformity*) и его форм в гуманитарных науках по-прежнему не хватает. Все, с чем можно определиться наверняка, это выделить две масштабные ориентации в исследованиях конформизма/конформности² – *социально-психологическую* и *социально-философскую*. Внутри этих традиционных направлений уже можно обозначить отдельные ветви гуманитарного знания, в рамках которых напрямую или опосредованно затрагивается интересующая проблематика: психология личности, социальная психология, социальная теория (структурный функционализм) или, собственно, социальная философия.

Интерес к конформизму/конформности как психологическому явлению или феномену, который объяснял бы логику поведения стихийно сложившихся или стабильных групп, можно обнаружить в работах Гюстава Лебона и Габриэля Тарда в конце XIX в. (Лебон 2016; Тард 2010). Однако основное внимание конформизму традиционно уделяли именно психологи-бихевиористы, которые исследовали специфику взаимоотношений индивидов в «малых группах» (Asch 1951). Начиная с 30-х гг. XX в. и вплоть до 70-х, был осуществлен ряд экспериментов, подтверждающих влияние группы на отдельную личность. Эксперименты М. Шерифа, С. Аша, С. Мил-

² В контексте настоящей статьи термины «конформизм» и «конформность» будут использоваться как синонимичные, поскольку оба они сводятся в английском *conformity*, а целью статьи не продиктовано смысловое разграничение между ними.

грэма, Р. Крачфилда и С. Московичи в совокупности позволяют заключить, что в социально-психологической оптике конформизм рассматривается как фактор, обуславливающий взаимодействие индивида и группы. Этот фактор может быть выражен либо в давлении большинства на меньшинство (как и наоборот), либо в процессах социализации и адаптации (Майерс 2011; Милграм 2000). Смежным с конформизмом формам в социальной психологии уделено меньше внимания. Негативизм, к примеру, рассматривается как тип психологической реакции, указывающей на зависимость индивида от группы (Deutsch, Gerard 1955), а неконформизм – как показатель автономии личности (Московичи 1996).

Что касается второй масштабной ориентации, то для настоящей статьи она имеет более важное значение, так как разобраться в актуальных подходах к концептуализации конформизма в современной политической философии невозможно, не имея представления о том, какие традиции его осмысления сложились в социальной теории и философии. Истоки *социологического* измерения этой глобальной ориентации следует искать в работах Эмиля Дюркгейма, в рамках его концепции «социальной солидарности», которая впоследствии сыграла ключевую роль в формировании структурного функционализма (Дюркгейм 1996; Дюркгейм 2008).

Наиболее примитивной солидарностью является «механическая»: ей характерна принудительность, строгая регламентированность всех сфер жизни, а также нахождение индивида в зависимости от «коллективной воли». В противовес выделяется «органическая солидарность»; которая подразумевает некую автономию личности при сниженном давлении на нее механизмов коллективного сознания (Дюркгейм 1996). Тем не менее, следует обратить внимание, что обе формы солидарности основаны на *коллективном сознании*, представляющее собой основу социального единства и своего рода «базис», на который накладывается *индивидуальное сознание* в виде «надстройки». Таким образом получается, что конформизм/конформность имманентен самой структуре личности человека, он выступает своего рода «мостом» между индивидуальностью и социальностью.

Толкотт Парсонс вводит концепцию «ценностно-нормативной системы», основываясь как раз на таком двухступенчатом понимании коллективного сознания (Парсонс 1998). Обращая внимание на природу фактически существующих социальных порядков, американский социолог делает акцент на предрасположенности социальных систем к поддержанию стабильного равновесия. Это равновесие достигается за счет конкретного «структурного образца», который, в свою очередь, подводит к проблематике конформности, где конформизм рассматривается как функция интеграции индивида в систему посредством ценностно-нормативной составляющей (Парсонс 2002). В этом контексте конформизм по Парсонсу практически совпадает с «социальной солидарностью» Дюркгейма и рассматривается им в качестве *нормальной* ценностной ориентации общества, хотя самим термином «конформизм» Парсонс напрямую не оперировал.

В отличие от Парсонса, Роберт Мертон активно использовал в своем дискурсе термин «конформизм» (англ. *conformity*), а также ряд однокоренных слов

(«нонконформизм»), рассматривая их вместе как поведенческую дихотомию (Мертон 2006). Понять эту пару в толковании Мертона можно с двух позиций: во-первых, в контексте адаптации индивида к давлению внешней среды, а во-вторых, в рамках теории референтно-группового поведения, охватывающей социальный конформизм и нонконформизм.

Главная гипотеза Мертона заключается в том, что девиантное поведение следует социологически рассматривать как симптом расхождения между культурно предписанными устремлениями и социально структурированными способами их достижения (Мертон 2006). В рамках социальной и культурной структур он выделял два элемента: первый включал в себя цели, намерения и интересы, определяемые данной культурой, второй – приемлемые способы их достижения. На основе этих элементов Мертон предлагал типологическую схему приспособления индивида к условиям, существующим в обществе или группе, где конформизм играл ведущую роль (Мертон, 2006).

Наконец, Петр Штомпка усложняет схему индивидуальной адаптации Мертона, так как расширяет толкование нонконформизма и негативизма, акцентируя внимание на различных мотивациях поведения (Штомпка 2005). «Конформизм» он рассматривает как поведение, основанное на принятии как целей, так и средств группы по их достижению, а также им выделяются два дополнительных типа: *легализм* (следование правилам независимо от их содержания) и *оппортунизм* (соблюдение правил, несмотря на их неприятие). В то время как Мертон сосредотачивается на различных способах адаптации человеческого поведения к общим нормативным системам через отношение к *целям и средствам*, Штомпка вводит содержательный аспект – *мотивационные основы* принятия или неприятия той или иной нормы, исходя из отношения к ее сути или источнику.

Таким образом, если суммировать основные идеи структурных функционалистов, конформизм был представлен ими в контексте анализа ценностно-нормативной системы общества и более-менее идентичен «лояльности» по отношению к доминирующим нормам и установкам (Вебер 1990, Дюркгейм 1996), а также являлся базовым механизмом для сохранения и воспроизводства социального порядка (Парсонс 2018; Мертон 2006).

У истоков второго измерения этой же глобальной ориентации – *социально-философского* анализа конформизма – находятся идеи Фридриха Ницше (Ницше 2009). Социальное большинство в его работах зачастую выступало в качестве *конформной массы*, хотя, конечно, сам термин «конформизм» в его трудах не звучал. Наиболее близкими ему можно считать понятия т.н. «стадного инстинкта» и, собственно, «стадности» (конформности), которые Ницше интерпретировал в широком культурном контексте, как раз подчеркивая, что традиционная общественная мораль имеет «стадную» природу, и противопоставляя ее своей концепции морали «сверхчеловека» (Ницше 2009).

После Ницше «конформизм» как понятие стал часто использоваться в социальной философии, главным образом в связи с типологизацией т.н. «массового общества». Термин «массы» подразумевает *общностные харак-*

теристики, поскольку массы как таковые представляют собой трудно дифференцируемые социальные образования. С началом же XX века «толпа», «массы» были не только концептуализированны, но и стали атрибутами новой социальной реальности, сформировавшейся в результате индустриализации, приведшей к массовому производству и потреблению товаров и идей. Новым субъектом того времени стал «человек толпы», а одним из ключевых трудов, затрагивающих эту тему, разумеется, была работа Хосе Ортеги-и-Гассета «Восстание масс» (Ортега-и-Гассет 2005).

Франкфуртская социологическая школа, прежде всего в лицах Теодора Адорно, Макса Хоркхаймера (Адорно, Хоркхаймер 1997) и Герберта Маркузе (Маркузе 1994), давала негативную оценку подобному развитию общества, рассматривая его в терминах «отчуждения» и «подавления». Согласно им, существует тенденция к более широкому проявлению конформизма в современном обществе, где стандартизация образа мысли и действия охватывает целые государства и даже континенты. Антонио Грамши (Грамши 1959), Серж Московичи (Московичи 1996) отмечали массовое отчуждение человека от политических механизмов власти по всему миру. Московичи даже предложил концепцию «нового человеческого типа» – т.н. *человека-массы*, который полностью зависим от других (Московичи 1996: 38-46), определяя этот антропологический тип как продукт чрезмерного конформизма.

Мишеля Фуко исследовал, как власть и социальные нормы влияют на формирование индивидуальности через систему «нормализации», поэтому в его системе координат конформизм – не просто следование правилам, а результат сложных отношений власти и знания, в рамках чего сам индивид становится объектом контроля и нормирования. Фуко указывает, что «нормы» не только регулируют действия людей, но и влияют на их восприятие самих себя. Выявление подобных механизмов, их артикуляция позволяет отследить, каким образом возникает «нормальный» индивид – соучастник и во многом даже «продукт» самоконтроля и саморегуляции (Foucault 1980).

В целом, если подвести краткие итоги всей социально-философской ветви изучения конформизма, то каких бы исследователей мы ни рассматривали, какие бы школы и направления ни попадали в фокус нашего внимания, общей чертой их становится внимание к сложной природе конформизма. Все они, пожалуй, солидарны в том, что конформизм стоит понимать не просто как некое следование социальным нормам, но гораздо шире – как *проявление управляющих механизмов*, которые превращают человеческую индивидуальность в объект, подвергают его «нормализации», «цензуре», «исключению» (Agamben 2005). Поскольку целью настоящей статьи не является подробное изложение максимального широкого спектра философских интерпретаций конформизма, будет достаточно остановиться на этом определении, которое расширяет понимание конформизма, обновляет представления о свободе и самовыражении индивида в современном обществе.

Основные методы исследования конформизма в политической философии: между позитивизмом и аксиологической теорией

Структурно-функциональный анализ, которому подвергли конформизм Толкотт Парсонс, Роберт Мертон, Петер Штомпка и другие исследователи, вскрывает глубинные механизмы, стоящие за простым актом конформизма, а также позволяет увидеть его социокультурные контексты. В совокупности же с достижениями социальной философии, все эти изыскания открывают новые горизонты для исследования данного явления *в политической философии*. Аналитический обзор всевозможных подходов к исследованию конформизма в предыдущей части был нужен, чтобы сформировать «тело» настоящего исследования. Реализовать этот замысел предстоит, разумеется, не с чистого листа, поэтому в выстраивании собственной методологии следует опираться на аргументы, обоснованные авторитетными исследователями политической философии и ее предметного поля.

Важный представитель уральской школы дискурсивных исследований, профессор О.Ф. Русакова отмечает, что современные трактовки предметной области политической философии варьируются в зависимости от того, в чем исследователи видят роль политической философии для актуальной политики (Русакова 2009). Многообразные точки зрения на этот счет О.Ф. Русакова объединяет в семь ведущих методологических подходов. Однако для целей настоящей статьи спектр точек зрения будет сведен до двух *классических* и двух *неклассических* оптик исследования. К первой паре относятся *позитивистский* и *аксиологический* подходы, ведь большинство классических исследований в политической философии развивались внутри дебатов между сторонниками этих направлений (Русакова 2012) – а значит игнорировать достижения данных подходов неправильно, идеи и результаты этих дебатов следует учесть в политико-философском прочтении конформизма. Не менее важен исторический контекст интеллектуальных дебатов о «судьбе» политической философии, которые развернулись во второй половине XX в. между сторонниками позитивизма и их оппонентами. Эти дебаты в целом заострили внимание к природе знания и его статусу: позитивисты выступали за научный подход, утверждая, что только он может предоставить надежные знания о политике; их противники критиковали «бихевиоризм» как методологическое заблуждение, подчеркивая важность традиционных философских размышлений о политике и этике (Поппер 2005; Фейерабенд 2007). Рефлексия по поводу состоявшихся дебатов крайне необходима не только для выявления потенциала позитивистского и ценностного дискурсов в формировании подходов для последующей концептуализации конформизма в предметном поле политической философии, но и для расширения горизонтов исследования за счет привлечения неклассических методологий.

Итак, *позитивизм* основывается на принципах, связанных с точными науками и эмпирическими данными – в русле этого методологического подхода конформизм может быть рассмотрен как явление, которое можно подвергнуть количественному измерению. Примеры бихевиористских

исследований – таких как эксперименты Соломона Аша о групповой динамике (Asch 1951) или Стэнли Милгрэма по подчинению группе (Милграм 2000) – снабжают нас количественными данными о степени конформности и факторных переменных, влияющих на нее. Тем не менее, следует отметить, что «амбулаторный» формат этих экспериментов имеет свои ограничения. Они фокусируются на «малых группах» и в значительной степени игнорируют масштабные социальные, политические и культурные структуры, потому даже наиболее ортодоксальные позитивисты осознавали сложность и многоуровневость политической системы, что требует более широкого подхода к анализу.

Вклад структурно-функционального анализа и теории «рационального выбора» в исследование конформизма стоит рассмотреть более подробно. Ведущие представители структурного функционализма в политологии – Роберт А. Даль (Даль 2008), Дэвид Истон (Easton 1965) и Габриэль Алмонд (Almond, Powell 1993) – утверждали, что политические системы функционируют аналогично другим социальным системам, т.е. развиваются через взаимодействие множества факторов и структур. Соответственно, политика рассматривалась ими как «арбитраж требований общества», где различные интересы и потребности индивидов и групп организуются и учитываются. Эта позиция создает платформу для анализа конформизма, поскольку индивиды здесь подстраиваются под социальные нормы и ожидания в целях достижения гармонии и стабильности в политической системе. Концепт «черного ящика», предложенный Д. Истоном, подчеркивает важность структурных и функциональных взаимосвязей, при этом не акцентируя внимание на содержании самих политических процессов (Easton 1965). Возникает возможность исследовать роль конформизма в адаптации индивидов к политическим нормам и механизмам, не рассматривая при этом их индивидуальные мотивации и особенности.

Согласно теории «рационального выбора», индивиды действуют рационально, стремятся максимизировать свои интересы. Однако в подобном контексте сложно учесть культурные и ценностные различия, которые могут влиять на принятие решений. Конформизм для этой теории становится неким побочным результатом индивидуального выбора – индивид может следовать групповой норме, чтобы избежать рисков или повысить свою выгоду, но внутренние мотивы остаются редуцированными до чисто рациональных рассуждений. Причем такая редукция часто игнорирует ситуации, когда индивиды могут поступать нерационально, следуя традициям, нормам или эмоциональным соображениям. Практика же показывает, что в реальном мире политика редко подчиняется строгим законам рациональности, и, игнорируя этот факт, исследователь может легко недооценить влияние конформизма на общественные и политические процессы.

Структурный функционализм и теория «рационального выбора» действительно подчеркивают амбивалентность позитивистских методов исследования в контексте интересующей нас проблематики. С одной стороны, эти подходы открывают широкие возможности для анализа, поскольку они способны представить участников как *абстрактные единицы*,

что позволяет применять количественные методы изучения конформизма/конформности. Исследования того же Аша демонстрируют, что «конформист» представляет собой своего рода «черный ящик», где внутренний мир индивидов остается вне поля зрения. Их поведение изучается без учета личной биографии и социокультурного контекста, в котором живет полноценная личность (Asch 1956). Таким образом, «конформиста» (и «нонконформиста», и «негативиста») можно рассматривать как функции, реагирующие на импульсы, исходящие от «малой группы» или сообщества. Эти реакции чаще всего интерпретируются как «рациональные» и «эгоистические», что в целом соответствует логике теории «рационального выбора», за каждым из таких решений, как правило, стоит четко определенная мотивация: стремление получить выгоду, избежать порицания или подтвердить свою независимость от группы. С другой стороны, структурно-функциональный анализ и теория «рационального выбора» обрисовывают ограниченные перспективы для осмысления конформизма в политической жизни. Даже объединив эти точки зрения, исследователь не получает комплексной картины, где конформизм рассматривался бы как полноценное взаимодействие структурных факторов и индивидуальных мотиваций.

Однако исследования механизмов функционирования и воспроизводства формальных структур власти все же могут стать подспорьем для изучения конформизма в рамках политической науки. Особенно актуально рассмотреть иерархическое распределение статусов и ролей среди участников политического процесса при осуществлении властных полномочий. Одним из «идеальных» типов формальной организации является *бюрократия*, как показал Макс Вебер (Вебер 1990). Работа бюрократических институтов вполне может стать иллюстрацией применимости позитивистской методологии для исследования конформизма. Имеет смысл осветить этот вопрос, опираясь на феномен «бюрократизма» в интерпретации американского социолога Мертона, о котором уже шла речь в предыдущем разделе этой статьи.

Мертон определял бюрократизм как явление, характеризующееся строгим подчинением акторов общим, абстрактным и ясно определенным правилам и нормам. Бюрократизм также обеспечивает стабильность и воспроизводство любой иерархической структуры власти (Мертон 2006). Универсализация и категоризация правил и норм, принимаемых всеми участниками политического процесса как авторитетные, может рассматриваться как альтернатива авторитету той самой «малой группы», который ранее обсуждался в контексте социально-психологического анализа конформизма. Учитывая, что позитивистская методология – особенно в политической науке – стремится к технологической эффективности, принятие во внимание концепции «бюрократии» можно считать гарантией квалифицированной оценки политического процесса. Конформное подчинение акторов бюрократической структуре позволяет руководству (будь то правительство, высший партийный совет или наднациональный орган) игнорировать неинституциональные факторы, такие как «личные отношения» между участниками, которые могут подвергать их к нерациональному поведению

и аффективным решениям. Нонконформисты и негативисты, в свою очередь, сталкиваясь с бюрократизмом, либо проходят через «обезличивание» и становятся «профессионалами», либо же подавляются бюрократическим механизмом, не имея возможности на него существенно повлиять (Мертон 2006).

Бюрократизм, как любой отлаженный механизм, может сталкиваться со сбоями, и в некоторых случаях так происходит из-за негативного влияния конформизма на его производительность. Это дает основание предполагать, что у конформизма есть самостоятельная «обратная» сторона. Потому важно рассмотреть данное явление через призму комплексного метода, который находит все больше сторонников в современной политической теории в качестве альтернативы позитивизму – а именно, *аксиологического подхода*. С этой точки зрения механистическая интерпретация политики может привести к утрате ее подлинного смысла, превращая политическую философию в политическую «теорию», в набор правил функционирования безжизненных структур, логик и моделей поведения, заключенных в рационалистические рамки утилитарных бинарных композиций, таких как «выгодно или невыгодно», «полезно или бесполезно», а также статистических выкладок. В результате подобной редукции политическая философия утрачивает свой статус и становится одной из многочисленных политологических дисциплин, таких как политическая социология или политическая экономия.

Именно так и произошло в XX в., когда политика «растворилась» в политической науке – это подчеркивает французский политический теоретик Филипп Бенетон (Бенетон 2002). По его мнению, чрезмерное использование теории «рационального выбора» и подобных ей интеллектуальных стратегий может привести к искусственному «уравниванию» мира, в котором «человек всегда и везде одинаков». Бенетон пишет: «...Доведенная до абсурда, подобная логика интерпретации предполагает, что поведение тирана в сущности схоже с поведением человека в демократическом государстве... Поведение избирателя аналогично поведению заговорщика, которое, в свою очередь, похоже на поведение потребителя... Нацистский лидер, продавец стекла, голлистский избиратель или спекулянт на бирже – все это объясняется одним и тем же образом» (Бенетон 2002: 104).

Противники сциентистской интерпретации политической философии могут иметь различные мнения о ее месте и роли в философском знании (Мунк, Гилен 2022) – однако все они строгие противники того, чтобы рассматривать ее как еще одну научную дисциплину. Они также едины в том, что уверенность позитивистов в полной непригодности аксиологического подхода для изучения политической жизни обусловлена ограниченностью их методологического диапазона – ведь их позиция выглядит серьезным заблуждением. Например, Лео Штраус выразил мнение по данному вопросу в своем программном сборнике работ под названием «Введение в политическую философию» (Штраус 2000). Согласно Штраусу, ценностный подход в анализе политики важен тем, что позволяет политической философии не только оценивать политические реалии с точки зрения их соответствия

представлениям об «общем благе» и «идеальном общественном устройстве», но также понимать и интерпретировать политические действия в терминах их правильности и справедливости.

Философские изыскания в русле ценностной методологии действительно предлагают альтернативный ракурс рассмотрения конформизма, преодолевая ограничения социологических и экономических подходов. Вместо того чтобы сосредоточиваться на показателе «технологической эффективности», анализ природы конформизма должен происходить в аксиологической плоскости. Стоит напомнить, что Мертон исследовал конформизм через призму взаимосвязи между целями (определяемыми как раз ценностями и культурой) и институциональными средствами их достижения. Противоречия между целями и средствами, по Мертону, могут влиять на то, принимают ли индивиды общественные цели или используют для их достижения нормативные или незаконные средства. Дисбаланс между культурными целями и доступными институциональными средствами ведет к состоянию *аномии*, своего рода «ценностно-нормативному вакууму», где регуляторы поведения ослаблены и фрагментированы. Аномия, отмечает Мертон, есть результат деформированного состояния социальной структуры, она способствует девиантному поведению (Мертон 2006: 243-249).

Когда большинство членов группы достигают своих целей, используя доступные институциональные средства, бюрократическая структура, включая органы власти, находится в равновесии. Однако, как правило, наблюдается разбалансированность между целями и средствами, что толкает людей к поиску различных способов адаптации к социальным условиям. Одним из таких способов является конформизм, который, вопреки ожиданиям, может привести к ригидности, неспособности адекватно реагировать на изменения и предсказуемости действий. Поэтому в данном контексте аномия может вызвать дисфункцию *бюрократии*. Дисбаланс между целями и средствами делает возможные реакции на внешние вызовы неэффективными, и бюрократы оказываются вынуждены адаптироваться через конформизм. Такой конформизм не способствует гомогенизации системы и ее устойчивости, а, наоборот, приводит к повышенной ригидности.

Формализм, ставший доминирующим, может привести к тому, что конформизм, выраженный в слепом следовании правилам и нормам, подменяет истинные цели и общую ценностную ориентацию. Когда та самая «техническая эффективность» начинает восприниматься как конечная цель, а не инструмент для достижения других ценностей, это может привести к некритическому восприятию политической реальности. В результате адаптация к условиям или группам становится механическим отказом от одних ценностей в пользу других. Таким образом, конформизм может трансформироваться из «ориентирования на что-либо» в самодостаточную «ценностную ориентацию», что, в свою очередь, способствует росту пассивности, отчуждения в обществе и вытеснению из политического процесса потенциальных активных субъектов.

Новаторские подходы к изучению конформизма в политической философии: концептологический и дискурсивный методы

Итак, «большой диалог» между сторонниками позитивизма и ценностной ориентации определяет центральную линию дебатов в политической философии XX в. – если подняться на уровень выше, то противоречие между ними перерастет в контраст между *сциентизмом* и *анти-сциентизмом*. Однако помимо этого основного противостояния, в теории XXI в. возникает множество других направлений, которые предлагают разнообразные нарративы и методологические подходы – применить их можно и к исследованию конформизма.

Концептологический подход, например, акцентирует наше внимание на построении различных интеллектуальных концепций как основном содержании политической философии (Русакова 2012). Особенность его в том, что в рамках этого подхода конформизм может быть истолкован не только как *явление*, но и как *концепция*, в рамках которой раскрывается его соотношение с другими социальными и политическими факторами, а также его влияние на структуру политического сознания и общественные отношения. Особое место среди всех политических философов еще XX в., которые внесли вклад в разработку разных подлинно политических концепций, в современной трактовке, занимает Карл Шмитт. В своих работах «Понятие политического» (Schmitt 2007) и «Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса» (Шмитт 2006), он раскрывает «корневую систему» политической философии, обращаясь к *пре-концептам*, что предшествуют строго разработанным концепциям, с которыми уже предпочитают работать другие философы. Например, его пре-концепция *политического* (нем. *das Politische*) представляет собой попытку определить суть политики, если освободить ее от факторов морали, законности и эффективности, что характерны для аксиологического и позитивистского подходов и были представлены в предыдущем параграфе настоящей статьи.

Важным акцентом мысли Шмитта и единственным критерием *политического* выступает разделение на *друзей* и *врагов*, то есть *публичного выбора* между ними в пространстве политики. Это разграничение предлагает рассматривать политику как автономную сферу, которой на примордиальном уровне присущи *разделение* и *конфликт*, где участник должен выбрать свою сторону, а не только стремится достичь консенсуса и компромисса. Такой подход открывает новые перспективы для анализа конформизма, поскольку индивиды и группы зачастую определяют своих «друзей» и «врагов», принимая решения под давлением социальных норм и ожиданий. Конформизм в данном контексте можно рассматривать как форму адаптации к политическим условиям, где индивиды или группы следуют коллективным нормам, чтобы определить свои позиции в отношении «друзей» и «врагов». Это приводит к различным формам политического поведения, где давление конформизма может оказывать влияние на выборы, «мобилизацию» общества или протестные выступления.

Немаловажно, что Шмитт призывает рассматривать *друзей* и *врагов* как *экзистенциальные категории*, то есть принцип распределения не сводится к критериям морали или эффективности, которые применимы в других областях жизни, кроме политики. Для Шмитта политика обладает своей логикой, отличной от частных отношений, и нуждается в своем собственном наборе критериев (Schmitt 2007). Эта ее особенность создает пространство для анализа конформизма в политическом контексте, поскольку в такой логике предпочтения и приоритеты отдельных индивидов в частной сфере уступают их предпочтениям в *публичной, политической* сфере, и они могут меняться в зависимости от политической ситуации. Вспоминая о классификации Леона Манна различных типов конформизма (Mann 1969), можно предположить, что именно «корыстная» версия выходит на первый план в понимании политического поведения. В этом случае субъекты ориентируются не на высокие ценности или нравственные идеалы, а на прагматичные интересы – здесь сразу приходит на ум концепция «национальных интересов», которой активно оперируют представители политического реализма³. Это позволяет им формировать союзы и определять врагов, основываясь на стратегических расчетах, а не на морально-этических/нормативных категориях.

Таким образом, конфигурация «друзей» и «врагов» становится гибкой и подвижной. Политические субъекты могут менять свои предпочтения в зависимости от контекста: благодаря таким изменениям «союзники» могут в короткие сроки превратиться во «врагов» (Schmitt 2007), а также выступать одновременно и «друзьями», и «врагами» в зависимости от того, на какую именно «аудиторию» они транслируют свою установки. *Политическое* здесь ассоциируется с «государственным», и высшим его проявлением видится именно внутригосударственный «гражданский конфликт», на деле же он часто оборачивается карикатурным «межпартийным конфликтом», в котором от разделения друг/враг остается один из антагонистических элементов – тактика, конкуренция, манипуляция и т.п. (Алексеева 2009). Все это приводит к интересным последствиям для политической жизни, когда конформизм начинает определять не только индивидуальное поведение в ситуациях частной жизни, но и коллективные действия целых сообществ в публичной сфере. В то время как у участники могут иметь широкий спектр социальных и культурных ценностей, в политическом контексте они придерживаются «общей линии партии» и отклоняются от собственных предпочтений в пользу более целесообразных и выгодных сиюминутно решений. Все это, безусловно, подчеркивает роль конформизма в формировании *контекстуальности* политического поведения.

Наконец, Шмитт в своей концепции *суверенитета* подчеркивает, что истинные политические решения исходят от *суверена* и являются единич-

³ В данном случае, хорошей иллюстрацией воплощения *политического* в реальности могут выступить республиканская и демократическая партии США, которые пребывают в состоянии серьезной конфронтации на внутриамериканской арене, но единым фронтом выступают по ряду международных вопросов, мотивируя свою позицию «национальными интересами» государства.

ными, абсолютными и окончательными (Schmitt 2007). Это означает, что политическая власть не может полностью раскрыться на уровне волеизъявления отдельных индивидов, которые действуют в рамках либеральной модели, отождествляющей индивидуальные интересы с политическим участием. Вместо этого в фокусе внимания должен оказаться *суверен* как экзистенциальное состояние, которое порождается авторитетом, существует вне обычной бюрократической системы. Таким образом, решения *суверена* выше любой бюрократии, формализованной и основанной на законах и процедурах. Политическая воля, сосредоточенная в руках *суверена*, позволяет принимать более весомые решения, чем те, которые принимаются на уровне государственных и партийных институтов.

Теперь, применяя эти концепции к проблематике конформизма, можно рассмотреть, как авторитет *суверена* и его влияние на группу ведет к гомогенности в принятии коллективных решений. В условиях «малой группы» присутствие в ней авторитета создает такую атмосферу, в которой участники подстраиваются под его мнение и решения, даже если эти решения могут противоречить их личным убеждениям. Эта динамика усугубляется необходимостью поддерживать группу и избегать внутреннего конфликта. *Суверен*, безусловно, способен сгруппировать людей вокруг единой идеи или цели, что может привести к нарастанию конформизма, поскольку индивиды начинают принимать решения, основанные на согласии с лидером, а не на собственных суждениях.

Еще одним неклассическим методом, с помощью которого перспективно исследовать проблематику конформизма в политической философии, особенно в постиндустриальном контексте, становится *дискурсивный* метод. Развитие технологий и коммуникаций создает новые условия для формирования конформистского сознания, когда информация передается мгновенно и по-прежнему охватывает огромные аудитории, создавая единую культурную среду. Однонаправленный характер влияния средств массовой информации, таких как телевидение и радио, действительно приводил к некой однородности взглядов и поведения в пределах массовой культуры XX в. Однако с ростом интернета и многогранных моделей коммуникации, а также с учетом взаимодействия всех участников процесса, казалось бы, возникает все больше возможностей для неконформизма и самовыражения. Действительно, согласно двухступенчатой модели Пола Лазарсфельда (Лазарсфельд, Мертон 2002), влияние медиа становится более сложным и многофакторным, где личные интерпретации и мнения создают пространство для различных форм политического поведения.

В этом контексте важно учитывать идеи Жана Бодрийяра, который подчеркивал, что настоящая монополия заключается не только в доступе к техническим средствам, но и в *доминировании дискурса* (Бодрийяр 2015). Формирование определенных нарративов и концепций оказывает влияние на то, как люди воспринимают свои политические и социальные роли. Подобная *монополия слова* создает новые условия для конформизма, где индивиды предпочитают следовать установленным дискурсам, нежели искать какие-либо альтернативные пути и варианты. В концепция власти Фуко

ее предмет (собственно, *власть*) рассматривается не чем-то статичным, сосредоточенным в руках одного определенного института; она пронизывает все уровни общества и становится частью повседневного опыта (Фуко 1999). Постмодернистский автор феминистской направленности Джудит Батлер в работе «Психика власти» (Батлер 2002) продолжает развивать логику феномена, открытого Фуко. Она признает, что «субъект первостепенно желает собственной субординации», то есть «ситуации принятия власти других субъектов в формах регуляции, запретов или подавления» (Батлер 2002: 25-26). Посредством этого «принятия» человек обретает свою идентичность, но здесь следует заметить, что внутреннее принятие власти и формирование субъекта, то есть *субъекция*, являются тем амбивалентным явлением, что раскрывается в диалектике господина/раба у Гегеля.

Если рассмотреть ситуацию Нового времени, то нельзя не отметить, что ей было присуще сочетание власти «общего мнения» конгломерата граждан в публичной сфере с автономией индивидуальности в частной сфере, что повлияло на формирование новой антропологии. А именно, в Новое время был очерчен иллюзорный портрет человека, ощущающего себя независимым от других и внешне самодостаточного, по причине чего желающего изолировать себя от массы «подобных себе» и сосредоточиться на самом себе. При этом он был склонен рассматривать мнение большинства в качестве отражения мнения собственного в публичной сфере, что предопределило его неуверенность в ценностной ориентации на уровне частного, поскольку такая ценностная система основана не на прочных внутренних убеждениях, но на заимствованных извне отношениях к чему-либо. Еще Алексис де Токвиль отмечал, что «в глубине души демократический человек охвачен сомнением, он не может более опираться ни на традицию, ни на разум высших людей» (поскольку нет людей высших и нивелирована традиция), он не осмеливается опереться, как правило, и на собственный разум (Токвиль 1992: 324). Если сопоставить его рассуждение с многим более поздним, уже постмодернистским дискурсом Дж. Батлер, то можно увидеть, что преодоление неуверенности и сомнений в собственном статусе, а значит, идентичности, преследующих человека в условиях «независимости» и «равенства» при либерализме, возможно через подчинение человека некоему объективному дискурсу, который способен предложить человеку готовую идентичность.

Дж. Батлер пишет: «Вынужденный искать признание своему существованию в категориях, терминах и именах, что не им созданы, субъект ищет знак своего существования вне себя, в дискурсе, который одновременно доминантен и индифферентен» (Батлер 2002: 30). С точки зрения философии Нового времени в целом, среди этих категорий наиболее привлекательными выглядят те, что несут в себе идентичности, основанные на материальных благах. Поскольку лишь они имеют если и не совершенно непреходящую природу, то, по крайней мере, существуют в объективной реальности. Так культ стремления человека к материальному благосостоянию, обладанию частной собственностью рождает дискурс, где человек, лишенный ориентиров и прочных привязанностей, становится собой, только будучи вовлеченным в рыночные отношения с другим.

Соответственно, исследователь получает возможность рассмотреть, как микрополитические практики и личные взаимоотношения между людьми влияют на формирование конформизма в рамках более масштабных структур распределенной власти. Дискурсивный подход к исследованию конформизма выглядит здесь незаменимым: индивиды взаимодействуют друг с другом не напрямую, а с учетом декларативных норм, сформированных в современных реалиях в медиа-пространстве (социальные сети, блогосфера), что позволяет исследовать, как элементы дискурса, пропагандируемого массовыми коммуникациями, действуют на уровнях индивидуального и группового поведения, создавая механизмы согласия или сопротивления.

Заключение

После краткого обзора классических интерпретаций конформизма в тех дисциплинах, где он изначально получил свое значение (социальная психология и социальная философия), в статье были представлены особенности его изучения в политической науке, а именно выявлены принципы, необходимые для дальнейшего исследования конформизма, без чего невозможно осуществить концептуализацию данного явления в современном политическом контексте. Основной «ареной» для дискуссий о конформизме в рамках предметного поля политической науки по-прежнему остается спор между позитивистским и аксиологическим подходами, который, к большому сожалению, ограничен теми условностями, что окружали «конформизм» как объект исследования на протяжении всей истории становления этого понятия.

Прежде всего, к таким условностям относится фиксация на специфическом типе «субъекта» как на точке отсчета – под ним понимался некий *индивид*, который рассматривался вне основных коллективных идентичностей, (принадлежности к определенному сословию, нации, классу и т.п.); строго экспериментальный характер обнаружения конформизма, зависимость от «малых групп» и частые отсылки к ним в качестве метафоры или иллюстрации. Однако эти устоявшиеся дебаты сторонников позитивизма и аксиологической теории обрамлены рядом неординарных подходов к исследуемой проблематике (т.н. неклассическими нарративами), анализ которых не является просто факультативным, но и может принести весомые результаты. Ценность таких нарративов, будь то *концептологический* или *дискурсивный*, заключается в том, что они дают возможность переосмыслить проблематику конформизма в политической теории с неожиданных точек зрения.

Например, концептологический подход, проиллюстрированный в этой статье методом Карла Шмитта, предлагает рассматривать конформизм как имманентный элемент *политического* (нем. *das Politische*), а не как нечто, привнесенное в эту область извне, что устраняет многие сомнения относительно целесообразности изучения конформизма именно в контексте политической теории, его собственно политической интерпретации. Рассмотренные концепты Шмитта («друзья и враги», «суверен») позволяют

увидеть конформизм не как фиксированное или однозначное явление, а как адаптивный процесс, который включает в себя принятие стратегических решений, завязанных на пересмотре принципиальных политических позиций. Более того, концепции К. Шмитта идут «рука об руку» с анализом *политического конформизма*, поскольку с помощью него подсвечиваются, как экзистенциальные свойства *суверена* влияют на внутригрупповую динамику и формируют восприятие участников относительно друг друга. Это открывает новые горизонты для понимания механизмов конформизма в рамках политических идеологий Модерна, где лидерство и централизованная воля становятся ключевыми элементами.

Изучение конформизма с помощью дискурсивного подхода в современных условиях открывает доступ к всему многообразию и структурной сложности взаимодействий между разными субъектами, медиа-средствами и нарративами. Дискурс не только формирует общественные нормы, но и определяется властными структурами, которые контролируют доступ к знанию, истине. В его рамках власть не является централизованной, а существует в сети отношений, где происходит борьба за значимость и контроль. В этом контексте конформизм может восприниматься как следствие давления этих дискурсивных и властных отношений, в частности, когда индивиды адаптируются к нормам, навязываемым обществом, чтобы сохранить свою социальную состоятельность и статус.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Адорно Т., Хоркхаймер М. 1997. Дialeктика Просвещения. Москва : Медиум ; Санкт-Петербург : Ювента. 312 с.
- Алексеева Т.А. 2009. Карл Шмитт : автономия политического // Политическое как проблема. Очерки политической философии XX века / отв. ред. М.М. Федорова. Москва : Идея-Пресс. С. 23–50.
- Батлер Дж. 2002. Психика власти: теории субъекции. Харьков : ХЦГИ ; Санкт-Петербург : Алетейя. 168 с.
- Бауман З. 2008. Текучая современность. Москва [и др.] : Питер. 240 с.
- Бек У. 2000. Общество риска. На пути к другому модерну. Москва : Прогресс-Традиция. 381 с.
- Бенетон Ф. 2002. Введение в политическую науку. Москва : Весь мир. 368 с.
- Бодрийяр Ж. 2000. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 96 с.
- Бодрийяр Ж. 2015. Симулякры и симуляция. Москва : Издат. дом «По-стум». 240 с.
- Бурдые П. 1993. Социальное пространство и символическая власть // Thesis. Вып. 2. С. 137–150.
- Бурдые П. 2007. Социология социального пространства : [сб. статей. В 2 т.] / общ. ред. пер. Н.А. Шматко. Москва : Ин-т эксперимент. социологии ; Санкт-Петербург : Алетейя. 288 с.
- Вебер М. 1990. Избранные произведения. Москва : Прогресс. 804 с.
- Гидденс А. 2011. Последствия современности. Москва : Праксис. 352 с.
- Грамши А. 1959. Избранные произведения. Т. 3. Тюремные тетради. Москва : Изд-во иностр. лит. 571 с.

- Даль Р.А. 2008. Политическая теория: истина и последствия // Политическая теория в XX веке / под ред. А. Павлова. Москва : Территория будущего. С. 137–155.
- Делез Ж., Гваттари Ф. 2007. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория. 672 с.
- Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. 2019. Повестка дня и информационное общество : социологические очерки. Москва ; Екатеринбург : Кабинетный ученый. 142 с.
- Дюркгейм Э. 1996. О разделении общественного труда. Москва : Канон. 432 с.
- Дюркгейм Э. 2008. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. Москва : ТЕРРА – Книжный клуб. 400 с.
- Кастельс М. 2001. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Москва : Высш. шк. экономики. 608 с.
- Касториadis К. 2003. Воображаемое установление общества. Москва : Гнозис : Логос. 480 с.
- Лазарсфельд П., Мертон Р. 2002. Массовая коммуникация, массовые вкусы и организованное социальное действие // Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. Москва : УРСС. С. 138–149.
- Латур Б. 2006. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии. Санкт-Петербург : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге. 240 с.
- Лебон Г. 2016. Психология народов и масс. Москва : АСТ. 320 с.
- Майерс Д. 2011. Социальная психология. 7-е изд. Москва [и др.] : Питер. 793 с.
- Маркузе Г. 1994. Одномерный человек. Москва : REFL-book. 368 с.
- Мертон Р. 2006. Социальная теория и социальная структура. Москва : АСТ : Хранитель. 874 с.
- Милграм С. 2000. Эксперимент в социальной психологии. 3-е междунар. изд. Санкт-Петербург [и др.] : Питер. 336 с.
- Московичи С. 1996. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. Москва : Центр психологии и психотерапии. 480 с.
- Мунк М. де, Гилен П. 2022. У нас все еще есть мечта. Призыв к разумно дерзкой науке // Антиномии. Т. 22, вып. 3. С. 9–25. DOI 10.17506/26867206_022_22_3_9
- Ницше Ф. 2009. Так говорил Заратустра. Москва : Эксмо. 416 с.
- Ортега-и-Гассет Х. 2005. Восстание масс. Москва : АСТ : Ермак. 272 с.
- Парсонс Т. 1998. Система современных обществ. Москва : Аспект Пресс. 270 с.
- Парсонс Т. 2002. О структуре социального действия. Москва : Акад. Проект. 880 с.
- Парсонс Т. 2018. Социальная система. Москва : Акад. проект. 530 с.
- Поппер К. 2005. Логика научного исследования. Москва : Республика. 446 с.
- Русакова О.Ф. 2009. Современные трактовки предметной области политической философии: методологический анализ // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Вып. 9. С. 203–229.
- Русакова О.Ф. 2012. Современная политическая философия: предмет, концепты, дискурс. Екатеринбург : Издат. дом «Дискурс-Пи». 400 с.
- Тард Г. 2010. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы. Москва : Инфра-М. 390 с.
- Токвиль А. де. 1992. Демократия в Америке. Т. 2. Москва : Прогресс. 554 с.
- Фейерабенд П. 2007. Против метода. Очерк анархистской теории познания. Москва : АСТ : Хранитель. 416 с.
- Фуко М. 1999. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. Москва : Ad Marginem. 480 с.
- Фуко М. 2004. Археология знания. Санкт-Петербург : Гуманит. акад. : Университет. кн. 416 с.

- Шмитт К. 2006. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. Санкт-Петербург : Владимир Даль. 300 с.
- Штомпка П. 2005. Социология. Анализ современного общества. Москва : Логос. 664 с.
- Штраус Л. 2000. Введение в политическую философию. Москва : Логос : Практис. 364 с.
- Agamben G. 2005. *State of exception*. Chicago : Univ. of Chicago Press. 95 p.
- Almond G.A., Powell G.B. 1993. *Comparative politics: A theoretical framework*. New York, NY : HarperCollins College Publishers. 204 p.
- Asch S. 1951. Effects of group pressure upon the modification and distortion of judgments // *Groups, leadership and men* / Ed. by H. Guetzkow. Carnegie Press. P. 177–190.
- Asch S. 1956. Studies of independence and conformity: I. A minority of one against a unanimous majority // *Psychological Monographs: General and Applied*. Vol. 70, № 9. P. 1–70. <https://doi.org/10.1037/h0093718>
- Çakıroğlu K.İ. 2018. (Non-)/conformity in translation: Who (non-)/conforms to what, when, how and why? : Master's thesis / Institute of Social Sciences. 93 p. URL: <https://tezara.org/theses/534433> (accessed November 15, 2024).
- Deutsch M., Gerard H.B. 1955. A study of normative and informational social influences upon individual judgment // *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. Vol. 51, iss. 3. P. 629–636. <https://doi.org/10.1037/h0046408>
- Easton D. 1965. *A systems analysis of political life*. New York : Wiley. 513 p.
- Foucault M. 1980. *Power/knowledge: Selected interviews and other writings 1972–1977*. New York : Vintage Books. 282 p.
- Mann L. 1969. Conformity according to Leon Mann: Conformity in the workplace. URL: <http://socialconformitywhatley.weebly.com/conformity-theories.html> (accessed November 15, 2024).
- Rieger G., Savin-Williams R.C. 2012. Gender Nonconformity, Sexual Orientation, and Psychological Well-Being // *Archives of Sexual Behavior*. Vol. 41. P. 611–621. <https://doi.org/10.1007/s10508-011-9738-0>
- Sándor K. 2023. What Is the Conformity-Nonconformity Dichotomy? // *Philosophy Study*. Vol. 13, no. 10. P. 409–415. <https://doi.org/10.17265/2159-5313/2023.10.001>
- Schmitt C. 2007. *The concept of the political : Expanded edition*. Chicago : Univ. of Chicago Press. 158 p.
- Turner J.H. (Ed.). 2001. *Handbook of sociological theory* / Ed. by J.H. Turner. New York : Kluwer Academic/Plenum Publishers. 756 p. <https://doi.org/10.1007/0-387-36274-6>

References

- Adorno T., Horkheimer M. *Dialectic of Enlightenment*, Moscow, Medium, St. Petersburg, Yuventa, 1997, 312 p. (in Russ.).
- Agamben G. *State of exception*, Chicago, Univ. of Chicago Press, 2005, 95 p.
- Alekseeva T.A. *Karl Shmitt : avtonomiya politicheskogo* [Carl Schmitt: the autonomy of the Political], M.M. Fedorova (resp. ed.) *Politicheskoe kak problema. Ocherki politicheskoy filosofii XX veka*, Moscow, Ideya-Press, 2009, pp. 23–50. (in Russ.).
- Almond G.A., Powell G.B. *Comparative politics: A theoretical framework*, New York, NY, HarperCollins College Publishers, 1993, 204 p.
- Asch S. Effects of group pressure upon the modification and distortion of judgments, H. Guetzkow (ed.) *Groups, leadership and men*, Carnegie Press, 1951, pp. 177–190.
- Asch S. Studies of independence and conformity: I. A minority of one against a unanimous majority, *Psychological Monographs: General and Applied*, 1956, vol. 70, no. 9, pp. 1–70. <https://doi.org/10.1037/h0093718>

Baudrillard J. *In the Shadow of the Silent Majorities, Or, the End of the Social*, Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2000, 96 p. (in Russ.).

Baudrillard J. *Simulacra and Simulation*, Moscow, Izdatel'skiy dom «Postum», 2015, 240 p. (in Russ.).

Bauman Z. *Liquid Modernity*, Moscow et al., Piter, 2008, 240 p. (in Russ.).

Beck U. *Risk Society: Towards a New Modernity*, Moscow, Progress-Traditsiya, 2000, 381 p. (in Russ.).

Bénétou Ph. *Vvedenie v politicheskuyu nauku* [Introduction to Political Science], Moscow, Ves' mir, 2002, 368 p. (in Russ.).

Bourdieu P. *Social space and symbolic power*, Thesis, 1993, iss. 2, pp. 137–150. (in Russ.).

Bourdieu P. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva : sb. statey. V 2 t.* [Sociology of Social Space: collection of articles, in 2 vol.], Moscow, Institut eksperimental'noy sotsiologii, St. Petersburg, Aleteyya, 2007, 288 p. (in Russ.).

Butler J. *The Psychic Life of Power: Theories in Subjection*, Kharkov, KhTsGI, St. Petersburg, Aleteyya, 2002, 168 p. (in Russ.).

Çakiroğlu K.İ. *(Non-)/conformity in translation: Who (non-)/conforms to what, when, how and why? : Master's thesis*, Institute of Social Sciences, 2018, 93 p., available at: <https://tezara.org/theses/534433> (accessed November 15, 2024).

Castells M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Rise of the Network Society, The Information Age: Economy, Society and Culture], Moscow, Izdanie Vysshey shkoly ekonomiki, 2001, 608 p. (in Russ.).

Castoriadis C. *The Imaginary Institution of Society*, Moscow, Gnozis, Logos, 2003, 480 p. (in Russ.).

Dahl R.A. Political Theory: Truth and Consequences, A. Pavlov (ed.) *Politicheskaya teoriya v XX veke*, Moscow, Territoriya budushchego, 2008, pp. 137–155. (in Russ.).

Deleuze G., Guattari F. *Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia*, Ekaterinburg, U-Faktoriya, 2007, 672 p. (in Russ.).

Deutsch M., Gerard H.B. A study of normative and informational social influences upon individual judgment, *The Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1955, vol. 51, iss. 3, pp. 629–636. <https://doi.org/10.1037/h0046408>

Durkheim É. *The Division of Labour in Society*, Moscow, Kanon, 1996, 432 p. (in Russ.).

Durkheim É. *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology and its Scientific Domain], Moscow, TERRA – Knizhnyy klub, 2008, 400 p. (in Russ.).

Dyakova E.G., Trakhtenberg A.D. *Povestka dnya i informatsionnoe obshchestvo : sotsiologicheskie ocherki* [Agenda and Information Society : Sociological Essays], Moscow, Ekaterinburg, Kabinetnyy uchenyy, 2019, 142 p. (in Russ.).

Easton D. *A systems analysis of political life*, New York, Wiley, 1965, 513 p.

Feyerabend P. *Against Memhod. Outline of an anarchistic theory of knowledge*, Moscow, AST, Khranitel', 2007, 416 p. (in Russ.).

Foucault M. *Power/knowledge: Selected interviews and other writings 1972–1977*, New York, Vintage Books, 1980, 282 p.

Foucault M. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*, Moscow, Ad Marginem, 1999, 480 p. (in Russ.).

Foucault M. *Archaeology of Knowledge*, St. Petersburg, Gumanitarnaya akademiya, Universitetskaya kniga, 2004, 416 p. (in Russ.).

Giddens A. *The Consequences of Modernity*, Moscow, Praksis, 2011, 352 p. (in Russ.).

Gramsci A. *Izbrannye proizvedeniya. T. 3. Tyuremnye tetradi* [Selected Works. Vol. 3. Prison Notebooks], Moscow, Izdatel'stvo inostrannoy literature, 1959, 571 p. (in Russ.).

Latour B. *We Have Never Been Modern*, St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v S.-Peterburge, 2006, 240 p. (in Russ.).

Lazarsfeld P., Merton R. Mass Communication, Popular Taste and Organized Social Action, *Nazarov M.M. Massovaya kommunikatsiya v sovremennom mire: metodologiya analiza i praktika issledovaniy*, Moscow, URSS, 2002, pp. 138–149. (in Russ.).

Le Bon G. *The Crowd: A Study of the Popular Mind*, Moscow, AST, 2016, 320 p. (in Russ.).

Mann L. *Conformity according to Leon Mann: Conformity in the workplace*, 1969, available at: <http://socialconformitywhatley.weebly.com/conformity-theories.html> (accessed November 15, 2024).

Marcuse H. *One-Dimensional Man*, Moscow, REFL-book, 1994, 368 p. (in Russ.).

Merton R.K. *Social Theory and Social Structure*, Moscow, AST, Khranitel', 2006, 874 p. (in Russ.).

Milgram S. *The Individual in a Social World*, 3rd intern. ed., St. Petersburg et al., Piter, 2000, 336 p. (in Russ.).

Moscovici S. *The Age of the Crowd: A Historical Treatise on the Psychology of Masses*, Moscow, Tsentr psikhologii i psikhoterapii, 1996, 480 p. (in Russ.).

Munck M. de, Gielen P. We Still Have a Dream. A Plea for a Sensibly Audacious Science, *Antinomies*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 9–25. https://10.17506/26867206_2022_22_3_9 (in Russ.).

Myers D.G. *Social Psychology*, 7th ed., Moscow et al., Piter, 2011, 793 p. (in Russ.).

Nietzsche F. *Thus Spoke Zarathustra*, Moscow, Eksmo, 2009, 416 p. (in Russ.).

Ortega y Gasset J. *The Revolt of the Masses*, Moscow, ACT, Ermak, 2005, 272 p. (in Russ.).

Parsons T. *The System of Modern Societies*, Moscow, Aspekt Press, 1998, 270 p. (in Russ.).

Parsons T. *The Structure of Social Action*, Moscow, Akademicheskii Proekt, 2002, 880 p. (in Russ.).

Parsons T. *The Social System*, Moscow, Akademicheskii proekt, 2018, 530 p. (in Russ.).

Popper K.R. *Logik of Scientific Discovery*, Moscow, Respublika, 2005, 446 p. (in Russ.).

Rieger G., Savin-Williams R.C. Gender Nonconformity, Sexual Orientation, and Psychological Well-Being, *Archives of Sexual Behavior*, 2012, vol. 41, pp. 611–621. <https://doi.org/10.1007/s10508-011-9738-0>

Rusakova O.F. Contemporary Interpretations of the Subject Sphere of Political Philosophy: Methodological Analysis, *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, 2009, iss. 9, pp. 203–229. (in Russ.).

Rusakova O.F. *Sovremennaya politicheskaya filosofiya: predmet, kontsepty, diskurs* [Contemporary Political Philosophy: Subject, Concepts, Discourse], Ekaterinburg, Izdatel'skiy dom «Diskurs-Pi», 2012, 400 p. (in Russ.).

Sándor K. What Is the Conformity-Nonconformity Dichotomy? *Philosophy Study*, 2023, vol. 13, no. 10, pp. 409–415. <https://doi.org/10.17265/2159-5313/2023.10.001>

Schmitt C. *The concept of the political : Expanded edition*, Chicago, Univ. of Chicago Press, 2007, 158 p.

Schmitt K. *The Leviathan in the State Theory of Thomas Hobbes*, St. Petersburg, Vladimir Dal', 2006, 300 p. (in Russ.).

Strauss L. *Introduction to Political Philosophy*, Moscow, Logos, Praxis, 2000, 364 p. (in Russ.).

Sztompka P. *An Analysis of Modern Society*, Moscow, Logos, 2005, 664 p. (in Russ.).

Tarde J.-G. *Prestupnik i prestuplenie. Sravnitel'naya prestupnost'. Prestupleniya tolpy* [Crimes of the Crowd. Comparative crime. Mob crimes], Moscow, Infra-M, 2010, 390 p. (in Russ.).

Tocqueville A. de. *Democracy in America. Vol. 2*, Moscow, Progress, 1992, 554 p. (in Russ.).

Turner J.H. (Ed.) *Handbook of sociological theory*, New York, Kluwer Academic/Plenum Publishers, 2001, 756 p. <https://doi.org/10.1007/0-387-36274-6>

Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works], Moscow, Progress, 1990, 804 p. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ян Юрьевич Моисеенко

младший научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: 0000-0002-4541-5854;
ResearcherID: JOK-8796-2023;
SPIN-код: 7446-8104;
E-mail: yan.moiseenko@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yan Yu. Moiseenko

Junior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia;
ORCID: 0000-0002-4541-5854;
ResearcherID: JOK-8796-2023;
SPIN-код: 7446-8104;
E-mail: yan.moiseenko@mail.ru

Мельников А.А., Поздняков Б.Б. Ежи-садисты и философская гавань: И. Берлин и Ж. Делез о двух формах мышления // Антиномии. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 32-53.
https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_1_32

УДК 101.9

DOI 10.17506/26867206_2025_25_1_32

Ежи-садисты и философская гавань: И. Берлин и Ж. Делез о двух формах мышления

Александр Авионирович Мельников

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

г. Москва, Россия

E-mail: aamelnikov@hse.ru

Борис Борисович Поздняков

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

г. Москва, Россия

E-mail: deka.dekada@mail.ru

*Поступила в редакцию 17.09.2024, поступила после рецензирования 23.01.2025,
принята к публикации 17.02.2025*

Данная статья предлагает различить два типа философствования или философского отношения к жизни на основании известного различия лисиц и ежей в версии Исая Берлина. Мы показываем, что схематичное разделение философов на «созерцающих одно» и «созерцающих многое» недостаточно конкретно и может приводить к путанице, где искатели единообразия и искатели многообразия легко переходят друг в друга, становясь трудно различимыми. Мы предлагаем искать путь к более удачному проведению аналогичного различения через попытки Берлина связать типы философствования с представлениями о «мудрости», или чувстве реальности. Два типа мышления рассматриваются в свете того, как «мудрость», или некая конечная цель философствования, соотносится в философских представлениях с нарративами, и соответственно, какие цели нарративам приписываются. Переформулировав исходное различие, мы обозначаем структурные его сходства с анализом возможных фигур наслаждения и самоутверждения в тексте Жюль Делеза «Представление Захер-Мазоха». Описанные Делезом образы садиста и мазохиста неожиданно позволяют посмотреть на давний спор исследовательских стратегий в философии под новым углом: противоположные виды самоутверждения соотносятся с возможными склонностями предпочесть то или иное отношение к роли нарративов в их взаимосвязи с конечной целью философского исследования. В заключении мы предлагаем оценить те возможности, которые осознание связи способов самоутверждения и способов мышления предоставляет философски основа-

© Мельников А.А., Поздняков Б.Б., 2025

тельным «ежам» и «лисицам» для освобождения от потенциально свойственных им познавательных иллюзий.

Ключевые слова: лисица и еж; Представление Захер-Мазоха; множество; границы нарратива; цели философии

Благодарности: авторы благодарят за содержательные комментарии к рукописи Султанбека Андиева, Дениса Аристов, Алексея Глухова, Максима Евстигнеева и Ренату Ясавееву.

Sadistic Hedgehogs and Philosophical Harbor: I. Berlin and G. Deleuze on Two Modes of Thinking

Alexander A. Melnikov

National Research University Higher School of Economics (HSE University)
Moscow, Russia
E-mail: aamelnikov@hse.ru

Boris B. Pozdnyakov

National Research University Higher School of Economics (HSE University)
Moscow, Russia
E-mail: deka.dekada@mail.ru

Received 12.05.2024, revised 29.09.2024, accepted 14.12.2024

Abstract. The research aims to distinguish two types of philosophizing or philosophical attitudes based on Isaiah Berlin's distinction between *foxes* and *hedgehogs*. We argue that the schematic division of philosophers into "those who contemplate the one" and "those who contemplate the many" lacks specificity. Moreover, seekers of uniformity and seekers of diversity often merge, making them difficult to differentiate. To address this issue, we explore a more nuanced implementation of this distinction by examining Berlin's attempts to connect types of philosophizing with concepts of *wisdom* and a sense of reality. We analyzed how *wisdom*, or the ultimate goal of philosophizing, relates to narratives in philosophical thought and the corresponding goals attributed to these narratives. By reformulating this distinction, we outline its structural similarities with Gilles Deleuze's analysis of enjoyment and self-affirmation in his text *The Performance of Sacher-Masoch (Coldness and Cruelty)*. Deleuze's depictions of the sadist and masochist provide a fresh perspective on the long-standing debate regarding research strategies in philosophy. We suggest that opposing types of self-affirmation are linked to differing inclinations in relation to the ultimate goal of philosophical inquiry. In conclusion, we propose how evaluating the awareness of the connection between modes of *self-affirmation* and modes of *thinking* can help both *hedgehogs* and *foxes* liberate themselves from cognitive illusions that may be inherent in their respective approaches.

Keywords: hedgehogs and foxes; Coldness and Cruelty; multitude; limits of narrative; aims of philosophy

Acknowledgements: The authors wish to express their gratitude to Sultanbek Andiev, Denis Aristov, Alexei Gloukhov, Maxim Evstigneev, and Renata Yasaveeva for their insightful comments.

For citation: Melnikov A.A., Pozdnyakov B.B. Sadistic Hedgehogs and Philosophical Harbor: I. Berlin and G. Deleuze on Two Modes of Thinking, *Antinomies*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 32-53. (in Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_1_32

Введение

Вопрос, как подобраться к конечной цели человеческого существования, и можно ли сделать это философскими средствами, принадлежит к старейшим в философии. В наши дни сложно подступаться к нему даже при множественных уточнениях. И все же надежда понять место философа по отношению к финальным целям, сопоставить возможные его стратегии и предугадать стоящие перед ними проблемы, снова и снова проступает в усилиях различных философов, переплетаясь с другими вопросами и контекстами.

В этой статье мы хотим показать, как вопрос о конечной цели человеческого существования связан с проблематикой Исаи Берлина, сравнивавшего¹ фундаментальные формы человеческого мышления ориентированных на «множественность» мыслителей-лисиц и стремящихся к «одному, но важному» мыслителей-ежей, и Жюль Делеза, описавшего две перверсивные стратегии утвердить себя в мире посредством определенного порядка слов.

Сперва мы обратимся к логике Берлина, с целью проследить возможные истоки расхождения философских «ежей» и «лисиц». Показав некоторые преимущества различия типов мышления не на основании множества и единства, а на отношении философа к конечным целям нарративов, мы предложим в этом свете новую метафору для ежей и лисиц. Ее мы сопоставим с двумя стратегиями самоутверждения у Жюль Делеза, садистской и мазохистской. Предположив (с помощью Делеза), как логика самоутверждения может, лежа в основании склонности к той или иной форме мышления, в то же время сбивать мыслителя с толку, мы надеемся уточнить понимание стоящих перед философами-«ежами» и «лисами» естественных ловушек и прорваться к новой, позитивной форме отношения между «ежиным» и «лисыным» познанием.

Лисицы и ежи в эссе И. Берлина и цели философского познания

В античной истории о том, как лисица находит и сопоставляет самые разные способы действия, а еж решает любые проблемы, сворачиваясь в клубок, И. Берлин увидел столкновение разных форм мышления: «лисыего» стремления к признанию и реконструкции многообразия познавательных сюжетов или способов действия, и «ежиного» – к единому орга-

¹ Это сравнение лисицы и ежа Берлин заимствовал у древнегреческого поэта Архилоха, но между ним и Архилохом множество промежуточных звеньев в поиске философской метафоры – достаточно вспомнить здесь Макиавелли, Эразма Роттердамского и Э. Геснера, посвятившего в XVI в. ежу и лисце по отдельному трактату.

низующему принципу (Берлин 2002). С тех пор «ежей» и «лисиц» успешно описывали и сопоставляли в разных мыслительных сферах, будь то социальное прогнозирование (Tetlock 2005), история (Уваров 2015), искусство² или социальная философия (Павлов 2018).

Но, видя в образах лисы и ежа выражение «одного из глубочайших различий», Берлин предложил применить его не только к авторам той или иной речи, «писателям и мыслителям», но и – «вообще людям» (human beings) (Берлин 2002: 513). Тем самым, «лисье» и «ежиное», по его догадке, могли отсылать не только к внешней оценке профессиональных практик, но и к тому, как люди вообще, для себя, воспринимают мир.

Направив ход дальнейшего рассуждения на анализ творчества конкретного писателя, Толстого, Берлин отчасти оттенил эту свою ремарку. Мы же хотим вернуться к ней и вместо новых вопросов о том, что делают ежи и лисицы в той или иной области, сосредоточиться на том, какие субъективные взгляды на природу знания и конечные цели можно приписать тем и другим.

На первый взгляд, текст Берлина не дает повода отдельно спрашивать о конкретных целях двух типов мышления. Разделяя «ежей» и «лис», Берлин противопоставляет два способа мышления как раз на основании не природы целей, а степени их многообразия. «Ежи» стремятся непременно оформить свои взгляды в единую последовательную систему, а фигура «лисицы» задается, напротив, через готовность признавать множественность непересекающихся целей (Берлин 2002: 513) и соответствующих им представлений и систем. Тем самым как будто не нужно сравнивать конкретные цели тех и других, достаточно посмотреть на их количество. Но этот ответ, как мы попробуем показать, не так уж достаточен.

Говоря о ежах и лисицах с помощью разделения через единство и множество, Берлин не стремится подробно объяснить, что значит «созерцать одно» или «созерцать многое» (Берлин 2002: 515), «стремиться к единой системе» или «иметь много целей»³. Он не раскрывает и примеры авторов, преследующих многие цели сразу в качестве несоизмеримых, или напротив, сводящих все слышимые ими истории в одну. В начале эссе он приводит примеры ежей и лисиц, отправляя в первую категорию столь разных авторов, как Паскаль и Гегель, а во вторую – как Аристотель и Джойс (Берлин 2002: 514). Но все дальнейшее посвящено не раскрытию какого-либо идеального «ежа» или «лисы», а неким *переходным* способам мысли (Льва Толстого и Жозефа де Местра).

Того и другого Берлин предлагает считать лисицами, которые пытались быть ежами (Берлин 2002: 516, 593). Оба, по его мнению, проявляли талант

² Интеллектуальных и художественных личностей упоминает в этом контексте сам Берлин (Берлин 2002: 514).

³ Во всяком случае, в эссе «Лисица и еж». Мы всерьез допускаем, что несмотря на кардинальное значение понятия множественности для политической философии Берлина, он не провел достаточно ясное различие между единством и множеством ни в какой работе. Но подобное, разумеется, нужно обосновывать отдельно.

в «лисных» практиках мысли, критикуя разных редукционистов с перспективы многообразия мира и действующих в нем сил и целей, но упорно стремились проявить себя как «ежи», т.е. подобно своим же жертвам подытожить многообразие в некий единый объясняющий сюжет.

Главный герой эссе, Лев Толстой, раскрывает свою способность к множественному видению уже в «Войне и мире». При этом он отвергает претензии «больших фигур истории» на выражение или использование неких подлинных законов⁴. Напротив, чем выше их место «на пирамиде власти», «тем дальше отстоят они от ее основания, которое составляют простые мужчины и женщины» (Берлин 2002: 528-529). Этот фундамент – не великие ораторы и пророки, не носители победоносных гипернарративов, а множественные существа, видящие в мире череду разных событий, в общем непредсказуемых и не имеющих окончательного объяснения (Берлин 2002: 530).

В принципе, с такой философией истории можно связать задачу, которую ставили перед Толстым многие критики⁵ – «описывать основные факты субъективного опыта – ту жизнь, какой живут обычные люди». Но Толстой все решительнее отвергал эту задачу в пользу защиты резких общих тезисов, в т.ч. о самой возможности исторического знания или свободы от непознаваемо сложных причинных цепочек. Почему? Берлин отвечает так: остановиться на многообразных описаниях значило бы «не дать ответы на вопросы: что, почему и как возникает и проходит» (Берлин 2002: 532).

По мысли Берлина, чем больше Толстой разрушал претензии историков или философов истории на объяснения действительности некими универсальными законами, тем больше хотел оправдать это разрушение собственным универсальным принципом⁶, который всего лишь и оставалось наконец где-нибудь найти (Берлин 2002: 549). Способность Толстого видеть ограниченность конечных объяснений подтачивала его собственную мечту и питала все нарастающую полемическую ярость (Берлин 2002: 550-551).

Случай Толстого кажется Берлину достаточно удивительным, чтобы поставить отдельный вопрос о возможных истоках такой странной путаницы. С одной стороны, блестящий портретист «уникальной индивидуальности», с другой – редуктивный монист, «проповедующий не многообразие, а простоту» (Берлин 2002: 553). Но само желание поставить во главу эссе сюжет противоречия, «неразрешимого конфликта» (Берлин 2002: 560) можно

⁴ По Берлину, Толстой соглашался, что наукой историю бы сделало раскрытие неких подлинных законов исторического развития, но, «гораздо отчетливее», чем, например, Маркс, понимал, что фактически эта цель «недостижима» (Берлин 2002: 526).

⁵ Так, И.С. Тургенев выступал против философствований об историческом фатализме в «Войне и мире» («сел на своего конька», писал он о таких философствованиях), и сравнивал Толстого с Антеем, который возвращает свои силы, когда снова касается земли.

⁶ «Гранитным утесом истины, на котором только и можно построить достоверную интерпретацию жизни» (Берлин 1992: 550).

связать с «лисыими» целями самого Берлина, защищающего многообразие на протяжении долгих лет своей творческой жизни – настолько, что это уже рискует превратить Берлина в «ежа», с завидным однообразием переводящего любую тему в разговор о множестве.

Если «парадокс Толстого» допускает более систематическое объяснение, он побуждает задуматься: а надежно ли противопоставление «единства» и «множества»? Что именно значит искать единство или видеть его? Действительно ли различие между жадой «созерцать одно» и «созерцать многое» не нуждается в особых пояснениях?

Уже сама популярность жанра споров, был ли тот или иной мыслитель любящим единство «ежом» или многоликой лисицей, может служить симптомом, что различие проведено недостаточно четко, и/или не по тем линиям, которые делают его осмысленным. Так ли понятна общность «образцовых» берлиновских ежей, скажем, Паскаля и Гегеля? Чем похожи стремление к единству авторов, претендующих на самодостаточность нарративов, и апологетов трансцендентного видения, помещаемого за пределы человеческих познавательных способностей?

Как мы видели, Берлин не решает исследовать свои образцовые примеры, вместо этого развивая собственные представления о двух формах мышления на примере авторов, мыслимых им на границе: между стремлением к объединению и видением множеств. Из его наблюдений мы можем, однако, убедиться, что искать единства или единой цели – не значит скреплять все свои фактические искания в одно целое или выводить универсальную объяснительную систему – де Местр (как и, например, Паскаль) не дедуцирует собирающий способ, а декларирует его непостижимость. Что же еще приписывает Берлин «ежам» и тем, кто пытается ими стать?

Ответом оказывается некая мечта о «мудрости», целостном «чувстве реальности» (Берлин 2002: 576-577), – та самая, что не дает Толстому спокойно «описывать основные факты субъективного опыта» и проявляется через образы его избранных героев⁷. Но мудрость эта предстает у Берлина весьма запутанной. Выясняется, что к ней, к пониманию «неизменных отношений между вещами» и «всеобщих свойств человеческой жизни» ведет некое «естественное» познание, «не обязательно вполне отчетливое» и «весьма похожее на Аристотелевское» (Берлин 2002: 580). Аристотель, ранее названный лисицей, теперь сопоставляется с ежиной мечтой⁸. Толстовские мудрецы познают границы своего знания, власти разума, любых методических исследований мира и так прорываются – пусть даже и без философской отчетливости – к общей и неизменной природе вещей (Берлин 2002: 580).

Парадокс обращения лисиц в ежей возвращается. Носителей «не вполне отчетливой» мудрости, похоже, с равным успехом удастся описать

⁷ Пьер, Платон Каратаев, Левин и др.

⁸ И даже рифмуется с первой главой книги «О духе законов», где Монтескье пишет, что «в каждом различии есть единообразие, и в каждом изменении – постоянство» (Монтескье 1999: 12).

и через отказ упорядочивать течение жизни единым нарративом, и через познание подлинного единства мира. Чем ближе к мудрости, тем сложнее отличить берлиновских лису и ежа друг от друга.

Далее мы попробуем показать, что – перед угрозой ли путаницы в понятиях или по иной причине, – Берлин остановился на полпути. Его немедленный переход к пограничным примерам – не случайность, а симптом того, что само разделение можно задать отчетливее. Если зыбкие отношения реальных авторов, мыслителей и людей между «единым» и «многим» заложены в самой смутности идеи единства, мышление, то и дело сталкивающееся с ограниченностью очередного нарратива, и все равно стремящееся составить единую систему, может оказаться не пограничной мутацией, а закономерным способом полагания мыслителя в мире. Где найти более ясную границу?

В поисках ответа мы обратимся от понятия единства к той мудрости, которую Берлин согласился считать «не обязательно вполне отчетливой». Положение Толстого, искавшего извечной истины, но вновь и вновь находившего лишь множество преходящего, Берлин описал как его личную драму (Берлин 2002: 585). Мы же попробуем увидеть тут исходную точку, по достижении которой философ только и может столкнуться с дилеммой возможных форм познания.

«Ежи» и «лисицы» в свете идеи философской гавани

Итак, отстранившись от понятий «единого» и «многого», которые ничего нам пока не проясняют, попробуем заново описать проблему, с которой сталкивается берлиновский мыслитель.

Он долго стремился к мудрости, но так и не убедился, в чем она состоит. Мечта же его стара и известна, некая «философская гавань»⁹, куда должен был бы стремиться философ, ведь именно там – счастье и конечная цель для человеческой души, спокойствие от штормов переменчивого моря¹⁰.

При этом философ не случайно блуждает по волнам. Он прошел многие моря и побывал на многих философских островах: ни один из них не утолил

⁹ Находимая в том или ином виде у стоиков, Августина «Вот я – стою подобно скале на морской отмели, и волны беспрестанно обрушивают на меня свои удары, но ни сдвинуть меня с места, ни разбить им не под силу, хотя нападки их не прекращаются столетиями» (Августин 2000: 86), Кьеркегора «Когда моряк плывет по океану, ...он не смотрит вниз на волны, ведь они постоянно изменяются. Он смотрит вверх на звезды: и почему? – потому что они надежны... Благодаря чему тогда побеждает он изменчивое? Благодаря вечному» (Кьеркегор 2016: 39), Ницше и многих других. Вариаций можно выделить множество, например, предпосылается ли цели плаванья некий «берег» или, как в известной логической метафоре Отто Нейрата, речь с самого начала только о плавании, предполагается ли сам корабль, и «починка» корабля на ходу, и т.д. Наша задача – не обобщить все известные метафоры, а изложить одну из версий, позволяющую с помощью известных образов подобраться к исследуемым фигурам мышления.

¹⁰ Мы откладываем пока вопросы, как связаны счастье и спокойствие, или стоит ли называть счастье целью и критерием успешности философского плаванья: сосредотачиваясь на самой возможности доплыть к философской гавани.

его жажды мудрости, и немало времени ушло на прояснение пути. Впереди осталось немного, цель, кажется, так близка, как не была до сего дня. Однако очередной его корабль износился и не выдержит дальнейшего плавания¹¹.

Поставим себя на место этого философа. На берегу не внушающего доверия острова мы оказались без корабля. На остров регулярно прибывают новые путники; многие зовут нас с собою в дальнейший путь. Но вот незадача: мы опытные моряки и видим, что и их корабли имеют скрытые изъяны.

Примерно так можно выразить исходную проблему Берлина–Толстого: стремление к постижению истины, «неизменных отношений между вещами», снова и снова терпит неудачу в потоке актуальных событий, множество которых не удастся упорядочить. Но в нашей «морской» метафоре появляется важный элемент: корабли, то есть средства философского постижения действительности. Это нарративы, серии последовательных суждений, которые претендуют на определенное представление мира и, как кажется искателям мудрости, обещают желанную конечную цель. Каждый корабль-нарратив по своему замыслу должен был бы привести к цели, но всякий оказывается ненадежным.

В этой метафоре нас интересует выбор философа¹²: того, кто стремится понять устройство судна-нарратива и самостоятельно управлять им. Даже если часть своего прошлого опыта он получил как пассажир чужих кораблей, с возрастом или ввиду великого таланта, он начинает замечать недостатки близких ему ранее нарративов. Они все имеют слабые места; требуют доверия к многочисленным предпосылкам, которые могут быть притягательны или приятны, но от того не становятся более надежными.

Что делать философу? Он может попробовать починить какой-нибудь причаливший корабль, испытав его как снаружи, так и изнутри. Пускай тот несовершенен, мы можем исходить из того, что его можно подготовить к великому путешествию к блаженной гавани, залатать, добавить гвоздей и досок из обломков других (и даже собственного) корабля. Таким образом мы как бы усомнимся в сомнительности нарративов, дав им еще один шанс. Можно поступить иначе – усомниться в самой возможности достижения финальной цели на столь дрянных кораблях, что ежедневно прибывают

¹¹ Этот метафорический ряд, который мы далее применим к нарративам, может показаться неясным. Бывают ли в нашем познании ситуации, когда корабль (нарратив) износился, исчерпал себя, но при этом с его помощью мы все же оказались в некотором роде «ближе» к цели? Можно было бы рассмотреть позицию тех, кто считает подобную ситуацию невозможной – но здесь мы будем исходить из того, что она вполне реальна и адекватно описывает философский опыт.

¹² Безусловно, различие ежей и лисиц как «людей вообще» существует и за пределами философии, и мы можем назвать в некоем смысле «ежом» того, кто старательно ищет уже построенный кем-то другим самый прочный корабль, чтобы сесть на него пассажиром. Хотя и задача удержания на чужом корабле может оказаться нетривиальной, мы сосредотачиваемся именно на активном стремлении рефлексировать собственный путь. При этом различие ежей и лисиц по практикам в конкретных научных дисциплинах предметом статьи не является. В частности, мы ничего не говорим о занятиях историей философии. Мы также не касаемся политических импликаций той или иной жизненной стратегии.

на остров. Тогда мы будем пытаться перестроить наши представления и цели так, чтобы они больше не включали, возможно иллюзорную, цель путешествия к философской гавани.

Сначала мы попробуем разобраться с первой стратегией, «ежиной». Еж в нашей метафоре – особенный, плотничный ежик. Прекрасно осознавая несовершенство вновь прибывшего материала от полуразбитых кораблей, он не опускает своих маленьких лапок. Его задача, как уже было сказано, – попытаться усомниться в самом своем сомнении: «а вдруг очередной корабль, что выглядит столь ужасно, на самом деле не так уж плох? И если исправить все изъяны, именно на этом судне я смогу добраться до своей цели?» – так мыслит ежик и приступает к очередному кораблю. Это радостный день – возможность починить то, что кажется безнадежно сломанным. Ежик свободно добавляет новые предпосылки, заимствуя их из других нарративов, меняет центр тяжести¹³, перестраивает корабль по ходу дела, не имея перед глазами готовый план судна.

Наш еж сохраняет важные черты берлиновского: его цель – осуществление главного, универсального философского плавания. Но дело уже не в актуальной способности ежа свести все свое дело к одной истории. Еж-плотник может снова и снова возвращаться к починке одного или пары избранных суден, а может хвататься почти за каждое, что попадется ему на глаза: важно, что всякое судно он рассматривает именно в той степени, в которой приспособливает его к главной цели. Он пытается не столько говорить об одном и том же, сворачиваясь в один и тот же клубок, сколько подвести всякий встречный нарратив к совершенству, способному обеспечить достижение некоторой конечной цели. Все, с чем встречается плотник, должно работать; корабля не существует в той степени, в которой он не обещает путешествия к гавани, суждений нет в той мере, в которой они глупы, а в языке нет места абсурду – всякое высказывание должно быть правильно понято и дополнено по ходу дела, чтобы работать на финальную цель. Это – не некое истинное суждение о мире, но лишь часть жизненной стратегии ежика. Даже если язык несовершенен или вводит нас в заблуждение, ежик исходит из того, что починить можно что угодно.

При таком описании ежа встает неожиданный вопрос: а какие значимые дела в сфере философской мысли остались на долю лисы? Облик лисы уже не получится задать через то, что она изучает многие корабли – тем же может заниматься и плотник-еж в надежде пожить очередной деталью. Лиса отличается от ежа и не самим наличием сомнения в универсальной стратегии, и не изучением недостатков любых кораблей – этим занимается и всякий дельный плотник. Лиса даже может в специфическом смысле мечтать о гавани, как мы выясним позже. Но примечателен именно характер сомнений лисы.

¹³ Речь о том, что акцент внутри нарратива меняется обычно в момент изменения центра, некоего блага в такой-то совокупности терминов. Обычно оно не находится в конкретном слове, а как бы между нескольких понятий, т.е. это крен, который удерживает их взаимосвязь друг с другом.

Если еж сомневается в сомнительности нарративов, подходя к ним, как если бы они действительно могли привести его к конечной цели, лиса должна, напротив, удерживать это сомнение в нарративах. Когда еж сомневается в нарративе, он предполагает немедленный поиск решения – а как все-таки сделать этот (или другой) нарратив пригодным для истины? Сомнение лисы предполагает отказ от зачарованности такими сверхожиданиями от нарративов – лисью «мудрость» нужно отвести как можно дальше от строго-последовательной нарративной доказательности. Сомнение ежа ситуативно, непосредственно – оно отвечает конкретным видимым ему изъянам корабля. Сомнение лисы принципиально и непрерывно – это общее сомнение в том, что корабль годится для дальних плаваний.

Как лиса выражает свое сомнение? Статичным воздержанием от претензии на достижение гавани. Сколь бы старательно ежи-плотники или иные люди ни уверяли, что в корабле нет дыр, она не верит в «близость» гавани, и пригодность какого-либо корабля для великого последнего путешествия. Если для ежа ожидание мудрости определяло саму идею плавания (море не отличалось бы от суши, не будь в нем сокрыт счастливый остров), лиса может при желании назвать плаванием и вольную игру без финальной цели, или вовсе задать себя не через попытки плавания, а через наблюдение за чем-либо в мире нарративов.

Одно из мыслимых оснований такого выбора лисы является моральным – отказываясь поощрять плавание, к которому корабль не годится, она не подстрекает людей к возможному крушению¹⁴. Даже если лиса допускает, что по какой-то случайности один из кораблей все же доплывет до гавани, у нее найдутся основания не переводить очередную древесину, а наблюдать за тем, что и как сейчас происходит. Пока еж возится с починкой, лиса может обойти больше кораблей и сравнить их многообразные формы¹⁵, вести учет существующих плаваний, следить, где кто потонул и адаптировать выживших после крушения философов к жизни на покинутом ими берегу. Она может изучать, как начальная скорость и длительность плавания связаны со строением очередного корабля или деталями его крушения; собирать и сравнивать стройматериалы, да и просто выполнять функции плотника, как если бы верила в ежиные цели. Наконец, она может захотеть опровергнуть саму идею плавания к гавани и переосмыслить роль нарративов-кораблей. Возможно, скажет такая лиса, идея гавани или финальной цели лишена смысла, а потому корабли существуют не для плавания или, во всяком случае, не для гавани, а для целей принципиально промежуточных – красиво стоять на берегу, или красиво плыть и тонуть, или возить на берег рыбу

¹⁴ Логику такого рода можно найти во многих работах Берлина, включая знаменитую его критику позитивных концепций свободы, подлежащих порой катастрофическим искажениям.

¹⁵ Ср.: «Параллакс (лисы. – Авт.) предполагает следующее. При наблюдении за предметом/феноменом/вещью с разных точек зрения, под разным углом... изучаемый объект... открывает такие свои качества и свойства, которые бы в других обстоятельствах мы просто не заметили» (Павлов 2018: 151).

и ракушки, или заполнять дно, чтобы текущее положение окончательно закрепилось как последнее положение человечества в постисторическую эпоху, или несколько этих функций сразу. Гавани, до которой должен добраться великий нарратив, противопоставляется некий наличный берег, который уже дает собственные, пускай и безусловные основания для эксплуатации кораблей-нарративов или их материалов.

Возвращаясь к языку Берлина, опирающегося на количественную разницу числа принятых непересекающихся нарративов (систем) и целей, мы могли бы запутаться с той видимостью, что чем активнее лиса исходит из минималистических взглядов на корабли-нарративы, тем больше она уподобляется певцу одной истории, ежу. Пускай целью этой истории больше не является никакое конкретное состояние, именуемое хорошим, принцип ее отношения ко всем прочим нарративам остается единым. Но в нашей корабельной метафоре осмысленное различие задается не через количество принятых нарративов, а через то, как именно автор и человек связывает роль корабля и гавани, т.е. – человеческие нарративы и финальные человеческие цели.

Выбор лисицы имеет значение: но он не в том, чтобы выступить против «единства», «мудрости», или «неизменной природы вещей», а именно в удержании от нарративного плавания к гавани. И с этой точки зрения «лисы» позиция Берлина проявляется не в идеях объективной множественности ценностей (показать значение «объективности» в этом контексте, как известно, очень нелегко), а в его способе говорить о мудрости: мечту о вечном и неизменном он переописывает в свете *видения*, «что чему подходит» (Берлин 2002: 577). Мудрость *ощущается*, костями или кожей (Берлин 2002: 584). А вот от нарративных, артикулируемых убеждений, как мы узнаем из разных его работ, ожидать многого не следует. Искать в убеждениях чего-то выше относительной надежности суть незрелость (Берлин 1992: 302), а формальные рассуждения философов с «глубочайшими убеждениями» даже не соприкасаются (Берлин 1992: 340)¹⁶. Если знание неизменной природы «не вполне отчетливо» или «непередаваемо» (Берлин 2002: 582), то к мудрости Берлина не плывут нарративы-титаники, способные осилить дистанцию между ею и нашей мыслью. Берлин-лиса предлагает «подвесить» мудрость, оставить в ее расплывчатом виде, как она видится нам издали – с берега, не так уж далекого от вида философской гавани, но бесконечно далекого от ее последнего спокойствия.

Теперь мы можем сказать, что именно плавание представляет главную ставку споров ежей и лисиц. И оба зверя могут сойти со своего пути, не придав теме плавания должного значения. Различаясь в стремлении связать цели и нарративы, еж и лиса рискуют двумя противоположными ошибками.

¹⁶ Хотя «принципы не становятся менее священны от того, что срок их жизни нельзя гарантировать», они рассматриваются обособленно от универалистских обоснований и «всеохватывающих систем», ранее по тексту признанных недостаточно «человеческими», то есть чуждыми «непредсказуемо самоизменяющейся» человеческой природе (Берлин 1992: 301).

ми: замаскировать отсутствие достаточной связи между нарративами и целями (забыть, что цель еще не достигнута) или, напротив, скрыть от себя значение самого отказа искать эту связь. Чтобы понять две эти философских ошибки, следует разобраться в их причинах, забравшись еще глубже в разум двух философских зверей. Для этого мы обратимся к Делезу, позволяющему от внешнего описания образов перейти к их предполагаемому внутреннему содержанию.

Философская гавань и две делезианские стратегии самоутверждения

В тексте «Представление Захер-Мазоха» Делез предлагает нам два ярких образа, садиста и мазохиста. Интересуют, его, впрочем, не реальные перверты, а две нарративные стратегии (восходящие к де Саду и Мазоху), по-разному обосновывающие действительность. Отказываясь сводить эти стратегии к единой садо-мазохистской логике, (чтобы не делать один из элементов первичным и активным, а второй – пассивным¹⁷), Делез предполагает, что каждая стратегия по-своему связана с понятием власти и утверждения. На что они претендуют и какие желания выражают?

В основе делезианской интерпретации лежит идея из «По ту сторону принципа удовольствия» Фрейда: если даже вся наша сознательная (и бессознательная) жизнь сводится к принципу удовольствия со всеми его издержками, необходим некий остаток по ту сторону принципа удовольствия, который делал бы этот принцип возможным *как принцип*¹⁸. Этот остаток – влечение к смерти, который невозможно обнаружить простым анализом или дескрипцией, а лишь перверсивной нарративной стратегией.

Делезианский садист желает не столько причинить боль, сколько достичь некой точки абсолютного отрицания мира, соответствующей фрейдовской точке влечения к смерти. Это отрицание не существует «внутри» субъекта, а потому разные практики саморефлексии или самосозерцания оказываются бесполезны. Отрицание достигается садистом путем изложения цепи доказательств и обоснований, где важна сама форма доказательства, безразлично к тому, что именно доказывается и будут ли доказательства достаточно убедительны для того, кого они призваны убедить. Положение доказывающего и обосновывающего дает садисту особенную

¹⁷ «Пассивность» для Делеза означает «невыразительность», а в природе выразимо все. Поэтому часть его философской стратегии – раскрывать всякую мнимую «пассивность» с ее активной стороны.

¹⁸ Речь об аргументе такого рода: 1) вся реальность подчинена принципу удовольствия; 2) раз мы понимаем, что реальность ему подчинена, то должно быть нечто, что позволяет нам схватить этот принцип, т.е. альтернативный принцип; 3) этот принцип есть влечение к смерти 4) который отождествляется на уровне садиста с «абсолютным отрицанием» мира, точкой, в которой мы желаем уничтожить все существующее без права на восстановление 5) которое достигается путем практик аргументирования ради аргументирования, «рассуждения-насилия». Процесс обоснования (чего-угодно) для садиста становится условием осознания реальности как стабильной, понятной реальности.

власть над происходящим, власть деструктивную и освобождающую, где, вновь и вновь ссылаясь на некий порядок Природы и мира, садист развязывает собственные руки к очередному преступлению¹⁹.

Делез раскрывает эту идею через разделение двух природ у де Сада: первая природа и есть «абсолютное отрицание» без нового порождения, некая желаемая садистом позиция источника чистого разрушения. Вторая природа – это общий гармонический порядок, где всякое разрушение ведет к образованию новых вещей. Под природой здесь имеется ввиду скрытый порядок вещей или общий принцип мира. Обе природы у де Сада деструктивны. Разница лишь в том, что в рамках второй природы деструктивность циклична, а не окончательна. Обычно герои де Сада отсылают ко второй природе в своей аргументации, но их подлинная цель, согласно Делезу, лишь в абсолютном разрушении. В этом разрушении отрицание мира смешивается с подлинным самовыражением садиста, который этот мир превосходит, уничтожив его до основания²⁰. Однако уничтожение существующего мира на практике ведет не столько к исчезновению вещей, сколько к их пересборке, переопределению отдельных границ между вещами. Стремясь к первой природе, садист всякий раз обнаруживает себя заложником второй, т.е. заложником циклического возвращения вещей.

Мазохист Мазоха также хочет достичь словесным образом того, что нельзя обнаружить в собственном сознании рефлексивно, и также идет на преступление против «второй природы», хоть и заимствует из привычного порядка вещей более приятные метафоры и образы, чем садист²¹. Но ключевым средством мазохиста навязать свои представления о реальности окружающим становится *договор*. С одной стороны, договор нужен, когда естественный порядок вещей перестал работать или чем-то не устраивает нас; с другой, он помогает избежать справедливого наказания за желание ускользнуть от этого порядка²². «Реальность» и материя договора сформирована самим мазохистом. Именно он требует от своего «палача» тех или иных форм поведения и наказания; и само наказание приобретает извращенный статус условия для возможного удовольствия.

¹⁹ «Само рассуждение есть насилие... его место, со всей его строгостью, – на стороне насильников» (Делез 1992: 195).

²⁰ Любопытно, что в рамках этого уничтожения садист отождествляется с фрейдовским *Сверх-Я*, т.е. с неким абсолютным принципом долженствования, который претендует на то, что он важнее актуально происходящего. И если это верно, то садист отказывается от собственного Я, поскольку оно остается частью мира, который необходимо преодолеть. Из этого следуют и мнимые мазохистские практики героев де Сада, имеющие принципиально иной источник (желание разрушения), чем у настоящих мазохистов, что мы увидим далее.

²¹ Так, де Сад в основном пишет о проститутках, злодеях, жестокостях и убийствах, в то время как рассказы Мазоха зачастую миловидны и маскируются под детские сказки.

²² Таким образом, мазохист отождествляется с функцией Я, стремясь избежать как безумия Оно, так и ответственности перед *Сверх-Я*. Мазохист оказывается тем, чье Я наиболее разбухает в рамках проживаемой им перверсии; и разбухает оно, наполняясь бесконечными нарративами.

Мазохист, в отличие от садиста, не оказывается заложником собственной нарративной практики. Если садист претендует на власть нарратива над всем и каждым, то мазохист сконцентрирован на своей фигуре. Мазохист «подвешивает»²³ настоящее, концентрируясь на собственном фантазме, где правильно подготовленные (договором) окружающие люди делают этот фантазм для мазохиста возможным²⁴. Можно даже сказать, что именно окружающие оказываются заложниками нарративных практик мазохиста. Садист претендует на людские тела, и на короткий срок, мазохист – на обладание душами своих жертв, и на неограниченное время. Договор, в отличие от доказательства, подразумевает согласие второй стороны: то есть объектом усилий мазохиста становится сама «добрая воля» другого.

Рассмотрение подлинных целей садиста и мазохиста для Делеза связано с их положением относительно проблематики обоснования бытия, причем здесь важен не только онтологический²⁵, но и этический аспект взаимодействия человека с бытием. Садизм мыслится как возможность достижения той точки абсолютного отрицания, что делает обоснованной саму реальность. Садистские доказательства, как и видение садистом своей финальной цели (достижение точки отрицания мира), могут быть иллюзорными; но садист стремится реализовать их в собственной практике, на собственном теле, прожить их и изничтожить, если они не выдержат подобной проверки. Он ориентирован на чистое настоящее – желает актуально недостижимого, а именно совпадения реальности и того, что делает ее возможной – достижения философской мечты, где действительность имеет основание в чем-то, имеющем прямое отношение именно к нему – к речи, с который садист себя, в конечном счете, отождествляет. Мазохист, напротив, откладывая реальность в сторону путем договора, желает заниматься многочисленными следствиями тех нарративов, что находит вокруг себя. Ставя реальность за скобки, он наполняет договорное пространство разнообразными предпосылками и последствиями, заполняя настоящее ожиданием, откладывая встречу реальности и ее основания, оставаясь в плену их томительной близости: созерцая, а не промысливая²⁶, соприкасаясь

²³ «Форма мазохизма – это ожидание. Мазохист – это тот, кто переживает ожидание в чистом виде» (Делез 1992: 250).

²⁴ Для примера, можно сказать, что для академического философа востребованной часто будет именно мазохистская позиция: она дает объяснение его действий – «я занимаюсь тем, чем занимаюсь, потому что так принято и мне это нравится» (можно даже без «нравится»). Ссылка не на некую цель занятия, а на сложившиеся договорные практики, защищает его от потенциального внимания недовольного ежа.

²⁵ Бадью посвятил отдельную работу разбору проблематики бытия у Делеза (Бадью 2004), однако, как и многие интерпретаторы Делеза, упустил этический аспект взаимоотношения с бытием одного «исключения», которое соотносится с бытием иным образом, нежели все другие вещи – речь о человеке (Делез 2014: 9).

²⁶ Отметим, что в рамках второго тома «Кино» Делез постоянно подчеркивает, что образ-время становится главной темой кино по причине «крушения сенсорной схемы», т.е. крушения представления, что герой должен постоянно превосходить ситуацию, навязывая ей свой образ мысли; многие «персонажи» внутри

со своей мечтой «сверхчувственно», а не интеллектуально. Если в «реальности» нарративы пересекаются и уничтожают друг друга, постоянно распределяя между собой ареалы обитания, в фантазме мазохиста они могли бы существовать полноценно и одновременно, произвольно мутируя в огороженных заранее рамках, предоставляя себя в распоряжение мазохистской фантазии и освобождая место созерцанию происходящего²⁷.

Обе стратегии делают возможным само проживание реальности, которая мыслится как нечто удивительное, требующее дополнительного усилия словесного рода (обоснование или договор). Теперь проясняется желаемое место первертов в их картине мира. Задача садиста – постоянно отрицать мир и изобретать все новые доказательные цепи, в попытках достичь той точки, что делает возможным обоснование существующей реальности; задача мазохиста – быть своеобразным зрителем, который не дает ни одному нарративу воплотиться в полной мере (в какой этот нарратив сумел бы исключить существование других нарративов).

Делезианские персонажи находят значимое место в нашей корабельной метафоре. Садист оказывается радикальным «ежом» – он стремится к последнему острову, абсолютному счастью, которое он мыслит через отрицание внешней действительности. Мазохист, напротив, поступает с лисей хитростью – он отклоняет первоначальную цель в пользу целого сада из нерабочих (по критериям ежа)²⁸ кораблей, мира фантазмов, где ни один корабль не претендует на звание лучшего, но лишь занимает определенную долю острова. Лиса никуда не спешит; она развивает многочисленные следствия того богатства, что ей досталось от многочисленных моряков. Ее удовольствие актуально и постоянно; аффективно и чувственно, «сверхчувственно»²⁹ в том смысле, что она наслаждается нарративами, которые волюнтарно применяет без всякой спешки и специальной цели.

Как и берлиновский еж, еж-садист постоянно стремится собрать единый нарратив, найти решающее основание собственного движения – но он

различных киножанров, появившихся после Второй мировой войны, все чаще становятся «видящими, а не действующими», «не могут или не хотят реагировать» на актуальные ситуации, им важнее «увидеть» смысл ситуации. В общем и целом, это описание мазохистской картины мира, которую Делез воспроизводит в дальнейших своих работах (см.: Делез 2020: 386).

²⁷ В «Логике смысла», во многом развивающей «мазохистский» дискурс, Делез исследует эту одновременность существования противоречивых нарративов через понятие смысла. Смысл не находится ни в нарративах, ни в мире (вещах), а между ними (Делез 2015: 36), поверх реальности и поверх слов – для возникновения смысла необходимы условия, которые и задаются мазохистским договором.

²⁸ Лиса может сказать, что корабль выполняет те или иные промежуточные функции, но для последовательного ежа это все равно означает, что корабль не достиг цели, не исполнил главную философскую мечту о нарративном достижении мудрости. Если только последний нарратив возможен, всякий нарратив, не ставший таковым – «нерабочий».

²⁹ Употребление термина «сверхчувственного», перестающего быть строгой противоположностью чувственного, Делез поясняет в: (Делез 1992: 198).

не довольствуется конкретным нарративным единством, позволяющим ему замаять собственные сомнения и ощутить свою мысль последовательной, а снова и снова воспроизводит любимое удовольствие – момент возможного нахождения последнего основания.

Как и берлиновская лисица, лиса-мазохистка ищет возможности сочетания мыслей и целей, не сводя их притом друг к другу. Но она не успокаивается на пассивном признании, что ее текущие цели и мысли не собраны в нарративное единство, а сама способствует триумфу множества, максимального изобилия в саду несовместимых следствий из нарративов, затонувших или недоплывших кораблей.

Как это сходство (в той мере, в которой оно существует) позволяет прояснить обозначенные нами ранее угрозы самопознанию лисы и ежа? Мы уже предположили, что лиса и еж рискуют проявить недостаточную внимательность к самому связыванию нарративов и целей (плаванию), в отношении к которому они и обретают свое философское различие. У Делеза же мы можем увидеть, как движение к определенному порядку слов проявляется влечением к определенному рода удовольствию от реальности.

С помощью «ежа-садиста», находящего свое удовольствие в (зачастую неудачных) попытках обоснования существующей реальности, мы можем увидеть общую угрозу для ежиного мышления. Занимаясь ежедневным трудом пересборки кораблей-нарративов, еж все более осваивается в своем мастерстве; со временем он приловчится добавлять к очередному кораблю детали из всякого другого, не брезгуя смешивать самые противоречивые нарративы, создавая всякий раз очередной нарративный шедевр. Но конечная цель ежа рискует при этом мутировать: путешествие до блаженной гавани отойдет на второй план, будучи подмененным идеей совершенства собственного плотничьего (риторического) мастерства. Ведь вместо того, чтобы тщательно выбирать и исследовать отдельный нарратив, ежик вполне способен подчинить себя цели скорейшего выхода в открытое море – и какая здесь будет разница, достаточно ли уже изучено его собственное судно, хороша ли теория, с которой он отправляется в путешествие? «Нужно лишь попробовать – еще раз, и еще, сколько успеется; что-нибудь обязательно окажется успешным», – так может думать еж, увлеченный очередным своим нарративом. Это, в свою очередь, рискует размыть для него саму границу между кораблем и не-кораблем. Постоянно занимаясь доведением несовершенного нарратива до состояния совершенного, ежик становится той центральной фигурой, вокруг которой и образуется корабль; центром собственного нарратива, где весь мир предстанет одним большим судном, выстраивающимся у его ног. В конечном счете, «морем» можно назвать определенную часть новопостроенного корабля, и тогда с него не нужно будет даже и сходить: в нарратив можно встроить и конечную цель, как если бы мы уже ее достигли. Подменяя достижение изначальной цели строительством великого корабля, самодостаточного в своем существовании, такой еж уже почти обращается в лису, только без «параллаксного видения» последней.

Может показаться, что хитрая лиса избегает подобных рисков, отказываясь от самих притязаний на великое философское плавание. Ей вполне может хватать и ловкости ситуативно предлагать нарративы под конкретный случай *вместо* объяснений того, как они связаны с природой главных человеческих целей. Но, в качестве философа, и лиса может более или менее ясно сознавать основания своих действий. Отказ рассматривать нарратив как путь к высшей цели легко обращается в привычку подчеркнутого отделения нарративов от целей. Откладывая цели в сторону, лиса тем более рискует потерять различие между кораблем и не-кораблем, морем и сушей, а следом – само содержание своей философской позиции, критерии действий. Весь окружающий мир превращается в своеобразное кино, наполняясь равноценными призраками действительности, равно приемлемыми способами развлечения или приключения. Отказываясь испытывать нарратив приложением его к предполагаемым финальным целям, лиса упраздняет свою ответственность за то, что любое ее конкретное дело как-либо связано с ее взглядами на финальные цели (общие ли, коллективные или лично свои). Здесь нет явных проблем, если лиса заранее мыслит свои цели частными, и погружена в четкие внешние дисциплинарные рамки. Но если вопрос стоит философски – например, каковы вообще цели наших действий, как распознать главную из них, и в чем смысл сомневаться в самой возможности последнего нарратива, а не в этом сомнении? – сказать, что и почему должно стать альтернативой попыткам нарративного плаванья, должна, видимо, только сама лиса, если она действительно хочет быть философом.

Итак, если разделение форм мышления заключается в способе соотносить нарративы и цели, а основанием разделения служит разное представление о том, как с помощью языка утверждать себя в желанной точке реальности, и еж, и лисица имеют соблазны отклониться от того, что делают их мыслителями того или иного рода. Еж, тяготеющий к упорному утверждению какого-то нарратива в качестве законченной системы, рискует скрыть само плавание к философской цели средствами языка – подменить реальную цель, определявшую саму значимость его стремлений, ее обозначением изнутри нарратива.

Вместо этого делезианский «еж-садист» предлагает вернуться к некоей реальности моря и упиваться процессом создания очередного корабля, который мог бы отплыть от берега чуть дальше к реальной цели. (После нового крушения нужно снова ускориться, пробовать еще раз; и еще!) Продолжая искать подлинную точку истинного утверждения реальности, он может считаться продвинутой версией ежа, который свою иллюзию (склонность превратить «море» в часть корабля) понимает, но не принимает. Лиса-мазохистка также отвечает на вопрос о собственной роли в мире мышления – заменяя поиск оснований выводением следствий, постоянным созданием нового, формально ни к чему не обязывающего, но используемого в учреждении новых договоров.

И все же остановиться на этом – довольно неутешительное решение для философии. Аналитика перверсивной речи сама по себе не призвана

объяснить, как мыслит философ. Она лишь на крайнем примере раскрывает связь формы мышления с формой удовольствия от того или иного типа самоутверждения ограниченного в познании субъекта. Отдаваясь же всецело той логике удовольствия, которая проясняет изначальную предрасположенность к той или иной стратегии познания, и ежи, и лисы рискуют потерять в выбранном удовольствии саму избранную логику познания. Подобно тому, как слишком ревностный певец множества превращается в монотонного носителя одной истории, еж-садист-ритор, вечно ищущий новые способы поставить себя в положение доказывающего, неумолимо сближается в отношении познания с авантюристкой-лисой, испытывающей все новые возможности нарративов без конкретных от них ожиданий.

Если цель ежа остается философской, он не может, видимо, ни успокоиться на риторически замкнутом нарративе (темнота любимого клубка), ни ограничиться воспроизводством любимого удовольствия доказательства. Аналогично, если позиция лисы основана на том, что дискурсивное погружение в реальность невозможно, и ожидания от нарративов потому не должны быть завышены, философом она останется, лишь если будет не просто воспроизводить свое переживание многообразия или повторять, что множественность целей и нарративов существует как факт. Ее склонность сомневаться в больших нарративах не заставит ее заменить это сомнение окончательным решением в пользу прибрежного покоя, но побудит раскрыть само понимание ею познания.

Прояснив основные желания двух познавательных стратегий, следовало бы предложить некое решение, универсальное для обоих познавательных стилей.

С одной стороны, не позволив своим склонностям к самоутверждению определить целиком ответ на вопрос, что следует понимать под познанием, еж и лиса могут обнаружить, что в своей верности истине зависят от понимания притязаний друг друга. В конечном счете, нам всегда нужны и ежи-вдохновители, что упорно лезут в самые отдаленные участки неизведанного моря, принося с собою зачатки будущих великих традиций; и компиляторы, создающие из важнейших элементов исследований подобающую контекстуальную норму. Лиса, чуткий наблюдатель нарративных границ и разрывов, нужна ежу-философу как свидетель существования внешнего по отношению к его нарративу моря. В свою очередь еж создает условия возможности философской позиции лисы: без допущения, что еж может однажды оказаться и прав, лиса теряет саму возможность оценить некий элемент реальности как более значимый относительно других и даже просто распознать его.

С другой же стороны, философская созависимость ежа и лисицы оказывается настолько существенной, что, возможно, проблема их взаимодействия должна успешно решаться внутри мышления каждого состоятельного философа. Многие большие «ежиные» нарративы (наподобие гегелевского) так или иначе способны претендовать на рабочую модель – и все же, законченным мы бы могли посчитать именно такое исследование, которое

напрямую касалось бы должного отношения между формами самоутверждения и познания.

Продолжить делезианскую линию, в которой философская цель не мыслится в жестком противопоставлении с практиками самоутверждения, можно было бы, как ни странно, заново поставив вопрос об отвергнутом Делезом «садо-мазохистском» единстве. При этом осталось бы лишь как-то совместить пространство для различных невозможных нарративов с претензией главного нарратива на доказательность.

На этом пути уместно заметить, что даже самый ориентированный на последовательность философ сталкивается с множеством не только сугубо внешних суждений «здравого смысла» или общественной нормы, но и нарративов, лежавших в основании его собственного мышления на протяжении жизни. Эти нарративы не исчезают, как если бы набор мнений просто менялся на другой, они *изживают* себя как доказательные цепочки. И если только идеальный философ не просто подбирает наилучшую цепочку доводов для конкретного момента, разумно предположить, что обрывки прожитых нарративов (данных философу как невозможные во всей своей последовательности) все же остаются перед ним и в действующей доказательной цепи. Трансформированный подобным осознанием еж, оставаясь автором нарративного движения к финальной цели, утверждал бы и множество внешних мнений как пространство зачинов для очередной доказательной цепи, и свое личное множество прожитых невозможных сюжетов мысли – как свой способ уникального соприкосновения с миром.

Схожее движение к соединению форм самоутверждения можно было бы рассмотреть и со стороны мазохиста. Тогда критика делезианских ежей и лисиц заключалась бы не столько в том, что они смешивают философское познание и воспроизводство удовольствия, сколько в том, что понимают их однобоко, не вполне сознавая их глубинную связь с обратным «полюсом».

Вопреки этому, мы могли бы и дальше настаивать, что, осознав или допустив основание своих мыслительных привычек в желаемом самоутверждении, следует поставить совсем другой вопрос – как, зная возможные ловушки, вернуть мышление к самому себе и направить его на поиск философской истины? Если философская цель познания блага все же расходится даже с самой сложной формой самоутверждения, новую форму мышления следует искать уже за пределами делезианской методологии. Серьезное сопоставление такого типа решения с предыдущим может стать предметом отдельных исследований.

Заключение

В известном эссе «Еж и лисица» Исайя Берлин противопоставил две познавательных стратегии, применимых не только к отдельным научным сферам, но и к общему познанию человеком своего места в мире. Одна основана на стремлении к универсальному знанию, непоколебимому даже

в потоке различных событий, вторая же обращается к потоку и желает воспроизводить его наблюдаемое многообразие нередуктивно, в качестве множества, неопределенно сложного внутри себя. Хотя Берлин многие годы защищал множественность в философии, самому различению может недоставать должной конкретности. Запутанные упоминания Берлиным мудрости, обретающей то ежиные, то лисьи черты, представляются лишь частью смутности вопроса, что вообще считать стремлением к универсальности, а что – признанием многообразия.

В этой статье мы взяли избранный Берлиным пример Толстого, искавшего единой истины, но видевшего лишь многообразие как исходную точку философского выбора. При этом продуктивнее оказалось обратиться не напрямую к амбивалентному различению единства и множества, а к предполагаемой роли нарративов в достижении «мудрости» или благой жизни. Две формы мышления мы описали как две формы ожидаемого отношения между нарративами и высшими целями, проявляющиеся как формы господствующего сомнения – в самой возможности нарративного достижения мудрости, или, напротив, в неустрашимости преград к такому нарративному путешествию. Описание проблемы Берлина–Толстого в подобных терминах позволяет спросить далее о возможных источниках предпочтения той или иной формы сомнения; что мы предложили сделать с помощью неожиданного источника – анализа фигур наслаждения садизма и мазохизма Жилем Делезом.

Помогая увидеть, как за фундаментальными взглядами на назначение нарративов стоят разные способы средствами языка утверждать себя в желанной точке реальности, Делез одновременно дает почву для вопроса: можно ли – осознав на радикальном примере перверсивных стратегий степень связи формы познания с мотивами самоутверждения – переориентировать познание в сторону философских целей?

Связывая исследовательские установки (поиск универсальности или воспроизведение множества) с природой индивидуального самоутверждения (путем доказательства или договора), мы постарались описать некоторые естественные (в силу логики самоутверждения) познавательные иллюзии для ежей и лис. Их корнем мы считаем склонность тех и других к разрешенному сомнению. Если сомнение, будучи подлинным основанием различения, превращается в окончательное *решение*, отклонение ежа и лисицы от философских целей становится, как мы предполагаем в статье, неизбежным. Напротив, удержание себя от соответствующего решения оказывается способом ежа и лисицы более тонко осмыслить собственное отношение к познанию и взаимосвязь возможных философских притязаний.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Августин. 2000. О блаженной жизни // Блаженный Августин. Творения : в 4 т. Изд. 2-е. Санкт-Петербург : Алетейя ; Киев : УЦИММ-пресс. Т. 1. С. 86–113.
- Бадью А. 2004. Делез «Шум бытия». Москва : Фонд науч. исслед. «Прагматика культуры» : Логос-Альтера. 185 с.

Берлин И. 1992. Четыре эссе о свободе. London : Overseas publ. interchange. 394 с.

Берлин И. 2002. Еж и лисица : (Об исторических взглядах Льва Толстого) // Берлин И. Подлинная цель познания. Москва : Канон+ ОИ «Реабилитация». С. 513–595.

Делез Ж. 1992. Представление Захер-Мазоха // Захер-Мазох Л. фон. Венера в мехах / предисл. Ж. Делеза. Москва : РИК «Культура». С. 189–313.

Делез Ж. 2014. Спиноза и проблема выражения. Москва : Ин-т общегуманит. исслед. 314 с.

Делез Ж. 2015. Логика смысла. Москва : Академ. проект. 472 с.

Делез Ж. 2020. Кино 2. Образ-время // Делез Ж. Кино. Москва : Ад Маргинем Пресс. С. 289–615.

Кьеркегор С. 2016. Девять бесед 1843 года. Москва : Рекорд. 322 с.

Монтескье Ш. 1999. О духе законов. Москва : Мысль. 672 с.

Павлов А. 2018. Параллаксы: к определению предмета и границ социальной философии // Социологическое обозрение Т. 17, № 3. С. 149–172. DOI 10.17323/1728-192X-2018-3-149-17

Уваров П. 2015. Между «ежами» и «лисами». Заметки об историках. Москва : Новое лит. обозрение. 280 с. (Науч. прилож. ; вып. 134).

Tetlock P. 2005. Expert Political Judgment: How Good Is It? How Can We Know? Rev. Princeton : Princeton Univ. Press. 321 p.

References

Aurelius Augustinus. The Happy Life, *Blazhennyi Avgustin. Tvoreniya* : v 4 t., 2nd ed., St. Petersburg, Aleteyya, Kiev, UTsIMM-press, 2000, vol. 1, pp. 86–113. (in Russ.).

Badiou A. *Deleuze. "The Noise of Being"*, Moscow, Fond nauchnykh issledovaniy «Pragmatika kul'tury», Logos-Al'tera, 2004, 185 p. (in Russ.).

Berlin I. *Four essays on liberty*, London, Overseas publ. interchange, 1992, 394 p. (in Russ.).

Berlin I. The Hedgehog and the Fox: An Essay on Tolstoy's View of History, *Berlin I. Podlinnaya tsel' poznaniya*, Moscow, Kanon+ OI «Reabilitatsiya», 2002, pp. 513–595. (in Russ.).

Deleuze G. Cinema 2: The Time-Image, *Delez Zh. Kino*, Moscow, Ad Marginem Press, 2020, pp. 289–615. (in Russ.).

Deleuze G. *Expressionism in Philosophy: Spinoza*, Moscow, Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy, 2014, 314 p. (in Russ.).

Deleuze G. Masochism: Coldness and Cruelty, *Zakher-Mazokh L. fon. Venera v mekhakh*, Moscow, RIK «Kul'tura», 1992, pp. 189–313. (in Russ.).

Deleuze G. *The Logic of Sense*, Moscow, Akademicheskii Proekt, 2015, 472 p. (in Russ.).

Kierkegaard S. *Nine conversations in 1843*, Moscow, Rekord, 2016, 322 p. (in Russ.).

Montesquieu Ch.L. de. *The Spirit of Law*, Moscow, Mysl', 1999, 672 p. (in Russ.).

Pavlov A. The Parallaxes of the Fox: Towards Definition of the Subject and Status of Social Philosophy, *Russian Sociological Review*, 2018, vol. 17, no. 3, pp. 149–172. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-3-149-17> (in Russ.).

Uvarov P. *Mezhdru «ezhami» i «lisami». Zametki ob istorikakh* [Between “hedgehogs” and “foxes”. Notes on historians], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2015, 280 p. (in Russ.).

Tetlock P. *Expert Political Judgment: How Good Is It? How Can We Know?* Rev., Princeton, Princeton Univ. Press, 2005, 321 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Александр Авионирович Мельников

аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Россия;

ORCID: 0000-0001-9782-2390;

E-mail: aamelnikov@hse.ru

Борис Борисович Поздняков

аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Россия;

ORCID: 0000-0003-0386-7729;

E-mail: deka.dekada@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander Avionirovich Melnikov

PhD student in Social and Political Philosophy,
National Research University Higher School
of Economics (HSE University),

Moscow, Russia;

ORCID: 0000-0001-9782-2390;

E-mail: aamelnikov@hse.ru

Boris Borisovich Pozdnyakov

PhD student in Social and Political Philosophy,
National Research University Higher School
of Economics (HSE University),

Moscow, Russia;

ORCID: 0000-0003-0386-7729;

E-mail: deka.dekada@mail.ru

Чекрыгин О.В., Надеина Д.А., Мезенцев И.В.
Платоническое учение о Едином, многом и космосе в контексте современной философии математики // Антиномии. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 54-72. https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_1_54

УДК 111.1

DOI 10.17506/26867206_2025_25_1_54

Платоническое учение о Едином, многом и космосе в контексте современной философии математики

Олег Всеволодович Чекрыгин

независимый исследователь

г. Москва, Россия

E-mail: ocheck@bk.ru

Дарья Александровна Надеина

Институт философии

Санкт-Петербургского государственного университета

г. Москва, Россия

E-mail: bogoslovblog@gmail.com

Иван Валерьевич Мезенцев

независимый исследователь

г. Владивосток, Россия

E-mail: mezivan@yandex.ru

*Поступила в редакцию 27.02.2024, поступила после рецензирования 26.09.2024,
принята к публикации 25.02.2025*

В данной статье авторы анализируют единство как фундаментальный принцип платонической философии с точки зрения оснований современной математики и выявляют его внутренние ограничения. Показываются древние натурфилософские истоки и античный контекст платонического восприятия числа, которые оказали влияние на платоновскую концепцию Единого-многого и предопределили ее проблемные аспекты. Последние, в свою очередь, в дальнейшем сохранились в христианизированном платонизме (Ареопагитики и зависящая от них традиция), на основе которого ортодоксальная теология получила свое классическое теоретическое оформление. Авторы считают, что проведенный анализ является дополнением (1) к хайдеггеровской критике платоновской онтологии, (2) к постметафизическому дискурсу в теологии, а также к (3) традиции применения математических методов анализа в разработке богословско-философской проблематики (например, англо-американская аналитическая философия). Цель работы – охарактеризовать

© Чекрыгин О.В., Надеина Д.А., Мезенцев И.В., 2025

фундаментальную проблему космогонии, базирующейся на платонической концепции, представленной в диалоге «Парменид» с применением математического анализа. Задачи: 1) доказать актуальность и важность математического подхода к анализу систем классической европейской философии (в том числе в богословском контексте); 2) дать краткую характеристику платонической концепции Абсолюта; 3) выявить проблемные аспекты платонической концепции Абсолюта в контексте оснований математики; 4) рассмотреть платоническую концепцию Абсолюта в контексте принципа непрерывности единства.

Ключевые слова: Платон; платонизм; Единое; многое; число; непрерывность; Парменид; философия математики

The Platonic Theory of the One, the Many, and the Cosmos within Contemporary Philosophy of Mathematic

Oleg V. Chekrygin

independent researcher

Moscow, Russia

E-mail: ochek@bk.ru

Daria A. Nadeina

Institute of Philosophy, St. Petersburg State University

Moscow, Russia

E-mail: bogoslovblog@gmail.com

Ivan V. Mezentsev

independent researcher

Vladivostok, Russia

E-mail: mezivan@yandex.ru

Received 27.02.2024, revised 26.09.2024, accepted 25.02.2025

Abstract. In this article, the authors analyze unity as a fundamental principle of Platonic philosophy from in relation to the foundations of modern mathematics, identifying its inherent limitations. They explore the ancient natural philosophical sources and the historical context of the Platonic understanding of number, which shaped the Platonic concept of the One and the Many, revealing its problematic aspects. These issues were subsequently preserved in Christianized Platonism (notably in the Areopagitica and its dependent traditions), which provided an orthodox theology with its classical theoretical framework. The authors believe that this analysis complements (1) Heidegger's critique of Platonic ontology; (2) post-metaphysical discourse in theology; and (3) the tradition of employing mathematical analysis to address theological and philosophical problems, particularly with Anglo-American analytical philosophy. The purpose of this work is to characterize the fundamental problem of cosmogony based on the Platonic concept presented in the dialogue Parmenides through mathematical analysis. The specific objectives are: 1) to prove the relevance and significance of the mathematical approach to analyzing classical European philosophical systems, including their theological implications; 2) to provide a brief overview of the Platonic concept of the Absolute; 3) to identify problematic aspects of this

concept within the context of mathematical foundations; 4) and to examine the Platonic notion of the Absolute concerning the principles of continuity in unity.

Keywords: Plato; platonism; One; Many; number; continuity; Parmenides; philosophy of mathematics

For citation: Chekrygin O.V., Nadeina D.A., Mezentssev I.V. The Platonic Theory of the One, the Many, and the Cosmos within Contemporary Philosophy of Mathematic, *Antinomies*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 54-72. (in Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_1_54

Введение

Представление о Боге как Едином Сверхсущем Абсолюте является основанием, на котором построены космогония и космология многих религиозных и философских систем: платонических, гностических, индуистских, каббалистических, а также доктрин исторического христианства. Учение о Едином Первоначале всего сущего выступает фундаментом как пантеистических, так и теистических систем¹.

Разработка концепции Единого, представленная в диалоге Платона «Парменид», оказала огромное влияние на историю европейской философии и христианской ортодоксии: «Первая гипотеза “Парменида” – источник и образец всей *апофатической теологии*, от *Прокла* и *Псевдо-Дионисия Ареопагита* до немецких мистиков. Всякое слово об абсолюте как таковом может быть только отрицанием. То, что по ту сторону мира, не является ничем из этого мира, есть с точки зрения мира ничто» (Бородай 2010: 204). Анализ онтологии платонизма, таким образом, является необходимой ступенью к анализу теологических проблем².

В данной статье космологические выводы, следующие из диалога «Парменид», будут рассмотрены в контексте современной философии математики, а также историко-культурных особенностей отношения к математическому знанию во времена написания этого диалога. Прежде чем перейти к изложению собственно анализа, необходимо ответить на несколько вопросов:

1) Имеем ли мы право критиковать древний платонизм (в котором философия была тесно связана с математикой) с современных математических позиций?

¹ «Для философии понятие единства столь же важно, как и понятие бытия... <...> ...уже в Античности понятия бытия и единства порой употреблялись как взаимозаменяемые, поскольку бытие как первоначало рассматривалось как нечто простое, т.е. неделимое, а потому единое. <...> У элеатов понятия единого и сущего употребляются как синонимы; согласно Пармениду, бытие едино, а множественность есть небытие...» (Гайденко 2000: 14).

² В настоящей работе речь будет идти об основоположениях платонической философии преимущественно в аспекте их влияния, прежде всего, на доктрины исторического христианства, однако выводы статьи применимы к анализу тех нехристианских систем, которые испытали влияние платонизма (ислам и иудаизм), а также (с определенными уточнениями) к монистическим и теистическим тенденциям за пределами авраамических традиций.

2) Есть ли какой-то положительный научный эффект от подобного рода критики?

3) Актуален ли платонический подход к осмыслению мироздания в наши дни?

1) Отвечая на первый вопрос положительно, стоит напомнить высказывание А.Н. Уайтхеда, который говорил о том, что «наиболее надежной общей характеристикой европейской философской традиции является то, что она состоит из серии сносок (заметок, примечаний) к Платону» (Whitehead 1979: 39; здесь и далее перевод наш. – *Авт.*)³. Обращение к Платону с критическим анализом нормативно для европейской интеллектуальной культуры в целом и сохраняет свою актуальность в наши дни.

2) Представленный подход не только показывает недостатки древних концепций, но, напротив, актуализирует их в наши дни. Парадигмальные недочеты устаревших натурфилософских схем способны предостеречь современников от аналогичных ошибок, вскрывают историческую логику развития науки, показывают гносеологические проблемы и т.д.

3) Платонический подход к пониманию космоса, как ни странно, все еще сохраняет свою живучесть. Можно выделить три ракурса этой актуальности:

а) платоническое влияние на представителей европейской культуры сохраняется на довольно глубоком уровне и осуществляется в «фоновом» режиме при осмыслении таких метафизических понятий, как Бог, душа и т.д.;

б) актуальной платоническая космология в наши дни остается в рамках религиозных систем, которые зависят от античного наследия и которые в свое время не только вобрали в себя понятийно-терминологический аппарат языческой философии, но также и сакрализовали элементы платонической натурфилософии и метафизики, «консервируя» их на протяжении столетий и актуализируя их, например, для представителей церковной ортодоксии;

в) платонизм активно продолжает обсуждаться в рамках современной физики и математики⁴.

Также в этом контексте нельзя забывать о том, что применение математических аналогий в разработке проблем богословско-философского плана представляет собой довольно древнюю традицию, начиная с пифагорейцев. Впоследствии математические и геометрические экспликации (уточнение понятий и утверждений научного языка с помощью средств символической логики) активно применялись христианами богословами и религиозными философами. Примером в этом плане является Николай Кузанский, которому принадлежит такое высказывание: «Вступая на предложенный древними путь, скажем вместе с ними, что если приступить

³ В оригинале: «...the safest general characterization of the European philosophical tradition is that it consists of a series of footnotes to Plato».

⁴ Platonism in the Philosophy of Mathematics. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/platonism-mathematics/> (дата обращения: 15.01.2024).

к божественному нам дано только через символы, то всего удобнее воспользоваться математическими знаками *из-за их непреходящей достоверности*» (Николай Кузанский 1979: 66; курсив наш. – Авт.). С. Кражевски, говоря о богословии Кузанца, пишет: «Математические модели в теологии можно рассматривать как результат использования логики для построения сложных метафор... Математические модели, представляющие религиозные вопросы, можно рассматривать как крайние примеры теологических метафор логического типа» (Krajewski 2019: 1007)⁵.

Известный систематизатор христианского богословия эпохи Вселенских соборов преп. Иоанн Дамаскин говорил: «Математика есть познание того, что само по себе бестелесно, но созерцается в теле» (Иоанн Дамаскин 1913: 52)⁶. Давно была подмечена близость математических и философско-теологических устремлений к фундаментальным основаниям окружающей нас действительности: «Имея дело с чистыми абстракциями нашего ума, математика отрывает нас от мира видимого и чувственного и возвышает к идеальной и бестелесной реальности. По этой причине математические аналогии, наименее обремененные земными ассоциациями, наиболее пригодны для иллюстрации вопросов богословия»⁷.

Из известных опытов математизации богословских вопросов стоит выделить доказательство бытия Бога К. Гёделя (Лобовиков 2017). Математические элементы активно вводятся в разработку философско-богословских проблем за рубежом: «В англо-американской философии оно выражается в том числе во введении в тексты *множества математических формул*, которые призваны доказать “полную научность” публикации...» (Шохин 2010: 248; курсив наш. – Авт.)⁸. В то же время, по указанию В.К. Шохина, можно обнаружить сходство между аналитической философией и исторической схоластикой, которое заключается в том, что и те, и другие «считают своим идеалом достижение полной проясненности своих утверждений» (Шохин 2010: 49).

Несмотря на наличие отдельных публикаций, мы вынуждены констатировать, что современная отечественная гуманитаристика в существенной

⁵ В оригинале: «Mathematical models in theology can be seen as a result of the use of logic for constructing elaborate metaphors... Mathematical models representing religious issues can be seen as extreme examples of theological metaphors of a logical variety».

⁶ Иоанн говорит о том, что истинной философией является любовь к Богу. Философия же в его схеме разделяется на теоретическую и практическую части; теоретическая, в свою очередь, состоит из богословия, физиологии (в значении натурфилософии) и математики. Математика для Дамаскина разделяется на арифметику, музыку, геометрию и астрономию. При всем том, что, конечно, математика Иоанна Дамаскина очень далека от современного ее аналога, на примере фундаментальной для истории христианской ортодоксии работы этого богослова мы видим, что математика так или иначе встраивается в «Точное изложение православной веры».

⁷ Калинин Я., диак. Синергия науки и богословия: опыт аналогии. URL: <https://bogoslov.ru/article/589962> (дата обращения: 15.01.2024).

⁸ Опыты применения математического анализа в рамках богословско-философской проблематики представлены, в частности, здесь: (Крейг, Морленд 2014).

степени отстает от зарубежной традиции анализа богословско-философских с привлечением математики (а также истории и философии математики) и недостаточно активно интересуется возможностями данного подхода: «Такая парадоксальная ситуация – сложная *логическая проблема* философской теологии, решение которой имеет большое значение для фундаментальных научно-теоретических исследований в области религиоведения, но, к сожалению, в наше время ее обсуждение застряло в традиционном гуманитарном философствовании на уровне чисто естественного языка без *систематического использования средств современной символической логики*. Участники дискуссии уверяют в своей правоте чисто гуманитарными средствами, вместо того чтобы представить *точные формулировки и строгие доказательства* своих тезисов» (Лобовиков 2020: 170; курсив наш. – Авт.).

Краткая характеристика платонической концепции Абсолюта и ее достоинства

Для начала рассмотрим саму логику гипотез «Парменида», примененную Платоном в одноименном диалоге. Сделать это будет удобнее всего, обратившись к интерпретации выдающегося советского мыслителя А.Ф. Лосева (Лосев 1993). Проследим ход его рассуждений.

Итак, гипотезы Парменида, их восемь:

I. Полагание одного (137c–160b).

A. Выводы для одного (138c–157b):

- a) при абсолютном полагании одного (137c–142b) и
- b) при относительном полагании одного (142b–157b).

B. Выводы для иного (157b–160b):

- a) при относительном полагании одного (157b–159b) и
- b) при абсолютном полагании одного (159b–160b).

II. Отрицание одного (160b–166c).

A. Выводы для одного (160b–164b):

- a) при относительном отрицании одного (160b–163b) и
- b) при абсолютном отрицании одного (163b–164b).

B. Выводы для иного (164b–166c):

- a) при относительном отрицании одного (164b–165e) и
- b) при абсолютном отрицании одного (165b–166c).

Первые две гипотезы в интерпретации Лосева выдвигаются Парменидом касательно самой сущности Единого.

Первая гипотеза

«...если есть единое, то может ли это единое быть многим?» (Εἰεν δὴ, φάναι· <εἰ ἓν ἐστίν>, ἄλλο τι οὐκ ἂν εἴη πολλὰ τὸ ἓν.)

Что собой представляют «выводы для одного при абсолютном полагании одного»? Согласно разъяснению Лосева, «1. Кратко: если (существует) только одно и больше ничего нет, то не существует и этого одного» (Лосев 1993: 500). То есть из первой гипотезы следует, что небытие (сверхбытие) Единого, его или тотальное несуществование (Бога нет), или отсутствие его в бытии (что из бытия неразлично), неизбежно приводит к исчезновению

всего сущего. Иначе говоря, без Сверхсущего, проявленного в бытии, которое само по себе непостижимо и недостижимо⁹, но обнаруживается через свое проявление в бытии, как Сущее, мир не существует, сам исчезая из бытия (εἶναι)¹⁰. Получается, что для существования мира Бог как Сверхсущий Первопринцип бытия всего сущего должен быть, «без Него ничто не начало быть, что начало быть» (Ин.1:3)¹¹.

Вторая гипотеза

«Итак, должно существовать бытие единого (ἡ οὐσία τοῦ ἐνὸς), не тождественное с единым, ибо иначе это бытие не было бы бытием единого, и единое в нем не участвовало бы, но было бы все равно сказать: “единое существует” и “единое едино” (ἐν τε εἶναι καὶ ἐν ἑν)...».

Вторая гипотеза «при относительном полагании одного (142b–157b)» в изложении А.Ф. Лосева, «выводы для одного... при относительном полагании одного»: «Если что-нибудь одно действительно существует, это значит, что существует все»; «относительное полагание одного, когда одно трактуется не просто как одно, но как существующее (или сущее) одно. В этом случае одно уже отличается чем-то от (своего. – *Авт.*) бытия, раз мы говорим, что оно именно “есть”» (Лосев 1993: 500). «Единое – есть» (ἐν ἐστίν) говорит нам о том, что Единое осуществляет себя в бытии, став Сущим (и – условно – начав быть) как проявление Единого Сверхсущего, образно говоря, «снизшедшего» в бытие.

Итак, «единое существует». Тот факт, что существующее единое состоит из частей, обосновывается попросту тем, что к нему должны одновременно относиться как бытие, так и единое. Эти два составляют его разные части, по-

⁹ «...Единое, если оно существует, не является единым; если же оно не существует, то для его определения не подходит ни одно слово... <...> ...потому-то даже и в отрицании оно непостижимо» (Дамаский 2000: 13, 46).

¹⁰ По сути, бытие можно представить себе как возможность быть, существовать, быть сущим – само бытие при этом сущим не является, но является своего рода пустым множеством, пунктом обнаружения Сверхсущего Сущим в бытии. Сверхсущее как Бог-Первопринцип, содержащий в себе ВСЕ, безусловно, содержит в себе самом и бытие как возможность своей Сверх свободы «быть, не быть, быть собою или иным себе. «Именно с возникновения теории идей Платона начинается процесс забвения бытия, понятие истины как несокрытости затемняется пониманием истины как соответствия правильному представлению (идее), утверждает Хайдеггер. Вместо того, чтобы от сущего взойти к бытию сущего, говорит он, Платон лишь удваивает сущее, т.е. бытие у него выступает лишь сущим иного рода – идеями. Идеи суть то, что делает сущее сущим. Для Хайдеггера бытие – это то, что делает сущее сущим, но само оно *сущим не является*, поэтому, когда сущее объясняется, исходя из другого сущего, а не из его бытия, бытие утрачивается...» (Голбан 2011: 282).

¹¹ «Представим себе принцип единства, который настолько полностью превосходит всякую множественность, что отвергает всякий предикат, и даже предикат существования. Этот принцип никогда не движется и не пребывает в покое, не находится во времени или в пространстве. Мы не можем о нем ничего сказать, даже то, что он тождественен самому себе или отличен от других вещей. И наряду с этим существует второй принцип единства, содержащий семена всех противоположностей, принцип, который, если мы однажды допустили его существование, продолжает бесконечно множить себя во вселенной существующих единиц» (Доддс 2009: 340).

сколько они не тождественны друг другу. Итак, существующее единое есть целое, состоящее из частей. Относительно каждой из этих частей сразу же делается вывод, что она также едина и также существует. Единое, входящее в состав существующего единого, не может «оставаться без бытия», а бытие – без единого. И таким образом, образуется беспредельность существующего единого. В самом деле, каждая его часть едина и существует. То есть она, подобно целому, включает и единое, и бытие, т.е. также состоит из двух частей. Но по поводу каждой из этих частей необходимо сказать то же самое. Процедура деления можно продолжать до бесконечности. Иными словами, допущение «единое существует» приводит к заключению, что существует также и беспредельное множество. Причем существует, т.е. причастна бытию, каждая часть этого множества. Существующее единое с необходимостью порождает число. Бытие едино, а единое есть, в бытии – так получается двойка. Вспомнив теперь, что каждый член найденных пар есть нечто одно, мы можем добавить это одно к любой из пар, образовав таким образом тройку и, соответственно, число три. В итоге вместе с понятием числа мы вновь получаем бесконечное множество, на этот раз как бесконечную последовательность чисел¹². Последнее есть «бесконечная множественность существующего», поскольку существование любого числа необходимо (Парменид. 144a): «Следовательно, если существует одно, то необходимо, чтобы существовало и число» (Εἰ ἄρα ἔστιν ἓν, ἀνάγκη καὶ ἀριθμὸν εἶναι.)

Итак, из одного-единственного допущения «единое существует» мы получили вывод, что существует бесконечное множество: «...единое, *раздробленное бытием*, представляет собой огромное и беспредельное множество» (Парменид. 144e; курсив наш. – Авт.). Бытие присуще каждому элементу этой бесконечной множественности, т.е. само раздроблено на бесконечное множество частей. Но точно также раздроблено и единое, присутствуя в каждой части бытия. Получается, следовательно, что единое перестает быть целым, а значит и единым. Участники диалога подводят промежуточный итог своего рассуждения так: «...существующее единое есть, надо полагать, одновременно и единое, и многое, и целое, и части, и ограниченное, и количественно бесконечное» (Парменид. 145a).

По сути, указанный ход мыслей Платона в интерпретации Лосева основан на том, что единство и единичность являются основным законом бытия, космоса, вселенной, материи и человека, фундаментальным принципом, пронизывающим все как основание упорядоченности мира: раз все сущее можно так или иначе соотносить с единицей, вывести из нее путем сравнения с ней всего иного ей, значит, единичность является отражением в мир божественного Единства по принципу уподобления конечной вещи идеальному образцу, что впоследствии будет разработано в неоплатонической традиции.

Следующие за первыми двумя еще шесть гипотез Парменида (они общеизвестны и потому не нуждаются в перечислении) предлагают, если

¹² Стоит учесть, что «в трудах Платона нет последовательной теории бесконечного, как математической, так и физической» (Зеннхаузер 2016: 104).

можно так выразиться, «механизм» снисхождения (и обратного восхождения) Единого по онтологическим уровням вплоть до уровня абсолютного небытия, его полного отрицания через бесконечное умножение бытийствующих сущностей, достижимым пределом которого, согласно неоплатонической космогонии, является ниспадение Единства в мир материальных вещей, вся бесконечная совокупность которых тем не менее соотносится с Единством Абсолюта через главный закон бытия – единичную обособленность каждой вещи в ее отдельности, и также через единство всего космоса в целом (единое во многом, многое в едином).

Говоря об интерпретаторах диалога «Парменид», необходимо отметить, что именно Плотин оказывается первым среди платоников, кто связывает учение о Едином, уме и душе с первыми тремя гипотезами: «Выше сущего стоит Первоединый... второе место после него занимает сущее и ум, а третье – душа» (Эннеады. V, I, 10). Основатель неоплатонизма сделал переход от первой гипотезы ко второй и третьей (у Платона первые три гипотезы находятся в позиции взаимного исключения)¹³.

Единому противостоит предел бескачественной материи – небытие, абсолютное ничто, из которого идеи «набирают» свою материальность, превращаясь в вещи. У Плотина материя получает следующую интерпретацию: «Материя – это бесплодный, бестелесный, ничем не обладающий, а также тождественный самому злу и лишению субстрат, который: 1) существует где-то в небытии; 2) существует только в возможности; 3) представляет собой, являясь ложью, тьмой и смертью, необходимо существующую (в силу эманации) наивысшую (то есть не имеющую ничего общего и наиболее удаленную) противоположность первопричины всего (то есть Единого-Блага)» (Нечаев 2023: 30).

Таким образом, согласно гипотезам Парменида образуется своеобразный замкнутый онтологический круг Бытия. Иное по отношению к Единому может быть абсолютным – это безъединичность, бескачественная материя; относительным, т.е. многим; и, наконец, относительным единым – Сущим. Абсолютное Единое, относительное Единое Сущее, многое сущее, безъединичность – таков порядок перехода Единого в свою противоположность и обратно.

Проблемные аспекты платонической концепции Абсолюта в контексте оснований математики

Однако логическая завершенность, а также – скажем прямо – красота и изящество, предельная лаконичность платонической модели не исключает возможности некоторых уточнений и даже возможного ее развития.

Обратим, прежде всего, внимание на ряд невольных предикатов и определений, без применения которых объяснить вневременную сверхбытийность не представляется возможным.

¹³ Волкова Н. Гигантомахия вокруг Единого. URL: <https://magisteria.ru/plotinus/gigantomachy> (дата обращения: 15.01.2024).

В первую очередь отметим сам предикат, присвоенный в гипотезах Парменида Сверхсущему как Единому – здесь нам придется вернуться на путь, который был характерен для человеческой мысли задолго до Платона. Например, еще в Древней Финикии стали распространены деньги как мера обмена: необходимость количественно отличать большее от меньшего привела к изобретению единицы и натурального счета по одному. Эта подмеченная возможность условно разделить множество вещей на отдельные единичные предметы была определена Платоном как самое общее свойство вещного мира¹⁴, материального космоса, присущее всему, и, следовательно, отражающее в себе самое общее высшее доступное для познания свойство Сверхсущего как Единого, главный Его эйдос, отраженный во всем бытии: «Важным моментом в платоновском обосновании числа как чисто мыслительного образования является положение о принципиальной *неделимости* единицы – неделимости *логической*, поскольку сама единица теперь мыслится как *логическое* начало» (Гайденко 1979: 122).

Наглядность натурального счета по одному была настолько очевидной, настолько неоспоримой, что человечество веками и тысячелетиями даже *не задумывалось над ее формальным обоснованием*, вслед за Платоном считая его прямым прозрением, откровением свыше. Обнаруживается эта тенденция уже в пифагореизме: «Пифагорейцы не ставили задачи логического обоснования всего того, что они усмотрели и открыли при анализе числа: видимо, потребность в таком обосновании назрела не сразу, а постепенно в силу ряда факторов – как внутритеоретических, так и общекультурных. Одним из внутритеоретических факторов было открытие несоизмеримости, нанесшее сильный удар пифагорейскому убеждению в том, что “все есть число”. Открытие отношений, не выражимых числами (греки считали числами только целые числа¹⁵), вызвало первый в истории кризис оснований математики и заставило рождающуюся греческую науку задуматься о своих предпосылках. До этого пифагорейцы “работали” с понятиями, не выясняя специально их онтологического статуса. Так, например, они отождествляли числа с вещами...» (Гайденко 1979: 100). Аристотель говорит о пифагорейцах следующее: «...Единицам они приписывают (пространственную) величину; а как получилась величина у первого единого, это, по-видимому, вызывает затруднение у них» (Гайденко 1979: 100).

¹⁴ «...Душа вынуждена недоумевать, искать, будоражить в самой себе мысль и задавать себе вопрос, что же это такое – единица сама по себе! Таким-то образом *познание этой единицы* вело бы и побуждало к созерцанию бытия. <...> Раз так бывает с единицей, не то же ли самое и со всяким числом вообще? – Как же иначе?» (Государство. 525а; курсив наш. – Авт.)

¹⁵ Напомним, Платон считал, что единицу нужно брать исключительно как *целое*. До Архимеда дроби не входили в официальную греческую науку, считаясь «низким» математическим инструментом (которым пользуются в утилитарных целях купцы и архитекторы): «Чем больше мы размышляем о чистом числовом смысле множественности, тем больше можем мы пренебречь вопросом о дробях» (Федр. 97а).

Лишь в самом конце XIX в. итальянский математик Пеано¹⁶ огласил сформулированные им пять аксиом и четыре правила арифметики на языке математической логики, позволившие развить и вывести из них, как основы, практически весь массив современного математического знания. Стоит признать, что в основании формальной арифметики Пеано лежали именно платонические идеи. Однако, несмотря на кажущуюся очевидность этой формализации арифметики, математическая строгость требовала доказательства непротиворечивости арифметики Пеано как формальной системы из нее самой. Так, великий математик Давид Гильберт¹⁷, провозгласил в 1900 г. цель аксиоматизировать всю математику, и для завершения этой задачи оставалось доказать непротиворечивость и логическую полноту арифметики натуральных чисел.

Но этим самоуверенным надеждам так и не суждено было сбыться. Известно, что 7 сентября 1930 г. в Кенигсберге состоялся научный конгресс по основаниям математики, и на нем двадцатичетырехлетний Курт Гёдель¹⁸ впервые опубликовал две основополагающие теоремы о неполноте, которые показали, что программа Гильберта не может быть осуществлена: при любом выборе аксиом арифметики имеются теоремы, которые невозможно ни доказать, ни опровергнуть простыми (финитными) средствами, предусмотренными Гильбертом, а финитное доказательство того, что арифметика непротиворечива, невозможно.

Теоремы Гёделя о неполноте поколебали не только основы математического знания, но и фундамент философских построений понимания Сверхущего как Единого: единица не смогла занять место всеобъемлющего закона бытия и была сдвинута Гёделем с ее пьедестала откровения выше на скромное место частного случая, пусть и доминирующего в реальности, но тем не менее не могущего претендовать на место фундаментального закона бытия как данности, прямого прозрения, божественного откровения (интересно, что в «Федре» Платон приводит миф, согласно которому не человек, а бог Тевт первым «изобрел число, счет, геометрию, астрономию» (Федр. 274d). И потому гипотезы Парменида при всей их очевидности также не могут быть приняты в качестве основоположной непререкаемой истины и быть признаны непротиворечивой логической системой, но так же, как арифметика, они могут оказаться лишь частным случаем описания бытия как суммы Сверхущего Единого

¹⁶ Пеано Джузеппе (1857–1932) – итальянский математик и логик, один из создателей современной математической логики. В арифметике ученый сформулировал систему аксиом (1891) и осуществил аксиоматическое построение Евклидовой геометрии (1889).

¹⁷ Гильберт Давид (1862–1943) – немецкий математик, который способствовал переосмыслению и дальнейшему развитию философских оснований математики и в целом естествознания. Ученый разработал современную (абстрактную) версию аксиоматического метода и создал метаматематику.

¹⁸ Гёдель Курт (1906–1978) – австро-американский логик и математик.

¹⁹ Для Платона же арифметика и счет являются теми науками, которые подстрекают разум «и ведут к истине»: «Они принадлежат к тем познаниям, которые мы ис-

и Ничто¹⁹. Собственно, именно противоречивость гипотез «Парменида» как логической системы перехода от Единого ко многому и намерены доказать авторы.

Итак, может ли Сверхсущее не быть Единым? Ну, во-первых, мы уже видели, что оно может вообще не-быть, что в конечном итоге приводит его в бытие, делает себя сущим, проявляет в бытии. В частности, в бытии материального космоса, из которого более высокие онтологические уровни не видны и не постижимы, но являются лишь догадками, субъективными прозрениями и откровениями их авторов в лучшем случае. Тем не менее на примере гипотез Парменида, основанных на открытом Платоном законе Единого (одного), можно сделать вывод, что составить представление о недоступном непосредственному познанию можно на основе общих качеств, присущих всему материальному миру. Эта идея не нова: первые примитивные боги были созданы древними людьми по своему образу и подобию путем усовершенствования их качеств до пределов воображения: бессмертными, огромными и всесильными подобиями человеков. И работает эта логика в обе стороны: как мир подобен богам, так и боги подобны миру.

Провозглашенная Платоном идея единости, пронизывающей всю ткань материального бытия, основана – напомним – на натуральном счете через прибавление единицы к каждому последующему натуральному числу²⁰ – или деление на части, на целые числа – выше мы уже приводили в подробностях рассуждения Платона о переходе от единого ко многому. То есть, по утверждению Платона, мир счетен и может быть сосчитан со всеми своими единичными элементами множественности путем сложения с единицей. Более того, само многое в бытии произошло через последовательность сложений единого в бытии с бытием единого.

А теперь попытаемся понять, действительно ли наблюдаемая вселенная счетна, то есть состоит из пусть и бесконечного множества элементов,

кали. Воину необходимо их усвоить для войскового строя, а философу – для постижения сущности, всякий раз как он вынырнет из области становящегося, иначе ему никогда не стать мыслителем» (Государство. 525 b). Философизация математики на том уровне ее развития привела к абсолютизации арифметического счета (вкупе с геометрией тех времен). Примечательно, что в те времена также развивалось и пренебрежительное отношение к математике в философской среде: «Тупое пренебрежение, с которым и в наши дни некоторые из так называемых гуманитариев свысока смотрят на точные науки, начинало проявляться уже тогда» (Зеннхаузер 2016: 104). Платон повлиял на то, чтобы философ был хорошо осведомлен в математике. В то же время Платон не был в строгом смысле математиком и не стремился им стать.

²⁰ Стоит подчеркнуть, что Платон, применяя эту логику, удивлялся возможности сложения: «Я не решаюсь судить даже тогда, когда к единице прибавляют единицу, – то ли единица, к которой прибавили другую, стала двумя, то ли прибавляемая единица и та, к которой прибавляют, вместе становятся двумя через прибавление одной к другой. Пока каждая из них была отдельно от другой, каждая оставалась единицей и двух тогда не существовало, но вот они сблизились, и я спрашиваю себя: в этом ли именно причина возникновения двух – в том, что произошла встреча, названная взаимным сближением?» (Федон. 96e–97a).

но поддающихся процессу пересчета с помощью единичной нумерации²¹.

Возьмем самый простой и наглядный случай евклидова пространства координат, наложенного на всю наблюдаемую вселенную, каждая математическая точка которого не субъектна, но является лишь совокупностью трех чисел на трех взаимоперпендикулярных числовых осях, проекциями стрелки из нуля в упомянутую точку пространства. Такая совокупность координатных точек пространства – это давно доказано в теории множеств – является множеством C мощности континуума и принципиально не может быть сосчитано, то есть поставлено в соответствие множеству натуральных чисел. Если представить это наглядно, то пространство, состоящее из поддающихся счету математических точек, будет как тришкин кафтан – одна сплошная дыра, посреди которой, как звездочки на небе, отдельные точки счетных (сосчитанных) координат.

Платоническая концепция Абсолюта и принцип непрерывности единства

Здесь мы подходим к другому фундаментальному правилу – закону непрерывности единства, тождественному закону единичности. Дело в том, что у Единого (сущего или сверх-сущего) имеется, как уже было упомянуто выше, другое определение (уж коль скоро мы взялись определять неопределимое и награждать предикатами непознаваемое сверхсущее) – это непрерывность. *Единое тождественно непрерывному*: если единое прерывается разделением на части, то оно уже не одно, а много (хотя бы два); если же есть непрерывное, не имеющее отдельных частей – значит, оно едино. В этом значении непрерывность просто другое название единичности, единности или единства. В самом деле, евклидово пространство одно или его много, или их? Одно и непрерывно. Непрерывность физического объекта означает рассмотрение его в качестве некоторой среды или поля, понимаемых как сплошной, плотный, неограниченно делимый объект, деление которого на части даже в пределе стремления размера частей к нулю не приводит к исчезновению как объекта, так и его частей.

Почему? Да потому что любая самая ничтожно мелкая часть единой непрерывна, то есть к абстракции математической точки не сводима, но, согласно континуум-гипотезе все равно является множеством математических точек мощности континуума, бесконечностью в конечном²².

²¹ Нумерация на основе единицы для последовательности умножения сущностей в паре (единое|бытие), где первым членом последовательности является Единое Сущее, см. выше.

²² Континуум-гипотеза (проблема континуума, первая проблема Гильберта) – выдвинутое в 1877 г. Георгом Кантором предположение о том, что любое бесконечное подмножество континуума является либо счетным, либо континуальным. Другими словами, гипотеза предполагает, что мощность континуума – наименьшая, превосходящая мощность счетного множества, и «промежуточных» мощностей между счетным множеством и континуумом нет. В частности, это предположение означает, что для любого бесконечного множества действительных чисел всегда

Итак, отделить соседние точки пространства друг от друга невозможно, они слиты воедино неразрывно, являются, по сути, одним, и соседними их можно назвать чисто условно. Да, можно как угодно близко «усоседить» две координаты – но между ними всегда найдутся другие «встрявшие», и более того, их будет бесконечно много – это и есть природа несчетности, континуальности. То есть, наблюдаемая вселенная одновременно и едина, и множественна, и слитна в непрерывности – хотя, согласно гипотезам Парменида, непрерывность присуща только Единому и должна умалаться: в космосе – до многого счетного, недостижимым (в силу бесконечности процесса разделения на два) пределом которого является абсолютная разобщенность на исчезающие (математические) точки, но по прежнему счетные, то есть не обладающие ни единством, ни непрерывностью – качествами Единого, и потому представляющие собой Ничто, бескачественную материю, являющуюся счетным множеством несубъектных координат, исчезнувших из бытия отдельных математических (не обладающих размерами) точек, разделенных пустотой, ничем, из-за своей счетности: *предельное ничто разделенного, погруженное в беспредельное ничто разделяющего*. Именно эта бесконечная разобщенность Ничто является прямым следствием числовой счетности «многого», выводимого на основании второй гипотезы диалога «Парменид» из Единого Сущего как пары (единое|бытие)

Сам принцип построения космоса вещей путем удвоения сущностей через сложение с единицей, являющийся следствием применения гипотез Парменида, приводит к очевидному противоречию: наблюдаемая вселенная фактически уподоблена Единому, то есть, согласно современным научным представлениям, и едина, и координатно непрерывна, что с точки зрения на Сверхсущее Единое является по сути тавтологией: единое непрерывно, а непрерывное едино; это тождество, уже доказанное выше. Однако, космос, построенный согласно космологии, выведенной неоплатониками из гипотез Парменида, принципиально не может быть построен как непрерывное единство или единая непрерывность – в нем имеется неустраняемая

можно установить взаимно-однозначное соответствие либо между элементами этого множества и множеством целых чисел, либо между элементами этого множества и множеством всех действительных чисел. Была показана невозможность доказать или опровергнуть гипотезу в аксиоматике Цермело-Френкеля (как с аксиомой выбора, так и без нее). Континуум-гипотеза однозначно доказывается в системе Цермело-Френкеля с аксиомой детерминированности (ZF+AD), предложенной в 1962 г. Мычельским и Штейнгаузом в качестве замены для аксиомы выбора (введенной в 1904 г., обозначается AC). Причиной поиска альтернативы аксиоме выбора стали присущие ей неустраняемые парадоксы, которые удалось устранить лишь заменой AC на AD. В классических разделах математики (теория чисел, математический анализ и др.) замена AC на AD ничего не меняет.

Авторы данной публикации не ставят своей целью рассмотрение и описание всего многообразия развитых за последние сто лет теорий множеств, но предлагают наглядное описание структуры пространственно-временного континуума, соответствующее теории Цермело-Френкеля ZF-AD, являющейся признанной основой всего здания современной классической математики, успешность описания в рамках которой физических основ наблюдаемой вселенной на сегодня не подлежит сомнению.

разобщенность, в пределе приводящая к исчезновению всякой сущности, к бескачественному ничто, пустоте в пустоте.

Система «Единое – Единое сущее – Многое – Ничто» является внутренне неустранимо противоречивой, лишая единство космоса вещей необходимого и достаточного качества, свойства, признака, тождественности с единством – *непрерывности, которую вывести из арифметической счетности принципиально невозможно*. Согласно математическому определению противоречивости системы в ней доказуемы два взаимоисключающих утверждения. Космос Плотина, построенный на основе интерпретации логики единое-многое диалога «Парменид», одновременно и един, и прерывен (считен). С учетом доказанного нами выше тождества «единство = непрерывность», предыдущее утверждение тождественно утверждению, что космос в интерпретации Платоном идей диалога «Парменид» как единое целое взаимоисключающе и един, и неустранимо не един одновременно, то есть налицо очевидная противоречивость системы гипотез Парменида.

Заключение

Примененная в гипотезах Парменида логика перехода от единогоцелого к иному многому через сложение с единицей или, что то же самое, через разделение координатного отрезка надвое является парафразом апории Зенона²³ и может привести лишь к счетному множеству бесконечно малых отрезков между двумя рациональными числами, заполненных, или – согласно континуум-гипотезе – бесконечным множеством иррациональных чисел, или – в согласии со взглядами Платона и Зенона – пустотой, упраздняющей непрерывность отдельного единого отрезка числовой прямой между рациональными числами²⁴. Такой подход апории Зенона действительно приводит в пределе к исчезновению всего в бескачественном Ничто, но тогда не выполняется утверждение о том, что единство = непрерывность множества действительных чисел, на месте которого (непрерывности) зияют сплошные разрывы между рациональными числами. При этом нужно учесть, что действительные числа не выводятся непосредственно из рациональных, и для их получения необходима специальная математическая процедура построения иррациональных чисел²⁵ как дополнения множества

²³ В современном наиболее популярном изложении: «Допустим, Ахиллес бежит в десять раз быстрее, чем черепаха, и находится позади нее на расстоянии в тысячу шагов. За то время, за которое Ахиллес пробежит это расстояние, черепаха в ту же сторону проползет сто шагов. Когда Ахиллес пробежит сто шагов, черепаха проползет еще десять шагов, и так далее. Процесс будет продолжаться до бесконечности, Ахиллес так никогда и не догонит черепаху» (см.: URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Апории_Зенона).

²⁴ Согласно континуум-гипотезе, множество рациональных чисел счетно, а действительных – имеет мощность континуума. Образно говоря, это означает, что числовой отрезок между двумя соседними по величине рациональными числами плотно заполнен бесконечным множеством действительных чисел.

²⁵ Также в этом контексте нужно учитывать следующий факт: «Древние греки рассматривали иррациональные соотношения только *геометрически*. Они не счита-

рациональных до множества действительных, их конструирования. Более того, они невыразимы в финитном цифровом выражении, то есть несводимы к числу в понимании Платона и пифагорейцев. Иначе говоря, иррациональные числа как числа в цифровом выражении не существуют, существуя лишь в качестве пределов числовых последовательностей рациональных чисел, сами не принадлежа к множеству членов этих последовательностей. Поэтому наиболее распространенные и известные, часто применимые в вычислениях иррациональные числа, такие как «пи», обозначаются условными буквенными символами, а вычисления с ними возможны лишь приближенно, до условленного знака «после запятой», то есть отрицательного порядка рационального приближения к иррациональному числу, которое бесконечно недостижимо – и при этом таких чисел на числовой оси несравнимо бесконечно больше, чем рациональных. Все подобные модели построения действительных чисел изоморфны, то есть разными путями приводят к одному результату. Принципиальная невозможность непосредственного получения действительных чисел из рациональных полностью опровергает космогонию Платона в логике перехода от единого ко множеству диалога «Парменид», в пределе приводящую лишь к бесконечному счетному множеству рациональных чисел, переход из которого к континуальному (несчетному) множеству действительных чисел через дальнейшее дробление невозможен, и континуум действительных чисел в этой логике оказывается недостижимым. То есть разделить единый пространственно-временной континуум на точные координаты каждой его точки путем деления надвое размерных отрезков не удастся: или каждый такой бесконечно малый объем пространства будет единым непрерывным, не делящимся до полного исчезновения, или полученная координатная сетка, накинута на пространство-время, оказывается, будучи счетной, бесконечно дырявой.

Наблюдаемая вселенная в качестве пространственно-временного континуума Римана-Эйнштейна непрерывна, и, следовательно, из гипотез Парменида существенно невыводима.

Можно, конечно, допустить, что деление надвое объемов пространства, дающего в пределе лишь множество рациональных чисел, в физической вселенной невыполнимо, имея своим реальным пределом не нулевой объем, но объем пространственно-временного кванта с размером, определяемым принципом неопределенности Гейзенберга и постоянной Планка. Тогда бесконечная вселенная будет состоять из счетного множества таких

ли “дроби” числами, и тем более **не могли представить, что существуют иррациональные числа**. “Диагональ квадрата несоизмерима с его стороной” – это они доказали, но не выражали отношение “диагональ : сторона” числом, как делаем это мы с помощью знака “ $\sqrt{2}$ » (Зеннхаузер 2016: 119, сноска 161; выделено нами. – Авт.); «...греки обошлись без иррациональных чисел, нашли обходный путь. И понятно почему. На пути построения иррациональных чисел греческие математики встретились с непреодолимым для них препятствием. Понятие несоизмеримости, иррациональности связано с понятием бесконечности и непрерывности. Для того чтобы избрать путь развития математики через расширения понятия числа, надо было прежде всего справиться с противоречиями, которые заключены в понятиях бесконечности и непрерывности» (Раик 1977: 158; разрядка Раика, курсив наш. – Авт.).

квантов, представляющего из себя единство-непрерывность как каждого из них, так и всей их совокупности в единое-целое, составленное из частей, что допустимо третьей гипотезой; но такое множество-единство, не поддающееся дальнейшему дроблению, не позволит свести Космос к абсолютному Ничто.

Таким образом, само существование наблюдаемой вселенной в свете современного научного знания опровергает гипотезы Парменида как основание неоплатонической космогонии и космологии, оказавшее влияние в том числе на доктрины исторического христианства и некоторых монотеистических систем за его пределами: построить наблюдаемую вселенную как Космос вещей платоновским методом перехода от Единого ко многому через удвоение пары (Единое|Бытие) оказывается принципиально невозможным. Вопрос о применимости современных математических знаний к неоплатонической космогонии снимается самим объектом применения: вещный космос неоплатонической космологии и наблюдаемая вселенная современности являются одним и тем же объектом наблюдения и изучения, и преемственность научной мысли в области изучения единого объекта познания от Платона с Аристотелем до современных достижений космологии поистине неоспорима.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бородай Т.Ю. 2010. «Парменид» // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / рук. проекта В.С. Степин, Г.Ю. Семигин. Москва : Мысль. Т. 3. С. 203–204.
- Гайденко П.П. 1979. Обоснование научного познания в философии Платона // Платон и его эпоха : к 2400-летию со дня рождения / отв. ред. Ф.Х. Кессиди. Москва : Наука. С. 98–143.
- Гайденко П.П. 2000. Единое, единство // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / рук. проекта В.С. Степин, Г.Ю. Семигин. Москва : Наука. Т. 2. С. 14–18.
- Голбан Н.В. 2011. М. Хайдеггер как антиплатоник // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Т. 12, № 4. С. 282–285.
- Дамаский Диадокх. 2000. О первых началах. Санкт-Петербург : Изд-во РХГИ. 1071 с.
- Доддс Э.Р. 2009. «Парменид» Платона и происхождение неоплатонического Единого // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. Vol. 3, № 1. С. 336–353. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/parmenid-platona-i-proishozhdenie-neoplatonicheskogo-edinogo> (дата обращения: 15.01.2024).
- Зеннхаузер В. 2016. Платон и математика. Санкт-Петербург : Изд-во РХГА. 614 с.
- Иоанн Дамаскин. 1913. Источник знания // Иоанн Дамаскин. Полное собрание творений преподобного Иоанна Дамаскина. Санкт-Петербург : Изд-во СПбДА. Т. 1. С. 45–345.
- Крейг У., Морленд Дж. (ред.) 2014. Новое естественное богословие / под ред. Уильяма Крейга и Джеймса Морленда. Москва : ББИ. 801 с.
- Лобовиков В.О. 2017. Математическая теология Гёделя и доказательство вездесущности бога путем «Вычисления» соответствующей композиции ценностных функций в двузначной алгебре метафизики // Tempus et Memoria. Т. 12, № 2. С. 50–57.

Лобовиков В.О. 2020. Аналитическая теология: дедуктивное доказательство теоремы о неразрешимости в логически формализованной аксиоматической теории Сигма формулы [Dx], представляющей в релевантной теистической интерпретации утверждение о бытии Бога // Дискурс-Пи. Т. 17, № 1. С. 165–187. DOI 10.24411/1817-9568-2020-10112

Лосев А.Ф. 1993. [Комментарии к диалогам Платона] // Платон. Собрание сочинений : в 4 т. Москва : Мысль. Т. 2. С. 413–509.

Нечаев А.М. 2023. Проблема материи в философии Плотина // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. Т. 47, № 4. С. 19–31. DOI 10.55959/MSU0201-7385-7-2023-4-19-31

Николай Кузанский. 1979. Об ученом незнании // Николай Кузанский. Сочинения : в 2 т. Москва : Мысль. Т. 1. С. 47–184.

Раик А.Е. 1977. Очерки по истории математики в древности. Саранск : Мордов. кн. изд-во. 370 с.

Шохин В.К. 2010. Введение в философию религии. Москва : Альфа-М. 286 с.

Krajewski S. 2019. Mathematical Models in Theology. A Buber-inspired Model of God and its Application to “Shema Israel” // Journal of Applied Logics. № 6 (6). S. 1007–1020. Canonical URL: <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/>

Whitehead A.N. 1979. Process and Reality: an essay in cosmology. New York : Free Press. 413 p.

References

Boroday T.Yu. «Parmenid» [“Parmenides”], V.S. Stepin, G.Yu. Semigin (gen. eds.), *Novaya filosofskaya entsiklopediya* : v 4 t., Moscow, Mysl', 2010, vol. 3, pp. 203–204. (in Russ.).

Craig W.L., Moreland J.P. (eds.) *The Blackwell Companion to Natural Theology*, Moscow, BBI, 2014, 801 p. (in Russ.).

Damascius. *O pervykh nachalakh* [About the First Beginnings], St. Petersburg, Izdatel'stvo Russkogo khristianskogo gumanitarnogo instituta, 2000, 1071 p. (in Russ.).

Dodds E.R. The Parmenides of Plato and the Origin of the Neoplatonic “One”, Scholē. *Ancient Philosophy and the Classical Tradition*, 2009, vol. 3, no. 1, pp. 336–353, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/parmenid-platona-i-proishozhdenie-neoplatonicheskogo-edinogo> (accessed January 15, 2024). (in Russ.).

Gaydenko P.P. *Edinoe, edinstvo* [Unity], V.S. Stepin, G.Yu. Semigin (gen. eds.), *Novaya filosofskaya entsiklopediya* : v 4 t., Moscow, Nauka, 2000, vol. 2, pp. 14–18. (in Russ.).

Gaydenko P.P. *Obosnovanie nauchnogo poznaniya v filosofii Platona* [The Foundation of Scientific Knowledge in Plato's Philosophy], F.Kh. Kessidi (resp. ed.), *Platon i ego epokha : k 2400-letiyu so dnya rozhdeniya*, Moscow, Nauka, 1979, pp. 98–143. (in Russ.).

Golban N.V. M. *Khaydegger kak antiplatonik* [M. Heidegger as an anti-Platonist], *Review of the Russian Christian Academy for the Humanities*, 2011, vol. 12, no. 4, pp. 282–285. (in Russ.).

John of Damascus. The Fount of Knowledge, *Ioann Damaskin. Polnoe sobranie tvoreny prepodobnogo Ioanna Damaskina*, St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskoy dukhovnoy akademii, 1913, vol. 1, pp. 45–345. (in Russ.).

Krajewski S. Mathematical Models in Theology. A Buber-inspired Model of God and its Application to “Shema Israel”, *Journal of Applied Logics*, 2019, no. 6, pp. 1007–1020, Canonical URL: <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/>

Lobovikov V.O. Analytical Theology: Deductive Proof of the Theorem of Un-Decidability (in a Logically Formalized Axiomatic Theory Sigma) of Formula [Dx] Representing (in a Relevant Theistic Interpretation) the Statement of God Existence, *Discourse-P*, 2020, vol. 17, no. 1, pp. 165–187. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10112> (in Russ.).

Lobovikov V.O. Gödel's Mathematical Theology and a Proof of God's Omnipresence by "Computing" Relevant Compositions of Evaluation-Functions in Two-Valued Algebra of Metaphysics, *Tempus et Memoria*, 2017, vol. 12, no. 2, pp. 50–57. (in Russ.).

Losev A.F. *Kommentarii k dialogam Platona* [Comments on Plato's Dialogues], *Platon. Sobranie sochineniy* : v 4 t., Moscow, Mysl', 1993, vol. 2, pp. 413–509. (in Russ.).

Nechaev A.M. The Problem of Matter in Plotinus' Philosophy, *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*, 2023, vol. 47, no. 4, pp. 19–31. <https://doi.org/10.55959/MSU0201-7385-7-2023-4-19-31> (in Russ.).

Nicholas of Cusa. Of Learned Ignorance, *Nikolay Kuzanskiy, Sochineniya* : v 2 t., Moscow, Mysl', 1979, vol. 1, pp. 47–184. (in Russ.).

Raik A.E. *Ocherki po istorii matematiki v drevnosti* [Essays on the History of Mathematics in Ancient Times], Saransk, Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1977, 370 p. (in Russ.).

Shokhin V.K. *Vvedenie v filosofiyu religii* [Introduction to the Philosophy of Religion], Moscow, Al'fa-M, 2010, 286 p. (in Russ.).

Whitehead A.N. *Process and Reality: an essay in cosmology*, New York, Free Press, 1979, 413 p.

Zennkhauzer V. 2016. *Platon i matematika* [Plato and Mathematics], St. Petersburg, Izdatel'stvo Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii, 614 p. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Олег Всеволодович Чекрыгин

доктор философских наук,
независимый исследователь;
г. Москва, Россия;
ORCID: 0009-0007-4393-1445;
SPIN-код: 2139-2899;
E-mail: ochek@bk.ru

Дарья Александровна Надеина

соискатель, Институт философии
Санкт-Петербургского государственного
университета;
г. Москва, Россия;
ORCID: 0009-0006-6063-8171;
SPIN-код: 1653-2030;
E-mail: bogoslovblog@gmail.com

Иван Валерьевич Мезенцев

кандидат философских наук,
независимый исследователь;
г. Владивосток, Россия;
ORCID: 0009-0008-8723-5641;
SPIN-код: 9317-8135;
E-mail: mezivan@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Oleg V. Chekrygin

Doctor of Philosophy,
independent researcher;
Moscow, Russia;
ORCID: 0009-0007-4393-1445;
SPIN-код: 2139-2899;
E-mail: ochek@bk.ru

Daria A. Nadeina

Academic Degree Candidate,
Institute of Philosophy,
Saint Petersburg State University;
Moscow, Russia;
ORCID: 0009-0006-6063-8171;
SPIN-код: 1653-2030;
E-mail: bogoslovblog@gmail.com

Ivan V. Mezentsev

Candidate of Philosophy,
independent researcher;
Vladivostok, Russia;
ORCID: 0009-0008-8723-5641;
SPIN-код: 9317-8135;
E-mail: mezivan@yandex.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE

Жуков Д.С., Сельцер Д.Г., Ловцов В.А. Политизированные сообщества в социальной сети «ВКонтакте»: фракции и их влияние // Антиномии. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 73-106. https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_1_73

УДК 32.019.5

DOI 10.17506/26867206_2025_25_1_73

Политизированные сообщества в социальной сети «ВКонтакте»: фракции и их влияние

Дмитрий Сергеевич Жуков

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
г. Тамбов, Россия

E-mail: ineternatum@mail.ru

Дмитрий Григорьевич Сельцер

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
г. Тамбов, Россия

E-mail: seltser@yandex.ru

Владимир Александрович Ловцов

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
г. Тамбов, Россия

E-mail: vladimirlovtsovdotcom@gmail.com

*Поступила в редакцию 04.12.2024, поступила после рецензирования 21.02.2025,
принята к публикации 25.02.2025*

© Жуков Д.С., Сельцер Д.Г., Ловцов В.А., 2025

Цель исследования – картографирование политизированных сообществ (групп) во «ВКонтакте», выявление их скоплений (идейно родственных и/или плотно связанных фракций), измерение сетевого влияния сообществ и фракций. Авторы предлагают инструментарий, который позволяет дать количественную оценку вовлеченности пользователей в жизнь сообщества (открытость участников к мнению группы, готовность менять свои представления или даже предпринимать действия под ее влиянием). Данный инструментарий основан на теории самоорганизованной критичности (СОК) – междисциплинарной концепции, разработанной в рамках точных и естественных наук. Хронологические рамки исследования: 31.05.2021–31.05.2024. В исследование вовлечено немногим менее 400 связанных политизированных сообществ, для выявления которых было просеяно около 17 тыс. групп. В качестве критерия связи между сообществами принято наличие определенного числа общих участников. Картографированная сеть представлена в виде графа, визуализация и укладка которого осуществлены в программе Gephi посредством алгоритма ForceAtlas2. Все сообщества были атрибутированы посредством качественного кодирования с пополняемым набором кодов. Это позволило не только зафиксировать фракционную принадлежность каждой группы, но и уточнить представления о номенклатуре политических фракций в Сети. Для каждого сообщества были получены достаточно длинные динамические ряды, отражающие активность пользователей по распространению сообщений, опубликованных сообществом. Спектральный анализ этих рядов выявил в ряде случаев наличие розового шума – атрибута СОК. Объяснительные схемы теории СОК могут быть конкретизированы таким образом, что сообщества в состоянии СОК можно рассматривать как высокововлеченные. Для таких сообществ были рассчитаны индексы влиятельности в сети, а для фракций – нормированные индексы обобщенной сетевой влиятельности (ОСВ) за прошедший год (31.05.2023–31.05.2024). Установлено, что наибольшим совокупным индексом ОСВ (50,85 из 100 ед.) обладает конгломерат патриотических пропрезидентских фракций, затем – конгломерат националистических фракций (ОСВ=15,31), либеральные (ОСВ=8,89) и левые (ОСВ=0,63) фракции и др. Вычисление влиятельности фракций и визуализация их взаимного расположения (в зависимости от их идейного притяжения/отталкивания) позволили реконструировать своего рода ландшафт смыслов в политизированном сегменте сети.

Ключевые слова: социальные сети; политизированные сообщества; социо-политические идеи; теория самоорганизованной критичности; розовый шум; сетевая активность; сетевой анализ

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00619, <https://rscf.ru/project/24-28-00619/>.

Politicized Netizens on VKontakte: Factions and Their Influence

Dmitry S. Zhukov

Derzhavin Tambov State University

Tambov, Russia

E-mail: @mail.ru

Dmitry G. Seltser

Derzhavin Tambov State University
Tambov, Russia
E-mail: seltser@yandex.ru

Vladimir A. Lovtsov

Derzhavin Tambov State University
Tambov, Russia
E-mail: vladimirlovtsovdotcom@gmail.com

Received 04.12.2024, revised 21.02.2025, accepted 25.02.2025

Abstract. This study aims to map politicized online communities (groups) on *Vkontakte*, a social networking service, and to identify their clusters – ideologically related and/or tightly connected factions – while measuring the online influence of these communities and factions. The authors propose a toolkit that enables a quantitative assessment of user engagement within these online communities, including individual's openness to group opinions, willingness to change their ideas, or even take actions influenced by the group. The toolkit is grounded in the theory of *self-organized criticality* (SOC), which is an interdisciplinary concept developed within the framework of exact and natural sciences. The chronological scope of the research spans from May 31, 2021 to May 31, 2024. The study involves nearly 400 connected politicized communities, identified through an analysis of approximately 40,000 groups. A shared number of members among communities served as a criterion of establishing associations between them. The mapped network is presented as a graph, visualized using Gephi software with the ForceAtlas2 layout algorithm. All communities were categorized using high-quality coding that is continuously updated. This approach indicates the political orientation of each group, and provides insights into the assortment of political factions on the Internet. Sufficiently long time series were obtained for each community, reflecting user activity in disseminating messages posted by the community. Spectral analysis of these series revealed instances of *pink noise* – an attribute associated with SOC. It is possible to specify explanatory frameworks based on SOC theory, so that communities in a SOC state can be regarded as highly engaged. For such communities, an online influence index was calculated; for factions, a normalized index of generalized online influence (GOI) was determined for the past year (May 31, 2023 – May 31, 2024). The analysis established that the conglomerate of patriotic pro-presidential factions has the highest aggregate GOI index (50.85 out of 100 units). Next the conglomerate of nationalist factions (GOI=15.31) appeared, then liberal (GOI=8.89) and left factions (GOI=0.63) among others. Calculating the influence of factions and visualizing their relative position based on ideological attraction/repulsion enabled us to reconstruct the landscape of ideas within the politicized segment of the Internet.

Keywords: social networks; politicized communities; socio-political ideas; theory of self-organized criticality; pink noise; network activity; network analysis

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Science Foundation (RSF) under grant No. 24-28-00619. For more information, please visit <https://rscf.ru/project/24-28-00619/>.

For citation: Zhukov D.S., Seltser D.G., Lovtsov V.A. Politicized Netizens on *Vkontakte*: Factions and Their Influence, *Antinomies*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 73-106. (in Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_1_73

Введение

Социо-политические идеи существуют, как минимум, в двух параллельных пространствах: народном и «книжном», охватывающем научное сообщество и власть. Представления политизированной общественности далеко не всегда являются эманацией «книжных» интеллектуальных конструкций.

Цель этого исследования состоит в том, чтобы обнаружить политизированные сообщества (группы) в социальной сети «ВКонтакте» (ВК), выявить связи между ними, а также показать фракции – относительно однородные (в идейном смысле) и/или плотно связанные скопления сообществ. Мы предприняли попытку измерить, насколько фракции влиятельны в социальной сети. Ключевой проблемой изучения политических процессов в сетях является «замусоренность» исследовательского пространства: сети переполнены сообществами, которые имеют некоторые формальные показатели (порой весьма высокие), производят и распространяют политический контент, но не способны влиять на политические воззрения и поведение пользователей. Несмотря на беспрецедентную формальную открытость сетей, они являются весьма непрозрачными для исследователя пространствами, в которых даже трудно зафиксировать реальный объект исследования. В этой статье мы представляем попытку преодолеть это затруднение с тем, чтобы высветить реальных носителей политических процессов в сети. Заметим также, что наше исследование сосредоточено лишь на политизированной общественности в ВК.

Влиятельность здесь понимается как способность политизированных посланий (идей, мнений, оценок, призывов и пр.), размещенных в сообществе, воздействовать на формирование и/или изменение представлений, ценностей и практических намерений членов сообщества, а также иных пользователей сети.

Ключевой подход (и в то же время новация) нашего исследования заключается в способе измерения сетевой влиятельности сообществ и их совокупностей – фракций. Традиционные способы решения этой проблемы заключаются в проведении социологических опросов (как правило, точечных) или же в применении стандартных сетевых метрик, используемых, в частности, в SMM (social media marketing). Признавая эффективность сетевых метрик (например, количества постов, репостов, просмотров, лайков и пр.), мы развиваем инструментарий, который позволяет численно выразить тонкие интерсубъективные феномены – вовлеченность пользователей в жизнь сообщества, открытость к посланиям в сообществе, готовность менять свои представления или даже предпринимать некоторые действия под воздействием таких посланий. Данный инструментарий основан на естественнонаучной теории самоорганизованной критичности (СОК). В ряде исследований (представленных в следующем разделе) показано, что этот инструментарий способен выявить высокововлеченные сетевые сообщества – то есть сообщества, в которых пользователи испытывают и демонстрируют своим сетевым поведением высокий уровень

своей сопричастности с жизнью и идеями сообщества. Такие высокововлеченные сообщества принципиально отличаются от «мыльных пузырей» – огромного числа сообществ (порой весьма крупных), которые не вызывают сколько-либо значимого интереса у своих участников. Активность множества подобных продуктов сетевого маркетинга и информационных войн затрудняет интерпретацию стандартных количественных показателей для реконструкции сетевого ландшафта. Для целей данного исследования мы отберем высокововлеченные сообщества и, на основании индекса вовлеченности, вычислим индекс влиятельности фракций. Полагаем, это позволит внести вклад в понимание, какие именно фракции и как сильно воздействуют на умы людей, а не только занимаются «накруткой» показателей.

Заметим, что под политизированными сообществами здесь понимаются не только *ВК*-группы, которые специально предназначены для продвижения политических идей и программ (например, официальные *ВК*-группы партий и т.п.), но и *ВК*-группы, где пользователи регулярно выражают те или иные политические воззрения (как в постах, так и в комментариях) вне зависимости от общей тематики группы. Сообществ второго рода абсолютное большинство.

Политизированность – проявление интереса сообществ к политическим вопросам, охватывающим прошлое (исторические предпосылки), настоящее и будущее (инерционный и альтернативные сценарии) политических курсов и политического строя. Ключевыми среди таковых вопросов являются следующие: является ли существующий политический курс правильным? если он должен быть заменен, то на какой? должен ли нынешний политический строй быть разрушен? если «да», то почему, как и на какой новый строй он должен быть заменен? какие события в историческом прошлом обосновывают правомерность современного политического строя и правильность политического курса или, напротив, указывают на их порочность? В исследование вошли те сообщества, которые (в течение месяца, предшествующего дате картографирования) опубликовали как минимум 5 % постов, содержание которых давало ответ на один или несколько упомянутых вопросов или которые инициировали обсуждения (комментарии), содержащие таковые ответы.

Для обозначения совокупности родственных фракций мы используем термин «конгломерат», стараясь подчеркнуть, что в некоторых случаях даже между родственными фракциями имеются значительные различия.

Помимо фракций, в данном исследовании выделены иного рода скопления сообществ. Такие скопления мы условно обозначили как «индустрии». Это *ВК*-группы, предназначенные для широкомасштабного производства и/или распространения некоторых узкотематических посланий. Индустрии, как правило, находятся под влиянием и обслуживают информационные интересы некоторых фракций.

Хронологические рамки исследования: 31.05.2021 – 31.05.2024. В исследование вовлечено 389 политизированных сообществ, для обнаружения которых и для установления связей между которыми было просеяно около

17 тыс. сообществ. Конечно, это далеко не все политизированные группы в ВК. Однако алгоритм «разматывания клубка» (описанный в следующем разделе) позволил картографировать разнофракционные политизированные сообщества в таком количественном соотношении, которое в значительной мере воспроизводит соотношение фракций в соцсети в целом. Более того, примененный алгоритм зафиксировал (помимо множества маловлиятельных периферийных групп) такие сообщества, которые являются ключевыми игроками в каждой фракции. Поэтому исследуемая совокупность является не просто репрезентативной выборкой, а общей структурой (конечно, не до конца детализированной) политизированного сегмента Сети.

Инструментарий и дизайн исследования

Картографирование сети и представление ее в виде графа предусматривает выявление узлов – то есть собственно политизированных сообществ – и связей между ними. Критерий, на основании которого фиксируется связь в данном исследовании, – наличие у двух сообществ некоторого числа общих участников. Это означает, что сообщества обмениваются информацией и соединены каналом рефлексивности – могут воспринимать друг друга. И в то же время это указывает на некоторое – частичное – идейное сходство, поскольку общие пользователи находят комфортные для себя идеи и в той, и в другой группе.

Алгоритм выявления искомых узлов представляет собой итеративную процедуру, стартующую с т.н. «точек входа» в сеть. Это политизированные сообщества, выбранные произвольно из разных сегментов политического спектра. В ходе первой итерации для каждой «точки входа» посредством облачного аналитического сервиса vk.barkov.net были получены топ-100 связанных сообществ, которые имеют с исходным сообществом значительную общую аудиторию. Доля общих пользователей в аудитории исходной группы и являлась критерием для определения места сопряженной группы в поисковой выдаче. Таким образом для каждой исходной группы мы получили те группы, которые являются для нее наиболее крупными донорами аудитории и, соответственно, политических идей. Далеко не все группы в поисковых выдачах vk.barkov.net являлись политизированными. Для отбора политизированных групп все сообщества их каждой выдачи были просеяны вручную – просмотрены на предмет регулярности публикации политических постов и выражения политических позиций в комментариях. В ходе второй итерации в качестве исходных сообществ использовались узлы, выявленные в ходе первой итерации. Количество и доли общих пользователей в исходной и сопряженной группах можно рассматривать как атрибуты связи, свидетельствующие о ее силе.

Предложенный здесь алгоритм очень быстро ведет к узлам, обладающим большой и активной аудиторией и, соответственно, множеством связей. Вместе с тем – поскольку были просеяны весьма большие поисковые

выдачи – среди связанных групп оказалось множество мелких и средних, которые составляют своего рода свиту крупных узлов. Результаты картографирования мы формализовали в виде таблицы узлов и таблицы граней (связей) в базе данных (БД) MS Access.

Избранная процедура картографирования рассмотрена более детально в одной из наших работ: «...Алгоритм “разматывания клубка” формально является модификацией хорошо известного в социологии метода “снежного кома”¹ для составления выборок в условиях труднодоступности объектов исследования. Однако при внешнем сходстве алгоритм “разматывания клубка” не тождественен “снежному кому”. Во-первых, “разматывание клубка” (в отличие от “снежного кома”) преследует цель не составить выборку, а обнаружить основную структуру сетевого кластера (все наиболее влиятельные узлы, связи между ними и, частично, периферические узлы). Во-вторых, связи рефлексивности, которые отслеживает алгоритм “разматывания клубка”, принципиально важны для сетевого анализа сами по себе (поскольку обеспечивают сущностные сетевые взаимодействия); тогда как “снежный ком” использует связи (порой абсолютно не существенные) между респондентами лишь для поиска новых респондентов (и более того, наличие таких связей делает полученную выборку недостаточно качественной с социологической точки зрения)» (Жуков 2024: 70).

Если связи между узлами фиксируются на основании пересечения аудиторий, то «разматывание клубка» позволяет обнаружить с наибольшей вероятностью притягательные для аудитории узлы. Это такие сообщества, которые наиболее заметны в сети: пользователи просматривают и репостят их контент, стремятся в них участвовать. Именно такие сообщества быстрее всего попадут в поисковые выдачи, поскольку имеют многих общих пользователей с исходными узлами.

Наше исследование, безусловно, не включает все политизированные ВК-сообщества и в этом смысле является выборочным. Однако при картографировании сети мы во многих случаях имеем дело с объектами, которые (по размерам, активности и влиятельности) отличаются друг от друга в десятки, сотни и даже тысячи раз. Поэтому критерии репрезентативности и достаточности применительно к картографированному сетевому кластеру принципиально отличается от репрезентативности выборки для, например, социологического опроса. Если мы ставим перед собой цель изучить состояние сетевой общественности (а не просто деятельность множества микрогрупп), то должны сформировать объект, включающий максимально возможное число потенциально влиятельных сообществ.

Наши наблюдения свидетельствуют, что картографированный кластер включает подавляющее большинство таковых сообществ (хотя мы, безусловно, не можем гарантировать, что учли их все). Это утверждение основывается на «эффекте повторяемости» узлов в поисковых выдачах. В начальной фазе картографирования в поисковых выдачах встречается много новых сообществ, которые нужно вносить в базу данных. Однако

¹ Подробнее об этом см.: (Baltar, Brunet 2012).

по мере насыщения таблицы узлов в поисковых выдачах обнаруживается все меньше и меньше новых крупных групп. Это означает, что изучаемые исходные сообщества связываются преимущественно с уже картографированными узлами, что косвенно свидетельствует об исчерпании, условно говоря, «резерва некартографированных крупных узлов». По отношению к средним и мелким узлам мы подобного эффекта не наблюдали. Именно поэтому, как отмечено ранее, не готовы утверждать, что в исследование вошли все периферийные группы. Полагаем, однако, что задачи нашего исследования оправдывают фокусировку на тех сообществах, которые могут претендовать на роль творцов сетевой повестки дня и лидеров общественного мнения.

Почему картографированный кластер хорошо отражает идейно-политический спектр, сформировавшийся в сети? Во-первых, кластер включает практически все потенциально влиятельные сообщества. Во-вторых, «точки входа» были подобраны таким образом, чтобы они находились в разных частях спектра. В-третьих, значительный совокупный размер рассмотренных поисковых выдач (17 тыс. сообществ) позволяет утверждать, что в исследование попали достаточно разнообразные (по политической ориентации) узлы. «Точки входа», конечно, не могут отразить весь политический спектр, однако они не детерминируют политическую окраску всего картографированного кластера. Уже при изучении непосредственного сетевого окружения «точек входа» было рассмотрено около 1 тыс. разнообразных сообществ, многие из которых имели политически эклектичный характер и связи которых вели ко множеству иных сообществ, никак не связанных с «точками входа». В общем огромном объеме поисковых выдач, вовлеченных в «разматывание клубка», влияние «точек входа» на окраску всего кластера быстро (уже в ходе первой итерации) угасает, уступая влиянию сетевых хабов (узлов, имеющих много связей) и сообществ-лидеров общественного мнения.

Все картографированные узлы были атрибутированы посредством качественного кодирования. Процедура заключалась в присвоении (на основании экспертной оценки) каждому сообществу кода, выражающего ее политическую ориентацию и принадлежность к соответствующей фракции. Политическая ориентация сообщества фиксировалась на основании изучения 20 наиболее популярных постов с комментариями за период с 31.05.2023 по 31.05.2024. Наиболее популярные посты были получены посредством облачного аналитического сервиса *popsters.ru*. Важно отметить, что был избран вариант качественного кодирования с открытой – пополняемой – книгой кодов. На старте кодирования имелись лишь несколько традиционных кодов («коммунисты», «либералы» и т.п.); в случае, если эксперт сталкивался с сообществом, которое существенно отличалось от уже изученных и имеющих код, в книгу кодов добавлялся новый код и присваивался данному сообществу. Такая процедура позволила не только атрибутировать сообщества в рамках некоего априорного набора политических ярлыков, но и развить сами представления о номенклатуре политических фракций в Сети.

В литературе, посвященной истории политических идей и актуальным политическим доктринам, существует множество вариантов их классификации: «левые-центристские-правые», «тоталитарные-демократические», «радикальные-умеренные-консервативные», «трампизм-байденизм» и т. п. Как правило, такие классификации возникли в результате применения некоторых четких критериев (сформулированных априори или, что реже, извлеченных из эмпирики) для упорядочивания, разбиения материала, который состоял из «книжных» социо-политических концепций, а также идей и практик, которые культивировались значимыми политическими акторами (государством, партиями, церковью и т.д.). Наше исследование сделано на ином материале. Среди прочего, мы предложили способ упорядочивания эмпирически наблюдаемых политических воззрений современной сетевой общественности. Эта общественность не является безропотным и некритичным потребителем представлений о политической реальности, продуцируемых политиками и интеллектуалами.

Использование кодирования с пополняемым набором кодов позволяет отказаться от подхода, который описывает идейно-политическое размежевание сетевой общественности как простую эманацию, нисхождение «высоких книжных идей» в «бесформенную массу». В ходе кодирования эксперт имеет право создавать новый код (то есть определять новый класс объектов), если сталкивается с объектом, который не может быть маркирован имеющимися кодами (то есть не может быть отнесен к одной из уже имеющихся групп относительно однотипных объектов). Конечно, вновь создаваемый код должен описывать именно новый (для эксперта) объект. Данная процедура допускает большую меру субъективности (ведь эксперт не просто соотносит объект и код, но и создает коды), чем кодирование с ограниченным набором (шаблонное кодирование, “template coding”). Вместе с тем, открытое кодирование обеспечивает существенно более высокую чувствительность процедуры к эмпирике и не приписывает объектам тех свойств, которыми они, возможно, не обладают (в частности, не предусматривает распределение объектов на некоторые классы, полученные для иного рода объектов).

При таком подходе и сами классы, и критерии, на основании которых классы выделяются, являются результатом процедуры, а не предоставленными инструментами. При этом возникает проблема различения: на основании каких соображений эксперт должен решить, что рассматриваемый объект принципиально отличается от всех ранее изученных? В нашем исследовании таковые отличия фиксировались, исходя из общего представления о политизированности сообществ. Если сообщество политизировано, то постоянно обсуждает, осмысляет некий набор вопросов. Является ли существующий политический курс правильным? Если он должен быть заменен, то на какой? Должен ли нынешний политический строй быть разрушен? Если «да», то почему, как и на какой новый строй он должен быть заменен? Какие события в историческом прошлом обосновывают правомерность современного политического строя и политического курса или, напротив, указывают на их порочность? Если эксперт видит,

что сообщество дает новый ответ на какой-то из этих вопросов или даже на несколько из них, то он должен создать новый код для такого сообщества. Заметим, что именно эти вопросы являются предметом постоянных дискуссий в политизированном сегменте сети: ответы на них не составляет труда обнаружить. Нашу задачу по кодированию существенно облегчил сам характер «жизнедеятельности» политизированных сообществ. Подобные сообщества и их участники естественным образом и очень сильно стремятся отрефлексировать и продемонстрировать свою позицию: солидаризоваться с одними идеями и отмежеваться от других.

Описанный подход к кодированию качественных данных (“open coding”, а также “axial coding”) широко распространен в социальных науках; более подробно поднятые здесь методологические вопросы обсуждаются, например, в статье (Blair 2015).

Сведения о сообществах (узлах) и связях (гранях), включая их атрибуты, были импортированы в специализированную программу для сетевого анализа Gephi и визуализированы в виде графа. Чтобы увидеть идейно родственные узлы, была использована укладка (метод расположения узлов в пространстве) ForceAtlas2. Этот алгоритм стягивает в скопления узлы, имеющие большое количество сильных связей друг с другом (то есть в нашем случае – общих пользователей). Более подробно данная процедура описана в разделе «Результаты». Выбранная укладка дала возможность не только наблюдать фракционные скопления, но и визуализировать идейную дистанцию между разными фракциями и их взаимное расположение. К примеру, было обнаружено, что сообщества некоторых фракций тяготеют к другим конгломератам. Таким образом был получен своего рода идейный ландшафт политизированного сегмента Сети. Результаты укладки (основанной на объективных данных о количестве пользователей) были сопоставлены с набором кодов/фракций (основанном на экспертной оценке). Это позволило уточнить структуру сетевых политических фракций. Заметим, что эта структура возникла в данном исследовании «снизу» – из данных о поведении и мнениях людей в Сети, – а не «сверху» как типизации сообществ в рамках какого-либо варианта «книжного» политического спектра.

Для всех картографированных сообществ посредством сервиса popsters.ru была получена репостная активность за период с 31.05.2021 по 31.05.2024. Это динамические ряды, состоящие из подневных сумм репостов. Такие ряды отражают, насколько часто пользователи распространяли сообщения, опубликованные в данном сообществе. Именно на основании этих данных, применяя инструментарий теории СОК, мы вычислили для каждого сообщества индекс вовлеченности пользователей. Поскольку индекс вовлеченности пользователей является ключевой величиной для данного исследования, описание и обоснование этой аналитической процедуры представлено в специальном разделе ниже. Среди нескольких видов данных, которые излучает каждое сетевое сообщество (лайки, просмотры и пр.), для фиксации уровня вовлеченности были избраны сведения о репостах. Репост – фундаментальный акт рефлексии в сети. Репост фиксирует,

что человек послание воспринял и, более того, по какой-то причине счел необходимым его распространить, в определенной мере отождествив его со своими мыслями, чувствами. Репостная активность придает людям и сообществам способность отражать и умножать информацию.

Динамические ряды репостной активности для идентификации СОК использованы (помимо наших исследований) в публикациях А.В. Дмитриева и В.А. Дмитриева, в частности, – в “Complexity” (Dmitriev A., Dmitriev V. 2021). Репостная активность является очевидным кандидатом для фиксации состояний сетевых сообществ. Дело не только в том, что репост (среди всех интернет-активностей) с точки зрения SMM представляется наиболее весомым проявлением вовлеченности пользователя. Имеется фундаментальная связь репостов, сетевой рефлексивности и СОК, фиксируемая как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях. Мы уделяем особое внимание этому вопросу в нашей статье в “Sage Open”: «Именно в социальных сетях (благодаря репостам и пр. инструментам) формируются быстрые и многочисленные обратные причинно-следственные связи... Рефлексивность здесь определяется как способность членов сообщества: во-первых, воспринимать информационный контент, размещенный внутри сообщества и в связанных сообществах, во-вторых, передавать и размножать контент внутри исходного сообщества и в других сообществах и, в-третьих, реагировать на контент, то есть изменять свое поведение под влиянием контента. По каналам рефлексивности передается, в частности, информация, призванная вызвать политические действия. Рефлексивность является свойством, которое позволяет людям и группам быстро формировать обратные связи, получать отклики, распространять информацию, выстраивать новые связи и создавать новые группы. Рефлексивность придает изучаемой системе те сущностные свойства, которые позволяют проявляться в этой системе эффектам СОК. Элементарный – и фундаментальный – акт рефлексии в сети это репост. Сделав щелчок мышью, человек распространяет обнаруженное им информационное сообщение среди тех людей, которые связаны с ним в социальной сети, становится передатчиком в сетевой рефлексии. Множество репостов повышают сетевое влияние сообщения и, соответственно, сообщества, в котором оно опубликовано. Эта информация и это влияние распространяются по каналам социальной сети. Количество репостов показывают, насколько широко сеть отражает и размножает информацию, размещенную внутри сообщества» (Zhukov et al. 2020). Вопросу о соотносительности понятия «самоорганизованная критичность» с конкретными состояниями реальных систем посвящена наша статья «Самоорганизованная критичность в социальных медиа: методы изучения политической мобилизации в Сети» (Жуков 2019).

Среди всех картографированных сообществ, таким образом, были в исследуемый период обнаружены высокововлеченные группы. Эти сообщества демонстрируют способность вовлекать и, следовательно, влиять на пользователей. Именно для таких сообществ был рассчитан индекс влиятельности в сети (произведение индекса вовлеченности на число репостов) за год, предшествовавший исследованию (31.05.2023 – 31.05.2024).

Суммирование влиятельности высокововлеченных групп в каждой фракции дало возможность рассчитать нормированные индексы сетевой влиятельности фракций. Полагаем, эти инструменты являются удачным добавлением к иным количественным показателям размеров фракций, поскольку улавливают отношение людей к идеям, которые они разделяют и распространяют в виде репостов.

Ключевой подход и литература

Множество исследователей склоняются к мнению, что политические процессы, протекающие в социальных медиа и на иных многопользовательских интернет-платформах, являются не просто частным отражением неvirtуальной политики, но обладают собственными закономерностями и вносят существенные возмущения в традиционные объяснительные схемы (Володенков и др. 2023; Володенков и др. 2024; Сморгунев 2021; Федорченко 2023а; Федорченко 2023b). Соответственно, возникла потребность в расширении аналитического инструментария для фиксации и объяснения сетевой политической активности (Вуков, Martyanov 2021). Несколько лет назад в литературе возникла гипотеза, что сообщества, характеризующиеся глубокой вовлеченностью пользователей, можно рассматривать как самоорганизованно-критические системы в духе теории СОК. Эта гипотеза была поддержана эмпирическими данными и результатами моделирования, представленными в работах Д.С. Жукова и коллег (Жуков, Лямин 2017; Barabash, Zhukov 2020; Zhukov et al. 2020), Б. Тадич и коллег (Tadić et al. 2017), А.В. Дмитриева и В.А. Дмитриева (Dmitriev A., Dmitriev V. 2021). Хотя теория СОК формировалась как математизированная естественнонаучная концепция, с первых моментов своего существования она претендовала на распространение в междисциплинарном – в том числе социо-гуманитарном – предметном пространстве. В немалой степени тому способствовала позиция одного из основателей теории СОК датского физика Пера Бака (Бак 2013). Надежный маркер СОК – розовый шум (1/f-шум) – может быть обнаружен количественными методами в достаточно длинных динамических рядах, отражающих изменение во времени ключевых параметров исследуемой системы. Розовый шум, таким образом, может быть идентификатором высокой вовлеченности пользователей в активных «перегретых» сообществах. Это дает исследователям удобный инструмент для фиксации наиболее влиятельных сообществ в сети.

Социальные медиа являются не единственным социо-гуманитарным полем, где теория СОК продемонстрировала свою эвристическую продуктивность. В ряде изысканий – и на уровне теории, и на уровне эмпирики – подтверждена применимость идей СОК для объяснения разнообразных социальных и политических феноменов (Бородкин 2019; Малинецкий 2013; Малков и др. 2018; Подлазов 2001; Açıkalın, Artun 2019; Barabash, Zhukov 2018; Brunk 2001; Lu et al. 2021; Picoli et al. 2014; Roberts, Turcotte 1998; Shimada, Koyama 2015; Turcotte, Rundle 2002). Имеются серьезные до-

стижения в области математического моделирования и прогнозирования СОК-систем (Dmitriev et al. 2022; Dmitriev et al. 2023; Sneppen et al. 1995). Подобные исследования опубликованы в авторитетных отечественных и зарубежных изданиях.

Самоорганизованная критичность может возникнуть в системах, которые, среди прочего, состоят из огромного множества взаимодействующих элементов и содержат многочисленные петли обратных причинно-следственных связей. При некоторых условиях подобным системам свойственна низкая скорость затухания причинно-следственных цепочек. В результате даже несильные, кратковременные и локальные события (спонтанно возникающие в системе или инициированные извне) вызывают длительные причинно-следственные волны, которые накладываются друг на друга, в одних случаях взаимно ослабляясь, в других – взаимно усиливаясь. Пример такого ансамбля колебаний, который обозначается как $1/f$ -шум (розовый шум), представлен на рис. 1.

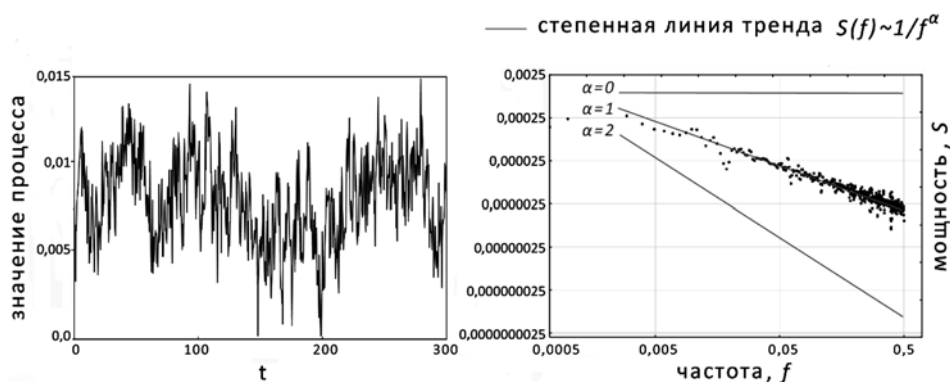

Рис. 1. Пример розового шума:
слева – динамический ряд (сигнал, процесс);
справа – спектрограмма (спектральная плотность мощности)
представленного ряда²

П. Бак так описывал розовый шум: «Здесь есть изменения всех размеров: быстрые, происходящие за несколько минут, и медленные, длящиеся годами... Этот сигнал [динамический ряд, процесс] может рассматриваться как суперпозиция всплесков всевозможных масштабов; он выглядит как горный ландшафт, но только не в пространстве, а во времени. Можно посмотреть на него и как на наложение периодических сигналов всех частот – это просто другой способ сказать, что в нем есть составляющие всех временных масштабов... $1/f$ Сигнал сочетает в себе всплески всех длительностей» (Бак 2013: 68).

Розовый шум описан в разнообразных системах – физических, социальных, физиологических, астрономических и пр. Как правило, розовый

² Источник изображения: (Жуков, Лямин 2017).

шум отождествляется с распространенным в природе феноменом «прерывистого равновесия». «[Прерывистое равновесие], – пишет Г.Г. Малинецкий, – наблюдается в процессе биологической эволюции, функционировании социальных и технических систем. Типичной оказывается ситуация, когда в течение очень большого времени ничего заметного не происходит, а затем стремительные изменения кардинально меняют облик системы, наступает время революций, что, разумеется, не отменяет множества мелких событий, которых мы просто не замечаем» (Малинецкий 2013: 39).

СОК-системы обладают механизмами самонастройки, самоорганизации в критическом состоянии. В самом общем виде эти механизмы можно представить как сочетание источников медленного и неуклонного роста напряженности со способностью системы к быстрой релаксации (разрядке, сбросу напряженности) (Подлазов 2001). Установлено, что состояние СОК может сопровождаться т.н. лавинами (масштабными и скоротечными отклонениями основных параметров системы) – катастрофами, которые не имеют хорошо видимого подготовительного периода. Поскольку СОК-система может быть в любой момент разбалансирована малозаметными микрособытиями, она демонстрирует множество нелинейных эффектов, то есть нарушений «привычной», «обыденной» соразмерности следствий и их непосредственных причин. Теория СОК описывает сложное поведение системы на макроуровне (включая количественно-качественные скачки) как результат множества «повседневных» процессов и событий на микроуровне. Теория СОК не нуждается поэтому в отсылках к неким экстраординарным причинам для объяснения экстраординарных событий.

Подход, в соответствии с которым состояние СОК сетевых сообществ отождествляется с высоким уровнем вовлеченности пользователей и мобилизованности сообщества в целом, можно обнаружить в работах нескольких авторов, в частности (Tadić et al. 2017; Жуков, Лямин 2017; Dmitriev A., Dmitriev V. 2021). Система в состоянии СОК демонстрирует целостность, необычайно плотное взаимодействие всех элементов – иначе она распадется на отдельные сегменты, причинно-следственные цепочки разорвутся, и система утратит свои специфические свойства. Состояние СОК подразумевает, что причинно-следственные цепочки (взаимодействия элементов системы) затухают достаточно медленно, чтобы достигнуть каждого элемента. Более того, состояние СОК возникает, если элементы активно отвечают на воздействия. Ситуация, когда все элементы системы (участники сообщества) охвачены «общим делом» или «общими мыслями», когда все реагируют, рефлексировать послания друг друга, – и есть вовлеченность. СОК предшествует лавинам – и «разогретые» мобилизованные сообщества демонстрируют именно такие внешне спонтанные, непропорционально сильные реакции (вспышки активности) на внешние раздражители. Необходимыми условиями для возникновения СОК в сетевых сообществах являются: высокий уровень информационной доступности пользователей, единомыслие, активное и быстрое взаимодействие с другими пользователями. Если сообщество не обладает всеми этими свойствами

(не выполняет этих условий), оно физически не может функционировать как СОК-система. Самоорганизованная критичность возникает при сопряжении медленного нарастания напряжения и быстрых релаксаций; мобилизованное сообщество действительно «подогревается» неким внешним или внутренним источником напряжения. Если рассматривать сообщества как систему, то в совокупности все свойства СОК-систем, описанные в этом разделе, можно трактовать как высокую вовлеченность пользователей в жизнь и деятельность сообщества. Подобная вовлеченность естественным образом сопряжена с большим влиянием сообщества на пользователей. Заметим, что «критичность» в данном теоретико-методологическом контексте является термином, пришедшем из естественных наук: она не имеет никакого отношения к «критике политического режима» или «критике чистого разума». Самоорганизованную критичность (и высокую вовлеченность) могут демонстрировать не только политизированные сообщества, но и группы другого рода – например, клубы футбольных болельщиков или любителей сериалов. Однако, если СОК фиксируется в политизированном сообществе, то следует предположить, что такое сообщество мобилизовано на политических основаниях.

Для того чтобы зафиксировать розовый шум (или аргументировано отрицать его наличие), динамический ряд, свидетельствующий об изменении принципиально важного параметра системы, подвергается спектральному анализу. Если в спектрограмме (в спектральной плотности мощности, рисунок 1) обнаруживается степенное распределение, то вычисляется показатель степенного закона (α): в случае с розовым шумом α принимает значение в окрестностях 1 (условно говоря, от 0,5 до 1,5). Величина $\alpha \approx 2$ характерна для красного шума, $\alpha \approx 0$ – для гипотетически белого шума, хаотичного процесса. В этом исследовании, как и в других наших работах, спектральный анализ осуществлен посредством модуля “Spectral (Fourier) analysis” в Statistica (с настройками: “pad length to power of 2”, “no taper”, “subtract mean”, “detrend”). Каждый рассчитанный показатель степенного закона сопровождается стандартным коэффициентом R^2 , показывающим точность аппроксимации данных спектрограммы степенным законом. Репрезентативность величины α возрастает по мере приближения R^2 к максимальному значению 1.

Доступность исходных и полных итоговых данных

БД, содержащая таблицу узлов и таблицу граней картографированной сети, а также динамические ряды репостной активности 389-ти групп (с 31.05.2021 по 31.05.2024), представлена на сайте Центра фрактального моделирования социальных и политических процессов (ЦФМ)³. Результаты идентификации степенного закона в спектрограммах репостной активности (величины α и R^2 для всех исследованных групп с 31.05.2023

³ URL: <http://ineternum.ru/pn-ish/> (дата обращения: 15.11.2024).

⁴ URL: <http://ineternum.ru/pn-rez/> (дата обращения: 15.11.2024).

по 31.05.2024), а также файл в формате *gerhi*, содержащий результаты визуализации и укладки графа, доступны по ссылке⁴.

Результаты

На рис. 2 представлен граф, состоящий из узлов/сообществ, маркированных в зависимости от принадлежности к тому или иному конгломерату (исключение сделано лишь для фракции сталинистов и индустрии «чернухи», которые, вследствие своей специфичности, изображены на рис. 2 и 3 отдельно).

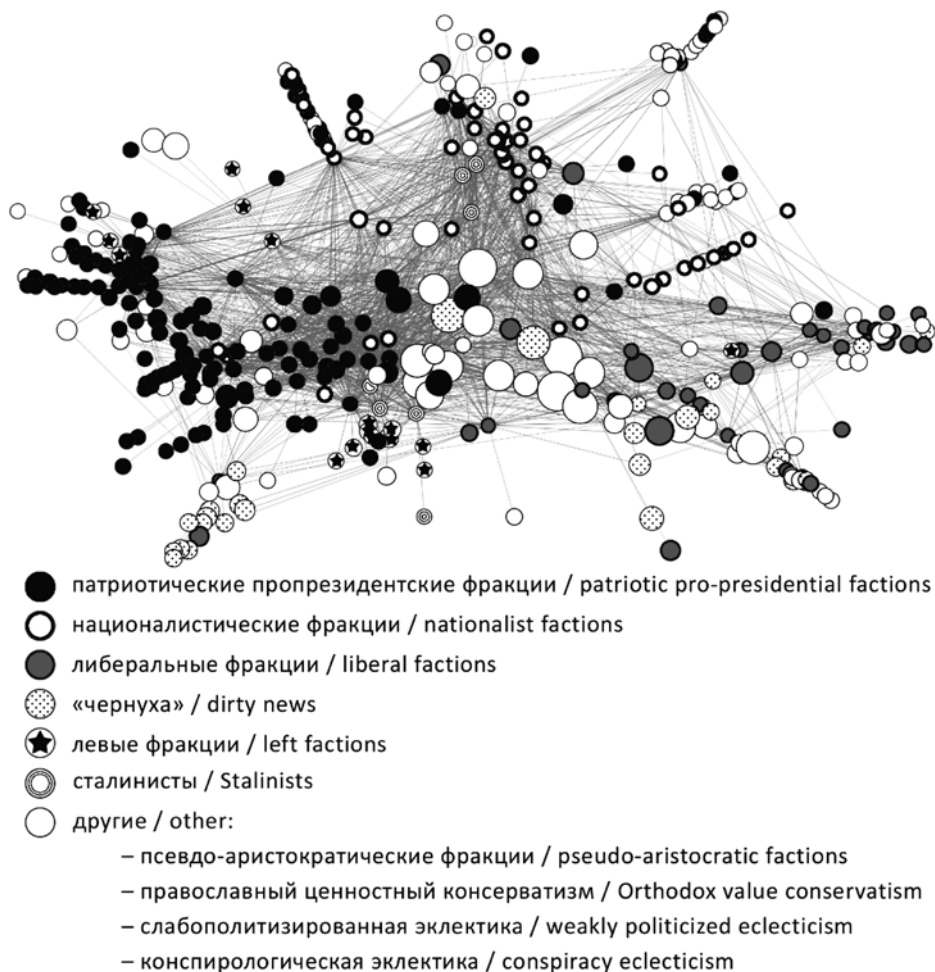

Рис. 2. Политизированные сообщества в ВК (по состоянию на 31.05.2024⁵)

⁵ Диаметр узлов пропорционален числу участников сообществ; настройки укладки ForceAtlas2: LinLog режим вкл., влияние весов ребер=1,0; цветная версия графа с полным представлением всех конгломератов доступна онлайн, см.: URL: <http://ineternum.ru/pn-rez/> (дата обращения: 15.11.2024).

Для интерпретации этого графа (равно как и графа на рис. 3), необходимо рассмотреть укладку ForceAtlas2. Этот алгоритм основан на физической модели: узлы уподобляются объектам, которые, будучи одинаково электрически заряжены, отталкиваются друг от друга. Вместе с тем ребра, соединяющие эти объекты, имитируют пружины, которые с некоторой силой притягивают соединенные объекты и, тем самым, противодействуют отталкиванию и разбеганию графа.

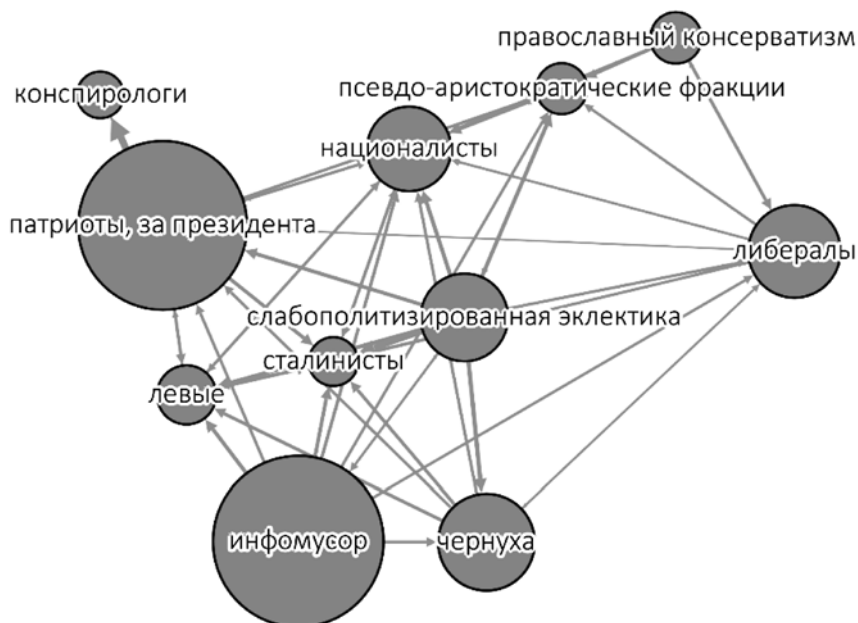
Сила притяжения пружины зависит от силы связи между узлами. Таким образом, позиция каждого конкретного узла относительно других узлов определяется плотностью и силой связей. Узлы, более связанные, имеют интенцию собираться вместе в скопления, отталкиваясь от менее связанных узлов и скоплений. Разработчики алгоритма ForceAtlas2 следующим образом описывают его эвристические возможности: «Особенность укладки с использованием сил заключается в размещении каждого узла в зависимости от других узлов. Этот процесс зависит только от соединений между узлами. Возможные атрибуты узлов никогда не принимаются во внимание... Преимущество метода состоит в том, что он позволяет визуальнo интерпретировать структуру. Сама его суть заключается в преобразовании структурной близости в визуальную, облегчая анализ и, в частности, анализ социальных сетей. Андреас Ноак показал⁶, что близость [узлов] выражает [их] общность... [У узлов, входящих в одно и то же скопление,] больше связей внутри своей общности (в нашей терминологии речь идет о скоплениях узлов. – *Авт.*), чем снаружи. Общности – это группы [узлов] с более плотными отношениями» (Jacomy et al. 2014).

Соответственно, на рис. 2 плотные скопления внутри «одноокрашенной» области наиболее вероятно должны представлять фракции внутри конгломерата. Если некоторая фракция рассеяна в пространстве, то это, очевидно, указывает на ее идеологическую неоднородность, рыхлость. Ведь если участники фракции тяготеют к различным другим фракциям, сила связей (количество общих участников) подтягивает узлы ближе к чужим скоплениям. В некоторых случаях можно заметить, что группы из одного конгломерата притягиваются ближе к (или даже находятся внутри) области другого конгломерата. Это следует интерпретировать как существенный идейный дрейф некоторых фракций. Некоторые конгломераты (например, националисты и псевдо-аристократический конгломерат) сильно рассечены и разнесены в разные стороны графа. Так, одна из фракций националистов практически полностью находится в области пропрезидентского патриотического конгломерата (в левой части графа на рис. 2), другая националистическая фракция (в правой части графа) – оказалась в странной (для националистов) близости от либералов. Очевидна наибольшая сила отталкивания между либеральными и пропрезидентскими патриотическими группами, которые расположились на разных окончаниях «смысловой оси». Подобные наблюдения подталкивают к поиску идейных размежеваний

⁶Noack A. Modularity clustering is force-directed layout // Physical Review E. 2009. Vol. 79. <https://doi.org/10.1103/PhysRevE.79.026102>

внутри некоторых конгломератов и идейной близости некоторых фракций из разных конгломератов.

Аналогичный прием был применен для построения и интерпретации графа (рис. 3), который отражает взаимное расположение конгломератов.

инфомусор – politicized information garbage

конспирологи – conspiracy eclecticism

левые – conglomerate of left factions

либералы – conglomerate of liberal factions

националисты – conglomerate of nationalist factions

патриоты, за президента – conglomerate of patriotic pro-presidential factions

православный ценностный консерватизм – Orthodox value conservatism

псевдо-аристократические фракции – conglomerate of pseudo-aristocratic factions

слабополитизированная эклектика – weakly politicized eclecticism

сталинисты – Stalinists

чернуха – dirty news

Рис. 3. Конгломераты политизированных сообществ в ВК
(по состоянию на 31.05.2024⁷)

Каждое сообщество может устанавливать с другим (будем называть его «связанным») сообществом две разнотипные связи: исходящую и входящую. И тот, и другой тип связей являются ничем иным, как общими пользователями (причем в том и другом случае это одно и то же количество одних и тех же людей). Типы связей различаются лишь способом подсчета веса (силы) связей.

⁷ Диаметр узлов пропорционален «физическим» размерам (количеству сообществ и пользователей) конгломератов.

Входящие связи показывают, какой процент в целевом сообществе составляют пользователи из сообщества-источника. Исходящие связи показывают, какой процент в сообществе-источнике составляют пользователи из целевого сообщества. В графе на рис. 2 отображены входящие связи (вследствие особенностей картографирования).

Конгломераты также можно представить как связанные между собой узлы (поскольку связаны сообщества, входящие в конгломераты). Притом связи эти также бывают входящие и исходящие. Сила (вес) связи двух конгломератов рассчитывается как среднее арифметическое сил связей отдельных сообществ, принадлежащих к одному конгломерату, с сообществами, принадлежащими к другому конгломерату. Эта величина, на основании которой и произведена укладка на рис. 3, косвенно указывает на объем и интенсивность контактов пользователей, а следовательно, – на родство или отторжение конгломератов. Внутренние связи между сообществами одного конгломерата не учитывались при построении графа на рис. 3. При общем количестве связей в картографированной сети 2760, «одноокрашенных» связей (то есть связей между сообществами внутри конгломератов) оказалось 1003; остальные – связи между сообществами из разных конгломератов. Количество внутрифракционных связей между сообществами – 362.

Диаметр каждого кружка/узла на рис. 3 пропорционален среднему арифметическому двух величин, одна из которых доля соответствующего конгломерата в общем числе пользователей, вторая – доля соответствующего конгломерата в общем числе групп, вошедших в исследование. В отличие от иных визуализированных здесь величин, «физические» размеры конгломератов качественно интерпретировать наиболее проблематично, поскольку из-за масштабного дублирования пользователей в разных группах и «раздувания» количества групп истинные «физические» размеры определить затруднительно.

В совокупности графы на рис. 2 и 3, а также на рис. 5 представляют своего рода смысловой ландшафт политизированного сегмента сети. Они показывают, в каком отношении (идейном, мировоззренческом родстве) находятся разные сообщества и их скопления.

Среди картографированных сообществ по результатам спектрального анализа были выявлены высокововлеченные сообщества. Мы условно обозначили их как «розовые», поскольку они генерировали розовый шум в течение довольно длительного периода – три года с 31.05.2021 по 31.05.2024. Мы рассмотрели столь длительный период, чтобы сгладить колебания величин α , вызванные тем, что разнообразные события способствовали кратковременной активизации пользователей разных групп. Обнаружено 117 сообществ с $\alpha \geq 0,5$. Именно эти сообщества можно причислить к разряду высокововлеченных в длительной перспективе. Следующий рисунок (рис. 4) представляет примеры спектрограмм, табл. 1 – результаты идентификации розового шума для нескольких наиболее «розовых» сообществ.

Для высокововлеченных сообществ был рассчитан индекс сетевой влияния (СВ), представляющий собой сумму репостов сообщений,

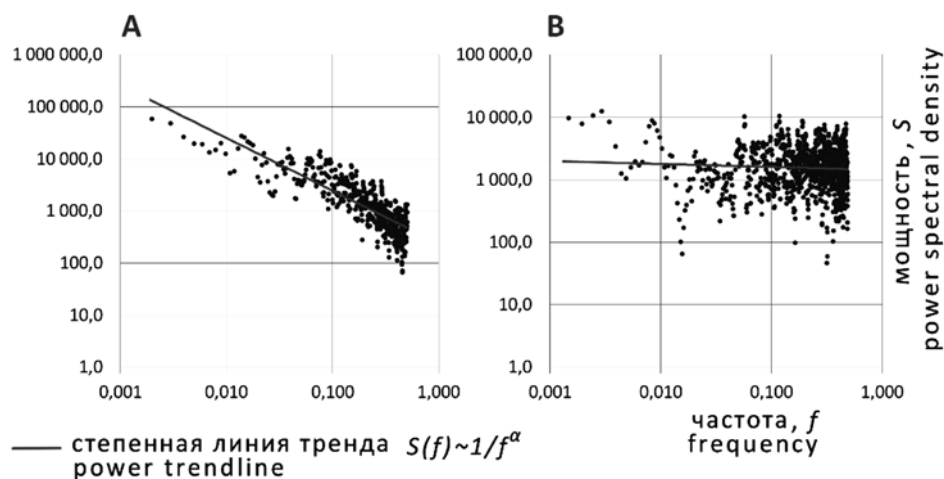

Рис. 4. Спектрограммы репостной активности сообществ в ВК за период 31.05.2021 – 31.05.2024:

А – «Российская Империя» ($\alpha = 1,013$; $R^2 = 0,697$);
 В – «Здоровая Русь – Россия Украина Беларусь» ($\alpha = 0,049$; $R^2 = 0,003$)

Табл. 1. Идентификация степенных закономерностей в спектральной плотности мощности.

Исходные данные: репостная активность сообществ в ВК за период 31.05.2021 – 31.05.2024⁸

Название сообщества	URL: https://vk.com/...	Количество участников, чел.	Фракция	α	R^2	Сумма репостов, ед.
Сталинский букварь	stalins_bukvar	73707	индустрия ностальгии по СССР	1,214	0,640	17667
Российская империя: история, факты, культура	russianimp	314954	старорежимные элитаристы	1,191	0,552	683
Natio-today	natio_today	9649	классические националисты	1,160	0,653	21
Ефимов Виктор Алексеевич /КОБ/ ДОТУ/ Сторонники	efimovkob	27214	конспирологическая эклектика	1,101	0,596	1971
Олимпийские игры	olympicsrus	2440391	слабополитизированная эклектика	1,098	0,527	25776

⁸ Представлены 26 сообществ с $\alpha = 1 \pm 0,25$; полный список «розовых» групп доступен по ссылке: URL: <http://ineternum.ru/pn-rez/> (дата обращения: 15.11.2024).

ПОЛИТ юмор	polit_yumor	95104	непримиримые либералы	1,087	0,624	80
Ольга Скабеева	club215781943	92555	пророссийская эклектика	1,066	0,812	28688
Андрей Ильич Фурсов	fursov_andrey	77577	провластные конспирологи	1,036	0,567	23869
Российская Империя	russianempire1861	21170	монархисты	1,013	0,697	4891
Владимир Мединский	vr_medinskiy	87079	пророссийская эклектика	1,008	0,581	28768
E.squire	ru.esquire	2072449	инфомусор политизированный	0,927	0,599	885625
Ирада Зейналова	zeinalovatv	105919	пророссийская эклектика	0,916	0,626	14761
Андрей Фурсов рекомендует	fursov_like	42619	провластные конспирологи	0,882	0,474	3505
News Front Новости	newsfront_tv	160160	державники-силовики	0,875	0,480	269418
Мэр Мухоморска	mer_srnska	21118	непримиримые либералы	0,868	0,394	203
ДОНЕЦК ДНР НОВОСТИ СВО ДОНБАСС РОССИЯ НОВОРОССИЯ	novnews	421216	пророссийская эклектика	0,862	0,571	743839
Донецк Новости Быстрого Реагирования ДНР	nbr_donetsk	211644	пророссийская эклектика	0,853	0,483	102381
Татьяна Монтян	club213804590	39538	пророссийская эклектика	0,842	0,550	15668
Святой праведный Иоанн Кронштадтский	kronshtadtskij	43361	провластное политическое православие	0,838	0,534	1632
Град	grad_rus	126531	язычники	0,824	0,408	1626
киберпанк, который мы заслужили		211058	инфомусор политизированный	0,815	0,442	64756
Вестник Донбасса	seheroes	95563	индустрия освещения СВО	0,780	0,335	3521
РБК	rbc	917310	непримиримые либералы	0,769	0,385	442898
Вдохновение	workart	2603547	слабополитизированная эклектика	0,766	0,495	41299
ВЕДОМОСТИ	vedomosti	722308	пророссийская эклектика	0,766	0,429	40152
Сводки от ополчения Новороссии	svodki_info	494309	национал-державники	0,752	0,436	262557

опубликованных в сообществе в течение года 31.05.2021 – 31.05.2024, умноженную на α .

Величина $\alpha \approx 0$ указывает на низкововлеченные сообщества, которые, даже будучи крупными донорами информации, не способны увлечь, повлиять на своих пользователей. Величина $\alpha \approx 1$ свойственна высокововлеченным сообществам. Поэтому данную величину удобно использовать как весовой коэффициент перед количественным показателем излучательной мощности сообществ (количество репостов). Этот коэффициент показывает качество посланий, которые распространяются сообществом, поскольку позволяет учесть способность сообщества воздействовать на ум и чувства участников. Заметим, что при вычислении индекса сетевой влияния все значения $\alpha > 1$ приравниваются к 1, поскольку значения α , существенно превышающие 1,5, вероятно, являются результатом сугубо организованной активности пользователей.

Предложенный индекс довольно репрезентативен, поскольку количество репостов можно «накрутить» (что и осуществляется в «промышленных» масштабах, скорее всего, большинством фракций), но нет (во всяком случае, в данный момент) инструментария «накрутки» индекса вовлеченности. Более того, масштабная «накрутка» показателей в изначально высокововлеченных группах ведет к тому, что группы становятся менее «живыми», самоорганизованными, падает сопричастность пользователей; это отражается (в зависимости от технологии «накрутки»), в большинстве случаев, в резком падении индекса вовлеченности и в некоторых случаях – в аномальном возрастании до 2 и более. При расчете индекса СВ низкий коэффициент α позволяет снизить до минимальных величин показатель влияния тех групп, которые, возможно, проявляют большую активность в распространении своего контента (и в некоторых случаях имеют «накрученные» показатели), но неспособны повлиять своим контентом на позиции пользователей, неспособны вовлечь их в свою деятельность. Сообщества, представляющие собой слабововлеченные «мыльные пузыри», таким образом отсекаются. Это, полагаем, является преимуществом предложенного индекса СВ перед простой суммой репостов.

Для конгломератов и фракций мы предложили нормированный индекс обобщенной сетевой влияния (ОСВ). Он рассчитывается по СВ высокововлеченных сообществ в составе конгломератов и фракций. Индексы СВ «одноокрашенных» сообществ суммируются и нормируются так, чтобы сумма индексов всех сообществ (и, следовательно, конгломератов или фракций) была равна 100 единицам. Исходя из этого, ОСВ какого-либо конгломерата указывает фактически на долю его влияния в общем влиянии исследованной сети на пользователей. Это позволяет сопоставить ОСВ разных скоплений и делает данную метрику более интерпретабельной, нежели индексы СВ, которые по отдельности малоинформативны. ОСВ фракций, индустрий и конгломератов представлены в табл. 2. Заметим, что наименования фракций – всего лишь условные ярлыки, введенные нами для маркировки относительно однородных скоплений. В нашем исследовании не обсуждается наличие или отсутствие связей (организационных,

Табл. 2. Нормированные индексы обобщенной сетевой влиятельности (ОСВ) фракций, индустрий и конгломератов⁹

Название конгломератов, фракций, индустрий	Labels of conglomerates, factions, industries	нормированный ОСВ, ед.
конгломерат патриотических про-президентских фракций	conglomerate of patriotic pro-presidential factions	50,85
державники-технократы	statists-technocrats	0,00
евразийцы	Eurasians	0,00
провластное политическое православие	pro-government political Orthodoxy	0,01
культурно-исторические патриоты	cultural-historical patriots	0,25
державники-силовики	statists-siloviki	17,30
ультрацентристы	ultracentrists	3,97
пророссийская эклектика	pro-Russian eclecticism	24,96
индустрия освещения СВО	news about a special military operation	3,55
провластные конспирологи	pro-government conspiracy theorists	0,81
конгломерат националистических фракций	conglomerate of nationalist factions	15,31
культурно-исторические умеренные националисты	cultural-historical moderate nationalists	0,00
националисты-конспирологи	nationalists-conspiracy theorists	0,00
классические националисты	classical nationalists	0,71
язычники	pagans	0,08
национал-державники	national-statists	13,50
антимигрантская индустрия	anti-migrant industry	1,03
конгломерат либеральных фракций	conglomerate of liberal factions	8,89
непримиримые либералы	irreconcilable liberals	7,73
либералы-экономизаторы	liberals-economizers	1,14
культурно-исторические либералы	cultural-historical liberals	0,02
индустрия «чернухи»	dirty news	4,13
конгломерат левых фракций	conglomerate of left factions	0,63
коммунисты	communists	0,13
индустрия ностальгии по СССР	nostalgia for the USSR	0,49
леваки-конспирологи	leftists-conspiracy theorists	0,00
фракция сталинистов	Stalinists	0,08

⁹ 100 единиц – суммарный индекс всей картографированной сети.

конгломерат псевдо-аристократических фракций	conglomerate of pseudo-aristocratic factions	1,27
монархисты	monarchists	1,20
старорежимные элитаристы	old-regime elitists	0,07
конгломерат «Православный ценностный консерватизм»	Orthodox value conservatism	0,00
конгломерат «Слабополитизированная эклектика»	weakly politicized eclecticism	1,10
конгломерат «Конспирологическая эклектика»	conspiracy eclecticism	0,12
конгломерат «Инфомусор политизированный»	politicized information garbage	17,62

интеллектуальных и пр.) фракций с той или иной политической силой или «книжной» социо-политической доктриной.

Наиболее влиятельным – и вместе с тем наиболее широким по фракционному составу – в политизированном сегменте ВК является конгломерат патриотических пропрезидентских фракций с нормированным индексом ОСВ=50,85. В состав конгломерата входят, помимо прочих, несколько небольших фракций, не представленных (или почти не представленных) высокововлеченными сообществами и потому не имеющими или имеющими околонулевой индекс ОСВ: державники-технократы, евразийцы, провластное политическое православие (ОСВ=0,01). Идейними локомотивами конгломерата являются фракции державников-силовиков (ОСВ=17,3) и ультрацентристов (ОСВ=3,97). Державников-силовиков можно условно назвать имперцами, поскольку они выступают за всестороннее и всемерное воплощение имперской формы и сущности российского государства. Важно отметить, что империя (держава) в их представлении не ассоциируется с господством, колониализмом, этно-социальной сегрегацией и экспансией (которые были характерны для западных империй Нового и Новейшего времени). Силовики усматривают назначение державного государства в России в том, чтобы оно было механизмом консолидации ресурсов и управления ими для достижения общественно значимых целей – выживание, оборона, благосостояние народа и пр. Для этой фракции характерны выраженные меритократические идеи – представления о необходимости построения справедливого общества, где каждый пользуется теми благами и занимает такую социальную позицию, которая абсолютно соответствует его личным качествам и достижениям, гармонизированным с общественной пользой.

Ультрацентристы, очевидно, позиционируют себя в качестве наиболее пунктуальных сторонников курса президента В.В. Путина. Они являются эволюционистами в том смысле, что отвергают радикальные социо-политические трансформации и делают ставку на форсированное развитие материально-технической базы социума. Наиболее значимыми политическими требованиями ультрацентристов (отражающими их представле-

ния о ключевых угрозах для России) являются укрепление суверенитета (в т.ч. экономического) и очистка госаппарата от коррупции и западников-либералов.

Фракция «Пророссийская эклектика», обладая весомыми количественными показателями (ОСВ = 24,96), в идейном смысле является скорее потребителем интерпретаций и лозунгов других фракций патриотического пропрезидентского конгломерата. «Пророссийская эклектика» объединяет людей, которые, исходя из своего практического жизненного опыта, оценивают текущую политическую ситуацию и привлекают для ее объяснения те или иные концепции, не беспокоясь об их стройности и непротиворечивости. Индустрия освещения Специальной военной операции (СВО) состоит из групп узкой тематической направленности: входящие в нее сообщества демонстрируют высокое идейное родство с державниками-силовиками и ультрацентристами, но лишь в незначительной мере склонны обсуждать социо-политические проблемы, выходящие за рамки их тематики. Эта индустрия обладает довольно высоким нормированным индексом ОСВ = 3,55. Фракция культурно-исторических патриотов (ОСВ = 0,25) сосредоточена, главным образом, на идеях континуитета российской истории, позитивной геополитической и духовной миссии России.

Небольшая, но очень активная фракция провластных конспирологов (ОСВ = 0,81), подобно любым иным конспирологам, игнорируя «бриту Оккама», культивирует представления о неких тайных силах, управляющих (полностью или частично) политикой и даже коллективным сознанием при помощи методов тайной и гибридной войн. Следовательно, имеется потребность защитить от таковых сил государство – госаппарат, силовые ведомства, элиту.

Скопления, которые выделяются внутри патриотического пропрезидентского конгломерата (рис. 2), хотя и не монолитны, тем не менее весьма близки друг к другу, что указывает на более высокий (по сравнению с либеральным и националистическим конгломератами) уровень идейно-политического единства. Далеко за границы конгломерата уходят некоторые (пусть далеко не все) сообщества фракции «Провластная эклектика» в силу их всеядности, а также сообщества фракции «Провластное политическое православие», которая естественным образом тяготеет к конгломерату «Православный ценностный консерватизм».

Конгломерат националистических фракций, являясь в целом весьма влиятельным (ОСВ = 15,31), оказался наиболее раздробленным. Его фракции-скопления чрезвычайно дистанцированы друг от друга и некоторые из них находятся, очевидно, в идейной близости к другим конгломератам.

Культурно-исторические умеренные националисты широко рассеяны по графу и, так же как националисты-конспирологи, не представлены выскоковлеченными сообществами. Фракция классических националистов (ОСВ = 0,71) тоже рассеяна, а фракция язычников (ОСВ = 0,08), наоборот, собрана в плотное скопление в верхней части графа. Национал-державники (ОСВ = 13,5) находятся в зоне патриотического пропрезидентского конгломерата (рис. 2), плотно связаны с его группами и фактически являются

симпатизантами противостоящей политической силы. Масштабная анти-мигрантская индустрия (ОСВ=1,03) представлена, главным образом, плотным скоплением в правой части графа на рис. 2.

Националистический конгломерат оказался раздроблен разногласиями по двум вопросам: отношение к государству и отношение к религии. Язычники и классические националисты рассматривают современное государство как государство-предатель, которое, будучи физически создано русским народом, отказалось от своей миссии – реализации интересов русских – и обслуживает интересы иных сил, будь то глобалистский олигархический интернационал или мигрантский «многонационал». Это ведет к угасанию русских (демографическому, духовному, политическому и пр.). Возрождение русских – излечение народа от социальных пороков и возвращение себе государства – видится классическими националистами в рамках православных ценностей; тогда как язычники решительно отвергают православие и христианство в целом. В отличие от этих фракций, национал-державники не отрицают права на существование современного российского государства, поскольку находят в нем потенциал для трансформации – переориентации на реализацию интересов населяющих страну народов. Антимигрантская индустрия на множестве примеров бесчинств мигрантов культивирует лозунги закрытия страны для мигрантов, массовой депортации и лишения гражданства за преступления, административные правонарушения и русофобию. Подобные идеи, хотя и в весьма разной мере, разделяются всеми фракциями, включая либеральные.

Флагманом либерального конгломерата (ОСВ=8,89) является фракция непримиримых либералов (ОСВ=7,73). Они отторгают российскую историю и современность, находя что в России маловероятно реализовать их целеполагающие идеи (благополучие, свобода и сервисное государство) из-за «врожденных свойств» русского народа. Единственным выходом для них представляется физическое бегство из страны или духовное бегство от окружающей социально-политической действительности. Либералы-экономизаторы (ОСВ=1,14) полагают главными условиями процветания неограниченную конкуренцию, свободу перемещения людей, капитала, товаров и производств, а также ограничение государства до роли «ночного сторожа». Фактически единственным добавлением, которое либералы-экономизаторы сделали к классическим идеям Адама Смита, является их вера в преобразующую силу инновационного предпринимательства. Для фракции характерен консюмеризм. Культурно-исторические либералы (ОСВ=0,02) придерживаются взглядов, в которых трудно обнаружить какое-то единство, кроме противопоставленности «традиционным ценностям» и «воззрениям большинства». К этой фракции часто примыкают, например, некоторые атеисты, недовольные насаждением религиозной картины мира, а также индивидуалисты, отрицающие разнообразные концепции равенства, общего блага и т.п.

Индустрия «чернухи» (ОСВ=4,13) сфокусирована на новостях, демонстрирующих «уродство российской жизни» (от исторических событий до

бытовых мелочей), является резервуаром русофобии и культивирует комплекс национальной неполноценности.

Конгломерат левых фракций (ОСВ=0,63) состоит из коммунистов (ОСВ=0,13), индустрии ностальгии по СССР (ОСВ=0,49) и леваков-конспирологов. Последние не представлены высокововлеченными сообществами. Фракция коммунистов придерживается классических марксистских идей о надстроечной сущности российского государства, являющегося ширмой господства крупной (преимущественно компрадорской) буржуазии. Любопытной особенностью фракции коммунистов является своего рода сверхпатернализм – представление о том, что основные усилия государства и общества должны быть направлены на радикальное улучшение благосостояния социальных аутсайдеров. Индустрия ностальгии по СССР занимается инициированием позитивных образов из советского прошлого, как правило, для создания противовеса образам современной России.

Формально к левому конгломерату примыкает фракция сталинистов. Несмотря на то, что это весьма маленькая фракция (ОСВ=0,08), она занимает центральное положение в структуре отношений конгломератов (рис. 3), поскольку соединена многочисленными связями практически со всеми ведущими конгломератами, за исключением либерального. Действительно, идеи этой фракции можно обнаружить в самых разных сообществах, где они чаще всего встречаются благосклонно. Ключевые группы этой фракции имеют ярко выращенную антироссийскую направленность, однако не это делает фракцию столь экспансивной. По нашим наблюдениям, сталинисты лишь по форме близки к левым, но, в сущности, индифферентны к классическим марксистским конструкциям. Сталинисты являются решительными сторонниками идеи неотвратимого и жестокого возмездия (наказания врагов общества) и безусловного приоритета интересов народа над частными интересами элиты, чиновничества и корпораций. Апеллируя к произвольно реконструированным сталинским принципам государственного строительства, сталинисты находят отклик в обществе, которое нуждается в справедливости и легких рецептах ее водворения.

Маловлиятельный конгломерат псевдо-аристократических фракций (ОСВ=1,27) получил такое название из-за того, что его участники обычно восхищаются порядками дореволюционной России, третируют советский строй и современную Россию с позиций неких абстрактных привилегированных слоев. Конгломерат включает фракцию монархистов (ОСВ=1,2) и старорежимных элитаристов (ОСВ=0,07). Сторонники второй фракции часто получают от оппонентов ироничный ярлык «булкохрустов». Будучи индифферентными к монархизму, они склонны рассматривать привилегии элиты, а также социальную, политическую, культурную дистанцию между элитой и плебсом, как неперемное условие нормального (в том числе эстетически прекрасного) социального бытия.

Конгломераты «Инфомусор» (ОСВ=17,62), «Слабополитизированная эклектика» (ОСВ=1,1) и «Конспирологическая эклектика» (ОСВ=0,12),

Заключение

Эта работа была вдохновлена идеей изучить политические позиции сетевой общественности в ее естественной среде, сведя, насколько это возможно, к минимуму попытки поместить мнения людей в систему координат, заданную историей социо-политических учений. Мы стремились понять, как сообщества и культивируемые ими политические идеи соотносятся друг с другом (отталкиваются вследствие противоречий или притягиваются вследствие родства), насколько эти сообщества и идеи могут воздействовать на людей – на их политические позиции, ценности и даже действия. Несмотря на столь прозрачно сформулированную задачу, методы ее решения потребовались весьма нетривиальными, поскольку, во-первых, социальные медиа переполнены «накрученными» или просто фейковыми аккаунтами, активностями и группами и, во-вторых, трудно уловить столь тонкие феномены, как вовлеченность, доверие, единомыслие. А ведь влиять и побуждать могут именно те сообщества, которые способны вызвать у пользователей подобные чувства. Как выявить в циклопическом объеме и разнообразии мыслей и образов те, которые вызывают сопричастность у некоторого заметного количества людей? Такая исследовательская ситуация обусловила обращение к инструментарию теории самоорганизованной критичности, «импортированной» из точных и естественных наук. Мы картографировали немногим менее 400 сообществ во «ВКонтакте», выявив связи рефлексивности между ними. Затем мы произвели качественное кодирование и сетевой анализ, чтобы увидеть скопления – относительно идейно-однородные фракции. Среди множества сообществ были выявлены высокововлеченные – генерирующие розовый шум в трехлетних динамических рядах. На основе индексов сетевой влиятельности «розовых» сообществ были рассчитаны индексы влиятельности фракций и их объединений – конгломератов – с середины 2023 до середины 2024 г. Таким образом был реконструирован своего ландшафт смыслов политизированного сегмента сети.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бак П. 2013. Как работает природа: теория самоорганизованной критичности. Москва : УРСС. 276 с.

Бородкин Л.И. 2019. Вызовы нестабильности: концепции синергетики в изучении исторического развития России // Уральский исторический вестник. № 2(63). С. 127–136. DOI 10.30759/1728-9718-2019-2(63)-127-136

Володенков С.В. и др. 2023. Возможности и особенности формирования мировоззрения в цифровой коммуникационной среде: по материалам экспертного исследования / В.С. Володенков, С.Н. Федорченко, Н.М. Печенкин // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. Т. 19, № 1. С. 58–79. DOI 10.21638/spbu23.2023.105

Володенков С.В. и др. 2024. Риски, угрозы и вызовы внедрения искусственного интеллекта и нейросетевых алгоритмов в современную систему социально-политических коммуникаций: по материалам экспертного исследования / В.С. Володенков, С.Н. Федорченко, Н.М. Печенкин // Вестник Российского университета

дружбы народов. Серия: Политология. Т. 26, № 2. С. 406–424. DOI 10.22363/2313-1438-2024-26-2-406-424

Жуков Д.С. 2019. Самоорганизованная критичность в социальных медиа: методы изучения политической мобилизации в Сети // Журнал политических исследований. Т. 3, № 2. С. 11–23.

Жуков Д.С. 2024. Эвристические возможности картографирования сетей и качественного кодирования в политологических исследованиях социальных медиа // Инноватика и экспертиза: научные труды. № 2. С. 68–74.

Жуков Д.С., Лямин С.К. 2017. Революции в Сети: приложение теории самоорганизованной критичности к изучению протестных движений // Историческая информатика. № 4. С. 11–43. DOI 10.7256/2585-7797.2017.4.24559

Малинецкий Г.Г. 2013. Чудо самоорганизованной критичности: вступ. ст. // Бак П. Как работает природа: теория самоорганизованной критичности. Москва : УРСС. С. 13–44.

Малков А.С. и др. 2018. К математическому моделированию степенных и сверхстепенных распределений в социальных системах / А.С. Малков, Ю.В. Зинькина, А.В. Коротаев // История и математика / ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев. Волгоград : Учитель. С. 148–176.

Подлазов А.В. 2001. Новые математические модели, методы и характеристики в теории самоорганизованной критичности : дис. ... канд. физ.-мат. наук. Москва. 120 с.

Сморгунов Л.В. 2021. Цифровизация и сетевая эффективность государственной управляемости // Политическая наука. № 3. С. 13–36. DOI 10.31249/poln/2021.03.01

Федорченко С.Н. 2023а. Власть алгоритма: технологии легитимации политических режимов в условиях цифровизации. Москва : Проспект. 480 с.

Федорченко С.Н. 2023б. Государство-цивилизация в цифровой ойкумене // Журнал политических исследований. Т. 7, № 1. С. 3–26. DOI 10.12737/2587-6295-2023-7-1-3-26

Açıklan Ş.N., Artun E.C. 2019. The Concept of self-organized criticality: The case study of the Arab Uprising // Chaos, Complexity and Leadership 2017 / Ed. by Erçetin Ş.Ş., Potas N. Cham : Springer International Publishing. P. 73–85.

Baltar F., Brunet I. 2012. Social research 2.0: Virtual snowball sampling method using Facebook // Internet Research. Vol. 22, № 1. P. 57–74. DOI 10.1108/10662241211199960

Barabash N.S., Zhukov D.S. 2018. Terrorism as a self-organised criticality phenomenon // International Journal of Conflict and Violence. Vol. 12, № 1. P. 1–13. DOI 10.4119/UNIBI/ijcv.637

Barabash N.S., Zhukov D.S. 2020. Can self-organized criticality theory help identify political mobilization on social media? // Eschachess : Journal for Communication Studies. Vol. 13, № 1. P. 155–177.

Blair E. 2015. A reflexive exploration of two qualitative data coding techniques // Journal of Methods and Measurement in the Social Sciences. Vol. 6, № 1. P. 14–29. DOI 10.2458/v6i1.18772

Brunk G.G. 2001. Self-organized criticality: A New theory of political behaviour and some of its implications // British Journal of Political Science. Vol. 31, № 2. P. 427–445. DOI 10.1017/S0007123401000163

Bykov I.A., Martyanov D.S. 2021. Studying political communities in vk.com with network analysis // Galactica Media: Journal of Media Studies. Vol. 3, № 1. P. 64–78. DOI 10.46539/gmd.v3i1.144

Dmitriev A., Dmitriev V. 2021. Identification of self-organized critical state on Twitter based on the retweets' time series analysis // *Complexity*. Vol. 2021, iss. 1. P. 6612785. DOI 10.1155/2021/6612785

Dmitriev A., Kornilov V., Dmitriev V., Abbas N. 2022. Early warning signals for critical transitions in Sandpile cellular automata // *Frontiers in Physics*. Vol. 10. DOI 10.3389/fphy.2022.839383

Dmitriev A., Lebedev A., Kornilov V., Dmitriev V. 2023. Effective precursors for self-organization of complex systems into a critical state based on dynamic series data // *Frontiers in Physics*. Vol. 11. DOI 10.3389/fphy.2023.1274685

Jacomy M., Venturini T., Heymann S., Bastian M. 2014. ForceAtlas2, a Continuous Graph Layout Algorithm for Handy Network Visualization Designed for the Gephi Software // *Plos One*. Vol. 9, № 6. P. e98679. DOI 10.1371/journal.pone.0098679

Lu P., Yang H., Li M., Zhang Z. 2021. The sandpile model and empire dynamics // *Chaos, Solitons & Fractals*. Vol. 143. P. 110615. DOI 10.1016/j.chaos.2020.110615

Picoli S., Castillo-Mussot M. del, Ribeiro H.V., Lenzi E.K., Mendes R.S. 2014. Universal bursty behaviour in human violent conflicts // *Scientific Reports*. Vol. 4. P. 1–3. DOI 10.1038/srep04773

Roberts D.C., Turcotte D.L. 1998. Fractality and self-organized criticality of wars // *Fractals*. Vol. 6, № 4. P. 351–357. DOI 10.1142/S0218348X98000407

Shimada I., Koyama T. 2015. A theory for complex system's social change: an application of a general 'criticality' mode // *Interdisciplinary Description of Complex Systems*. Vol. 13, № 3. P. 342–353. DOI 10.7906/indecs.13.3.1

Sneppen K., Bak P., Flyvbjerg H., Jensen M.H. 1995. Evolution as a self-organized critical phenomenon // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 92, № 11. P. 5209–5213. DOI 10.1073/pnas.92.11.5209

Tadić B., Dankulov M.M., Melnik R. 2017. Mechanisms of self-organized criticality in social processes of knowledge creation // *Physical Review E*. Vol. 96, № 3. P. 032307(14). DOI 10.1103/PhysRevE.96.032307

Turcotte D.L., Rundle J.B. 2002. Self-organized complexity in the physical, biological, and social sciences // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 99, № 1. P. 2463–2465. DOI 10.1073/pnas.012579399

Zhukov D., Kunavin K., Lyamin S. 2020. Online rebellion: Self-organized criticality of contemporary protest movements // *Sage Open*. Vol. 10, № 2. P. 1–22. DOI 10.1177/2158244020923354

References

Açıkalin Ş.N., Artun E.C. The Concept of self-organized criticality: The case study of the Arab Uprising, *Erçetin Ş.Ş., Potas N. (Eds.), Chaos, Complexity and Leadership 2017*, Cham, Springer International Publishing, 2019, pp. 73–85.

Bak P. *How Nature Works. The Science of Self-Organized Criticality Copernicus*, Moscow, URSS, 2013, 276 p. (in Russ.).

Baltar F., Brunet I. Social research 2.0: Virtual snowball sampling method using Facebook, *Internet Research*, 2012, vol. 22, no. 1, pp. 57–74. <https://doi.org/10.1108/10662241211199960>

Barabash N.S., Zhukov D.S. Can self-organized criticality theory help identify political mobilization on social media? *Essachess : Journal for Communication Studies*, 2020, vol. 13, no. 1, pp. 155–177.

Barabash N.S., Zhukov D.S. Terrorism as a self-organised criticality phenomenon, *International Journal of Conflict and Violence*, 2018, vol. 12, no. 1, pp. 1–13. <https://doi.org/10.4119/UNIBI/ijcv.637>

Blair E. A reflexive exploration of two qualitative data coding techniques, *Journal of Methods and Measurement in the Social Sciences*, 2015, vol. 6, no. 1, pp. 14–29. <https://doi.org/10.2458/v6i1.18772>

Borodkin L.I. Challenges of Instability: The Concepts of Synergetics in Studying the Historical Development of Russia, *Ural Historical Journal*, 2019, no. 2(63), pp. 127–136. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-2\(63\)-127-136](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-2(63)-127-136) (in Russ.).

Brunk G.G. Self-organized criticality: A New theory of political behaviour and some of its implications, *British Journal of Political Science*, 2001, vol. 31, no. 2, pp. 427–445. <https://doi.org/10.1017/S0007123401000163>

Bykov I.A., Martyanov D.S. Studying political communities in vk.com with network analysis, *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 2021, vol. 3, no. 1, pp. 64–78. <https://doi.org/10.46539/gmd.v3i1.144>

Dmitriev A., Dmitriev V. Identification of self-organized critical state on Twitter based on the retweets' time series analysis, *Complexity*, 2021, vol. 2021, iss. 1, pp. 6612785. <https://doi.org/10.1155/2021/6612785>

Dmitriev A., Kornilov V., Dmitriev V., Abbas N. Early warning signals for critical transitions in Sandpile cellular automata, *Frontiers in Physics*, 2022, vol. 10. <https://doi.org/10.3389/fphy.2022.839383>

Dmitriev A., Lebedev A., Kornilov V., Dmitriev V. Effective precursors for self-organization of complex systems into a critical state based on dynamic series data, *Frontiers in Physics*, 2023, vol. 11. <https://doi.org/10.3389/fphy.2023.1274685>

Fedorchenko S.N. State-Civilization in the Digital Ecumene, *Zhurnal politicheskikh issledovaniy*, 2023, vol. 7, no. 1, pp. 3–26. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2023-7-1-3-26> (in Russ.).

Fedorchenko S.N. *Vlast' algoritma: tekhnologii legitimatsii politicheskikh rezhimov v usloviyakh tsifrovizatsii* [The Power of the Algorithm: Technologies for Legitimizing Political Regimes in the Context of Digitalization], Moscow, Prospekt, 2023, 480 p. (in Russ.).

Jacomy M., Venturini T., Heymann S., Bastian M. ForceAtlas2, a Continuous Graph Layout Algorithm for Handy Network Visualization Designed for the Gephi Software, *Plos One*, 2014, vol. 9, no. 6, pp. e98679. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0098679>

Lu P., Yang H., Li M., Zhang Z. The sandpile model and empire dynamics, *Chaos, Solitons & Fractals*, 2021, vol. 143, pp. 110615. <https://doi.org/10.1016/j.chaos.2020.110615>

Malinetsky G.G. *Chudo samoorganizovannoy kritichnosti: vstup. st.* [The Miracle of Self-organized Criticality: an Introductory Article], *Bak P. Kak rabotaet priroda: teoriya samoorganizovannoy kritichnosti*, Moscow, URSS, 2013, pp. 13–44. (in Russ.).

Malkov A.S., Zinkina Yu.V., Korotaev A.V. *K matematicheskomu modelirovaniyu stepennykh i sverkhstepennykh raspredeleniy v sotsial'nykh sistemakh* [Towards Mathematical Modeling of Power- and Super-power Distributions in Social Systems], *Grinin L.E., Korotaev A.V. (Eds.), Istoriya i matematika*, Volgograd, Uchitel', 2018, pp. 148–176. (in Russ.).

Picoli S., Castillo-Mussot M. del, Ribeiro H.V., Lenzi E.K., Mendes R.S. Universal bursty behaviour in human violent conflicts, *Scientific Reports*, 2014, vol. 4, pp. 1–3. <https://doi.org/10.1038/srep04773>

Podlazov A.V. *Novye matematicheskie modeli, metody i kharakteristiki v teorii samoorganizovannoy kritichnosti : dis. ... kand. fiz.-mat. nauk* [New Mathematical Models, Methods, and Characteristics in the Theory of Self-organized Criticality: Dissertation], Moscow, 2001, 120 p. (in Russ.).

Roberts D.C., Turcotte D.L. Fractality and self-organized criticality of wars, *Fractals*, 1998, vol. 6, no. 4, pp. 351–357. <https://doi.org/10.1142/S0218348X98000407>

Shimada I., Koyama T. A theory for complex system's social change: an application of a general 'criticality' mode, *Interdisciplinary Description of Complex Systems*, 2015, vol. 13, no. 3, pp. 342–353. <https://doi.org/10.7906/indexs.13.3.1>

Smorgunov L.V. Digitalization and Network Effectiveness of Public Governability, *Political Science*, 2021, no. 3, pp. 13–36. <https://doi.org/10.31249/poln/2021.03.01> (in Russ.).

Sneppen K., Bak P., Flyvbjerg H., Jensen M.H. Evolution as a self-organized critical phenomenon, *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 1995, vol. 92, no. 11, pp. 5209–5213. <https://doi.org/10.1073/pnas.92.11.5209>

Tadić B., Dankulov M.M., Melnik R. Mechanisms of self-organized criticality in social processes of knowledge creation, *Physical Review E*, 2017, vol. 96, no. 3, pp. 032307(14). <https://doi.org/10.1103/PhysRevE.96.032307>

Turcotte D.L., Rundle J.B. Self-organized complexity in the physical, biological, and social sciences, *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2002, vol. 99, no. 1, pp. 2463–2465. <https://doi.org/10.1073/pnas.012579399>

Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N., Pechenkin N.M. Opportunities and Features of the Worldview Formation in the Digital Communication Environment: Based on the Materials of an Expert Study, *Political expertise: POLITEX*, 2023, vol. 19, no. 1, pp. 58–79. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.105> (in Russ.).

Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N., Pechenkin N.M. Risks, Threats, and Challenges of Introducing Artificial Intelligence and Neural Network Algorithms Into the Contemporary System of Socio-Political Communications: The Results of Expert Study, *RUDN Journal of Political Science*, 2024, vol. 26, no. 2, pp. 406–424. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-406-424> (in Russ.).

Zhukov D., Kunavin K., Lyamin S. Online rebellion: Self-organized criticality of contemporary protest movements, *Sage Open*, 2020, vol. 10, no. 2, pp. 1–22. <https://doi.org/10.1177/2158244020923354>

Zhukov D.S. Heuristic Possibilities of Network Mapping and Qualitative Coding in Political Science Research of Social Media, *Innovatika i ekspertiza: nauchnye Trudy*, 2024, no. 2, pp. 68–74. (in Russ.).

Zhukov D.S. Self-Organized Criticality in Social Media: Methods for Studying Network Political Mobilization, *Zhurnal politicheskikh issledovaniy*, 2019, vol. 3, no. 2, pp. 11–23. (in Russ.).

Zhukov D.S., Lyamin S.K. *Revolutsii v Seti: prilozhenie teorii samoorganizovannoy kritichnosti k izucheniyu protestnykh dvizheniy* [Revolutions on the Web: the Application of the Theory of Self-organized Criticality to the Study of Protest Movements], *Historical Informatics*, 2017, np. 4, pp. 11–43. <https://doi.org/10.7256/2585-7797.2017.4.24559> (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дмитрий Сергеевич Жуков

кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Центр фрактального моделирования социальных и политических процессов Тамбовского государственного университета имени Г.Р.Державина;

Тамбов, Россия;

ORCID: 0000-0002-4561-2882;

ResearcherID: R-6651-2016;

Scopus: 36344288900;

SPIN-код: 9987-7453;

E-mail: ineternatum@mail.ru

Дмитрий Григорьевич Сельцер

доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии, социологии и международных процессов, Тамбовский государственный университет имени Г.Р.Державина;

Тамбов, Россия;

ORCID: 0000-0002-6187-2748;

SPIN-код: 7093-1221;

E-mail: seltser@yandex.ru

Владимир Александрович Ловцов

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и философии, Тамбовский государственный университет имени Г.Р.Державина;

Тамбов, Россия;

ORCID: 0000-0001-6819-6554;

SPIN-код: 1411-3700;

E-mail: vladimirlovtsovdotcom@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Dmitry S. Zhukov

Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher at the Center for Fractal Modeling of Social and Political Processes, G.R. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian;

ORCID: 0000-0002-4561-2882;

ResearcherID: R-6651-2016;

Scopus: 36344288900;

SPIN-код: 9987-7453;

E-mail: ineternatum@mail.ru

Dmitry G. Seltser

Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Political Science, Sociology and International Affairs, G.R. Derzhavin Tambov State University;

Tambov, Russian Federation;

ORCID: 0000-0002-6187-2748;

SPIN-код: 7093-1221;

E-mail: seltser@yandex.ru

Vladimir A. Lovtsov

Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer at the Department of History and Philosophy, G.R. Derzhavin Tambov State University;

Tambov, Russian Federation;

ORCID: 0000-0001-6819-6554;

SPIN-код: 1411-3700;

E-mail: vladimirlovtsovdotcom@gmail.com

Горбань В.С. Роль историографии в философии права и формировании понятийного языка современной правовой теории // Антиномии. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 107-127. https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_1_107

УДК 340.12

DOI 10.17506/26867206_2025_25_1_107

Роль историографии в философии права и формировании понятийного языка современной правовой теории

Владимир Сергеевич Горбань

Институт государства и права РАН

г. Москва, Россия

E-mail: gorbanv@gmail.com

*Поступила в редакцию 12.03.2025, поступила после рецензирования 19.03.2025,
принята к публикации 25.03.2025*

Аннотация: В статье рассматривается комплекс вопросов, связанных с оценкой состояния современной историографии философии права и необходимостью ее развития, в том числе в сфере такой фундаментальной части любой науки, как ее понятийно-терминологический словарь. Для философии права значение историографии является программным, проявлением должного критицизма, основой и инструментом оценки состояния и способности самостоятельного мышления. Как смена или одновременное существование чистых гипотез теория права или философия права остаются плоскими, лишенными связи с жизнью, не дающими никаких принципиальных плодов для науки и практики, логической лабораторией. Поэтому надлежащая историография философии права демонстрирует интеллектуальный портрет, культурно-цивилизационный паспорт универсальных и национальных

© Горбань В.С., 2025

черт мышления о праве и формах организации соответствующих знаний в качестве теории или набора практических советов. Одной из существенных проблем на пути развития философии права является фиксируемое историографией вопроса частое стремление к использованию схематизмов, иллюстративно-аллегорических средств выражения соответствующих идей, из-за чего возможность единства отвлеченно-смысловых и образных характеристик политико-правовых знаний представляется в искаженном виде. Неспособность (конкретной) философии права к самостоятельному мышлению оказывается проявлением традиционного схематизма. Культурно-цивилизационная морфология философии права напрямую связана с ролью и значением национального языка.

Ключевые слова: история политико-правовой мысли; юридическая историография; философия права; морфология языка правовой теории; история науки; отмирание права; национальная правовая литература

Благодарности: Исследование выполнено в рамках научного проекта «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого при финансовой поддержке Минобрнауки России (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

The Role of Historiography in Legal Philosophy and the Formation of the Conceptual Language in Contemporary Legal Theory

Vladimir S. Gorban

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

E-mail: gorbanv@gmail.com

Received 12.03.2025, revised 19.03.2025, accepted 25.03.2025

Abstract. The article addresses several key issues concerning the assessment of contemporary historiography in the philosophy of law and emphasizes the necessity for its advancement, particularly in terms of its conceptual and terminological vocabulary. Historiography holds a programmatic significance for the philosophy of law, serving as a manifestation of critical analysis and as a foundational tool for evaluating the current state and capacity for independent thought within the field. The philosophy of law, whether through alternating or simultaneous existence with pure hypothesis, risks becoming stagnant and disconnected from real-life applications, if does not engage with practical outcomes. It must evolve beyond merely a “logical laboratory” that fails to produce meaningful contributions to science and practice. Therefore, a proper historiography of legal philosophy reflects an intellectual portrait, and serves as a cultural and civilizational passport that encapsulates both universal and national perspectives on law, along with organization of relevant knowledge – whether as theory or practical guidance. One significant challenge in advancing the philosophy of law is the prevalent tendency to rely on schematism, illustrative and allegorical methods to convey ideas. This reliance can distort the potential unity between abstract semantic concepts and figurative characteristics of political and legal knowledge. The inability of concrete philosophy of

law to engage in independent thought often reveals itself as symptom of traditional schematism. Furthermore, the cultural and civilizational morphology of the philosophy of law is intricately linked to the role and significance of national language.

Keywords: history of political and legal thought; legal historiography; philosophy of law; morphology of legal language; history of science; withering away of law; national legal literature

Acknowledgments: This research was conducted as part of the scientific project titled “Creating a Russian Historiographic Model of Political and Legal Knowledge and Its Application to Develop Promising Means of Countering Ideological Distortions of Russia's Civilizational Development”. This project received financial support from the Russian Ministry of Education and Science (Agreement No. 075-15-2024-639 dated July 12, 2024).

For citation: Gorban V.S. The Role of Historiography in Legal Philosophy and the Formation of the Conceptual Language in Contemporary Legal Theory, *Antinomies*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 107-127. (in Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_1_107

Введение

История науки, по верному замечанию В.И. Вернадского, является одной из величайших дисциплин человечества, а сама научная мысль – явление планетарного масштаба (Вернадский 1991: 38). Для философии права и юридических наук в целом проблематика истории науки остается актуальной и перспективной задачей. Нельзя сказать, что в этом направлении ничего не сделано. Напротив, мы сегодня имеем внушительный объем знаний, накопленный в предшествующие эпохи. Однако он лишь фрагментарно и эпизодически охватывает определенные типы правовых представлений и в значительной степени остается даже в лучших своих образцах скорее энциклопедией политических и правовых знаний, чем теоретически и методологически разработанной наукой, да и еще нацеленной не на антикварное изучение источников и их систематизацию, а на подлинно научное теоретическое знание и его практическое использование. Философия права или теория права может мыслиться как чистая наука, оторванная от всякой практической жизни и действительности, говорящая каким-то универсальным языком, основанным на общей морфологии. Но это скорее лишь интуитивный образ, который, по аналогии с кантовскими ощущениями от сознательного представления вещи, независимо от ее конкретных признаков, все же занимает место в мыслительном пространстве, обладает пространственно-временной протяженностью. На самом деле мы всегда имеем конкретную теорию права, конкретную философию права, написанную на конкретном языке и с помощью его выразительных возможностей.

Рассуждения о любой научной проблеме имплицитно предполагают историографический анализ. Если автор знает состояние научной – проблемно-теоретической, критической, историко-философской и прочих типов – разработки интересующей его проблемы, то лишь тогда он может предложить сколько-нибудь существенное объяснение наблюдаемых и мыслимых закономерностей; и даже интуиция ученого является продуктом

культуры, образования, опыта, среды и т.п. Для философии и науки сквозной темой при этом является, с одной стороны, формирование традиций и научных школ, а с другой – непрерывная попытка размежевания, отграничения себя от авторитетов прошлого и современности. К. Бергбом, известный немецкий правовед рубежа XIX–XX вв., характеризовал подлинную науку как «самую непочтительную вещь в мире»¹ (Bergbohm 1892: 31). В связи этим для одних историография науки видится как рассказ об авторитетах прошлого и преемственности, для других – как разрыв с прошлым и отказ от любой ссылки на авторитеты. Настоящая современная историография политико-правовой мысли выглядит совершенно иначе, стремится избегать такого рода крайностей. Она предполагает не слепое воспроизведение схематизмов и шаблонов при анализе юридических концепций прошлого и современности, различных форм осмысления политических и правовых знаний: мифологического, фольклорного, теоретического, художественно-литературного и др., а сознательную ревизию и проверку познавательных средств и ресурсов, с помощью которых обеспечивается содержательное и социально-практическое наполнение соответствующей дисциплины. Наиболее частой ошибкой большинства историографических подходов в области политико-правовых знаний является попытка с помощью схематизмов, аллегорий и других схожих иллюстраций показать знания о праве и государстве как полное знание, которое якобы отражает верное и искомое понимание природы и характера права.

Приведенные соображения совершенно справедливы и при оценке разнообразных культурно-цивилизационных типов в развитии права и государства. Например, законы вавилонского царя Хаммурапи можно оценивать и с точки зрения современных представлений о правовой системе, о действии права, что тоже не лишено смысла. В итоге мы можем задаться вопросом, а был ли свод его законов источником права, так сказать всеобщим законом, или обобщением (сообщением) о давно сложившейся практике, которое лишь рассказывает о заслугах этого правителя, продолжая хвалебную речь, изложенную в прологе? Вопрос, конечно же, интересный для истории права. Однако ответить на него более или менее полно и достоверно можно лишь, так сказать, погрузившись в эпоху, выяснив общее состояние культуры, религиозные основы, язык и многое другое. Древний Восток является историческим предшественником римско-эллинской цивилизации, которая активно пользовалась многими его достижениями. Поэтому оценивать Древний Восток с позиции и с помощью конструкций римской юриспруденции возможно, но точных научных знаний это не прибавляет, вероятно, давая основания для общих предположений.

Из представления о теории права как конкретном историческом явлении следует и другая чрезвычайно важная проблема общественных наук,

¹ Bergbohm K. Jurisprudenz und Rechtsphilosophie: kritische Abhandlungen. Teil : Bd. 1 : Einleitung. Abh. 1 : Das Naturrecht der Gegenwart. Leipzig : Duncker & Humblot, 1892. S. 31.

в частности юридических. Она заключается в характере их понятийного языка, в наборе тем и средств выразительности. Есть темы и вопросы, которые вызваны к жизни совершенно иными традициями, культурами, в силу общих влияний и ориентаций в науке возделываются технически искусно, но по своей культурно-цивилизационной морфологии оказываются оторванными от реальной действительности. Поэтому юридическая наука должна более тщательно заниматься своим словарем, содержанием и выбором тем, формирующих ее и в дальнейшем становящихся научной программой. В связи с этим возникает множество релевантных вопросов, разработка которых открывает перспективные направления развития юридических наук.

Роль историографии в философии права. Нищета философии права без историографии

Философия права стоит в настоящее время перед большим водоразделом, который возникает естественным образом в силу объективного развития человечества и сохранения устаревших практик добывания и пользования знаниями. Настоящее и будущее требуют очевидным образом от философии права таких результатов, которые бы удовлетворяли требованиям качественного, достоверного и по-настоящему полезного человечеству знания.

Научно понять значение и природу философии права означает не только установить ее в рамки научной деятельности в области права, но определить ее научный язык, композиционный портрет, характер обсуждаемых тем, их происхождение и актуальность, научный аппарат, лежащие в ее основе гипотезы, конкретные теории, принципы, ее отношение к юридической технике и практике, стратегию, наконец, ее эстетику, средства выразительности, ее образ в культуре и искусстве, в общественном сознании. И чтобы выполнить задачу научного понимания философии права, необходимо знать историю политического и юридического творчества, историографию теории права как науки. Без выяснения и уяснения характера развития политической и правовой мысли почти невозможно сколько-нибудь убедительное объяснение философии права. В противном случае она становится обезличенной, на ощупь находит и воспроизводит хорошо известные положения и идеи, чтобы не выглядеть безразличной к текущим проблемно-прагматическим настроениям. Философия права, независимо от национальных типов ее воплощения и существования, всегда отражает ту или иную связь с общим состоянием культуры, знание которой естественным образом и по логической необходимости приводит к выяснению смысла идей, подлежащих включению в предметную ткань этой науки. Иначе философия права выглядит, по слову П. Флоренского, как сочинительство, игра в жизнь (Флоренский 2013: 29).

Даже в лучших по своей выразительности и осмысленности образцах анализа историографии философии права учеными начала XXI в.

высказывается робкое убеждение, что человечеству только предстоит написать универсальную и действительно объемлющую философию права².

Значение философии права сегодня состоит в обеспечении и культивировании знаний об универсальных общезначимых принципах и правилах порядка совместной жизни людей, складывающихся как по настоящему всеобщее (а не привилегированное!) достижение в процессе мировой истории, но обретающих ясные черты только в приложении к конкретному народу и в конкретно-исторических условиях с целью реализации начал порядка, мира, равенства, свободы и справедливости во взаимоотношениях людей между собой, в общественной жизни и государственном управлении таким образом, чтобы это приводило к устойчивому росту индивидуального и социального благополучия, сохранению и сбережению лучших культурно-цивилизационных черт в общечеловеческом и конкретно-национальном измерениях. Философия права должна включать в себя историографию, свою родословную, стремиться к универсальности, но оставаться почвенной. Без внятной и глубоко проработанной историографической части³, отвечающей на вопрос о происхождении и эволюции этой конкретной философии права (а именно такую мы всегда имеем в опыте), о характере ее языка, понятийной структуры, о средствах выразительности, о сильных и слабых позициях, о преемственности и новизне, о способах критики, характере догматики, о роли идей и смыслов, формирующих ее содержательную ткань, о приемлемых для нее и обоснованных критериях научности, наконец, о стратегии развития самой теории, об образе ее будущего и будущего права вообще, – без ответов на эти вопросы философия права, или теоретическая юриспруденция в целом, может претендовать лишь на роль технического вспомогательного средства приспособления к любым произвольным политическим и экономическим интересам (Горбань 2024).

Литература по философии права должна чувствовать и отражать проблему универсальных знаний и национального языка, фундаментальных корней и истоков, из которых складывается портрет философии права, ее средства выразительности, композиционная структура и содержание.

² А. Кауфманн отмечал, что «универсальную историю философии права и права вообще только предстоит написать» (Hassemer et al. 2016: 25), предлагая некоторые ракурсы в сравнении, например, классической китайской и классической западноевропейской философии права (Kaufmann 1991).

³ В.И. Вернадский верно писал: «История научного знания еще не написана, и мы только-только начинаем в ней – с большим трудом и с большими пробелами – выявлять забытые и сознательно не усвоенные человечеством факты – начинаем искать характеризующие ее крупные эмпирические обобщения.

Научно понять это большое, огромной научной и социальном важности явление мы еще не можем. Научно понять – значит установить явление в рамки научной реальности – космоса. Сейчас мы должны одновременно пытаться научно понять его и в то же время использовать его изучение для установки основных вех истории научного знания – одной из жизненно важнейших научных дисциплин человечества» (Вернадский 1991: 38).

В содержании философии права обнаруживаются черты конкретных сюжетов и тем, которые отражают совершенно определенные культурные и философские представления, взгляды, мировоззрения, традиции. Мы можем их фиксировать, точнее выяснить их генетику, их назначение и правомерно поставить вопрос о возможности принятия такой трактовки в других традициях или подвергнуть их обоснованной критике. Очень часто в области мыслительного и духовного творчества человечества работа, технически иногда даже очень серьезная и глубокая, ведется в отношении тем и вопросов, которые порождены совершенно определенными условиями, выражают чаяния и ожидания конкретной общности, народа. Вероятно, умение распознавать характер тем, формирующих содержание философии права, может рассматриваться как одна из серьезнейших и перспективных задач правоведения. Рассуждая о больших исторических траекториях развития политической и правовой мысли в средневековой Европе, нельзя забывать о том, как и по каким причинам сохранялся и культивировался латинский язык, в качестве языка делопроизводства и судебного разбирательства, как юридические догматы Западной Римской империи оказывали влияние на устои христианства, способствуя возникновению инославной версии христианства в виде католицизма с его контрастным увлечением юридическими сюжетами в объяснении важнейших вопросов вероучения, как, в свою очередь, само христианство, в данном случае в виде католицизма, оказывало влияние на общественно-политическую мысль, литературу, правовую жизнь Европы. Если мы начинаем обсуждать эту отступническую традицию как нечто прогрессивное само по себе, не обращая внимания на то, каким образом сформировались, с какой целью обсуждались и вводились в оборот те или иные темы, то мы невольно начинаем заниматься услужничеством совершенно чужим и неясным мировоззрениям. Они должны изучаться, внимательно и глубоко, но лишь как определенные пути, траектории, искания, а ни в коем случае ни как тот самый единственный и правильный путь к праву.

Не может быть сомнения, что универсальную философию права только предстоит написать. Хотя существуют самоуверенные позиции о самодостаточности какого-то, как правило, возникшего в зарубежной литературе учение или концепции, которые, по большей части в силу присутствующей там из-за их иностранного происхождения загадочности понятийного лексикона и импортированности как таковой, дают более чем достаточную пищу для интеллектуальных восхищений, распространенных в немалой степени и в отечественной философско-правовой литературе. Такие трактовки в основном связаны с избирательным ознакомлением с какой-то иностранной книгой, которая вне всякой критики, не говоря уже о том, чтобы изучать обозначенную в иностранной литературе точку зрения целиком, связаны с различными вариантами неопозитивизма, научными и философскими дискурсами, типами рациональностей, синтезированием философии и лингвистики.

Новые ракурсы и позиции, с которых авторы пытаются посмотреть на предмет под другим углом, даже, так сказать, молекулярный разбор,

разложение предмета на мельчайшие детали, – все это элементы естественного хода развития науки, но их значение зависит от культуры использования, способности самостоятельного критического мышления, мифа, лежащего в основе науки (по А.Ф. Лосеву). Чистая наука – это голые гипотезы, которые безразличны к конкретному содержанию. Одна сменяет другую⁴. Но в науке большую роль играет то, что заставляет ее двигаться, направляет ее, одухотворяет и оживляет науку. В.И. Вернадский называл это средой (Вернадский 1988: 51). У английского ученого Дж. Бернала речь идет о стратегии науки⁵.

Лауреат Нобелевской премии, французский ученый, иностранный член Академии наук СССР Л. де Бройль писал: «Как и все остальные разделы истории, история наук имеет две стороны: «эрудицию» и «общие идеи». У историков эти две стороны соответствуют весьма различным складам ума и даже весьма различным знаниям. Эрудиция, вместе с терпеливыми исследованиями и кропотливым критическим анализом источников, необходима для установления подлинности исторических фактов и их строгой последовательности во времени. Но общие идеи также необходимы, поскольку они позволяют извлечь из истории выводы и уроки, придать ей подлинный интерес; простой перечень фактов такого интереса не представляет»⁶.

Известный французский правовед начала XX в. Ф. Жени подчеркивал диалектическую связь интеллекта и убеждений, причем последнее обозначается во французском языке и словом «вера», так что грани между религиозной картиной мира и социальными убеждениями личности оказываются в его фундаментальном труде «Наука и техника» не всегда различимы⁷. Философ Г. Гегель и юрист Ф. Савиньи уверяли, что содержание науки о праве предопределяется постепенным самораскрытием духа, что означает пассивное страдательное положение человека во всемирно-историческом процессе⁸. Современный немецкий правовед Б. Рютерс настойчиво проводил мысль, что философия права, или теория права, – в немецкой литературе с трудом можно их различить – никак невозможна без идеологии. Разве что только, писал Рютерс, следует избегать какой-то одной обязательной идеологии, хотя фактическое состояние этого вопроса зависит от посто-

⁴ Одной из самых популярных идей у юристов и философов права на протяжении последних немногим более двух столетий было настойчивое требование очищения юриспруденции как науки от всяких чуждых элементов и вообще любого эмпирического содержания (см.: Горбань 2023).

⁵ Бернал Д.Д. Наука в истории общества / общ. ред. Б.М. Кедрова, И.В. Кузнецова. Москва : Изд-во иностр. лит., 1956. С. 26.

⁶ Бройль Л. де. По тропам науки / послесл. и общ. ред. И.В. Кузнецова. Москва : Изд-во иностр. лит., 1962. С. 300.

⁷ Géný F. Science et technique en droit privé positif : nouvelle contribution à la critique de la méthode juridique. 1 : Introduction, Première Partie : position actuelle du problème du droit positif et éléments de sa solution. Paris : Recueil Sirey, 1914. P. 51.

⁸ Hegel G.W.F. Grundlinien der Philosophie des Rechts. Berlin : [s.n.], 1821. 358 S.; Savigny F.C. Vom Beruf unsrer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. Heidelberg : Mohr und Zimmer, 1814. 162 S.

янной борьбы и конкуренции, в результате которых на конкретном историческом участке времени доминирует одна. Она и определяет характер права – его конкретно историческую специфику. Эта мысль отчеканена в немецкой юридической литературе, начиная с исторической школы, а популярна стала благодаря марксизму. Поэтому конкретная философия права, или теория права, всегда исторична, мифологична, отражает культурно-цивилизационные черты традиции, языка, литературы, материальной культуры и других существенных для образа народа или эпохи факторов и характеристик.

Идея национальных типов развития нередко трактуется сегодня как устаревшее представление, поскольку науке удобнее работать с другими более объемными классификациями – семьями, блоками и т.п. В данной оптике образ видится более панорамно, но в итоге страдает множеством схематизмов и упрощений. Самый простой пример – это такие наименования, как «западная философия права», «западная традиция права». Конечно же, это мифы, причем не в смысле атрибута мышления, а часто в смысле искусственного идеологического конструкта. Если «запад» понимается в значении, которое ему придавали римляне, отграничивая географически эллинский восток, то тогда такой архаический смысл, наверное, верен. Однако в культурно-цивилизационном значении – это не более чем анахронизм. Немецкая философская и юридическая литература была и остается немецкой, непохожей ни на какую другую. Французская остается французской, английская английской и т.д. Безусловно, у них есть и общие черты, но они лишь схематичны.

Обращение к иностранной литературе в значительной степени необходимо, если мы хотим понять характер происходящих в мире событий и тенденций, но ценность представляет именно изучение, глубокий и основательный анализ, здравомысленная критика (но для нее нужна собственная точка зрения) всего того, что представляется научно-познавательным в опыте зарубежных стран. Есть, конечно же, при этом довольно простенькая и незатейливая схема, по которой на веру принимается как готовый и не нуждающийся в критике результат некий набор знаний всего того, что нужно бы знать философу права с помощью некоторого отвлеченного зарубежного набора, чтобы затем по протокольной логике заняться почти механическим усвоением того загадочно лучшего и благотворного, что где-то там припасено для всего человечества. Когда этим пользовались люди в древности или в период Средних веков, то это можно было бы объяснить уровнем знаний, но когда это присутствует сегодня, то оно не может не вызывать ничего иного, как только удивление.

Сдвинуть национальную науку в сторону самостоятельного мышления крайне непросто. Однако представить ее вне способности суверенно мыслить, самостоятельно задавать и отвечать на мировоззренческие и научно-практические вопросы просто невозможно. Наука в целом, без сомнения, дело универсальное, но, по верному замечанию Ф.М. Достоевского, позже В.И. Вернадского, плоды свои дает только в приложении к национальности, только в определенной среде. Ту же самую мысль настойчиво

проводил в применении к одной из основных тем своего творчества израильский правовед Й. Зальцман (писавший под псевдонимом Раз), карьера которого была связана с работой в основном в Оксфорде. Он рассуждал о том, может ли быть теория права универсальной или только местной, локальной, национальной (Raz 1996). Й. Раз, в частности, утверждал, что все прежние теории права терпели неудачи, так как, будучи локальными, ошибочно претендовали на всеобщность и универсальность. Все удачные правовые теории, по мнению данного ученого, были локальными, поскольку в данном случае «успеха можно добиться только оставаясь локальным явлением» (Raz 1996: 2).

В любой стране мира философия права превращается во вспомогательную и малопригодную вещь, если она утрачивает самостоятельный характер. Могут, конечно, возразить, что только определенные народы способны к философии, в том числе в сфере права, но такой анахронизм вряд ли достоин внимания. Подобная точка зрения популярна в зарубежных изданиях, особенно в немецких (Хайдеггер 2015). Мировоззрение может называться разными словами, но вряд ли представления народа о лучшем и справедливом для него, о мире и месте в нем человека нуждаются в легитимации со стороны какого-то патентного ведомства. Да и сама философия настолько неоднородна, что даже в области права нельзя спутать, например, немецкий мистический рационализм с его гипертрофированным подражанием математике с французским материализмом и его выражением в социологии. Только в самом упрощенном представлении думают, что по наличию какого-то специального философского сочинения, неких критик чистого разума, можно однозначно рассуждать о национальной философии права.

Настоящий интеллектуальный портрет национальной философии права возможно составить только в результате больших и долгих поисков в области местной культуры и литературы. Если в естественных науках закономерности познаваемых объектов мало зависят от общественно-религиозного сознания ученого, хотя и оно в разной степени влияло – то сдерживающим, то подсказывающим и стимулирующим образом – на соответствующие идеи и представления ученых, то в социальных науках, в том числе в философии, влияние разнообразных элементов культуры было всегда существенным и большим. Поэтому надлежащим образом понять русского учительного старца, мыслителя древней или более новой истории, университетского ученого, немецкого протестантского философа или французского энциклопедиста, американского прагматиста, составляющего статистически-учредительные списки членов научного коллектива интеллектуального движения, восточного мудреца можно только в том случае, если представление о содержании, характере и направленности его взглядов черпается из всей доступной изучению культуры этого народа, традиции.

Например, в литературе по истории правовой мысли в качестве одной из больших тем начального периода советского правоведения называется отмирание права, которое увязывается с именем и творчеством Е.Б. Пашуканиса. Маркс будто бы вдохновил на эту тему, а советский юрист сделал ее знаменательной. Конечно же, отмирание права звучит как-то резко и от-

рицательно, особенно с позиции верховенства права в общественной жизни. Очень легко этот момент увязывается с критикой Л.Н. Толстого в адрес репрессивно-наказательного характера действующего в разные времена права, написанной в ответ одному любопытствующему студенту. Русского классика, особенно в иностранной литературе XX в. и до сих пор, считают большим мыслителем, не признающим, однако, положительную ценность права, да и вовсе выразителем якобы типичной черты русского народа, который, как утверждают, только нигилистично относится к праву. Из этого складывается шаблон для историографии русской политической и правовой мысли. Шаблон, конечно же, ложный, но распространяется он не только в зарубежной литературе. Л.Н. Толстого никоим образом нельзя отнести к нигилистам, – разве что можно признать его таким же убежденным «нигилистом» в вопросах права, как и, например, И. Кант. Но и представление об отмирании права, очень даже созвучное распространяемой сейчас в иностранной литературе «отмене культуры»⁹, веками транслировалось именно западноевропейскими философами и даже юристами. Наряду с интересом к праву в Западной Европе (а только эту сторону обычно показывают в литературе) систематически появлялись у европейских ученых и государственных деятелей крайне негативные и резкие суждения о бесполезности права и юриспруденции. На рубеже XVIII–XIX вв. тот же кантовский критицизм был радикальным отрицанием всей рационалистической догматики прежнего естественного права; мягко говоря, вся прежняя юснатуралистическая доктрина объявлялась выдумкой, пустым именем. В Германии в 1830–1840 гг. утверждается тема о бесполезности юриспруденции; еще раньше о праве, которое вовсе не нуждается в услугах законодателей, а растет и развивается вместе с народом. Эту же тему, которая уже созрела у немцев, подхватил и Маркс, убежденный, как левый гегельянец, что раз мир и так движется по определенному всемирно-историческому плану, так почему же не подтолкнуть человека к быстрейшему достижению идеала и сам идеал не уточнить, и зачем ему, человеку, право и прочие духовные явления, если все и так живет и раскрывается подобно растению или языку; главное – это устранить причину противоречий в распределении материальных благ.

В конце XIX в. К. Бергбом свой главный труд посвятил тому, что всю литературу по философии права, ориентирующуюся на естественное право, как и саму эту доктрину, объявлял сорняком, который нужно безжалостно искоренять. В США на протяжении 1830–1840 гг. отвращение к английским юристам и их образу породило всеобщий кризис юридического образования вообще, сопровождавшийся обсуждением, а нужно ли вообще учить такой незатейливой профессии, как юрист (Stevens 1987). Сейчас на исходе первой четверти XXI в. в США, Англии, Австралии мощным трендом является предложение учебных курсов и программ об отмирании юридической профессии в условиях нарастающего доминирования искусственного интеллекта.

⁹ О трансформации отношения к этому «феномену» убедительно говорится в исследованиях современных политологов (см.: Фишман 2024).

Понятийный язык теории права

Теория права в современной мировой литературе выглядит поразному, хотя она в целом как наименование базовой юридической науки, безусловно, является важнейшим элементом национальных представлений о системе правовых знаний. Однако дело в том, что это наименование используется в таком разном значении, что только по невнимательности можно думать, что теория права существует повсюду и выражает единый смысл. Теория права в смысле рационалистической логической схемы присутствует только в немецкой литературе, в которой, хотя и нередко обособляется теория права, тем не менее в большинстве работ, с учетом историографии этого вопроса, признается, что немцы больше склонны видеть в качестве таковой типичное для них одно из философских учений. Теория права во французской литературе тяготеет к социологическим построениям, в которых идея социального опыта является значительно более популярной, чем рационалистически-математические конструкции немцев. Английская и американская литература отличается подчеркнутым протестом против теории как таковой, выражает общую претензию на некий самостоятельный тип научного или квазинаучного мышления – проблемно-прагматический, для которого слова «понятие» или «теория» выступают главными врагами. Теория права в нашей стране в течение последних полутора столетий по форме в основном подражала немецкой, поскольку никакая другая версия национальных наук не давала систематизированных представлений о целостности общих начал в представлениях о праве. Однако темы и элементы немецкой науки о праве брались в основном в качестве несущего каркаса, формы или шаблона, по которому выкраивались контуры отечественной юридической теории.

В настоящее время популярными являются трактовки теории права на основе крайне разнообразных версий неклассической логики, которые в основном оперируют идеями и моделями математики. Экстраполяция математических логик на область науки о праве имеет давние традиции, но, как правило, такой перенос осуществляется необоснованно, без учета природы социальных наук.

Каждый вариант построения теории права имеет свои сильные и слабые черты. Ни один не является универсальным и объемлющим все задачи теории права как науки. Немецкий рационализм вводит в теорию права четкость математической аргументации и функциональности, но отличается избыточностью повторений, мистических отвлечений, нередко перегруженными объяснениями, множественными схематизмами. Французский социологический позитивизм (контовский) фокусируется на структурно-функциональном ракурсе правовых проблем как социальных, роли права как института. Английская и американская прагматическая философия демонстрирует непосредственное научное значение практики, но делает из нее фетиш. Русская литература сопровождает теорию права глубоким психологизмом, проявляющимся в требовании всеобщей правды и справедливости.

Во всех этих случаях речь идет о том, что в качестве теории принимается своя национальная наука о праве. Но каким понятийно-терминологическим языком она пользуется?

Немецкая теория права пользуется философией как средством выразительности, она, так сказать, философски-терминирована и соответствующим образом стилистически тропирована. Поэтому для точности понимания выражаемых в ней смыслов и значений важно учитывать именно немецкий философский стиль. Даже в рамках германских языков, например, перевод немецкого выражения «цель в праве» (название известного сочинения Р. Иеринга) на английский язык вызвал серьезные сложности у американских переводчиков, и в итоге появилось не оригинальное, а иносказательное название книги в переводе – «Право как средство для цели». Б. Рютерс очень наглядно показывает невозможности немецкой трактовки задач теории права вне философии (Rüthers 2007).

Поэтому в немецкой юридической литературе идеи Г. Кельзена о чистоте интерпретации права не нашли большого признания. Они пользовались популярностью в Австрии, особенно среди его соратников по так называемому «венскому кружку» (А. Фердросс, А. Меркл¹⁰), в других странах Европы, отчасти в США и даже в Дании. Однако для немецких ученых проблематика чистых учений о праве была глубоко укоренена в традициях давней классической немецкой философии, для которой кельзеновская трактовка не более чем небольшой эпизод. Например, кантовское учение о праве, которое традиционно еще в его время называли чистым, предполагает определенный нравственный миропорядок за собой, а у Кельзена, несмотря на связь с неокантианством, прямо высказывается резкое противопоставление права и морали.

В отечественной теории права недостатки формальной юридической грамматики, скроенной по немецкому образцу, в идейно-содержательном плане компенсируются богатством духовно-просветительской и художественной литературы. Даже сам русский язык отличается, в сравнении, например, с германскими или романскими, относительной гибкостью грамматики, но существенно большим разнообразием лексических оттенков, особенно выражающих чувства, переживания.

Для традиций Ближнего Востока подобную функцию артикулировано выполняет религия, выступает как доминанта в определении содержания теории права.

В английской и американской версиях науки о праве традиционно компенсаторную функцию выполняют разнообразные практически ориентированные социологические, психологические, в т.ч. психоаналитические, экономические и политологические концепции. Причем если в прежних работах американских юристов все же улавливалось доминирующее значение права в решении практических вопросов самого права, то уже с 1970 гг.

¹⁰ А. Меркла, австрийского юриста, часто ошибочно путают с другим известным немецким правоведом А. Меркелем (1836–1896), который жил значительно раньше, известным криминалистом, теоретиком права, последователем Р. Иеринга.

другие общественные науки – экономика, социология, психоанализ – начинают явно вытеснять само право. В итоге за право нередко выдается, например, экономически обоснованное, эффективное решение. Иными словами, право оценивается как регулятивный эффект, но не как сам регулятор. Это своего рода гипертрофированный вариант позитивизма, для которого функциональность становится не атрибутом, а фетишем, целью самой по себе. Если что-то функционирует, приводя к результатам, к которым обычно приводит действие права (в инструментальном смысле), то неважны средства достижения такого результата, а для убедительности называют это каким-то любым правом. Для такого понимания права не нужны никакие признаки и понятия, никакие смысловые элементы и выражения. Достаточно будет описания эффектов: мягкий, жесткий, умеренный, долгосрочный, краткосрочный и т.п.

Например, английский юрист Г. Харт не пользуется понятием нормы в своем сочинении «Концепт права» (Hart 2012). Для него определение (концепт) права возможно с помощью различных видов правил. Поэтому вместо традиционной для русской или немецкой литературы, веками формировавшейся в языке юристов «нормы», у Харта, как и вообще у английских юристов, в центре всех размышлений оказывается слово «правила», – термин, который не определяется как понятие, а берется как видовое обозначение во множественном числе. Например, теория правовых норм, которая представляется классикой юриспруденции, вряд ли будет понятна английскому юристу, поскольку для него правовое предписание отнюдь не норма, а нечто иным образом зафиксированное в языке и жизненной практике.

Й. Зальцман (Раз) задавался вопросом: может ли вообще быть теория права? (Raz 2004). Для него ответ на этот вопрос зависит в значительной степени от возможности универсальной теории, а такая, как представляется, невозможна. Аргументы Раза связаны с тем, что за формальной структурой правопорядка стоит определенная идеология. Хотя при этом, говоря об идеологии, зарубежные авторы часто стремятся тут же оправдаться, что она якобы имеет «ценностно-нейтральный» характер, что, конечно же, является лишь пустой условностью. То, что такого рода идеологический фон не является обязательной основой и что он может временами меняться, отнюдь не означает безразличия к ценностям. В чем же тогда, спрашивается, идеология? Раз считал, что изучение других (иностраных) концептов права нужно для того, чтобы понять свои собственные представления. Так, по его мнению, научное знание англичанином французского языка нужно только для того, чтобы лучше узнать, что же означают французские заимствования в английском языке. Взгляды Раза очень напоминают размышления П. Фейербаха в самом начале XIX в., который рассуждал о том, что настоящая наука о праве может появиться лишь как универсальная (сравнительная) юриспруденция. Но целью ее, правда, является не новое знание, а знание, служащее для уточнения своей собственной науки о праве, которая и есть наука, или теория права, и только такой – национальной – она, как уверял Фейербах, и может быть. Причем для английского правоведения проблема теории права сама по себе специфична. В ней есть обобщения, раз-

личного рода виды логик аргументации, но рациональной теории, конечно же, там нет по определению. Ни в работах Харта, который как бы «оживил» английскую философию права, ни того же Раза или других авторов мы не найдем никакой теории права. Чтобы разобраться в характере английских представлений о том, что же такое наука о праве, нужно учитывать, что она не мыслится как рациональная наука или теория в смысле высшей формы организации научного знания со всеми ее характеристиками.

С чем определенно никак невозможно согласиться в размышлениях Раза, что «их» английский концепт права и соответствующая местная теория исходят из того, что в основе всего лежит господство права. Однако ни история, ни историография английской юриспруденции, ни современная литература, не говоря уже о реальной практике, не подтверждают такую самооаттестацию. Допустимо было бы выдвинуть предположение, что англичане, как и другие народы мира, пытаются веками добиться в своей общественной жизни определенного правового состояния и используют для этого определенные средства, в том числе и в научной аргументации, но насколько это получается – вот в чем действительно большой вопрос. В 1870-х гг. известный английский ученый-юрист Ш. Амос писал, что ничего сопоставимого с достижениями коллег с континента в науке у английских юристов нет и что будущее юридической науки в Англии будет зависеть в значительной степени от того, насколько хорошо они усвоят работы французских и особенно немецких юристов¹¹.

Упомянутый профессор Б. Рютерс указывает на то, что все части, составляющие теорию права, относятся к науке о языке (*языкознанию*), так как «право – это язык», – однозначно утверждает немецкий юрист, – а поэтому наука о праве – это (также) наука о языке (Rüthers 2007: VIII). Мысль Рютерса ясна и в определенном смысле может быть поддержана, поскольку, действительно, роль языка и языкознания всегда была важнейшей частью наук о культуре, а сегодня значения языка возрастает. Однако за общим призывом к пониманию права в логике языкознания кроется много уязвимостей и упрощений. Если под словом «язык» понимать только речь (речевую деятельность), средство общения человека вообще, то технологически можно представить себе, что речевые моменты или характер общения могут служить фактором или условием, которые влияют на понимание права. Но разве за языками не стоит конкретная культура (и материальная (среда), и духовная), разве опыт, накопленный языкознанием, литературоведением не говорит о сложности и многообразии морфологии и внутренней культуры языков? Немецкий язык выражает немецкое правовое мировоззрение, французский – французское, русский – русское и т.д. Язык понимается сторонниками лингвистических акцентов в правоведении зачастую в каком-то символическом ключе, как процедура, или точнее средство, с помощью которой совершается акт общения. В итоге речь идет не про культуру языка, не про языковые картины мира, не про конкретные языки, а просто про то,

¹¹ Amos Sh. A systematic view of the science of jurisprudence. London : Longmans, Green, 1872. P. 505.

что язык – это единственное для сторонников процессуально-процедурных юридических концепций, что наряду со схемой общения остается константой, за которую соответствующее познание цепляется. Если постоянство только в процедуре, а все остальное относительно, то только язык остается чем-то устойчивым. Но тогда ведь предварительной предпосылкой для увязывания права и языка по логической необходимости должно служить изучение языков – разных языков, чем больше, тем лучше, чтобы таким образом найти нечто общее в трансляции смыслов культуры через язык, который является собственно знаменателем. Не то, что в культуре, а то, что в формальной логике и морфологии германских языков представляется лингвистической философией (Витгенштейну, Харту и др.), а вслед за ней и Б. Рютерсу, достаточным смыслом.

Конечно же, нужно изучать языки для расширения культурных горизонтов и для лучшего распознавания роли языка в современном мире. Но проблема гораздо сложнее, чем представляется на первый взгляд. Скажем, для ареала русского языка нужно сформировать соответствующую его морфологии, культуре, внутренней логике и прочим сущностным характеристикам теорию права и теоретическую юриспруденцию. Такой пока, к сожалению, просто не существует. Затем она может сравниваться с другими, ориентированными на морфологию национальных языков размышлениями о праве, например в трудах Г. Харта и его последователей.

Сейчас расхожим стало использование термина «лингвистический поворот», который призван символизировать нечто загадочное и якобы прогрессивное в плане перестройки науки и культуры на логику отдельных проявлений такого направления философского анализа, как лингвистическая философия. На самом деле и название некорректное, и его использование вызывает большие сомнения. А с практической точки зрения полезность «лингвистического поворота» просто нонсенс. В такой стилистике говорят, как правило, англо-американские авторы, описывая свой личный опыт и его развитие. Слово «поворот» относится к перемене личных взглядов. О «поворотах» в науке не говорят обычно. В науке обычно речь ведут о переворотах или революциях, о чем красноречиво говорится в известной работе Т. Куна (Кун 2009). Иначе тогда мы должны были бы иметь бесконечное множество все время куда-то поворачивающей, как в лабиринте, науки, нечто вроде: картезианский поворот, кантианский поворот, марксистский поворот, антимарксистский поворот и т.д. Кроме того, если уж не быть настолько невнимательными и невежественными к области истории мысли, то лингвистическим поворотом следовало бы назвать открытие письменности, появление письма на национальных языках, книжное дело и книгопечатание и т.п. На протяжении многих столетий, начиная со Средневековья и вплоть до конца XVIII в., основным методом работы юристов был *историко-филологический метод*, смысл которого заключался в том, что античные источники (история) изучались исключительно как тексты с помощью доступных приемов их грамматического и прочего толкования (филология). Это создавало серьезные предпосылки в плане формирования светской культуры (ссылка на авто-

ритетных знатоков права прошлого), способствовало формированию логики, делопроизводства. Об этом написаны серьезные сочинения. Это ли не лингвистический поворот? С открытием национальных языков в науке и образовании в конце XVIII – начале XIX в. происходит небывалый до того времени рост национальных литератур, особенно в науке и философии. Вот действительно выдающаяся роль языка! И примеров «лингвистических поворотов» великое множество, если на самом деле принимать во внимание роль языка и литературы. А то, что сейчас выдается за некое переломное движение в культуре и науке, пока сопровождается очень скромными призывами к воспроизведению упрощенных шаблонов определенных толкований лингвистической философии.

Обесмысливание значения слов, превращение их в просто символы, которые приобретают конкретное содержание исключительно в жизненных ситуациях благодаря общению, является довольно типичной чертой английского языка и, удивительно, с какой-то поражающей настойчивостью основанная на морфологической природе английского языка модель теории права распространяется в неанглоязычных странах и даже тех, чьи языки не относятся к аналитическому типу, как английский. Например, правовая традиция англичан в принципе предполагает казуистическое мышление, не рациональные теории и принципы, а доконструирование ситуации в каждом конкретном случае, партикулярное мышление. Для английского языка, английской философской и правовой традиций это вполне естественно: концептуальность, «открытость текстуры», принципиальная незавершенность и т.п. Но это в корне противоестественно по отношению к другим языкам, имеющим отличную морфологию. Например, греческому, на котором писались сочинения античных мыслителей, или русскому с его богатством смыслов и литературы, его совершенно иным типом морфологии, которая не допускает незаконченного образа действительности, а потому русский язык остается устойчивым к быстрым изменениям, даже несколько инертным, но в то же время проявляющим известную, так сказать, скромность в попытках дать быстрое и законченное изображение действительности. Это касается всего богатства применения языка, в том числе и к научным текстам, нормативным конструкциям и суждениям, правилам и принципам. Поэтому довольно странно для науки думать и чувствовать ее (только) на английском языке. Это дело носителей языка. Вот пример, довольно типичный, как используется «лингвистический поворот». Вместо слов культурный или культурологический, берется английское слово «cultural», записывается русскими буквами, и с использованием уже элементов словообразования в русском языке получается мистическое «культуральная юриспруденция». Остается загадкой, почему здесь фонетический ряд слова «юриспруденция» все же сохранился, не преобразовавшись в записывание воспроизведения этого слова с помощью фонетики английского языка. Видимо, с точки зрения такой весьма своеобразной «логики» следует ожидать, что слово «государственный» будет впредь обозначаться как «стейтный» от англ. *state*, «правовой» – «райтный» от *right* или как то «ловый» от *law* и т.п. Здесь, вероятно, авторы, часто неосознанно, выдают

служебные части слова за такие самостоятельные единицы, которые имеют чуть ли не отдельное лексическое значение.

Л.В. Щерба, известный российский филолог, если бы узнал в свое время об этом, был бы, вероятно, очень удивлен, как его метод эксперимента, в т.ч. лингвистической бессмыслицы, направленный просто на разъяснение значения наименьших морфемных единиц (Щерба 2008), стал использоваться в научных трудах по юриспруденции и другим общественным наукам в качестве реальной основы для построения теории права, в которых совершенно серьезно выдают откровенную бессмыслицу за наукообразные идеи и смыслы.

Одно дело, когда ученые пытаются сказать, что смысл слов со временем может меняться, а другое, когда они отказываются за ними признавать какое бы то ни было значение, которое существует до их использования, берут или соглашаются принимать слова как пустые бессмысленные формы, которые означаются только в общении, при коммуникации. Но тогда, к сожалению, легко дойти до отмены всего содержания культуры. Ведь очень легко предположить, что в условиях обнуления смыслов будут появляться центры, способные влиять на общественное мнение, причем массово, и это будет приводить к навязыванию любых произвольных значений. Очень удобное и опасное средство для переписывания значений культуры, истории, прошлого. В такой ситуации придется предположить, что, например, понятия преступления и наказания – это пустые слова, а не понятия уголовного права, и они будут наполняться содержанием только при свободном усмотрении и дискурсе сторон процесса, если, конечно, понятия стороны в процессе или даже самого суда тоже не превратятся в пустое понятие, которое лишь в конкретном случае будет означаться, а не с помощью определений и положений процессуального законодательства. А насколько прочными будут новые значения? Кто и чем руководствуясь, будет их устанавливать? И как часто их можно менять? Не будут ли они меняться многократно в ходе одного процесса? Обычно сторонники новых лингвистических тенденций делают ссылку на некий общекультурный фон. Но если слова систематически утрачивают свое значение, то как же будут выражать свои мысли следующие дискурсанты? Разве что им придется каждый раз заново придумывать словарь, а то и сам язык. Или, вероятно, в данном случае работает лозунг героя одного из произведений И.С. Тургенева – Е. Базарова, который решительно заявлял: «В теперешнее время полезнее всего отрицание – мы отрицаем»¹².

Да и почему язык, в отличие от всей другой культуры, должен признаваться единственной реальностью? Если выдумкой, психологической проекцией является мир вообще, как уверяют ориентированные на субъективизм учения, то почему язык остается чем-то постоянным? На самом деле модные течения с характерными названиями, производными от заимствованного из французского «moderne», уже посягают и на реальность языка, раз у слов вдруг теряется смысл.

¹² Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. Т. 7. Москва : Наука, 1981. С. 49.

Существует и другая историческая тенденция, которая вполне справедливо отмечалась Гегелем: «Памятники свидетельствуют о том факте, что... с прогрессом цивилизации в обществе и в государстве... систематическое выражение ума отшлифовывается, и язык становится при этом более бедным и менее расчлененным»¹⁵.

Теоретическая юриспруденция, построенная по принципу доконструирования, теряет связь с морфологией русского языка, уподобляется природе аналитических языков. В постсоветской литературе нередко встречаются работы философов, лингвистов, социологов, в которых прямо высказываются призывы к тому, чтобы ориентироваться на логику английского языка как более мобильного к изменению традиционных смыслов слов и выражений.

Схожие ситуации переживали народы в разное время неоднократно: когда-то латыни, больше подходившей на роль официального языка судопроизводства, противостоял греческий, стилистически более легкий, на котором излагали свои самые сокровенные мысли и римские императоры; национальные языки европейцев долго обретали себя в противостоянии с латынью. Поэтому в вопросах влияния языка на общественные науки, в частности на теорию права, нужно быть внимательным и осторожным, не допускать латентных или явных попыток под видом прогрессивного мышления внедрять совершенно чуждый его вариант; нужно бережно хранить русский язык и сформировавшуюся на его основе культуру. Философия права и теория права в России должны писаться на культурно русском языке, использовать логические конструкции и средства выразительности русского языка. Это как раз залог того, что при изучении иностранных традиций права будет соблюдаться уважение к иному типу размышлений о праве, отбору тем, средств выразительности и т.п.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Вернадский В.И. 1988. Философские мысли натуралиста : сборник : к 125-летию со дня рождения. Москва : Наука. 519 с.

Вернадский В.И. 1991. Научная мысль как планетное явление / отв. ред. А.Л. Яншин. Москва : Наука. 270 с.

Горбань В.С. 2023. «Чистые» учения о праве: их многообразие в истории правовой мысли и влияние на характер современной юридической науки // Журнал российского права. Т. 27, № 12. С. 68–84. DOI 10.61205/jrp.2023.139.

Горбань В.С. 2024. Историография юриспруденции как науки (с приложением переводов П. Фейербаха, Ю. Кирхманна, Р. Иеринга, А. Меркеля, Р. Бирлинга, К. Бергбома). Москва : Ин-т государства и права РАН. 305 с.

Кун Т. 2009. Структура научных революций. Москва : АСТ. 317 с.

Фишман Л.Г. 2024. «Культура отмены» в России: от неприятия к ограниченному применению? // Антиномии. Т. 24, вып. 3. С. 70–82. DOI 10.17506/26867206_2024_24_3_70

Флоренский П.А. 2013. У водоразделов мысли: (черты конкретной метафизики). Т. 2. Москва : Академ. проект. 607 с.

¹⁵ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. 8. Философия истории. Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, 1935. С. 60.

Хайдеггер М. 2015. Гегель. Негативность. Разбирательство с Гегелем в ракурсе вопроса о негативности (1938–1939, 1941); «Введение» в «феноменологию духа» (1942). Санкт-Петербург : Владимир Даль. 320 с.

Щерба Л.В. 2008. Языковая система и речевая деятельность. Изд. 4-е. Москва : URSS. 427 с.

Hart H.L.A. 2012. The concept of law / Ed. by Penelope A. Bulloch. 3rd ed. Oxford : Oxford Univ. Press. 333 p.

Hassemer W. et al. (Hrsg.) 2016. Einführung in die Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart / herausgegeben von W. Hassemer, U. Neumann, F. Saliger. 9., neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Heidelberg : C.F. Müller. 479 S.

Kaufmann A. 1991. Vergleichende Rechtsphilosophie – am Beispiel der klassischen chinesischen und klassischen abendländischen Rechtskultur // Festschrift zum siebzigsten Geb. von Werner Lorenz / hrsg. v. Bernhard Pfister etc. Tübingen : Mohr. S. 635–649.

Raz J. 1996. On The Nature of Law // ARSP: Archiv Für Rechts- Und Sozialphilosophie / Archives for Philosophy of Law and Social Philosophy. Vol. 82, № 1. P. 1–25.

Raz J. 2004. Can There Be a Theory of Law? // Blackwell Guide to Philosophy of Law and Legal Theory / M. Golding, W. Edmundson (Eds.). Malden, MA : Wiley-Blackwell. P. 324–342.

Rüthers B. 2007. Rechtstheorie: Begriff, Geltung und Anwendung des Rechts. 3., neu bearbeitete Auflage. München : Verlag C.H. Beck. 573 S.

Stevens R. 1987. Law school: legal education in America from the 1850s to the 1980s. Chapel Hill : The Univ. of North Carolina Press. 350 p.

References

Fishman L.G. Cancel Culture in Russia: From Rejection to Limited Application? *Antinomies*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 70–82. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_3_70 (in Russ.).

Florensky P.A. *Watersheds of Thought: The Elements of a Concrete Metaphysics*. Vol. 2, Moscow, Akademicheskiiy proekt, 2013, 607 p. (in Russ.).

Gorban V.S. *Historiography of jurisprudence as a science (with the application of translations by P. Feuerbach, J. Kirchmann, R. Iering, A. Merkel, R. Birling, K. Bergbom)* [Istoriografiya yurisprudentsii kak nauki (s prilozheniem perevodov P. Feyerbakha, Yu. Kirkhmanna, R. Ieringa, A. Merkelya, R. Birlinga, K. Bergboma)], Moscow, Institut gosudarstva i prava RAN, 2024, 305 p. (in Russ.).

Gorban V.S. The “Pure” Doctrines of Law: Their Diversity in the History of Legal Thought and Their Influence on the Nature of Modern Legal Science, *Journal of Russian Law*, 2023, vol. 27, no. 12, pp. 68–84. <https://doi.org/10.61205/jrp.2023.139> (in Russ.).

Hart H.L.A. *The concept of law*, 3rd ed., Oxford, Oxford Univ. Press, 2012, 333 p.

Hassemer W., Neumann U., Saliger F. (Eds.) *Einführung in die Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart* [Introduction to the philosophy of law and legal theory of the present], 9th rev. and ampl. ed., Heidelberg, C.F. Müller, 2016, 479 p. (in German).

Heidegger M. *Gegel'. Negativnost'. Razbiratel'stvo s Gegelem v rakurse voprosa o negativnosti (1938–1939, 1941); «Vvedenie» v «fenomenologiyu dukha» (1942)* [Hegel. Negativity. The trial with Hegel from the perspective of the question of negativity (1938–1939, 1941); “Introduction” to the “Phenomenology of Thought” (1942)], St. Petersburg, Vladimir Dahl, 2015, 320 p. (in Russ.).

Kaufmann A. *Vergleichende Rechtsphilosophie – am Beispiel der klassischen chinesischen und klassischen abendländischen Rechtskultur* [Comparative philosophy of law - using the example of classical Chinese and classical Western legal culture], Pfister

B. etc (Eds.), Festschrift zum siebzigsten Geb. von Werner Lorenz, Tübingen, Mohr, 1991, pp. 635–649. (in German).

Kuhn T.S. *The Structure of Scientific Revolutions*, Moscow, AST, 2009, 317 p. (in Russ.).

Raz J. Can There Be a Theory of Law? *M. Golding, W. Edmundson (Eds.), Blackwell Guide to Philosophy of Law and Legal Theory*, Malden, MA, Wiley-Blackwell, 2004, pp. 324–342.

Raz J. On The Nature of Law, *ARSP: Archiv Für Rechts- Und Sozialphilosophie: Archives for Philosophy of Law and Social Philosophy*, 1996, vol. 82, no. 1, pp. 1–25.

Rüthers B. *Rechtstheorie: Begriff, Geltung und Anwendung des Rechts* [Legal theory: concept, validity and application of law], München, Verlag C.H. Beck, 2007, 3rd ed., rev., 573 p. (in German).

Shcherba L.V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language System and Speech Activity], 4th ed., Moscow, URSS, 2008, 427 p. (in Russ.).

Stevens R. *Law school: legal education in America from the 1850s to the 1980s*, Chapel Hill, The Univ. of North Carolina Press, 1987, 350 p.

Vernadsky V.I. *Filosofskie mysli naturalista : sbornik : k 125-letiyu so dnya rozhdeniya* [Philosophical Thoughts of a Naturalist : Collection : on the 125th anniversary of his birth], Moscow, Nauka, 1988, 519 p. (in Russ.).

Vernadsky V.I. *Scientific Thought as a Planetary Phenomenon*, Moscow, Nauka, 1991, 270 p. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Владимир Сергеевич Горбань

доктор юридических наук, заведующий сектором философии права, истории и теории государства и права, руководитель междисциплинарного центра философско-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия;
ORCID: 0000-0002-8054-2605;
ResearcherID: AAD-4923-2020;
SPIN-код: 2337-9180;
E-mail: gorbantv@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir S. Gorban

Doctor of Law (habil.), Head of the Department of Philosophy of Law, History and Theory of State and Law, Head of the Interdisciplinary Center for Philosophical and Legal Studies at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
ORCID: 0000-0002-8054-2605;
ResearcherID: AAD-4923-2020;
SPIN-code: 2337-9180;
E-mail: gorbantv@gmail.com

Маликов С.В., Чучаев А.И. Историческая школа права: отражение идей в русском уголовном праве (статья первая) // Антиномии. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 128-158. https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_1_128

УДК 343.01

DOI 10.17506/26867206_2025_25_1_128

Историческая школа права: отражение идей в русском уголовном праве (статья первая)

Сергей Владимирович Маликов

Институт государства и права РАН

г. Москва, Россия

E-mail: s.v.malikov@yandex.ru

Александр Иванович Чучаев

Институт государства и права РАН

г. Москва, Россия

E-mail: moksha1@rambler.ru

*Поступила в редакцию 30.01.2025, поступила после рецензирования 28.02.2025,
принята к публикации 14.03.2025*

Актуальность проблемы обусловлена рядом обстоятельств, практически не исследовавшихся в современной науке уголовного права, в том числе теоретической и практической потребностью уточнить круг направлений, сложившихся в уголовно-правовой доктрине; выделить в качестве самостоятельной историческую школу уголовного права в России, основанную на теории, разработанной Савиньи и другими учеными Запада; вычленив внутри школы три модификации (историко-догматическую, историко-философскую и историко-сравнительную); определить представителей указанных направлений и охарактеризовать их воззрения на возникновение и развитие права и в частности уголовного права; выявить влияние взглядов представителей исторической школы уголовного права на российское законодательство (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и Уголовное уложение 1903 г.).

В первой, по своей сути пропедевтической, статье из цикла публикаций, посвященных влиянию исторической школы права на доктрину русского уголовного права XIX в., дается характеристика указанной школы, представлены взгляды ее сторонников и противников в аспектах и объеме, необходимых для исследования указанного направления русской уголовно-правовой доктрины.

Статьи, посвященные одному из основателей исторической школы русского уголовного права И.Е. Нейману, в которых раскрыты его уголовно-правовые воззрения, приведены краткие биографические данные и характеристика научного наследия

© Маликов С.В., Чучаев А.И., 2025

его учеников в Императорском Казанском университете Н.М. Алехина, Е.П. Манаскина и Е.В. Врангеля, а также учеников в Дерптском университете А.М.Ф. фон Рейца, А.П. фон Унгерн-Штернберга и Ф.А. Бунге, опубликованы в журнале «Государство и право» (2025. № 1–2).

Общая цель исследования: выявить влияние исторической школы права на уголовно-правовые идеи русских криминалистов XIX в. и показать, как эти идеи отразились в российском законодательстве, в частности в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и Уголовном уложении 1903 г.; *цель данной статьи* – раскрыть сущность исторической школы права, ставшей концептуальной основой русской уголовно-правовой доктрины XIX в.

Теоретико-методологической основой исследования выступает диалектический материализм, а также логический и историко-догматический методы познания.

Краткое содержание работы. В настоящей статье показан генезис исторической школы права, причины и повод ее возникновения (так называемый кодификационный спор), дается характеристика воззрений наиболее ярких ее представителей Густава Гуго, Фридриха Карла фон Савиньи и Георга Фридриха Пухты, основанных на признании источником права «духа народа», рассматривается их критика позиции А.Ф.Ю. Тибо; приведены оценки роли исторической школы права, данные Р. фон Иерингом, О. фон Гирке и другими видными учеными. Раскрывается отношение к ней представителей юридической и исторической науки России П.И. Новгородцева, С.А. Муромцева, Н.И. Кареева и И.И. Кёнига и др., ее значение для русского права вообще и русского уголовного права в частности, а также для юридического образования. Представлены взгляды современных юристов (В.В. Эмих) на сущность дискуссии между исторической и философской школами права.

Основные выводы: 1) при характеристике исторической школы права как основы исторического направления русской уголовно-правовой доктрины XIX в. следует исходить из ее ключевого понятия «народный дух», понимаемого как народное правосознание нации, и учитывать важность противопоставления рассматриваемого учения концепции естественного права и его критики умозрительных построений последней; 2) деление общей теории исторической школы на ветви в определенной степени объясняет появление в доктрине русского уголовного права трех относительно самостоятельных направлений правовой мысли: историко-догматического, историко-философского и историко-сравнительного; 3) анализируя уголовно-правовую доктрину, необходимо иметь в виду взгляды Пухты на всеобщую историю права, что позволит выявить различия между его представлениями и воззрениями русских криминалистов – сторонников исторической школы права; 4) исследование историко-философского направления в уголовном праве России следует соотносить с принципиальными отличиями как взглядов самих представителей исторической школы права, так и принципиальных различий между указанной теорией и философской школой права.

Ключевые слова: уголовное право; историческая школа права; концептуальные основы; Савиньи; Пухта; значение исторической школы права; историческая школа в русской литературе; дискуссия между исторической и философской школами права

Благодарности: Исследование выполнено в рамках научного проекта «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого при финансовой поддержке Минобрнауки России (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

The Historical School of Law: Reflection of Ideas in Russian Criminal Law (Part One)

Sergey V. Malikov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
E-mail: s.v.malikov@yandex.ru

Aleksandr I. Chuchaev

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
E-mail: moksha1@rambler.ru

Received 30.01.2025, revised 28.02.2025, accepted 14.03.2025

Abstract. The urgency of this research arises from several unexamined aspects in modern criminal law, including the theoretical and practical need to clarify the various areas developed within the criminal law doctrine. This article aims to identify an independent historical school of criminal law in Russia, rooted in the theories by Friedrich Carl von Savigny and other Western scholars, and to delineate its three modifications: historical-dogmatic, historical-philosophical, and historical-comparative. It also seeks to identify key representatives of these areas and their perspectives on the emergence and evolution of criminal law, in particular, regarding their influence on legislation, such as the Penal Code of 1845 and the Criminal Code of 1903.

The first part of this research serves as a propaedeutic introduction to series dedicated to exploring the impact of the historical school of law on Russian criminal law doctrine in the 19th century. It describes this school and outlines the views of its proponents and opponents relevant to this trend in the Russian criminal law. The articles published in the journal *State and Law* (2025. № 1 and 2) are dedicated to Ivan E. Neiman, one of the founders of the historical school of Russian criminal law, and his prominent students both at the Imperial Kazan University and at the University of Dorpat.

The general purpose of this study is to elucidate how the historical school of law influenced 19th-century Russian criminologists' ideas and their reflection in legislation, particularly in the Code of Penal and Correctional Punishment of 1845 and the Criminal Code of 1903. The specific aim is to demonstrate how this school formed the conceptual foundation for Russian criminal law doctrine during that period. The theoretical framework for this research is grounded in dialectical materialism, supplemented by logical and historical-dogmatic methods.

This article traces the genesis of the historical school of law, examining its causes – including the so-called *codification dispute* – and describes the views of its most prominent figures: Gustave Hugo, Friedrich Carl von Savigny, and Georg Friedrich Puchta. These scholars recognized “the spirit of the people” as a source of law while critiquing Anton Friedrich Justus Thibaut. The assessments by Rudolf von Ihering, Otto Friedrich von Gierke, and other notable scholars are also presented. Furthermore, it explores how representatives from Russian legal history – such as Pavel I. Novgorodtsev, Sergei A. Muromtsev, and Nilkolai A. Kareev – perceived this school's significance for both Russian law generally and criminal law specifically. Contemporary legal scholars' perspectives on the

essence of discussions between historical and philosophical schools are also included (e.g., Valentina V. Emikh).

Main Conclusions: 1) Characterizing the historical school as foundational to Russia's 19th-century criminal law doctrine necessitates focusing on its key concept – *the national spirit* – which reflects national legal consciousness while contrasting it with natural law theories. 2) The division within this general theory into branches helps explain the emergence of three relatively independent areas within Russian criminal law thought: historical-dogmatic, historical-philosophical, and historical-comparative. 3) Analyzing criminal law doctrine requires consideration of Puchta's views on universal legal history to highlight differences between his ideas and those held by Russian criminologists aligned with the historical school. 4) The study of philosophical trends in Russian criminal law should be contextualized within fundamental differences among representatives of the historical school itself as well as between this theory and philosophical schools.

Keywords: criminal law; schools; historical school of law; conceptual foundations; Savigny; Puchta; the importance of historical school of law; historical school in Russian literature; discussion between historical and philosophical schools of law

Acknowledgements: This research was conducted as part of the scientific project “Creating a Russian Historiographic Model of Political and Legal Knowledge and Its Application to Develop Promising Means of Countering Ideological Distortions of Russia's Civilizational Development”. This project received financial support from the Russian Ministry of Education and Science (Agreement No. 075-15-2024-639, dated July 12, 2024).

For citation: Malikov S.V., Chuchaev A.I. The Historical School of Law: Reflection of Ideas in Russian Criminal Law (Part One), *Antinomies*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 128-158. (in Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_1_128

Школы уголовного права.

В российской уголовно-правовой доктрине, как правило, говорится о трех школах: классической, антропологической и социологической, имеющих внутри себя ряд модификаций¹. Ф.М. Решетников вычленяет из классической школы просветительно-гуманистическое направление, которое предшествовало ей по времени (Решетников 1965: 3-6). А.В. Наумов, соглашаясь с этим и включая просветительно-гуманистическое направление в перечень школ уголовного права, тем не менее подчеркивает, что в данном случае имеет место некоторая условность (см.: Наумов 2010). Просветительно-гуманистическое направление без всяких оговорок, но также со ссылкой на Ф.М. Решетникова упоминает Н.Е. Крылова (см.: Кузнецова, Тяжкова 1999: 563).

Ряд ученых выделяют психологическую школу уголовного права (см., напр.: Фельдштейн 2003: 380), относя к ней на раннем этапе существования

¹ Надо сказать, что уголовно-правовые идеи высказывались за много веков до формирования указанных школ. Например, они встречаются в творческом наследии Пифагора, Платона, Аристотеля и других мыслителей Древней Греции. Цицерон и Сенека были наиболее выдающимися теоретиками уголовного права Древнего Рима. Блаженный Августин представлял теологический подход к толкованию преступления и наказания. По объективным причинам их взгляды и взгляды других мыслителей Древнего мира и Средних веков не сложились в научные школы.

Х.Ю.Л. Штельцера², П.Д. Лодия³, В.К. Елпатьевского⁴, а к ее представителям более позднего времени С.В. Познышева⁵. Однако выделение психологической школы в качестве самостоятельного направления русской уголовно-правовой доктрины вызывает сомнения. Достаточно, например, сказать, что Штельцер тяготел к естественному праву, Лодий преимущественно занимался проблемами общего права, уголовному праву он посвятил лишь отдел «Об уголовной судебной власти» в работе «Теория общих прав» (С.-Петербург, 1828), в Санкт-Петербургском университете преподавал естественное право. Познышев свои взгляды характеризовал как «этико-социологическое направление» в уголовном праве. Он действительно обращался к проблемам психологии, но делал это применительно к криминологии при характеристике типов преступников (эндогенных и экзогенных)⁶.

В то же время, по нашему мнению, выделяемые направления в уголовном праве не охватывают весь спектр сложившихся на протяжении последних двух веков школ – вне этого перечня остается историческая школа русского уголовного права. Сама историческая школа права зародилась в Германии в первой половине XIX в., но, по утверждению Г.С. Фельдштейна, ссылающегося при этом на немецких авторов, на ее пути «всегда стояло известное несоответствие между очередными задачами уголовного законодательства и тем, что представляло собой его прошлое. Вполне естественно, однако, что эпохи, когда считалось почему бы то ни было целесообразным отодвинуть на задний план вопросы реформы в духе рационального изменения действующего законодательства, являлись временем, благоприятным для оживления изучения пережитых форм. С вполне определенными консервативными тенденциями в области регулирования нашего уголовного законодательства мы встречаемся в эпоху составления Свода [законов Российской Империи] и Уложения 1845 г. Необходимым последствием этих условий должно было явиться некоторое оживление в области исторического изучения права. Оно и действительно сказалось в форме стремления истолковать наши законодательные памятники с целью вскрыть особенности национального духа их постановлений. Начиная с сороковых годов, мы встречаемся со все новыми попытками привить у нас этот тип разработки права и воспользоваться теми результатами, к которым привели исследования в духе учений историче-

² См.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета... Ч. 2. Москва : Университет. Тип., 1855. С. 633.

³ См.: Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет своего существования: Ист. записка, сост. С. Григорьевым. Санкт-Петербург, 1870. С. 10.

⁴ См.: Там же. С. 53.

⁵ См.: (Андреев, Цыганков 2010: 573). Яркая характеристика Познышева как человека и ученого дана Б.С. Утевским, см.: (Утевский 1989: 285).

⁶ См.: Познышев С.В. Криминальная психология : Преступные типы. Ленинград : Гос. изд-во, 1926. 255 с.

ской школы в Германии, предпринятые в области славянского законодательства. В то же время историки наши вновь перерабатывают материал, создавшийся на почве более старых опытов исторического изучения, и не только не расстаются со старыми приемами, но и культивируют историческое изучение права с самых разнообразных новых точек зрения» (Фельдштейн 2003: 493).

Таким образом, есть все основания говорить о пяти основных школах уголовного права: 1) просветительно-гуманистической, 2) классической, 3) антропологической, 4) социологической и 5) исторической⁷.

Историческая школа: генезис, концептуальные основы, представители.

Возникновение исторической школы права в литературе связывают с именем Густава Гуго. Яркие ее представители Фридрих Карл фон Савиньи и Георг Фридрих Пухта говорили о нем как об ученом, чьи взгляды оказали существенное влияние на формирование этого направления в юриспруденции⁸.

Историческая школа, судя по имеющимся литературным источникам, возникла в результате научного спора, произошедшего в 1814 г. между профессором права Гейдельбергского университета Антоном Фридрихом Юстусом Тибо и ординарным профессором права Берлинского университета Савиньи. В немецкой юридической литературе эта полемика именуется кодификационной дискуссией.

Суть дискуссии сводилась к одной, казалось бы, сугубо утилитарной проблеме – кодификации гражданского законодательства германских земель, однако имевшей большое теоретическое значение как для кодификационного процесса в целом (независимо от отрасли права), так и для решения ряда других вопросов, возникающих при систематизации законодательных актов. Тибо ратовал за создание единого гражданского кодекса для всей Германии, отталкиваясь при этом от опыта Франции, где в это время уже действовал Кодекс Наполеона (1804). В статье «О необходимости общего гражданского права для Германии» он утверждал: «...наше гражданское право (под которым здесь я всегда буду понимать частное и уголовное право и процесс) требует полного и немедленного

⁷Изучение школ уголовного права является ключевым направлением разработки и совершенствования историографических подходов к науке уголовного права. Недостаточное внимание к проблематике историографических и философско-правовых исследований уголовного права сказывается на состоянии и характере данной области знаний и социальной практики. Предметное и конструктивно-критическое изучение историографии и соответствующих контекстов в области науки уголовного права показывает возможности существенного дополнения традиционных представлений о доктринальном содержании и понятийной структуре науки уголовного права, а также направления ее развития. Контуры современных историографических подходов заложены в работах: (Савенков 2023; Савенков 2024; Горбань 2024; Горбань, Маликов 2024).

⁸См.: Новгородцев П.И. Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. Опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном развитии // Немецкая историческая школа права. Челябинск : Социум, 2010. С. 3-228.

изменения... немцы в своих гражданских отношениях не смогут быть счастливы, если все немецкие правительства, объединив свои усилия, не попытаются способствовать составлению и изданию одного Свода законов для всей Германии, освобожденного от произвола отдельных правительств.

К каждому законодательству можно и должно предъявлять два требования: чтобы оно было формально и материально полным, следовательно, чтобы его положения были сформулированы ясно, недвусмысленно и исчерпывающе, и чтобы его гражданские институты были организованы мудро и целесообразно, всецело согласно потребностям подданных» (Тибо 2011: 105).

Против этого резко выступил Савиньи, считавший любую кодификацию чуждой по своей сути праву германских народов, сложившемуся на протяжении длительного исторического периода путем передачи от поколения к поколению так называемой духовности, или, иначе, народного духа⁹.

Этот спор и признается отправной точкой в генезисе рассматриваемого направления в теории права (см.: Пашенцев, Чернявский 2016: 188).

Историческая школа получает известность после опубликования Савиньи небольшой по объему работы «О призвании нашего времени к законодательству и юриспруденции» (1814; при жизни автора работа дважды переиздавалась – в 1828 и 1840 гг.), по сути, явившейся ответом на инициативу Тибо о кодификации. Савиньи утверждает, что реализация этого предложения приведет к появлению законов, в которых «...не должно было бы содержаться никаких исторических особенностей, они в своей абстракции должны были бы быть одинаково применимы ко всем народам и во все времена. <...> ...Названные предложения связаны с общим мнением о возникновении всякого позитивного права, которое издавна было господствующим у преобладающего большинства немецких юристов. Согласно ему при нормальном положении дел всякое право возникает из законов, т.е. из прямых распоряжений высшей государственной власти. Предметом правоведения является исключительно содержание законов. Стало быть, само законодательство, а также юриспруденция обладают совершенно случайным и изменчивым содержанием, и весьма возможно, что завтрашнее право вообще не будет похоже на сегодняшнее» (Савиньи 2011: 130-131).

По мнению Савиньи, право органически связано с сущностью и характером народа и выдерживает испытание временем. Он его сравнивает с языком. Как и для последнего, для права не существует мгновений абсолютного покоя, оно находится в движении и развитии, подобно любому направлению развития народа, подчиняющемуся закону внутренней необходимости. Право формируется вместе с народом и умирает, как только народ утрачивает свое своеобразие. С повышением уровня культуры

⁹Там же.

и образования право приобретает научную составляющую; если ранее оно «жило» в сознании всего народа, то на определенном историческом отрезке оно начинает существовать в сознании юристов. Другими словами, бытие права становится более специфичным и сложным, поскольку право обретает двойное существование: с одной стороны, как часть жизни всего народа, с другой – как особая юридическая наука¹⁰.

Савиньи пишет: «...все право возникает таким способом, которому господствующее словоупотребление дает (не совсем подходящее) название Обычного права, что означает, что изначально оно порождается благодаря обычаю и народной вере, затем благодаря юриспруденции, стало быть, повсюду благодаря внутренним, незаметно действующим силам, а не вследствие произвола законодателя» (Савиньи 2011: 134).

Характеризуя собственно кодификацию, Савиньи подчеркивает, что она предполагает сведение воедино всего «совокупного запаса права» и его письменное изложение. Это означает, что с указанного момента составленный таким образом свод законов и будет считаться единственным источником права. Его содержание должно было бы быть двойным: отчасти состоять из уже существовавшего права и отчасти – из новых законов.

Свод законов, во-первых, благодаря внутреннему состоянию права должен обеспечивать наивысшую правовую уверенность в однообразном применении законов, хотя очевидно, что такая уверенность зависит от совершенства исполнения законов. Во-вторых, свод, как единственный источник права, не должен допускать пробелов в правовом регулировании; утверждения о том, что они могут быть восполнены, необоснованны, поскольку встречающиеся различия в судебных делах столь существенны, что все усилия по кодификации законодательства могут оказаться тщетными.

Савиньи считает поучительной историю римского права. Он подчеркивает, что, пока данное право находилось в живом развитии, потребность в своде законов не ощущалась¹¹.

¹⁰Юлиус фон Кирхманн утверждает: «Право нельзя представить без момента познания и момента чувства. Народ должен знать, что в каждом отдельном случае требует право. И народ с любовью должен быть предан своему праву. Если у права изъять указанные моменты познания и чувства, останется лишь большое произведение искусства, но это будет мертвое право, всякое право в нем будет отсутствовать».

То, как наука подходит к праву... делает неизбежным разрушение этих элементов. Народ утрачивает знание о своем праве и свою привязанность к нему. Оно становится исключительным достоянием особого сословия. Это вытекает из природы вещей и этому учит нас история. Тем самым право оказывается в противоречии само с собой. Право стремится познать предмет и одновременно оно его подавляет. Последствия такого противоречия неимоверны. Наука, лишившись своей естественной основы, легко уходит на путь софистики и непрактичных раздумий...» (Кирхманн 2022: 19).

¹¹ Кирхманн несколько иначе оценивал сущность и развитие римского права. Он писал: «Не каждые правовые образования, которые возникают одно за другим, следуют именно из предыдущего. Частное право начала римского государства было очевидным образом продуктом жесткого деспотизма, которое [это право] аристократия и жрецы использовали против народа. Застывшие формы и формулы

По утверждению Савиньи, «...свод законов своей новизной, своим родством с господствующими понятиями эпохи и своей внешней значимостью неизбежно... отвлечет от истинных источников права... их... будет недоставать именно духовным силам нации...» (Савиньи 2011: 139). Избежать этого можно только за счет исторического понимания природы права. Благодаря строгому историческому методу юриспруденции общее право и право конкретных стран становятся безупречными и действительно применимыми источниками. Сказанное не означает восхваления римского права или требования сохранения в действующем законодательстве какого-либо правового памятника в его неизменном виде – исторический метод юриспруденции нацелен на то, чтобы уяснить истоки любого правового установления и определить его органические принципы. Исторически изменчива не национальная основа права, а лишь его формы. Тот, кто стоит на исторической позиции, о праве судит глубже.

Историческая школа считает, что материал права дан всем прошлым нации. Разумная деятельность каждой эпохи должна быть направлена на его проверку, обновление и сохранение его «живым».

В работе «Система современного римского права» Савиньи вновь возвращается к проблеме народного духа как творца права. По его мнению, общее право является данностью во всяком текущем положении вещей, поэтому оно и признается позитивным правом. Позитивное право существует в общем сознании народа, поэтому его следует именовать народным правом. Таким образом, указанное право творит народный дух. Этот вывод не требует поиска каких-либо доказательств подобного возникновения и существования права. Несмотря на это, Савиньи приводит два доказательства в пользу данного вывода. Первое: чувство внутренней необходимости выражено в признании божественного происхождения права или законов. По мнению Савиньи, невозможно найти более убедительный довод против взглядов на право как явление, возникшее благодаря случайности или по воле человека. Второе: подобность особенностям права ряда других норм, например обычая жить в общении, и прежде всего языка народов, который не зависит от случайности и свободного выбора отдельно взятого человека. Другими словами, они также возникают из народного духа (см.: Савиньи 2011: 281-284).

По утверждению Савиньи, народный дух в своем развитии проходит четыре этапа: *младенчество*, характеризующееся зарождением права; *юность*, когда юристы выделяются в особую группу; *зрелость*, имеющая

сдерживали торговый оборот и реализацию прав; сокрыто было даже знание о днях, когда такие права были разрешены. Развитие частного права в республиканскую и имперскую эпохи не что иное, как последовательное освобождение права от этих оков. Противясь этому движению, римские юристы с упрямой дотошностью придерживались старых сковывающих институтов и использовали их в качестве основной формы для образований нового времени. Поэтому и возникла та раздвоенность, которая прошла сквозь всю систему римского права, то немыслимое противопоставление между застывшими формами и свободной подвижностью, между буквоедной строгостью и вольной справедливостью» (Кирхманн 2022: 12-13).

сложное право в связи с развитием политической и экономической жизни, культуры, формированием науки и правовой системы; и *старость*, определяемая умиранием народного духа, возникновением нового народа с новой правовой системой, отсутствием преемственности между разными народами.

Небезынтересна характеристика Савиньи как лектора. Так, ординарный профессор Московского университета М.П. Погодин в письме министру народного просвещения пишет из Германии (7 сентября 1836 г.): «Савиньи говорит как полный хозяин своего предмета; все слова как будто лежат в его карманах, и он отсчитывает их оттуда хладнокровно, ни больше, ни меньше, сколько надо; и если римское право называют рассудком писаным, то Савиньи можно назвать рассудком говорящим»¹².

Взгляды одного из наиболее последовательных сторонников исторической школы права Георга Фридриха Пухты, и в первую очередь его представление о народном духе как источнике права, во многом сформировались под влиянием современных ему философских учений, в частности концепции Шеллинга.

Определяя право, Пухта отмечает: «Право дано человеку от начала мира сего как одна из связей, соединяющих и определяющих земные отношения людей»¹³. Понятие о праве, по его утверждению, стало развиваться постепенно; исходную точку в истории права составляет возникновение народов. До этого времени человечество состояло из семейств, между которыми не было никакой юридической связи; в семейном быту чувство права заменялось чувством личной любви. Любовь противится чистому развитию юридического сознания. Только с появлением народа возникает и само право; история народа и есть история права.

Народы различаются между собой, поэтому право народов также различно. Пухта отмечает, что «различие прав может быть отчасти одновременное (между правами существующих народов), отчасти последовательное во времени. Уже у отдельного народа замечается это последовательное различие, право его переживает исторические периоды развития; такой же процесс развития права бывает и в человечестве, в котором каждый народ имеет свое особенное участие. <...> Право отдельного какого-либо народа не есть право, исключительно принадлежащее этой народной индивидуальности, оно таковым кажется, когда мы ограничиваемся одновременностью народов, в преемстве же народов оно одинаково принадлежит всему человечеству»¹⁴.

Развитие права предполагает его передачу «...от одного народа к другому, следующему за ним, отчасти инстинктивно, отчасти сознательно»¹⁵.

¹² Журнал Министерства народного просвещения. 1835. № IX. С. 546.

¹³ Пухта Г.Ф. Энциклопедия права / пер. с нем. Линденбратена; под ред. П. Карасевича. Ярославль : Тип. Г. Фальк, 1872. С. 15.

¹⁴ Там же. С. 20.

¹⁵ Там же.

С точки зрения Пухты, «бытие права, определяющего и регулирующего человеческие отношения, основывается на осознании людьми юридической свободы. Это осознание человек имеет от Бога, право есть божественный порядок, данный человеку и воспринятый его сознанием»¹⁶. Юридические положения рождаются в сознании человека, но каким путем они проникают в человеческое сознание? Отвечая на поставленный им же вопрос, Пухта пишет: «Здесь можно выдвинуть то же самое отличие, какое допускают для религии, ибо и самое право для людей, для которых не чуждо еще познание его происхождения, есть часть религии. Право достигает человеческого сознания частью сверхъестественным путем, путем откровения, – наши священные книги приписывают первоначальное выражение права Богу, – частью естественным путем, путем прирожденных человеческому духу чувства и потребности. Здесь мы имеем дело только с естественным возникновением права, где истинный Творец скрывается и право является творением человеческого духа и в дальнейшем своем развитии и образовании не только кажется, но и становится человеческим произведением»¹⁷.

В данных словах – квинтэссенция взглядов Пухты на правообразование. Общее сознание народа выступает источником права. Это общее сознание становится юридическим положением потому, что последнее признается таковым общим убеждением всех, для кого оно имеет значение. В этом случае право являет собой общую волю всего общества. Все «члены народа» соединены общим юридическим сознанием, как общим языком, общей религией (если она естественна), в один союз. Итак, как и у Савиньи, у Пухты народный дух является источником человеческого и естественного права, юридических убеждений.

Своеобразие юридических воззрений, так же как и язык, относится к характерным признакам различных национальностей. Если общность права признается духовной связью, поддерживающей народ, то самобытное развитие юридического сознания выступает одним из критериев, позволяющих отличать один народ от другого. Родство права и языковое родство сохраняется и в том случае, когда народ распадается на разные составляющие. Хотя последние будут развиваться отличающимся друг от друга образом, появляющиеся в праве особенности будут нивелироваться юридическими воззрениями, лежащими в его первооснове.

Одного осознания права недостаточно для его действительного бытия. Право по своей природе реально только тогда, когда жизненные отношения фактически, а не номинально регулируются его предписаниями. Сила, которая «выдвигает право, образует также и государство, без которого право имело бы неполное бытие, временное существование; без него общественная воля, которой обусловливается право, была бы более желанием, чем действительной, сильной волей»¹⁸. Это утверждение поднимает проблему

¹⁶ Там же. С. 21.

¹⁷ Там же. С. 22.

¹⁸ Пухта Г.Ф. Энциклопедия права. С. 24.

соотношения государства и права. С точки зрения Пухты, право создается впервые не государством, напротив, государство уже предполагает правовое сознание, право, в защите которого и состоит его главная задача. Начало права лежит вне государства, национальная воля есть воля народа не как составного элемента государства, а как естественного союза, составляющего фундамент последнего.

Пухта пишет: «Возникновение права из народного духа представляет собой невидимое явление. <...> ...Видимый элемент составляет только уже возникшее, т.е. право после того, как оно... стало действительным. При своем возникновении оно может принять троякий вид: 1) как непосредственное убеждение членов народа, проявляющееся в их действиях, 2) как закон и 3) как продукт научной дедукции. Органы, придающие праву этот его видимый образ, называются источниками права; к ним принадлежат непосредственное убеждение народа, законодательство и наука»¹⁹.

Таким образом, Пухта, в отличие от Савиньи, предпринимает попытки объективировать народный дух – он видит в нем некую силу, действующую в народном организме.

Кратко изложим суть концепции исторической школы права. Ключевым ее понятием выступает народный дух, представляющий собой, скорее всего, народное правосознание нации; он дан изначально и не способен к саморазвитию. Важнейшим источником права является обычай, поэтому кодификация законов – чуждое для права явление. Сторонники исторической школы права отстаивают сохранение прошлых порядков и отвергают преобразование существующих отношений с помощью нового законодательства, исходя из того, что право складывается исторически. Именно поэтому их идеи были своеобразным противопоставлением концепции естественного права (см.: Чернявский 2021). Критика умозрительных построений последней сыграла положительную роль в философско-правовых построениях исторической школы права.

Историческая школа идеологически и методологически выступила предтечей юридического позитивизма, обусловила переход к нему в начале XX в.

Следует заметить, что историческая школа не была однородной на всем протяжении своего существования. Примерно с начала 30-х гг. XIX в. сформировались две ее ветви: ветвь романистов (Г. Дернбург, Д. Голдшмидт и др.) и ветвь германистов (К. Ф. Эйхгорн, О. Гирке и др.).

Рудольф фон Иеринг высоко оценивал вклад Савиньи и его последователей в теорию права, и в частности в вопросы правообразования. Он считал, что разрабатываемое ими направление отражает реальную картину развития права в истории, которое возникло не вследствие рефлексии, а является изначально родившимся вместе с народом. Исходя из этого, «законодательство всегда означало для права только одно: оно должно было представлять или модифицировать право, но оно никогда не порождало его» (Иеринг 2011: 76). В работе «Историческая школа юристов» Иеринг так

¹⁹ Там же. С. 27-28.

характеризует основные идеи Савиньи: «Савиньи показал... влияние народной индивидуальности на право, а также то, как с течением времени ослабевает глубина изначальной связи права с народом, которая тем не менее никогда не исчезает, как каждый период, наряду с его своеобразием и свободой, все же разносторонне зависит от прошлого и как именно благодаря этому органически развивается право и т.д. Основополагающая идея Савиньи, содержащая суть доктринальной основы исторической школы права и заключающаяся в том, что право следует считать продуктом народного духа, а не творением свободной рефлексии, по утверждению Иеринга, являлась истиной, подготовленной предшествующим опытом (Иеринг 2011: 76).

Отто фон Гирке 3 августа 1903 г. в речи «Историческая школа права и германисты» на торжестве в память основателя Берлинского университета короля Фридриха Вильгельма III заметил, что историческое воззрение на правообразование на самом деле возникло до появления работ Савиньи и характеризовалось как течение в теории права, противостоящее естественно-правовому радикализму. «Сам Савиньи называет Юстуса Мёзера своим предшественником, а Густава Гуго – своим учителем. Он мог бы добавить еще несколько других имен. ...Иоганн Готфрид Гердер не только вдохнул идею развития в общее рассмотрение истории, но и подчинил новому принципиальному мнению именно право наряду с религией и языком и пророчески предвосхитил таким образом основные учения Савиньи, даже предпринял сравнение между правом и языком. Ведь вообще изменение правового воззрения было лишь частью процесса всеобщего изменения идей, который подточил величественное здание рационализма...» (Гирке 2011: 38-39).

Но благодаря Савиньи было сформулировано новое правовое воззрение, историческая школа стала организующей силой, определившей на долгие годы путь развития правовой доктрины Германии. «Таким образом, – делает вывод Гирке, – судьба немецкой юриспруденции заключалась в гениальной концепции Савиньи. Новое учение, сформулированное именно им, овладевало восприимчивыми умами. <...> Лишь благодаря ему историческое правовое воззрение приобрело непосредственное значение для живой современности, для научной работы по специальности и для повседневной практики» (Гирке 2011: 39-40).

Гирке подчеркивает «непреходящую внутреннюю сущность» учения исторической школы права. Он акцентирует внимание на научном значении следующих идей данного направления. Во-первых, показано, что право является историческим продуктом совместной жизни людей, его развитие и изменение – это часть процесса развития культуры. Во-вторых, обосновано, что научное осмысление права возможно только благодаря пониманию его истории. В-третьих, преодолено естественно-правовое представление права как права самого по себе, существующего для всякого народа и для всякого времени. В-четвертых, благодаря исторической школе идея развития проникла во все отрасли науки (см.: Гирке 2011: 40-41).

Историческая школа права в русской литературе второй половины XIX в.

Немецкая историческая школа права в целом оказала достаточно большое влияние на русскую юриспруденцию. Во-первых, преемственность современного права и права предшествующих эпох была положена в основу проведенной в России в XVIII–XIX вв. кодификации законодательства. Вероятно, под влиянием этого направления в праве Николай I поставил перед Вторым отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии задачу систематизации имевшихся законодательных актов, а не создания нового кодекса (см.: Чучаев 2024). Отказавшись воспринимать естественное право как универсальный и непреложный образец, русские юристы, в первую очередь криминалисты, стали склоняться к позиции представителей исторической школы права. Под ее влиянием у ученых проявился интерес к изучению памятников права, в университетах стала преподаваться история права. Она дала импульс развитию русской правовой культуры. В результате договоренностей М.М. Сперанского и Савиньи русские студенты стали проходить стажировку в европейских университетах.

Вместе с тем отношение российских ученых к исторической школе права было неоднозначным. Например, безусловным ее сторонником являлся А.А. Благовещенский, по мнению которого «Савиньи... доказал, что законодательство каждого народа не зависит от произвола законодателя, но образуется повсюду посредством внутренних, сокровенно действующих сил, именно сперва посредством обыкновения и верования народного, а потом посредством законоведения как органа общего сознания народа»²⁰.

Однако не все ученые столь безоговорочно приняли концепцию исторической школы права, ряд из них подвергли ее обстоятельному анализу, при этом теория общественного детерминизма рассматривалась ими как крайность. Пожалуй, одним из наиболее известных критиков исторической школы права был П.И. Новгородцев²¹.

Работа Новгородцева об исторической школе права начинается с характеристики доктрины естественного права. Объясняя это обстоятельство, автор пишет: «Дело в том, что философская сторона исторической школы всецело определяется отношением ее к доктрине естественного права. Сопоставление этих двух направлений казалось мне в данном случае лучшим приемом исследования, дающим возможность всего ближе подойти к познающему существу предмета»²².

²⁰ Благовещенский А. История и метод науки законоведения в XVIII веке так приводится в различных источниках // Журнал Министерства народного просвещения. 1835. № VI. С. 397–398.

²¹ О характеристике взглядов П.И. Новгородцева см.: (Баскин Ю., Баскин Д. 1997).

²² Новгородцев П.И. Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. С. 3.

Представители исторической школы права отмечали два основных недостатка критикуемой ими концепции: во-первых, учение о произвольном установлении права; во-вторых, предположение о том, что можно найти систему норм, одинаково пригодных для всех времен и народов. Позже обращалось внимание еще на один момент: стремление школы естественного права придавать субъективным правовым идеалам непосредственное значение²³.

Исходя из того, что естественное право выступает системой принципов и норм, существующих от природы (помимо установления законодателя), а настоящим источником этих норм является внутреннее сознание отдельных лиц или общественных групп, Новгородцев определяет естественное право как совокупность идеальных (нравственных) представлений о праве²⁴. При этом он ссылается на Г. Гроция, утверждавшего, что «естественное право есть предписание *правового разума*, указывающее, что известному действию присуще нравственное *безобразие* или нравственная *необходимость* в зависимости от его согласия или несогласия с разумной и общежителной природой (человека) и что поэтому действие это запрещается или предписывается творцом природы – Богом»²⁵.

Новгородцев замечает: если вслед за школой Савиньи допустить, что право образуется произвольно, подобно природным процессам, то пришлось бы отрицать возможность нравственного воздействия на право; более того, если нормальное развитие права происходит под влиянием внутренних органических сил, то вмешательство человека в этот естественный процесс должно быть признано незаконным.

С самого начала своего существования право служит нравственным ограничением общественных сил, поскольку в нем заключено совместное подчинение их некоему высшему решению и принятие на себя известных обязанностей. Утверждение права в обществе знаменует собой установление такого порядка, при котором общественные отношения определяются не случайным перевесом одних сил над другими, а го-

²³ В современной литературе также подчеркивается, что представители исторической школы верно подметили одну из существенных слабостей естественно-правовой доктрины – умозрительную трактовку генезиса и бытия права (см., напр.: Нерсисянц 2004: 520).

²⁴ Задолго до Новгородцева В. Филимонов трактовал естественное право следующим образом: «Естественным какому-либо существу называется то, что необходимо служит сохранению сего существа и что способствует ему находиться и поддерживать себя в том состоянии, которое ему свойственно; а так как человек предопределен для общественной жизни; а никакое общество без закона неразрывной совзаимности существовать не может; то из сего следует, что сей закон необходим для человека и, следовательно, он есть для него *закон естественный*» (Филимонов В. Система естественного права. Санкт-Петербург : Императ. тип., 1811. С. 12-13). Общественная жизнь для человека, по мнению Филимонова, «...не есть следствие случая, но предопределенная необходимость, которая одна способна развивать моральный характер его и посредством одного отделять его от прочих творений» (Там же. С. 12).

²⁵ Цит. по: Новгородцев П.И. Историческая школа юристов... С. 7.

сподством общих норм, создающих твердую почву для регулирования спорных положений.

В целом соглашаясь с И.Ф. Гербартом, видевшим в праве «прекращение спора», Новгородцев указывает, что существо права не сводится к одному только «механическому восстановлению мира», а включает и нравственное удовлетворение спорящих сторон. «Успех действия права в жизни вообще обуславливается тем, насколько оно проникает в сознание членов общества и встречает в них нравственное сочувствие и поддержку»²⁶. Без этого право превращается или в мертвую букву, или в тяжкое бремя, возлагаемое против воли.

Анализируя концепцию Савиньи, Новгородцев в первую очередь обращает внимание на ее истоки, которые, по его мнению, лежат в области объективного исторического созерцания, присущего немецкой философии со времен Шеллинга. По Савиньи, исторический процесс совершается независимо от индивидуального произвола. Исходя из признания органического характера истории, он приходит к выводу, согласно которому отрицается всякое участие человеческой воли в историческом развитии. Этот вывод подкрепляется в доктрине учением о национальном сознании как источнике исторических проявлений народной жизни. В основе указанных проявлений лежит общее убеждение народа, одинаково присущее всем его членам. Новгородцев отмечает, что в этом случае в теории Савиньи положительное право уже в силу своего происхождения наделяется высшим моральным авторитетом. Если рационалистическая философия отрицает положительное право поскольку, оно является продуктом случая и произвола, то рассматриваемое учение находит нравственное оправдание уже в самих условиях его генезиса.

Указанные отправные концептуальные положения Савиньи побуждают Новгородцева подвергнуть обстоятельному анализу теорию органического развития права, роль законодательства и национальный характер права. В результате он приходит к следующему выводу: «...органическое развитие права... представляется Савиньи скорее желательной нормой, встречающейся при известном сочетании условий, чем необходимым историческим явлением, наблюдаемым повсюду. <...> В сочинениях Савиньи нетрудно найти... примеры того, как постоянно, при встрече с историческими фактами, он должен был отказываться от строгих начал органической теории. И случай, и произвол, и личное начало вообще – все эти понятия старой теории правообразования, с такой энергией отвергнутые первоначально, вновь получили доступ в новое учение, которое, вследствие этого, утратило свою цельность и последовательность. <...> Допуская возможность исторических аномалий, Савиньи невольно впадал в круг естественно-правовых понятий»²⁷.

Органическая теория отводила законодательству и всей юриспруденции пассивную роль созерцателя непроизвольного развития духа. Отсюда

²⁶ Новгородцев П.И. Историческая школа юристов... С. 11.

²⁷ Там же. С. 87–88.

вытекает требование о невмешательстве властей в этот процесс. На основе анализа ранних и более поздних высказываний Савиньи Новгородцев упрекает его в непоследовательности. Противопоставляя невидимо действующие правообразующие силы природы и сознательную личную деятельность, Савиньи, вопреки прежним собственным утверждениям, не исключает возможность признания приоритета последней, а следовательно, допускает необходимость личного вмешательства в естественное течение жизни.

По мнению Новгородцева, Савиньи не мог на основе учения о национальном характере правообразования прийти к отрицанию его общих начал. И это закономерно, поскольку особенные и отличительные черты известных явлений несколько не исключают общности их основы. Таким образом, он признает действие в истории общих начал образования права, но ограничивает его историей отдельных народов.

Характеризуя взгляды последователя Савиньи Пухты, Новгородцев пишет: «Воззрения исторической школы получили у Пухты дальнейшее развитие. Некоторые положения Савиньи были выражены его преемником с большей резкостью, но общие стремления школы остались у него все те же»²⁸. Вслед за своим учителем Пухта старался более рельефно показать так называемую изначальность определений обычного права, которое исследовал в монографии «*Das Gewohnheitsrecht*» («Обычное право», 1828), и органический характер их происхождения. Пухта называл обычное право прирожденным народу²⁹. Подобная характеристика способствовала положительному отношению к обычному праву и возвышала моральное значение исторической школы. Однако, как замечает Новгородцев, оставаясь в области общих рассуждений, можно было бы и не заметить недостатков концепции Пухты, в том числе уязвимости его позиции по поводу проявления в праве общенародного духа.

В книге «*Cursus der Institutionen*» («Курс институций», 1857) Пухта меняет ранее высказанную точку зрения; говоря о диссонансах в развитии права, допускает, что и сам народный дух подвержен «болезненным явлениям». Кстати сказать, именно в этой работе автор значительно отклоняется от исходных положений исторической школы права.

Обстоятельному анализу историческую школу права подверг С.А. Муромцев³⁰, причем его оценки существенно отличаются от оценок П.И. Новгородцева.

Работа Муромцева «Образование права по учениям немецкой юриспруденции» (1886), по сути, является исправленным и дополненным вторым

²⁸ Там же. С. 102.

²⁹ О народном праве см. также: *Боголепов Н.П.* Значение общенародного гражданского права (*jus gentium*) в римской классической юриспруденции. Москва : Тип. Грачева и Ко, 1876. 252 с.; *Сергеевич В.И.* Опыты исследования обычного права // Наблюдатель. 1882. № 1–2.

³⁰ О С.А. Муромцеве см.: (Зорькин 1979; Садовничий 2019; Томсинов 2007), а также: *Кизеветтер А.А.* Сергей Андреевич Муромцев (1850–1910), председатель Первой Государственной Думы. Москва : Тип. П.П. Рябушинского, 1913. 16 с.

отделом его книги «Очерки общей теории гражданского права» (Москва, 1877). Отмечая заслуги исторической школы как направления юриспруденции, Муромцев пишет: «Перенося в юриспруденцию идею законов раннего развития, она сделала возможным такой путь, при следовании которому надежда на будущее совмещалась с уважением к прошедшему. Все, совершенное юриспруденцией после толчка, сообщенного ей Савиньи, есть не более как дальнейшее развитие основных, руководивших им идей, и все протесты, которые неоднократно высказывались против исторической школы, были только протестами против формы, временно ей принятой, и в сущности заключали в себе дальнейшее развитие дела, начатого Савиньи»³¹.

Муромцев замечает, что идеи, высказанные Савиньи, были сформулированы еще до него философией истории (Вико, Шеллинг, Кант и др.). Говоря о проникновении мыслей Шеллинга в юриспруденцию, он приводит слова немецкого правоведа Пауля Иоганна Ансельма фон Фейербаха, который, в частности, писал: «Из права, действовавшего прежде, выросло право современное; и это последнее существует только потому, что старое, отжив свой век, родило новое. В глубине прошлых тысячелетий лежит зерно законодательства, которому мы теперь повинемся...»³². Заслуга Савиньи, по мнению Муромцева, состоит в том, что теоретические положения о закономерностях исторического развития права он сумел использовать для решения сугубо практического вопроса – кодификации законодательства.

Муромцев указывает, что Савиньи одновременно выступал как против рационализма естественной школы права, которая, не замечая в действительности устремлений к чему-либо хорошему, возлагала все надежды на мудрость законодателя, так и против практической юриспруденции, которая, ограничиваясь поверхностным взглядом на правовую жизнь, видела в законодателе единственный и конечный источник права. Муромцев подвергает Савиньи критике за то, что он не осуществил правильную научную реализацию своих основных идей, ничего не сделал для дальнейшего углубления и расширения положений исторической школы, не пытался сформулировать отдельные законы права. Настаивая на закономерности исторического развития права, Савиньи не продемонстрировал отдельных ее проявлений. «Следует сказать даже, – заключает Муромцев, – что он далеко не ясно определил смысл закономерного развития, или закона внутренней необходимости, и тем стал причастен... к образованию недоразумений, которые извратили позднее основное положение исторической школы»³³.

Кстати сказать, на указанные обстоятельства обращает внимание и В.И. Сергеевич. В частности, он ставит вопрос о том, что подразумевает

³¹ Муромцев С.А. Образование права по учениям немецкой юриспруденции // Немечкая историческая школа права. Челябинск : Социум, 2010. С. 231-232.

³² Цит. по: Там же. С. 233.

³³ Муромцев С.А. Образование права по учениям немецкой юриспруденции. С. 232.

Савиньи под народным сознанием. По мнению Сергеевича, под ним, во-первых, можно понимать готовый фонд правовых идей, изначально заложенных в сознании народа. Право в этом случае является необходимым само для себя всякое заимствование чуждых основ права рассматривается как действие, прямо враждебное началу национального развития народа. Во-вторых, понятие «народное сознание» можно трактовать как сознание, сложившееся в силу всех тех разнообразных причин, под влиянием которых развивалась жизнь народа. В этом случае оно уже не будет являться основанием права. «Мы встречаемся у него [Савиньи], однако, с такими взглядами, – пишет Сергеевич, – которые дают основание допустить, что под необходимым правом он понимает... по крайней мере, только исторически необходимое. Допущение же первого из приведенных пониманий стоит в неразрешимом противоречии с теми его мыслями, которые высказаны им по поводу рецепции римского права немцами. Принятие немцами римского права, с точки зрения сторонников права развивающегося исключительно из духа народного, должно быть рассматриваемо как явление не нормальное и в высшей степени печальное, ибо оно положило конец самостоятельному развитию чисто немецкого права. Не так, однако, смотрит на рецепцию Савиньи. Жалобы на принятие римского права он называет пустыми и неосновательными потому, что они отправляются от предположения случайности и произвола в том, что не могло совершиться без внутренней необходимости»³⁴.

Эту «внутреннюю необходимость» принятия чужого права Савиньи видит, во-первых, в том, что весь процесс развития новых народов, в противоположность развитию древних народов, не отличается исключительно национальным характером. Новые народы заимствовали у древних не только право, но и свою образованность и даже религию. Во-вторых, если бы даже римское право не было принято, то и в этом случае немецкое право не могло развиваться самостоятельно, поскольку отсутствовали все те условия, которые благоприятно сказались на формировании гражданского права в Риме.

Основываясь на указанных разъяснениях Савиньи, Сергеевич высказывает предположение о сущности «закона внутренней необходимости», постулируемого исторической школой права: «Внутренне необходимо не только то, что развивается из духа народного, но и каждый совершившийся исторический факт, под влиянием каких бы условий он ни возник: всякое положительное право необходимо, ибо оно есть необходимое следствие своих исторических причин. Таким образом, Савиньи отправляется собственно не от национального права, покоящегося в народном сознании как изначала заложенная в него совокупность правовых начал, а от всякого исторического права как необходимого следствия данных исторических причин, каковы бы они ни были. Что дано историей, то хорошо и необходимо. Это данное право и должно быть выяснено в своих источниках и раз-

³⁴ Сергеевич В.И. Задача и метода государственных наук: очерки современной политической литературы. Москва : Тип. Грачева и Ко, 1871. С. 151.

вито во всех своих логических следствиях. Далее признания данного исторического права и его разработки историческая школа не идет»³⁵.

Савиньи формулирует лишь основные начала школы, намечает направление, по которому должно идти ее дальнейшее развитие, однако отсутствие определений введенных им понятий затрудняет разработку концептуальных положений исторического направления в теории права. Это, в частности, отразилось на взглядах Пухты, придавшего учению особый колорит.

Муромцев полагает, что последователь Савиньи, желая выявить формы образования права и их историческое соотношение, пришел к выводу, истинный смысл которого заключается в отрицании самого исторического процесса образования права. Более того, «теория Пухты была на самом деле отрицанием необходимости какой-либо теории. Он указал на существование нескольких форм, свойственных юридическим нормам; но он принял такое отношение между ними, которое подрывало совершенно их самостоятельное значение. Так, следуя Пухте, законодательство есть не более, как переписанное обычное право. То же говорит он об эдикте римских магистратов и сохраняет в известной степени тот же характер за трудами юриспруденции, утверждая, что она только перерабатывает обычное право. В свою очередь, обычное право есть не более, как непосредственное выражение народно-правового убеждения»³⁶.

Положив в основу объединения всех форм образования права один источник – обычное право, Пухта, по сути, аннулировал внешнюю историю каждой из них, лишил отдельно взятую форму особенностей ее возникновения и развития. Подобная же участь постигла так называемую внутреннюю историю права, воплощенного в народно-правовом убеждении. В утверждении Пухты, что последнее вырабатывается независимо от деятельности отдельных лиц, отразилась одна из идей философии истории Канта и Шеллинга, согласно которой действия человечества имеют правильный ход, не подверженный воздействию случая. Правда, у Пухты, в отличие, например, от Шеллинга (философ считал, что каждый порядок существует постольку, поскольку все думают одинаково и каждый осуществляет дарованное ему Божественное право содействовать торжеству справедливости), правовой порядок получает самобытное существование, а народно-правовое убеждение отличается от убеждения отдельных членов общества. Это утверждение согласуется с современной характеристикой системы, согласно которой ее свойства не сводятся к совокупности свойств входящих в нее элементов, но оно приводит к искаженному представлению о процессе образования права. «Этот процесс объективировался, – пишет Муромцев. – Образование права происходит как бы вне отдельных лиц, в недоступной им области олицетворенного народного духа. Народно-правовое убеждение не есть убеждение конкретного народа. Оно дано ему как бы извне,

³⁵ Там же. С. 152.

³⁶ Муромцев С.А. Образование права по учениям немецкой юриспруденции. С. 235.

как существующее само для себя, самобытной силой, образуясь и развиваясь для людей, оно не создается ими. Таков смысл, если не буква выводов Пухты»³⁷.

Учение Пухты априорно. Взяв за основу «народное убеждение», Пухта придает ему своеобразный характер и логически выводит из него целый ряд аспектов учения, несколько не соотнося их с действительностью, что приводит, во-первых, к объективизации образования права и, во-вторых, исключает из процесса его формирования деятельность человека. В этом случае народное убеждение представляется как бы изначально готовым, вследствие чего источники права оказываются не формами его образования, а формами его выражения.

Последовательное развитие основных положений концепции Пухты ведет к признанию того, что истинное выражение права должно было существовать на первоначальных ступенях истории народа, когда действует во всей силе обычное право.

Муромцев приходит к выводу: частные понятия исторической школы, такие как «общенародное правовое убеждение», «народный дух», «правовой организм», «органическое развитие права», не наполнены конкретным содержанием и по большей части являются фигуральными выражениями одной и той же идеи. Опираясь на высказывание немецкого философа Морица Каррьера: «Было легко создавать действительность путем аналогий, вместо того чтобы исследовать ее тщательно и подробно»³⁸, Муромцев заключает: «Некоторым аналогиям историческая школа немало обязана... распространением своей основной идеи. Но они же внесли в юриспруденцию туман, который покрыл собой процесс образования права, в его деталях, и надолго скрыл их от исследователя»³⁹.

Исходя из названия статьи Н.И. Кареева⁴⁰ «Два взгляда на процесс правообразования» (1889)⁴¹, можно предположить, что она посвящена формированию права в целом, фактически же в ней осуществляется обстоятельный анализ исторической школы Савиньи. Оценки рассматриваемого направления в теории права, данные не юристом, а историком, представляют, на наш взгляд, особый интерес.

Статья была опубликована в период работы Кареева над книгой «Сущность исторического процесса и роль личности в истории» (С.-Петербург, 1890)⁴² и является частью одной из ее глав. Приступая к исследованию, Кареев так определяет свою позицию: «...вопрос в том, как мы должны смотреть на исторический процесс вообще, должны ли видеть в нем безличную

³⁷ Там же. С. 236.

³⁸ Цит. по: Там же. С. 240.

³⁹ Там же.

⁴⁰ О Н.И. Карееве см.: (Долгова 2015).

⁴¹ Кареев Н.И. Два взгляда на процесс правообразования // Немецкая историческая школа права. Челябинск : Социум, 2010. С. 315-350.

⁴² В свою очередь, эта работа является третьей частью фундаментального труда ученого «Основные вопросы философии истории» (1883–1890).

эволюцию или процесс личного действия»⁴³. В доктрине исторической школы о правообразовании Кареев усматривает одно из частных применений к истории принципа безличной эволюции, тогда как в учении Р. фон Иеринга, представленном в его монографии «Борьба за право» (1872), он, наоборот, видит приложение к истории права идеи личного действия. Противопоставлением указанных точек зрения по вопросу о формировании и развитии права и объясняется выбор названия статьи.

Характеристику концепции исторической школы права Кареев начинает с анализа ее отличий от существовавшего до нее направления в доктрине права. И здесь он во многом опирается на выводы, содержащиеся в книге «Из курса лекций по русскому гражданскому праву» (1889) ординарного профессора Санкт-Петербургского университета Н.Л. Дювернуа, убежденного последователя немецкой исторической школы. Ко времени формирования исторической школы, указывает Дювернуа, сложилась концепция, идеи которой разделяли последователи естественного права, просто люди здравого смысла и, наконец, философы⁴⁴.

Представители *неисторической* школы (т.е. всех тех направлений в науке, которые не разделяют взгляды указанного учения) исходят из того, что каждая эпоха сама создает свое бытие, свой мир. Именно в связи с этим они обращаются к прошлому, поскольку оно может дать представление о том, как то или иное обстоятельство отражалось в жизни и сознании предков. При таком подходе история воспринимается как источник морально-политических максим. Вместе с тем Дювернуа подчеркивает, что опора на опыт прошлого для неисторической школы вовсе не обязательна и выступает лишь одним из вспомогательных средств. В отличие от данного направления представители *исторической* школы считают, что история не знает обособленного существования какого-либо народа – он должен рассматриваться как «часть некоторого высшего целого». «...Нам надлежит мыслить отдельного человека как члена семьи народа, государства; всякую эпоху в жизни народа – как продолжение и развитие предшествующих эпох, – резюмирует Дювернуа позицию исторической школы. – Иной взгляд – односторонность, ошибка, ошибка вредная... Раз это так, тогда всякая эпоха не приносит с собой произвольно и для себя весь свой мир. Тогда новое время должно признать нечто данное; это будет нечто необходимое, ибо оно не зависит от настоящего, и нечто свободное, ибо оно не исходит от произвола другого... Его источник лежит в высшей природе народа, как постоянно образующегося, постоянно развивающегося целого»⁴⁵.

По мнению Кареева, эта мысль о народе как постоянно развивающемся целом является революционной для исторической науки и имеет для нее весьма благотворное значение. Однако нужно иметь в виду, что высказанное положение нуждалось в дальнейшем развитии, наполнении содержанием,

⁴³ Кареев Н.И. Два взгляда на процесс правообразования. С. 318.

⁴⁴ Там же. С. 341-342. О концептуальных отличиях исторической и философской доктрины права см.: (Кресин 2016: 85).

⁴⁵ Цит. по: Кареев Н.И. Два взгляда на процесс правообразования. С. 319.

детальной конкретизации. Кареев указывает, что от этого «...зависело, насколько учение исторической школы о процессе правообразования соответствовало сущности дела и в подробностях»⁴⁶. Савиньи же наметил только общие контуры доктрины. По Савиньи, общее народное право является исконным, но его происхождение в трудах основоположника исторической школы не находит объяснения. Как и другие авторы, Кареев обращает внимание на то, что Савиньи не определяет используемые им понятия, хотя это имеет принципиальное значение не только для полного и точного уяснения сути его концепции о правообразовании, но и для дальнейшего развития исторической школы права в целом. Так, утверждая, что история права подчинена «закону внутренней необходимости», он не раскрывает суть последнего. Эта неопределенность в дальнейшем сказывается на восприятии и оценке как позиции Савиньи, так и его последователей; заложенный в их учении смысл в значительной мере остается скрытым от исследователя.

Шагом к более научному пониманию правообразования, с точки зрения Кареева, является признание того, что оно развивается вместе с народом.

В статье «Савиньи и его отношение к современной юриспруденции» (1863)⁴⁷, написанной ко второй годовщине со дня смерти Савиньи, Иосиф Иосифович (Осип Осипович) Кёниг⁴⁸ приводит краткую биографию основоположника исторической школы права и осуществляет критический разбор его научных трудов. Значительное внимание он уделяет анализу работы «О призвании нашего времени к законодательству и юриспруденции»⁴⁹, как уже отмечалось, содержащей в концентрированном виде первые представления Савиньи о происхождении и характере положительного права.

По утверждению Кёнига, последователи Савиньи обеднили его концепцию в первую очередь тем, что посчитали, что историческая школа исключает любые философские воззрения на происхождение и развитие права, хотя очевидно: поиск связи юридических установлений с духовными и материальными основами жизни народа априори вступает в область философии. Работа Савиньи «О призвании нашего времени к законодательству и юриспруденции» в определенной степени отражает позиции объективного идеализма. Более того, как полагает Кёниг, «...Савиньи... не только никогда не становился против философии в правоведении, но даже сам исходил от точно определенной философской системы, именно от объективного идеализма; он отвергал только ту псевдофилософию, которая весьма поверхностно и совсем неудачно применила к правоведению выводы Воль-

⁴⁶ Кареев Н.И. Два взгляда на процесс правообразования. С. 319.

⁴⁷ Кёниг И. Савиньи и его отношение к современной юриспруденции // Немечкая историческая школа права. Челябинск : Социум, 2010. С. 351-378.

⁴⁸ О Кёниге см.: Юридический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905) / под ред. М.П. Чубинского, Д.И. Багалая. Харьков : Печатное дело, 1908. С. 173.

⁴⁹ В переводе Кёнига название этой работы звучит как «Задача нашего времени по отношению к законодательству и правоведению».

фовой системы (учение представителя естественно-правового направления в Германии Христиана фон Вольфа (1679–1754), основанное на принципах математики. – *Авт.*). Правда, он сам никогда не указывал на те метафизические начала, которые служили ему исходной точкой, но тем не менее мы легко можем воспроизвести и определить их с точностью. Сам Ганс (Эдуард Ганс (1797–1839) – немецкий юрист, представитель философского направления в праве. – *Авт.*), замечательнейший противник метода Савиньи, признает за ним философское основание, которое он, впрочем, находит ложным, потому что историческая школа, по его мнению, не допускает в истории ни настоящей свободы, ни разумной необходимости»⁵⁰.

Кёниг, оценивая критические замечания, высказанные в литературе по поводу так называемого внутреннего развития при характеристике истории права во втором отделе труда Савиньи «История римского права в Средние века», посвященном истории науки (с момента возникновения школы глоссаторов), замечает, что многие персоналии представлены в этом исследовании «...вне всякой связи с идеями, господствовавшими в их время, и без разъяснения того влияния, которое эти личности обнаружили на своих современников и на следующие за ними поколения»⁵¹. Вместе с тем Кёниг считает малообоснованными утверждения о том, что историческая школа, «унижала» безусловную идею, проявляющуюся в истории, тратя свое время и усилия на «мелочные изыскания». Напротив, юристы, историки и философы должны быть благодарны за исследование и кажущихся маловажными деталей, которые на самом деле позволяют глубже понять отдаленные эпохи и важные исторические события.

Кёниг отмечает, что философские взгляды Савиньи обусловлены тем философским мировоззрением, которое видит в истории мир, аналогичный миру природы. В его время под влиянием романтизма и естественной философии пробуждалось стремление возвратиться от отвлеченных рассуждений и космополитических тенденций к созерцанию реальных явлений в природе и истории. «...Шеллингова мысль, что и природа, и идеальный мир (история, государство) в сущности подлежат одним и тем же законам, встречается у Цицерона, искусного посредника между греческой философией и воззрениями римского народа, а также у некоторых замечательных римских юристов (Марциана, Ульпиана. – *Авт.*). Что же мудреного, что она привилась и к Савиньи, который весь был проникнут античным духом», – заключает Кёниг⁵².

Отвечая некоторым критикам Савиньи, согласно утверждениям которых он, не дав надлежащего разъяснения используемому им понятию «народный дух», при разработке системы римского права оказал услугу юристам лишь тех стран, где оно непосредственно может быть применено к действительности, Кёниг замечает, что формально они правы. Действительно,

⁵⁰ Кёниг И. Савиньи и его отношение к современной юриспруденции. С. 365-366.

⁵¹ Там же. С. 366.

⁵² Там же. С. 366-367.

основатель исторической школы права, во-первых, не дал разъяснений основных идей, выработанных римским народом и составляющих предмет истории цивилизации. Во-вторых, он не раскрыл сути заключающегося в римском законодательстве цивилизационного элемента, который состоит во владычестве индивидуальной воли, то есть свободы, которая, «...доходя... до последней крайности, приходит в столкновение с природой вещей и кончается материализмом и всеобщим застоєм»⁵³. В-третьих, Савиньи не показал, как отразился в жизни римского народа принцип владычества индивидуальной воли. «Но это и не входило в состав его задачи. Написать историю цивилизации с юридической точки зрения и написать сочинение для юридической техники не одно и то же... Савиньи, как бы вводя нас в мастерскую римских юристов, приучает нас к тому юридическому мышлению, которое всегда считалось и всегда будет считаться образцовым и классическим»⁵⁴.

В современной правовой и философской литературе целый ряд работ посвящен различным аспектам исторической школы права, сопоставлению ее доктрины с другими правовыми теориями. Среди публикаций советского периода выделяется курс лекций Е.А. Косминского, в котором значительное место отведено немецкой историографии конца XVIII – середины XIX в., в том числе исторической школе права (см.: Косминский 1963). В докторской диссертации Н.В. Акчуриной предпринята попытка выявить идейную общность исторических школ права в разных странах (Акчурина 2000); в кандидатской диссертации Т.И. Дьячек исследуются догматические аспекты учения Пухты (Дьячек 2009). Философии истории немецкой исторической школы права посвящена кандидатская диссертация Н.Е. Асламова (Асламов 2012). В ней впервые представлен анализ писем Пухты к Савиньи (письма переведены на русский), позволяющий не только показать отношение этих представителей исторической школы друг к другу, но и подтвердить близость воззрений Пухты к гегельянским (письмо от 17 августа 1829 г.), его интерес к системе Шеллинга, выявить причины разногласий с Э. Гансом (Асламов 2011).

Особый интерес представляет работа В.В. Эмих, в которой на основе сопоставительного анализа трудов Ганса, представителя философски ориентированной правовой науки, и Савиньи рассмотрены основные проблемы, подход к которым определяет сущность исторической и философской школ права⁵⁵: понимание права, роли нации в его формировании, сравнение в праве, отбор правового материала, место правовой науки в системе наук, роль римского права в познании права. «Учение о нации составляет магистральные линии взаимодействия Ганса и Савиньи», – пишет Эмих (Эмих 2015: 137). Но этим совпадение их взглядов, по сути, не исчерпывается; у концепций ученых есть много точек соприкосновения, но их творческое

⁵³ Там же. С. 369.

⁵⁴ Там же. С. 369-370.

⁵⁵ О соотношении идей естественной и исторической школ см.: (Чернявский 2021: 51).

наследие имеет разный эвристический потенциал для истории политико-правовой мысли. По Гансу, исходящему из философии права Гегеля, мировой дух выступает неограниченной судебной инстанцией, стоящей над нациями, нация же является носителем мирового духа; по Савиньи, право создается исключительно духом народа, правовой материал порождается сущностью нации и ее историей. Универсальная история Ганса противопоставлена историзму Савиньи. Ганс полагает, что сравнение необходимо для поиска истины, а Савиньи – для идентификации национальной традиции (см.: Эмих 2015).

Статья Эмих не только углубляет и конкретизирует представления об исторической школе права и ее модификациях, но и позволяет скорректировать некоторые оценки взглядов ее представителей, особенно относящихся к историко-философскому направлению уголовно-правовой доктрины.

Русская историческая школа уголовного права.

В России интерес к истории национального уголовного права стал активно проявляться в 40-е гг. XIX столетия, при этом следует отметить, что в XVIII в. правовые памятники прошлого изучались уложенными комиссиями. В отличие от своих немецких предшественников, российские криминалисты-историки не абсолютизировали результаты более ранних исследований, не ограничивались старыми приемами изучения законодательных актов, инициировали новые подходы в историческом познании уголовного права. В этом отношении показательны работы Н.Д. Иванишева «О плате за убийство в древнем русском и других славянских законодательствах в сравнении с германскою вирою» (Киев, 1840), А.Н. Попова «Русская Правда в отношении к уголовному праву» (Москва, 1841), Я.И. Баршева «О влиянии обычая, практики, законодательства и науки на развитие уголовного, в особенности русского, права» (С.-Петербург, 1846), А.М. Богдановского «Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого» (Москва, 1857).

Однако надо иметь в виду, что в России сама историческая школа не была однородной (вероятно, сказалось деление общей теории исторической школы права на две ветви). Отчетливо выделялись ее историко-догматическое, историко-философское и историко-сравнительное направления.

«Высота уровня научно-догматической разработки является в известной степени мерилем успехов науки уголовного права. <...> Даже если исключить из научной догмы изложение соображений, которые должны лечь в основание усовершенствования действующего права в смысле исследования путей, которыми они могут быть осуществлены, то и тогда научная догма не может не предполагать использования целого ряда разнообразных данных, соприкасающихся с преступлением и наказанием и их обуславливающих», – подчеркивал Г.С. Фельдштейн (Фельдштейн 2003: 500).

К середине XIX в. в русском праве сформировались две группы догматиков: практики и теоретики. К числу первых можно отнести П.А. Муллова,

служившего по судебному ведомству⁵⁶, К.К. Арсеньева, бывшего адвоката⁵⁷, и др. Среди теоретиков бесспорно выделялся В.Д. Спасович⁵⁸.

Яркими представителями историко-сравнительного направления являлись П.И. Дегай⁵⁹ и А.Д. Любавский⁶⁰. Следует заметить, что речь идет о собственно компаративистских исследованиях, задачей которых является выявление общего и особенного в изучаемых объектах, причины этих сходств и различий. Данная оговорка обусловлена, в частности, тем, что дореволюционные ученые при характеристике уголовно-правовых институтов почти всегда использовали в качестве иллюстрации зарубежное законодательство и доктрину.

Историко-философское направление в российской литературе представлено трудами Г.С. Гордеенко (в литературе он часто указывается как Гордеенков)⁶¹, Д.М. Семеновского⁶² и др.

Все три направления исторической школы русского уголовного права требуют самостоятельного исследования, что позволит не только выявить различия в доктринальных подходах к характеристике уголовно-правовых институтов, их зарождения и развития, но и установить вклад каждого из этих направлений в национальную правовую науку.

⁵⁶ См., напр.: *Муллов П.* Женщина как подсудимая и преступница по русскому законодательству // Журнал Министерства юстиции. 1861. Т. 7, кн. 3; *Он же.* Влияние ссылки на брак по русским законам // Журнал Министерства юстиции. 1861. Т. 8, кн. 5; *Он же.* Значение народных юридических обычаев // Журнал Министерства юстиции. 1862. Т. 1, кн. 1.

⁵⁷ См., напр.: *Арсеньев К.* О смягчении наказания несовершеннолетним, вовлеченным в преступление совершеннолетним // Журнал Министерства юстиции. 1861. Т. 8, кн. 3; *Он же.* О предумышленном и непредумышленном убийстве // Журнал Министерства юстиции. 1861. Т. 10, кн. 10.

⁵⁸ См., напр.: *Спасович В.Д.* Обзор перемен в законодательстве уголовном, начиная с нового издания Свода законов 1857 г. // Век. 1861. № 5; *Он же.* Учебник уголовного права. Т. 1. Санкт-Петербург : Тип. И. Огризко, 1863. 180 с.; *Он же.* Теория взлома // Спасович В.Д. За много лет, 1859–1871 : Статьи, отрывки, история, критика, полемика, судеб. речи и проч. Санкт-Петербург : Тип. Ф. Сушинского, 1872.

⁵⁹ См.: *Дегай П.* Взгляд на современное положение уголовного законодательства в Европе. Санкт-Петербург : Тип. К. Крайя, 1845. 101 с.

⁶⁰ См.: *Любавский А.Д.* О детоубийстве // Юридический вестник. 1863. Вып. 37.

⁶¹ См.: *Гордеенко Г.* Разбор основных начал науки уголовного права. Харьков : Унив. тип., 1832. 93 с.; *Он же.* В чем должно состоять ученое уголовное законоведение в России в настоящее время? Харьков : Унив. тип., 1838. 93 с. В ряде литературных источников Гордеенко без достаточных оснований относят к психологической школе уголовного права. Характеристику уголовно-правовых взглядов Г.С. Гордеенко см.: (Чучаев 2008).

⁶² См.: *Семеновский Д.* Речь о характере уголовного законодательства известнейших древних народов и отечественного русского. Москва : Б. и., 1845.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Акчурина Н.В. 2000. Историческое направление в русском правоведении XIX века : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. Саратов. 324 л.
- Андреев А.Ю., Цыганков Д.А. (сост.) 2010. Императорский Московский университет, 1755–1917: энцикл. словарь / авт. проекта, сост. А.Ю. Андреев, Д.А. Цыганков. Москва : РОССПЭН. 894 с.
- Асламов Н.Е. 2011. Письма Пухты к Ф.К. Савиньи как источник по немецкой философии права второй четверти XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. № 1. С. 66–68.
- Асламов Н.Е. 2012. Философия истории немецкой исторической школы права : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03. Москва. 155 л.
- Баскин Ю.Я., Баскин Д.А. 1997. Павел Иванович Новгородцев : (Из истории рус. либерализма) / ред. Д.И. Луковская. Санкт-Петербург : Алмаз. 95 с.
- Гирке О. фон. 2011. Историческая школа права и германисты // Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права. Москва : Статут. Т. 1. С. 36–72.
- Горбань В.С. 2024. Формирование современной историографической модели политико-правовых знаний // Государство и право. № 7. С. 64–78. DOI 10.31857/S1026945224070055
- Горбань В.С., Маликов С.В. 2024. Историографические и философско-правовые контексты в уголовном праве // Государство и право. № 9. С. 36–50. DOI 10.31857/S1026945224090035
- Долгова Е.А. (сост.) 2015. Ученый в эпоху перемен : Н.И. Кареев в 1914–1931 гг. : исследование и материалы / авт.-сост. Е.А. Долгова. Москва : РОССПЭН. 511 с.
- Дьячек Т.И. 2009. Правовое учение Георга Фридриха Пухты: догматический аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Санкт-Петербург. 143 л.
- Зорькин В.Д. 1979. Муромцев. Москва : Юрид. лит. 127 с.
- Иеринг Р. фон. 2011. Историческая школа юристов // Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права. Москва : Статут. Т. 1. С. 73–101.
- Кирхманн Ю. фон. 2022. О бесполезности юриспруденции как науки // Немцы-цивилисты о юриспруденции: Юлиус фон Кирхманн, Карл Ларенц / пер. с нем. и предисл. С.С. Трушников. Б. м. : Издат. решения. С. 8–24.
- Косминский Е.А. 1963. Историография средних веков. V в. – середина XIX в. : лекции. Москва : Изд-во Моск. ун-та. 430 с.
- Кресин А.В. 2016. Дискуссия исторической и историко-философской школ: вопрос о социальных и компаративных основаниях права и юридической науки // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). № 3. С. 85–102.
- Кузнецова И.М., Тяжкова И.М. (ред.) 1999. Курс уголовного права. В 5 т. Т. 1: Общая часть / Борзенков Г.Н., Комиссаров В.С., Крылова Н.Е. и др.; под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. Москва : Зерцело-М. 611 с.
- Наумов А.В. 2010. Российское уголовное право : курс лекций. В 3 т. Т. 1: Общая часть. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Волтерс Клувер. 710 с.
- Нерсисянц В.С. 2024. История политических и правовых учений : учебник. Москва : Норма. 704 с.
- Пашенцев Д.А., Чернявский А.Г. 2016. Формирование русской исторической школы права // Образование и право. № 2. С. 188–194.
- Решетников Ф.М. 1965. Уголовное право буржуазных стран. Вып. 1. Просветительно-гуманистическое направление в уголовном праве. Москва : Б. и. 69 с.
- Савенков А.Н. 2023. Философия права в России как идейно-теоретическая основа национальной правовой идеологии: история, современность и перспективы // Государство и право. № 8. С. 7–23. DOI 10.31857/S102694520027259-5

Савенков А.Н. 2024. Философия права и становление российского государства-цивилизации. Москва : Наука. 739 с.

Савиньи Ф.К. фон. 2011. Система современного римского права. Т. 1 / пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. Москва : Статут. 508 с.

Садовничий В.А. 2019. Сергей Андреевич Муромцев (1850–1910) // Садовничий В.А. О людях Московского университета. 3-е изд., доп. Москва : Изд-во Моск. ун-та. С. 68–88.

Тибо А.Ф.Ю. 2011. О необходимости общего гражданского права для Германии // Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права. Москва : Статут. Т. 1. С. 102–127.

Томсинов В.А. 2007. Российские правоведы XVIII–XX веков : очерки жизни и творчества. В 2 т. Т. 2. Москва : Зерцало. 662 с.

Утевский Б.С. 1989. Воспоминания юриста: Из неопубликованного. Москва : Юрид. лит. 302 с.

Фельдштейн Г.С. 2003. Главные течения в истории науки уголовного права в России. Москва : Зерцало. 523 с.

Чернявский А.Г. 2021. Историческая школа и естественное право // Вестник Академии права и управления. № 1(62). С. 51–59. DOI 10.47629/2074-9201_2021_1_51_59

Чучаев А.И. 2008. Методы науки уголовного права (диссертационное исследование Г.С. Гордеенкова) // Российский ежегодник уголовного права. № 2. С. 695–711.

Чучаев А.И. 2024. Разработка уголовного законодательства в XVIII – первой четверти XIX века: борьба за самобытность русского права // Государство и право. № 12. С. 172–185. DOI 10.31857/S1026945224120168

Эмих В.В. 2015. Ганс vs Савиньи: полемика между философской и исторической школами права // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения академии наук. Т. 15. Вып. 4. С. 137–153.

References

Akchurina N.V. *Istoricheskoe napravlenie v russkom pravovedenii XIX veka : dis. ... d-ra yurid. nauk : 12.00.01* [Historical trend in Russian Jurisprudence of the 19th century: Dissrtation], Saratov, 2000, 324 l. (in Russ.).

Andreev A.Yu., Tsygankov D.A. (comp.) *Imperatorskiy Moskovskiy universitet, 1755–1917: entsikl. slovar'* [Imperial Moscow University, 1755–1917: an Encyclopedic Dictionary], Moscow, ROSSPEN, 2010, 894 p. (in Russ.).

Aslamov N.E. *Filosofiya istorii nemetskoj istoricheskoy shkoly prava : dis. ... kand. filos. nauk : 09.00.03* [Philosophy of history of the German Historical School of Law: Dissertation], Moscow, 2012, 155 l. (in Russ.).

Aslamov N.E. Letters From G.F. Puchta to F.K. Savigny as A Background Source Material on German Philosophy of Law in the 2nd Quarter of the 19th Century, *RUDN Journal of Philosophy*, 2011, no. 1, pp. 66–68. (in Russ.).

Baskin Yu.Ya., Baskin D.A. *Pavel Ivanovich Novgorodtsev : (Iz istorii rus. liberalizma)* [Pavel Ivanovich Novgorodtsev : (From the History of Russian Liberalism)], St. Petersburg, Almaz, 1997, 95 p. (in Russ.).

Chernyavsky A.G. Historical School and Natural Law, *Vestnik Akademii prava i upravleniya*, 2021, no. 1(62), pp. 51–59. https://doi.org/10.47629/2074-9201_2021_1_51_59 (in Russ.).

Chuchaev A.I. Development of Criminal Law Legislation in the XVIII – First Quarter of the XIX Century: The Struggle for the Identity of Russian Law, *State and Law*, 2024, no. 12, pp. 172–185. <https://doi.org/10.31857/S1026945224120168> (in Russ.).

Chuchayev A.I. Metody nauki ugovnogo prava (dissertatsionnoe issledovanie G.S. Gordeenkova) [Methods of the Science of Criminal Law (Dissertation Research by G.S. Gordeenkov)], *Rossiyskiy ezhegodnik ugovnogo prava*, 2008, no. 2, pp. 695–711. (in Russ.).

Dolgova E.A. (comp.) *Uchenyy v epokhu peremen : N.I. Kareev v 1914–1931 gg. : issledovanie i materialy* [A Scientist in an Era of Change : N.I. Kareev in 1914–1931 : Research and Materials], Moscow, ROSSPEN, 2015, 511 p. (in Russ.).

Dyachek T.I. *Pravovoe uchenie Georga Fridrikha Pukhty: dogmaticheskiy aspekt : dis. ... kand. yurid. nauk : 12.00.01* [The Legal Doctrine of Georg Friedrich Puchta: the Dogmatic Aspect: Dissertation], St. Petersburg, 2009, 143 l. (in Russ.).

Emikh V.V. Gans vs Savigny: Polemics Between Historical and Philosophical School of Jurisprudence, *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, 2015, vol. 15, iss. 4, pp. 137–153. (in Russ.).

Feldshteyn G.S. *Glavnye techeniya v istorii nauki ugovnogo prava v Rossii* [The Main Trends in the History of the Science of Criminal Law in Russia], Moscow, Zertsalo, 2003, 523 p. (in Russ.).

Gierke O. von. *Istoricheskaya shkola prava i germanisty* [Historical School of Law and Germanists], *Savin'i F.K. fon. Sistema sovremennogo rimskogo prava*, Moscow, Statut, 2011, vol. 1, pp. 36–72. (in Russ.).

Gorban V.S. Formation of a Modern Historiographical Model of Political and Legal Knowledge, *State and Law*, 2024, no. 7, pp. 64–78. <https://doi.org/10.31857/S1026945224070055> (in Russ.).

Gorban V.S., Malikov S.V. Historiographical and Philosophical Legal Contexts in Criminal Law, *State and Law*, 2024, no. 9, pp. 36–50. <https://doi.org/10.31857/S1026945224090035> (in Russ.).

Jhering R. von. Historical School of Law, *Savin'i F.K. fon. Sistema sovremennogo rimskogo prava*, Moscow, Statut, 2011, vol. 1, pp. 73–101. (in Russ.).

Kirchmann J. von. *O bespoleznosti yurisprudentsii kak nauki* [The Futility of Jurisprudence as a Science], *Trushnikov S.S. (Transl.) Nemetskie tsivilisty o yurisprudentsii: Yulius fon Kirkhmann, Karl Larents*, Izdatel'skie resheniya, 2022, pp. 8–24. (in Russ.).

Kosminsky E.A. *Istoriografiya srednikh vekov. V v. – seredina XIX v. : lektsii* [Historiography of the Middle Ages. V century – the middle of the XIX century : Lectures], Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1963, 430 p. (in Russ.).

Kresin O.V. Discussion of Historical and Historical-Philosophical Schools: The Questi on Social and Comparative Bases of Law and Legal Science, *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2016, no. 3, pp. 85–102. (in Russ.).

Kuznetsova I.M., Tyazhkova I.M. (Eds.) *Kurs ugovnogo prava. V 5 t. T. 1: Obshchaya chast'* [Criminal law Course. In 5 vols. Vol. 1: The General Part], Moscow, Zertselo-M, 1999, 611 p. (in Russ.).

Naumov A.V. *Rossiyskoe ugovnoe pravo : kurs lektsiy. V 3 t. T. 1: Obshchaya chast'* [Russian Criminal Law : a Course of Lectures. In 3 vols. Vol. 1: The General Part], 4th, rev. and augm., Moscow, Volters Kluver, 2010, 710 p. (in Russ.).

Nersesyants V.S. *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy : uchebnik* [History of Political and Legal Doctrines : Textbook], Moscow, Norma, 2024, 704 p. (in Russ.).

Pashentsev D.A., Chernyavsky A.G. *Formirovanie russkoy istoricheskoy shkoly prava* [Formation of the Russian Historical School of the Right], *Obrazovanie i parvo*, 2016, no. 2, pp. 188–194. (in Russ.).

Reshetnikov F.M. *Ugovnoe pravo burzhuaznykh stran. Vyp. 1. Prosvetitel'no-gumanisticheskoe napravlenie v ugovnom prave* [The Criminal Law of Bourgeois Countries. Issue 1. Educational and Humanistic Direction in Criminal Law], Moscow, 1965, 69 p. (in Russ.).

Sadovnichiy V.A. Sergey Andreevich Muromtsev (1850–1910), *Sadovnichiy V.A. O lyudyakh Moskovskogo universiteta*, 3rd, augm., Moscow, Izdatelstvo Moskovskogo universiteta, 2019, pp. 68–88. (in Russ.).

Savenkov A.N. *Filosofiya prava i stanovlenie rossiyskogo gosudarstva-tsvilizatsii* [The Philosophy of Law and the Formation of the Russian State-Civilization], Moscow, Nauka, 2024, 739 p. (in Russ.).

Savenkov A.N. The Philosophy of Law in Russia as the Ideological and Theoretical Basis of the National Legal Ideology: History, Modernity and Prospects, *State and Law*, 2023, no. 8, pp. 7–23. <https://doi.org/10.31857/S102694520027259-5> (in Russ.).

Savigny F.C. von. *System of the Modern Roman Law. Vol. 1*, Moscow, Statut, 2011, 508 p. (in Russ.).

Thibaut A.F.J. On the Necessity of a General Civil Law in Germany, *Savin'i F.K. fon. Sistema sovremennogo rimskogo prava*, Moscow, Statut, 2011, vol. 1, pp. 102–127. (in Russ.).

Tomsinov V.A. *Rossiyskie pravovedy XVIII–XX vekov : ocherki zhizni i tvorchestva. V 2 t. T. 2* [Russian Jurists of the XVIII–XX Centuries : Essays on Life and Work. In 2 vol. Vol. 2], Moscow, Zertsalo, 2007, 662 p. (in Russ.).

Utevsky B.S. *Vospominaniya yurista: Iz neopublikovannogo* [Memoirs of a Lawyer: From an Unpublished], Moscow, Yuridicheskaya literature, 1989, 302 p. (in Russ.).

Zorkin V.D. *Muromtsev*, Moscow, Yuridicheskaya literature, 1979, 127 p. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сергей Владимирович Маликов

доктор юридических наук, заместитель директора по научной работе Института государства и права РАН; г. Москва, Россия; ORCID: 0000-0003-0892-2328; SPIN-код: 1466-7490; E-mail: s.v.malikov@yandex.ru

Александр Иванович Чучаев

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий сектором уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права РАН; г. Москва, Россия; ORCID: 0000-0002-5144-052X; SPIN-код: 6778-1871; E-mail: moksha1@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey V. Malikov

Doctor of Law, Deputy Director for Scientific Work of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; Moscow, Russia; ORCID: 0000-0003-0892-2328; SPIN-code: 1466-7490; E-mail: s.v.malikov@yandex.ru

Aleksandr I. Chuchaev

Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; Moscow, Russia; ORCID: 0000-0002-5144-052X; SPIN-code: 6778-1871; E-mail: moksha1@rambler.ru

Васечко В.Ю. Доктор В.Ф. Чиж и психиатрическое направление в русской школе криминальной антропологии // Антиномии. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 159-179. https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_1_159

УДК 343.9.018:340.125

DOI 10.17506/26867206_2025_25_1_159

Доктор В.Ф. Чиж и психиатрическое направление в русской школе криминальной антропологии

Вячеслав Юрьевич Васечко

Институт государства и права РАН

г. Москва, Россия

E-mail: vyacheslavpetro@yandex.ru

*Поступила в редакцию 29.09.2024, поступила после рецензирования 20.02.2025,
принята к публикации 24.02.2025*

Целью статьи является осмысление научного и творческого наследия доктора психиатрии В.Ф. Чижа как одного из ярких представителей русской уголовно-антропологической школы конца XIX – начала XX столетий и одновременно оригинального мыслителя эпохи Серебряного века. В.Ф. Чиж оказался в числе тех своих современников, которые не только осознали концептуальный смысл новейших открытий в ряде естественных и точных дисциплин (антропология, психология, физиология, статистика и др.), но и пришли к выводу о неизбежности практической их реализации в тех сферах социальной жизни, которые ранее оставались вне какого бы то ни было научного рассмотрения. Для Чижа одной из таких сфер стал мир криминала, причины существования и характер эволюции которого призваны раскрыть новые комплексные научные дисциплины – криминальная антропология и судебная (юридическая) психопатология. В статье, помимо краткого очерка жизни и деятельности Чижа и изложения его взглядов на цели и задачи указанных дисциплин, во-первых, обозначены те ментальные и культурные стереотипы, которые стоят на пути формирования объективного научного знания о мире преступности, во-вторых, предпринята попытка экспликации тех концептов, принципов и методов, которые должны эффективно работать в данной предметной области. Особо подчеркнуто то, что хотя Чиж и разделял основные подходы западной криминологии (и прежде всего принципы учения Ч. Ломброзо), он относился к ней достаточно критически и неизменно настаивал на тщательной эмпирической верификации всякого умозрительного положения. Автор полагает, что возвращение идей и работ В.Ф. Чижа в современный социокультурный и политико-правовой дискурс имеет

© Васечко В.Ю., 2025

не только сугубо историографическую ценность, но и позволяет более адекватно понять те проблемы сегодняшнего дня, которые вызваны деятельностью криминальных элементов, раскрыть истоки этих проблем и определить оптимальные средства их решения.

Ключевые слова: В.Ф. Чиж; русская уголовно-антропологическая школа; криминальная антропология; судебная психопатология; ломброзианство; преступный тип

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Dr. Vladimir F. Chizh and the Psychiatric Approach in the Russian School of Criminal Anthropology

Vyacheslav Yu. Vasechko

Institute of State and Law, the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

E-mail: vyacheslavpetro@yandex.ru

Received 29.09.2024, revised 20.02.2025, accepted 24.02.2025

Abstract. The article aims to explore the scientific and creative legacy of Dr. Vladimir F. Chizh, a prominent figure in the Russian anthropological school of criminal law from the late 19th and early 20th centuries. Being an original thinker from the Silver Age, Dr. Chizh recognized the conceptual significance of recent discoveries in a number of natural and exact sciences, including anthropology, psychology, physiology, and statistics. In addition to that, he deemed the practical application of these discoveries essential in areas of social life that had previously been overlooked by scientific inquiry. For Dr. Chizh, one such area of interest was the world of crime, whose causes and evolving nature are illuminated by emerging interdisciplinary fields, such as criminal anthropology and forensic psychopathology. The article provides a brief overview of the life and work of Dr. Vladimir F. Chizh, along with his perspectives on the goals and objectives of criminology and related disciplines. It addresses two main areas: firstly, those mental and cultural stereotypes that hinder the development of scientific knowledge about crime; and secondly, an exploration of the concepts, principles and methods that could effectively contribute to this field. While Dr. Chizh acknowledged the fundamental approaches of Western criminology, particularly the principles of Cesare Lombroso, he maintained a critical stance and emphasized the necessity of thorough empirical verification for any speculative claims. The author argues that reintroducing Vladimir F. Chizh's ideas into contemporary socio-cultural and political-legal discourse holds significant historiographical value and enhances our understanding of current issues stemming from criminal activities, revealing their origins and identifying optimal solutions.

Keywords: Vladimir F. Chizh; Russian anthropological school of criminal law; criminal anthropology; forensic psychopathology; Lombrosianism; criminal type

Acknowledgements: The research was funded by a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, provided as subsidies from the federal budget for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement No. 075-15-2024-639, dated July 12, 2024).

For citation: Vasechko V.Yu. Dr. Vladimir F. Chizh and the Psychiatric Approach in the Russian School of Criminal Anthropology, *Antinomies*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 159-179. (in Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_1_159

Введение

Русский Серебряный век, как известно, дал мировой культуре великое множество ярких имен и оригинальных идей. Многие из деятелей той поры по причине глубокого катаклизма, который пережила наша страна сотню лет назад, были надолго вычеркнуты из истории отечественной мысли, и только в последние десятилетия их имена и их работы стали возвращаться в поле академического дискурса. Одним из научных направлений, ставших жертвой официальных административных запретов советской поры, стала русская уголовно-антропологическая школа, родоначальником которой считается Д.А. Дриль (1846–1910)¹. Но среди тех, кто понял ценность естественных наук (антропологии, психологии, физиологии и др.) для объяснения причин преступности и борьбы с ней, были не только профессиональные юристы, подобно Дрилю. Не меньший вклад в осмысление и решение этих проблем принадлежит представителям врачебной науки и, в особенности, такого ее раздела, как психиатрия. В России такой фигурой, которую сопоставляют по масштабам с Чезаре Ломброзо и Зигмундом Фрейдом на Западе², стал доктор медицины *Владимир Федорович Чиж* (1855–1922(?)).

Будучи по должности ординарным профессором психиатрии, В.Ф. Чиж никогда не замыкался в рамках своей основной специальности, и потому неслучайно имя его фигурирует ныне в научной литературе в самых различных контекстах. Наряду с юбилейными статьями, принадлежащими соотечественникам Владимира Федоровича по цеху (напр.: Журавель 2011; Абрамова 2015), и работами, связанными с внутридисциплинарной проблематикой (Курносова 2011; Пятницкий 2023), ссылки на его труды можно встретить и у авторов, пишущих на иные темы. И это касается не только таких близких к психиатрии разделов психологии, как экспериментальная психология (Кольцова, Олейник 2017), психология гениальности (Холондович 2012; Бобылев 2017) или история психологии (Мазиллов 2019), но и, например, литературоведения (Белякова 2016: 78–192; Сироткина 2008: 30–42; Розин 2019)³,

¹ Роли Д.А. Дриля и значению его идей в становлении этой школы посвящена наша статья, см.: (Васечко 2024).

² См.: (Слабинский 2015).

³ Любопытно отметить, что некоторые авторы, не мудрствуя лукаво, дают своим текстам названия, дословно совпадающие с названиями работ Чижа, ср.: (Бобылев 2021) и (Чиж 2001с), (Бобылев 2022) и (Чиж 2001d), (Логинова 2021) и (Чиж 2001b).

религиоведения (Михельсон 2018: 158-160), истории и теории фольклора (Артемьева 2016) и даже философии (Демин 2012; Кравченко 1997: 59).

Не остался Чиж в стороне и от вопросов, связанных с криминологией и работой уголовно-исправительных учреждений, на что все чаще обращается внимание в последнее время. Отмечаются его заслуги в становлении российской и европейской криминальной антропологии (Чингаева 2016) и пенитенциарной психологии (Кушнир 2022: 18), в формировании научного концепта деструктивной личности (Борисов 2010: 85-87), в распространении в России евгенических теорий (Горячева 2020: 31-33), его влияние на развитие криминологического образования (Санксаев 2022: 144) и др. Однако серьезных работ, соответствующих масштабу личности нашего героя и размаху его научных интересов, особенно если мы рассматриваем их в криминологическом измерении, пока неизвестно.

В настоящей статье мы ставим целью не просто изложить взгляды В.Ф. Чижа как представителя медицинской ветви русской уголовно-антропологической школы (хотя уже и эта задача сама по себе достаточно значима), но и, во-первых, обозначить те ментальные и культурные стереотипы, которые, по его мнению, препятствуют формированию истинного научного знания о криминалитете и криминальных субъектах, и, во-вторых, эксплицировать те научные понятия, принципы и методы, которые, согласно В.Ф. Чижу, эффективно работают в сфере раскрытия причин и сущности преступности как социокультурного феномена.

Именно рассмотрение указанных вопросов, как нам представляется, позволит, пусть и вчерне, обрисовать, какое место занимают взгляды В.Ф. Чижа в том сложном комплексе интенций, теорий, ценностей и проектов, который получил название Серебряного века. А на этой основе более отчетливым и очевидным станет как то в этих взглядах, что несло на себе печать тогдашнего времени и осталось навсегда в прошлом, так и то, что имеет непреходящее значение и потому не теряет своей актуальности по сей день.

1. Профессор психиатрии Владимир Федорович Чиж: краткая биография, общая характеристика научной и профессиональной деятельности, библиография

Родился будущий психиатр и криминолог 9 июня 1855 г. в дворянской семье в Смоленской губернии, получив среднее образование в Полоцком кадетском корпусе. Заинтересовавшись медициной, Чиж по выпуске из корпуса поступил в Императорскую Медико-хирургическую академию в Петербурге, которую с отличием окончил в 1878 г. Получив направление на флот, молодой врач два года, до сентября 1880 г., служил ординатором психиатрического отделения Кронштадтского госпиталя. Вернувшись затем в свою альма-матер, ставшую с 1881 г. называться Императорской военно-медицинской академией, чтобы работать в клинике профессора И.П. Мержеевского, главы русской психиатрической школы, Чиж менее чем за три года написал докторскую диссертацию и успешно защитил ее 23 мая 1883 г., будучи всего неполных 28 лет от роду.

Подобно многим другим талантливым молодым ученым, Чиж был в 1884 г. командирован на стажировку в Европу, где на протяжении полутора лет продолжал образование под руководством виднейших специалистов – физиолога и психолога В. Вундта, невролога П. Флексига (Германия), психолога Ж. Дельбёфа (Бельгия), физиолога А. Вюльпиана, врача и невролога Ж.М. Шарко (Франция) и др. По возвращении на родину Чиж стал первым главным врачом вновь учрежденной больницы Св. Пантелеймона – крупнейшего в Петербурге заведения для призрения душевнобольных⁴ – и прослужил здесь шесть лет, до 1891 г.

В 1891 г. 36-летний ученый был приглашен в одно из старейших высших учебных заведений Российской империи – университет города Юрьева, основанный еще в 1632 г. шведским королем Густавом II Адольфом как Дерптский университет. Он возглавил основанную в 1880 г. кафедру психиатрии, которой до него руководили профессора из Германии. Здесь Чиж прослужил почти четверть века, до 1915 г., совмещая преподавательскую и научную деятельность с клинической практикой и заведя клинику душевных и нервных болезней. В 1904 г. он был избран также деканом медицинского факультета.

Во время революции 1905–1907 гг. Юрьевский университет оказался очагом студенческих волнений, по причине чего после поражения революции ректорат начал чистку неблагонадежных преподавателей, в числе которых едва не оказался и Чиж. Однако, прибегнув к поддержке общественного мнения и опубликовав документы и официальную переписку, наш профессор сумел отстоять свою честь и опровергнуть возведенные на него обвинения. Видимо, работать в этом университете Чижу нравилось, так как в 1910 г. он отказался перейти в Московский университет, куда получил приглашение от тамошней администрации.

После 1915 г. сведения о его жизни становятся неясными. В документах Юрьевского университета за 1915–1917 гг. сообщалось, что Чиж «находится на театре военных действий», но не уточнялось, в каком конкретно качестве – мобилизованного врача, командированного от университета преподавателя или добровольца. По некоторым устным рассказам, он в эти годы пребывал в Киеве как уполномоченный Красного Креста. Когда в 1918 г. преподавательский состав университета был эвакуирован из оккупированной немцами Эстонии в Воронеж, профессора Чиж в нем уже не значилось. Печатного некролога его так нигде и не появилось. Остались неизвестными ни точная дата, ни место его смерти. По разным источникам, год его смерти варьируется в интервале от 1914-го по 1924-й. Чаще всего здесь указывается 1922-й, а местом кончины – дом для престарелых литераторов в Киеве. Имя Чиж забылось в коммунистической России быстро и настолько прочно, что автор книги, вышедшей в позднесоветский период, уже причислял его к ученым XIX века (Круглянский 1979: 151)⁵.

⁴ Ныне в корпусах этой больницы располагается Городская психиатрическая больница № 3 им. И.И. Скворцова-Степанова.

⁵ Не все советские авторы были столь невежественны. В вышедшей примерно в то же время статье (Гуревич 1982) давался вполне объективный и подробный

Творческое наследие Владимира Федоровича чрезвычайно богато и разнопланово. За 35 лет (1880–1915)⁶ им было опубликовано около 200 печатных работ, включая ряд монографий, по различным вопросам психиатрии, невропатологии, криминальной антропологии и психологии. Помимо оригинальных текстов (монографий, брошюр, статей, очерков, лекционных курсов и др.), из-под его пера выходили различные обзоры, рецензии, корреспонденции. Часть его работ напечатана на немецком и французском языках, что сразу делало их известными серьезному европейскому читателю, который и по ним в том числе судил о российской науке и культуре. Чиж редактировал также переводы иностранных авторов, например, «Физиологическую психологию» немецкого профессора Теодора Цигена в 1893 г.

Публикация в 1884 г. в журнале «Русский вестник» работы «Достоевский как психопатолог» (спустя всего три года после смерти великого писателя) сделала молодого автора хорошо известным отечественной публике. Написанные легким и доступным массовому читателю языком, книги и статьи Чижа не только популяризировали новейшие достижения психологии («Гипноз и внушение» (1893), «Наслаждение и страдание» (1894), «Психология любви» (1897), «Психология женщины» (1898)), но и предлагали оригинальную интерпретацию жизни, творчества и мировоззрения известных писателей и мыслителей – О. Конта (1898), А.С. Пушкина (1899), Н.В. Гоголя (1903–1904), И.С. Тургенева (1899), Ф. Ницше (1908), Н.И. Пирогова (1909). Как для широкого читателя, так и для специалистов еще и сегодня интересны созданные им нравственно-психологические портреты таких исторических деятелей, как император Павел I (1907), жестокий временщик А.А. Аракчеев (1906) и архимандрит Фотий (Спасский) (1905). Юрьевский профессор стал постоянным автором одного из самых авторитетных в кругах интеллигенции журнала – «Вопросы философии и психологии», в котором было опубликовано несколько десятков его статей, рецензий и других материалов.

Уже в 1888 г., до переезда в Юрьев, Чиж начал читать обширный лекционный курс по судебной психопатологии на юридическом факультете Петербургского университета, – курс, который во многом стал откровением для будущих правоведов, дал им первоначальное представление о криминальной антропологии и психиатрии, введя их в круг идей и принципов формирующейся русской уголовно-антропологической школы. Вскоре, в 1890 г., эти лекции вышли отдельной книгой⁷. К данной тематике Чиж про-

разбор деятельности Чижа в юрьевский период. Но по отмеченной выше причине отсутствия документальной базы последние годы его жизни не были освещены и здесь.

⁶ Первая печатная работа Чижа появилась в 1880 г., еще во время его ординаторской службы в Кронштадте. Последняя, «Психология деревенской частушки», вышла в Юрьеве в 1915 г.

⁷ Чиж В.Ф. Лекции по судебной психопатологии. Санкт-Петербург : Изд-во Г.Ф. Пантелеева, 1890. 338 с.

должал обращаться и впоследствии, как посвящая ей специальные работы⁸, так и делая регулярные экскурсии в сферу криминологии в сочинениях самого различного содержания.

Первым почти за сто лет переизданием работ Чижа в нашей стране стали вышедшие одновременно два сборника, один из которых посвящен трем вышеназванным персонажам российской истории (Чиж 2001е), а второй, в основном, – русским литераторам-классикам (Чиж 2001а). В настоящее время большинство текстов этого выдающегося ученого, включая работы криминологического характера, доступно в цифровом формате и именно на них обычно ссылаются обращающиеся к Чижу авторы. Но проблема возвращения его в предметное поле отечественной культуры и актуализации его идей не решается простым воспроизведением его текстов согласно нормам современной орфографии. По-настоящему сделать Владимира Федоровича – как и любого мыслителя или ученого прошлых лет – соучастником теперешнего культурного и академического процесса реально только после появления его книг и статей в сопровождении основательного научного комментария, учитывающего новации, имевшие место за то время, которое отделяет нас от нашего героя. Очевидно, что такая важная, непростая и нелегкая продолжительная работа еще впереди.

2. Факторы, препятствующие становлению и развитию криминологической науки

Общий дух эпистемологического оптимизма, который характерен для научной мысли XIX в., не мог не передаться и Чижу. Через все его произведения проходит апология знания, и знания научного, прежде всего, которое призвано раскрыть главные причины проблем, отягощающих бытие человека, и разрешить эти проблемы. Знание – великая сила, повторяет он вслед за Бэконом и в духе большинства своих современников: знание «составляет непобедимое оружие в самых слабых руках, и обыкновенный человек, вооруженный этим непобедимым оружием, сильнее самого гениального, без оружия»⁹.

Конечно, знание – это уже ценность само по себе, но и не только, ибо оно дает возможность радикально улучшить качество человеческой жизни: «Знание уменьшает наши страдания двояким путем: во-первых, оно дает нам способы и средства уменьшить физические страдания, а во-вторых, развивая и укрепляя высшие духовные интересы, тем самым уменьшает значение в нашей жизни низших чувствований, а эти последние предполагают неизмеримо более страдания, чем наслаждения»¹⁰. Стремление приобрести

⁸ Чиж В.Ф. Преступный человек перед судом врачебной науки. Казань : Типолит. Императ. ун-та, 1894. 41 с.; Чиж В.Ф. Криминальная антропология. Одесса : Типогр. Исаковича, 1895. 52 с.; (Чиж 2001b).

⁹ Чиж В.Ф. Биологическое обоснование пессимизма. Казань : Типолит. Императ. ун-та. 1895. С. 4.

¹⁰ Там же. С. 112.

новое знание, раздвинуть границы уже известного есть для человечества, в конечном счете, форма обретения смысла бытия: «Мы можем надеяться только на знание; если бы человек не был способен к знанию, нам осталось бы одно холодное отчаяние, один ужас за будущее человечества... Они (будущие поколения. – В.В.) будут счастливее нас, потому что будут больше нас знать; единственная цель нашего существования – это увеличение и расширение знаний для отдаленного будущего»¹¹.

Криминал и все, что с ним связано, – это та сила, которая издревле была источником неисчислимых страданий не только для жертв преступников, но и для них самих. И хотя преступность как на официальном уровне, так и в массовом сознании всегда рассматривалась как девиация и отклонение от нормы, как то, с чем нужно вести непримиримую борьбу, специальной науки о ней до последнего времени не было¹². Не было и по той, в частности, причине, что были и остаются влиятельные интересанты, которым вообще невыгодно истинное знание, и Чиж не боится прямо указать, кто это такие. Это – «все деспоты и враги низших классов, т.е. почти всего человечества», это они «всегда и всюду были против распространения просвещения в народе; для этих самых зловредных преступников было и будет желательно пользоваться невежеством массы для ее эксплуатации»¹³. Но ныне, утверждает ученый, их могущество, наконец, сломлено, общество становится все более знающим и просвещенным, а значит способным одолеть те силы, перед которыми было ранее беспомощным и беззащитным.

Однако те люди, на которых непосредственно возложена миссия борьбы с криминалом, во многом еще руководствуются старыми, изжившими себя представлениями и не могут (а кто и сознательно, и упорно не хочет) усваивать новые знания и новые методы. Это им удобнее думать, что главная причина преступлений – «злая» или «преступная» воля конкретного преступника, и потому они презрительно отмахиваются от тех новых учений, которые убедительно доказывают, что корень зла – не в этой пресловутой воле, а во «всем существе преступника», «во всей его несовершенной, как физически, так и психически, организации»¹⁴. Напротив, настоящий ученый и даже просто здравомыслящий человек не может ограничиться примитивной констатацией наличия у некоего субъекта «злого умысла»,

¹¹ Там же. С. 115.

¹² Следует уточнить, что Чиж, не будучи профессиональным юристом, специально не касается такого серьезного вопроса, как условность и релятивность самих понятий «преступник» и «криминальный», их зависимость от культурного, политического и сугубо юридического контекста. Ведь даже убийство (самая, казалось бы, крайняя и очевидная форма криминального поведения) далеко не везде, не всегда и не всеми уголовными кодексами квалифицируется как наказуемое деяние, а кодексами моральными как нечто однозначно безнравственное (подробнее об этом см.: Корсаков 2014; Корсаков 2015). В свете широкого культурно-исторического подхода неизбежно потребовалась бы и семантическая конкретизация, например, понятий «врожденный убийца» и тем более «врожденный преступник».

¹³ Чиж В.Ф. Биологическое обоснование пессимизма. С. 112–113.

¹⁴ Чиж В.Ф. Криминальная антропология. С. 50.

а должен понять, что этот субъект, собственно, из себя представляет и чем объективно является. При этом, помимо прочего, как раз изучение мира преступности может служить той благодатной почвой, где будут налажены тесные контакты между науками естественными и общественными, которые все больше понимают, что между ними нет непроходимой пропасти и что только во взаимодействии друг с другом они преодолеют ограниченность и недостаточность собственных методов.

Именно об этом не устает говорить Чиж, начиная с того новаторского курса лекций по судебной психопатологии, который читался им для студентов-юристов. Он педантично разъясняет будущим правоведам, что мнение, будто юрист и без знания психиатрии может решать вопросы о чьей-либо вменяемости и правоспособности – это мнение ложное, чреватое судебными ошибками и лишшающее общество эффективных средств борьбы с уголовным миром. И если пока оно еще извинительно по причине молодости психиатрии как науки, то чем дальше, тем больше оно будет анахронизмом, превращаясь в деструктивный социальный фактор¹⁵. Так, единственный верный путь к правильному применению принципа невменяемости душевнобольных, выработанного наукой и признаваемого житейской мудростью – это «распространение знания психиатрии между юристами и, вообще, между образованными людьми, солидное образование психиатров, которые обязаны основательно знать психологию; чем более будет солидно подготовленных психиатров, чем более будет юристов, знакомых с основами психиатрии, тем менее будет затруднений при решении спора о невменяемости подсудимых, страдающих душевною болезнью, и вменяемости преступников с некоторыми болезненными признаками психической организации»¹⁶.

Есть и другие причины, мешающие становлению научной криминологии, уже не связанные напрямую с косностью и инертностью мышления многих представителей юридического сословия. Те взгляды, которые пока что доминируют в обществе, во многом способствуют подозрительному отношению к новой научной дисциплине и превратному представлению о ней в глазах широкой публики, и здесь Чиж прозрачно намекает на негативную роль церкви и религиозной идеологии вообще, продолжающей владеть умом среднего россиянина. Именно от церковных кругов, например, исходят безосновательные упреки криминальной антропологии

¹⁵ Выяснение особенностей психики, интеллекта и мировоззрения преступника – это не только теоретическая, но и сугубо практическая проблема, проблема качества работы правоохранительной системы, и Чиж убежден, что юристам давно уже пора вплотную этим заинтересоваться: «Изучение аномалии умственной организации преступника представляет самую интересную задачу, и меня только удивляет, – как мало сделано в этой области. Почти все, что сделано, сделано психиатрами (Despine, Lombroso, Marro) и я не сомневаюсь, что, когда юристы, вооруженные знанием психиатрии, займутся изучением умственной организации преступников, – наши сведения и по психологии, и по социологии обогатятся самыми важными открытиями» (*Чиж В.Ф. Лекции по судебной психопатологии. С. 122*).

¹⁶ *Чиж В.Ф. Лекции по судебной психопатологии. С. 192.*

в «материализме», которые в конкретных условиях царской России граничили с обвинениями в атеизме, аморализме и политической неблагонадежности. Но ученому есть что возразить на это: «Странно слышать упреки в матерьялизме учению, признающему неисправимых преступников; ведь величайший философ-идеалист Платон признавал неисправимых преступников и трактовал о мерах, которыми государство должно с ними бороться»¹⁷, да и другой «величайший идеалист», Шиллер, утверждал примерно то же, что ныне стремится доказать криминальная антропология. Эта молодая наука, уверен Чиж, ценна хотя бы тем, что, расширяя круг наших знаний, делает нас лучше и нравственнее¹⁸.

Чиж настойчиво доказывает своим студентам и читателям, насколько вредны претенциозные рассуждения о «вреде материалистических стремлений», «угасании стремлений» и о том, что, дескать, именно «общество, погрязшее в материализме, чуждое идеальным стремлениям, дает много душевнобольных»: «...все такие рассуждения свидетельствуют лишь о слабом образовании их авторов, о непонимании научной методики, так как, всегда и всюду, громадное большинство было чуждо идеалов, отдавалось всецело заботам о материальных благах; главное же, мы не имеем никаких точных данных, чтобы решать такие вопросы. Всегда и всюду идеалисты обличали своих современников в грубом материализме, что доказывает только то, что в одном и том же обществе уживаются различные взгляды, различные люди»¹⁹. С помощью такой демагогии обскуранты пытаются манипулировать сознанием простодушных людей, внушая им, что все новейшие научные теории призваны лишь сбить их с толку и заставить усомниться в том, что следует принимать только на веру и как непреложную данность.

В некоторых случаях Чиж в полемическом задоре иногда позволяет себе довольно провокационные суждения, которые ему самому ниже приходится дезавуировать. Опровергая доморощенных моралистов, твердящих, будто всякое духовное априорно выше и лучше любого материального, он в противовес им заявляет, например, что унижение отечества причиняет гражданину куда меньшее страдание, чем дурно сваренное блюдо, которое порой может быть опасно для жизни²⁰, и поддерживает мнение автора, полагающего, что «болезни печени причиняют людям больше страданий, чем все "мучения" совести»²¹. Как врач, который воочию наблюдал множество разнообразных людских мук, он берется утверждать, что моралисты, равно как и поэты, сильно преувеличивают значение моральных страданий: «...физические страдания неизмеримо сильнее, постоянное и, главное, составляют удел всего человечества; нравственные страдания могут быть при отсутствии физических... но громад-

¹⁷ Чиж В.Ф. Преступный человек перед судом врачебной науки. С. 39.

¹⁸ Чиж В.Ф. Криминальная антропология. С. 51.

¹⁹ Чиж В.Ф. Преступный человек перед судом врачебной науки. С. 214-215.

²⁰ Чиж В.Ф. Биологическое обоснование пессимизма. С. 104.

²¹ Там же. С. 105.

ное большинство страдает постоянно физически и потому нравственные страдания играют ничтожную роль»²².

Впрочем, в этой же работе Чиж, проясняя свою позицию, признает, что существуют все-таки истинные страдания и истинные добродетели, которые, однако, к сожалению, мы позабыли и не умеем ценить по достоинству, и виновна в том, в частности, современная литература – она портит наш вкус и приучает поклоняться «героям и героиням», заслуживающим лишь презрения и негодования: «Мы с волнением читаем описание микроскопических страданий развратных тунеядцев и не хотим понять великих страданий настоящих героев». К последним Чиж относит, в первую очередь, простых тружеников города и деревни, чья повседневная жизнь сопряжена с такими проблемами, которые были бы заведомо не по плечу многим образованным людям, лицемерно уверяющим себя и других, что именно они «работают для своего отечества» и «служат общему благу»²³.

Наконец, и сами ученые мужи зачастую оказываются не на высоте, руководствуясь в оценке социальных явлений расхожими и предвзятыми клише, заимствованными из обыденного сознания, и потому неспособны проникнуть в суть вещей: «...Все любят собственными, ни на чем не основанными суждениями заменять наблюдение действительности... Образованные люди говорят, да еще так уверенно, о том, чего они совсем не знают» (Чиж 2001d: 242). Или же, как эксперты на суде над Дмитрием Карамазовым, «дают решительно ни на чем не основанные заключения, выхватывают единичный факт... объясняют его каждый по-своему, нарушая таким образом основное правило психиатрии, что нужно рассматривать все явления в связи их между собой и только анализом целой суммы, сопоставлением их между собой можно приходить к какому-нибудь заключению» (Чиж 2001c: 379). Такой образ действий, правда, дает подобным псевдоученым возможность особо не утруждать себя размышлениями и чувствовать себя при этом спокойно и уверенно, зато, увы, лишает их высокопарные резюме объективности и заодно, безусловно, дискредитирует науку в глазах пусть и малообразованной, но не лишенной способности самостоятельно и критически мыслить публики.

Итак, хотя криминальная антропология находится пока в начале обретения своего предмета (разделяя здесь, Впрочем, трудности психологии, психиатрии и других дисциплин, с которыми она теснейшим образом связана), нет сомнений, что ни обществу в целом, ни уголовной юстиции в частности игнорировать ее уже нельзя. И чем скорее компетентные лица и органы осознают необходимость и ценность этой новой области знания, тем меньше издержек будут нести и общество, и государство, тем гуманнее, справедливее, рациональнее и, в конечном счете, успешнее будут они.

²² Там же. С. 76–77.

²³ Там же. С. 99–100.

3. Криминальная антропология: методы, достижения, проблемы

Само появление криминальной антропологии, уверен Чиж, есть следствие громадных успехов естествознания и усовершенствования методов научного исследования. Вполне логично, что успехи анатомии, физиологии и психологии должны были привести к выяснению антропологических характеристик различных отдельных категорий людей, в том числе – «к изучению строения, физиологических отправления и душевного склада преступников, как особой разновидности человечества»²⁴. Опора на точное положительное знание – систематизированное, детально фиксируемое, верифицируемое, измеряемое, проверяемое – сделала и здесь возможным выйти из области случайных наблюдений и гадательных предположений, сформировать надежную, эмпирически фундированную базу для теоретических обобщений и рационально планируемых действий.

Если вообще «больные – это лучший опыт, делаемый самою природою»²⁵, то и на отдельного преступника следует смотреть как на своеобразный эксперимент, который ставится природой, социумом и обстоятельствами – эксперимент, который позволяет проникнуть в причины, сущность и смысл того класса явлений, который данный уникальный случай собой представляет. С одной стороны, обращение к такому пласту информации позволяет избежать конфронтации между различными метафизическими конструкциями (типа извечного спора между материалистами, идеалистами и дуалистами), зафиксировать то, с чем будет считаться любой ученый независимо от его религиозной, идеологической и иной мировоззренческой идентификации. С другой стороны, напоминает Чиж, наука не может вообще игнорировать философию, ибо «только философское отношение к предмету может выяснить, – какие методы могут и должны быть избраны для изучения, только философское отношение может нам дать правильный общий взгляд на предмет»²⁶. В противном случае наука – хоть медицинская, хоть антропологическая, хоть юридическая – вырождается в плоский эмпиризм, в бездумное коллекционирование фактов, не освещенных единой плодотворной мыслью.

Признавая заслуги Чезаре Ломброзо, впервые серьезно обратившего внимание научного мира на качественную специфику «преступного типа», Чиж отмечает, что многие методы, предложенные итальянским ученым, обнаружили свою неэффективность и малодоказательность. Так, попытки описать врожденного преступника посредством антропометрических и морфологических характеристик (телосложение, аномалии черепа и лица, неправильное строение ушной раковины и др.) не дали

²⁴ Чиж В.Ф. Криминальная антропология. С. 3-4.

²⁵ Чиж В.Ф. Лекции по судебной психопатологии. С. 46.

²⁶ Там же. С. 38.

научно значимых результатов²⁷. «Генерический метод», делающий упор на внешние, биологические, родовые признаки интересующей нас категории людей, должен быть дополнен методом *индивидуального наблюдения*, разработанным в психиатрии и уже успевшим доказать там свою релевантность: необходимо «понять душу преступного человека»²⁸. Первым произведением, которое сознательно проникнуто такой установкой, Чиж считает появившиеся в начале 1860-х гг. «Записки из Мертвого дома» Достоевского. Но, разумеется, работа, начало которой положил великий писатель, должна быть продолжена учеными во всеоружии современных познавательных средств.

Одна из главных проблем, стоящих перед криминальной антропологией, это проблема *классификации преступников*. Очевидно, что далеко не всякого, совершившего криминальное деяние, следует рассматривать как закоренелого преступника. Среди тех, кто оказался в местах заключения, немало таких, кто попал сюда вследствие неблагоприятных обстоятельств (поддавшись, например, минутному соблазну или превысив необходимую оборону). От таких *случайных* преступников, которые еще сохранили в своем сознании определенные нравственные ценности, представления о добре и зле и потому способны вернуться к нормальной жизни, нужно принципиально отличать преступников *врожденных*, которые просто по природе своей неспособны соблюдать элементарные нормы человеческого общежития. Конечно, между «честным вором» типа героя, описанного Достоевским в одноименном рассказе (Чиж 2001b: 397–400) и «привычным», «неисправимым» преступником есть много переходных состояний²⁹. Но отрицать сам объективный факт различия между ними с научной точки зрения невозможно, и ломброзианцы, считает Чиж, вполне правы, признавая существование «преступного типа» – другое дело, что они ошибаются, когда наивно

²⁷ Сам Чиж, проводя в течение трех лет исследования асимметрии человеческих лиц, пришел к выводу, что полная симметрия лица встречается крайне редко, вследствие чего, по логике ломброзианцев, абсолютное большинство людей следовало бы отнести к психическим вырожденцам и представителям «преступного типа» (Чиж В.Ф. Лекции по судебной психопатологии. С. 209).

²⁸ Чиж В.Ф. Криминальная антропология. С. 50. Ср.: «Узнав, как изучается болезнь, и таким же образом изучив преступление, т.е. исследуя преступного человека как врач, имеющий дело с болезнью, изучая больного человека, – юрист получает новое, крайне плодотворное орудие для своих исследований, расширяет свое понимание; бесспорно, что для юриста, знакомого с патологией души, многое в его деятельности будет освещено гораздо ярче, светлее, чем для не изучавшего этой области. Понимать преступление, не зная патологии души, едва ли возможно...» (Чиж В.Ф. Лекции по судебной психопатологии. С. 23).

²⁹ «...Природа неисчерпаема; напрасно люди создают классификации, схемы, пытаются подвести отдельные явления под общие рубрики; все эти усилия зачастую оказываются бесплодными. Природа создает новые комбинации отдельных явлений в самой прихотливой, малопонятной нам связи симптомов между собой, и человеку поневоле приходится сознаться, что составленная им схема только с натяжкой может быть приноровлена к данному случаю. Конечно, разумный исследователь не обвинит в таком случае ни природы, ни науки, а только постарается освятить для себя наукой новый факт и сознается, что многое для него непонятно» (Чиж 2001c: 333).

надеются, что можно «вычислить» его на основании некоторых внешних эмпирических данных.

Владимиру Федоровичу, как и Дмитрию Дрилю³⁰, приходится разъяснять критикам, обвиняющим их в биологизаторстве, что есть для преступления разные причины. Это могут быть и «дурное воспитание», «и социальные условия вообще, способствующие преступности»³¹. Нищета, непосильная работа, жизнь в тесном, темном и сыром помещении, антигигиена, работа с вредными веществами типа ртути или свинца³² и многое другое – все это может вести к деформациям психики и расшатыванию нравственно-психологических устоев даже у индивидов со здоровой природной конституцией. Отрицать это бессмысленно, и Чиж этого не делает. Однако он уверен: закрывать глаза на то, что изначально имеется определенный, пусть и небольшой, процент людей, которым на роду написано стать злодеем и убийцей, тоже нельзя³³.

Общество имеет право и даже обязанность реагировать на поведение любого из своих членов, но, разумеется, реакция эта должна быть целесообразной и адекватной: «Врожденный преступник, как учат представители криминальной антропологии, не может не делать преступлений, потому что не обладает высшими чувствованиями, неспособен к труду, одним словом – резко отличается от честных людей; как те, так и другие несут ответственность за свои поступки – как одни должны быть исключены из общества, так другие – пользоваться всеми преимуществами жизни среди людей»³⁴. И хотя такая позиция может вызвать у иного блюстителя нравственности протест как слишком жестокая или, как минимум, негуманная, Чиж убежден, что она единственно правильная. Он не ратует, как иные западные криминологи, за превентивное лишение жизни или кастрацию таких субъектов, но то, что они должны быть поставлены в совершенно иные условия и лишены тех прав и свобод, которыми пользуются законопослушные граждане, для него совершенно ясно. И даже условия содержания их в местах заключения должны адаптироваться применительно к их персональным особенностям.

Еще одна проблема, которая четко обозначена криминальной антропологией – это однозначно обнаруживаемая статистикой корреляция между психическими отклонениями и криминальным поведением. Чиж не упрощает вопрос и не ставит знак равенства между душевнобольным и преступником, однако настаивает на том, что сам факт повышенного удельного

³⁰ См.: (Васечко 2024: 172-173).

³¹ Чиж В.Ф. Криминальная антропология. С. 17.

³² Чиж В.Ф. Преступный человек перед судом врачебной науки. С. 23.

³³ «Здравый смысл народа вполне верно формулировал закон наследственности по отношению к унаследованию порочных свойств родителей: “на яблоне груши не родятся”» (Чиж В.Ф. Криминальная антропология. С. 21). Часто повторяет Чиж и другую, совершенно верную, по его мнению, народную мудрость: «Каков в колыбельке, таков и в могилке».

³⁴ Чиж В.Ф. Лекции по судебной психопатологии. С. 165.

веса психопатов среди правонарушителей должен быть не только признан, но и правильно интерпретирован³⁵.

В качестве неоспоримого признака, который позволяет занести две эти группы людей в одну категорию, у Чижа выступает «вырождение» («дегенерация»), – феномен, внимание к которому уже несколько десятилетий было привлечено благодаря работам французского психиатра Бенедикта Мореля³⁶. И криминальное, и ментальное вырождение – следствие, в принципе, одних и тех же причин, только по-разному себя проявляющее: «Вырождающихся много, очень много; мы даже приблизительно не знаем, какой процент населения они составляют. Одни из них или потому, что одарены более психопатической организацией, или вследствие неблагоприятных жизненных условий заболевают душевными болезнями, другие совершают преступления; некоторые вследствие благоприятных для здоровья условий мирно живут на чужой счет» (Чиж 2001d: 228). Причем даже когда налицо такой, кажется, небологический фактор, как воспитание ребенка явно испорченными родителями, которые по определению не могут дать ему хорошего примера, чаще всего при ближайшем рассмотрении оказывается, что корень зла – в том, что сейчас называется «генотипом»: «...только человек с несовершенным от чисто биологических причин мозгом и потому глупый, с недоразвитой волей, лишенный сострадания, может избрать себе деятельность, ведущую его в тюрьмы и на эшафот»³⁷. Так что значение воспитательного фактора не следует переоценивать, и во многих случаях даже самый лучший педагог не сможет ничего поделать с изначально порочными задатками индивида.

Тем, кто полагает, что сами условия тюремной жизни делают из нормальных людей психопатов, Чиж отвечает, ссылаясь на опыт своих коллег и на свой личный в том числе. Хотя среда, в которой обитают арестанты, и не располагает к здоровой психической жизни, не следует именно

³⁵ Среди статистических данных, приводимых нашим профессором, указывается и такой: «Что до настоящего времени немало душевнобольных приговариваются судами к наказаниям, – лучше всего доказывается тем бесспорным фактом, что среди арестантов душевнобольных в десять раз больше, чем между честными людьми, а именно на 1000 жителей приходится 3 душевнобольных, а между арестантами душевнобольных 3%» (Чиж В.Ф. Лекции по судебной психопатологии. С. 14). На высокий процент душевнобольных среди сахалинских каторжников обращали внимание и современники Чижа – Антон Чехов в «Острове Сахалине» (Чехов А.П. Остров Сахалин // Чехов А.П. Собрание сочинений : в 12 т. Москва : Гослитиздат, 1963. Т. 10. С. 119–121, 387–388), и Влас Дорошевич, посвятивший им в своих очерках отдельную главу (Дорошевич 2022: 627–638). Последний свои яркие описания душевнобольных преступников резюмировал так: «Если эти строки подскажут читателю мысль, что врачу должно быть больше отведено места на суде, я буду считать свою задачу исполненной» (Дорошевич 2022: 638).

³⁶ Первая работа Мореля на эту тему – «Лечение дегенераций» – появилась в 1857 г. В современном научном нарративе термин «вырождение» малопопулярен, и для описания соответствующих явлений используются близкие по смыслу и более толерантные «аномалия» и «девиация».

³⁷ Чиж В.Ф. Преступный человек перед судом врачебной науки. С. 25.

тюрьме приписывать столь большое среди них число душевных заболеваний: «Каждый тюремный врач может подтвердить, что между поступающими в тюрьму немало лиц с неправильной психической организацией, в высшей степени предрасположенных к заболеванию психозами и, наконец, просто больных, что вполне и объясняет, – почему так много душевнобольных среди арестантов»³⁸. Сам тот человеческий материал, который поступает в тюрьму, уже страдает органическими поражениями, и, следовательно, работа правоохранительной системы должна быть скорректирована таким образом, чтобы психически неполноценные девианты попадали не в обычные тюрьмы и не на каторгу, а в исправительные заведения совсем иного рода.

Наконец, серьезное исследование этиологии душевных болезней свидетельствует, что уже те привычки и традиции, которые характерны для людей, постоянно находящихся в криминогенной среде, выступают деструктивным фактором для психического здоровья их детей: «...преступный образ жизни сам по себе располагает к заболеванию психозами нисходящее поколение» (Чиж: 2001с: 292). Бессонные ночи, пьянство, половые излишества, равно как и «нравственно угнетающие моменты» типа смены сильных страстей, страха, а, возможно, и угрызений совести образуют тот фон, тот негативный комплекс, который действует как фактор риска, почти с неотвратимостью запускающий механизм развертывания психопатического характера³⁹.

Заключение

За те сто с лишним лет, что отделяют нас от времени активной научной деятельности Владимира Федоровича Чижа, многое изменилось и в психиатрии, и в криминологии, и в работе уголовной юстиции, да и в повседневной человеческой жизни. На многих идеях юрьевского профессора, как и вообще на принципах отечественной уголовно-антропологической школы, лежит отпечаток того времени, когда она переживала свой расцвет. Поэтому судить об объективном содержании и научной ценности выдвигавшихся и развивавшихся ею принципов следует сегодня достаточно критично и взвешенно.

Тем не менее глубокий историографический анализ работ представителей этого направления показывает, что весьма многое из того, что вошло в традиции и нормы современной цивилизации, восходит к тем временам. Перестройка системы психиатрического лечения, учреждение специальных заведений для алкоголиков, наркоманов и душевнобольных преступников, для детей с отягощенной наследственностью, постоянное совершенствование психиатрической экспертизы с учетом новейших достижений меди-

³⁸ Чиж В.Ф. Лекции по судебной психопатологии. С. 221.

³⁹ К этому еще добавляется «предрасполагающее к помешательству влияние патологических характеров; так у некоторых сумасбродных голов, чудаков, нередко дети страдают нервными и душевными болезнями» (Чиж 2001с: 292). Чиж наглядно иллюстрирует этот тезис, разбирая особенности мышления и поведения различных героев романа «Братья Карамазовы».

цинской науки, гуманизация пенитенциарной системы – обо всем этом говорилось и писалось уже профессором Чижом и его единомышленниками.

Поэтому изучение теоретического наследия русской школы криминальной антропологии – это не только дань заслугам ее представителей, но и способ внимательнее взглянуть в наше сегодняшнее бытие, увидеть, откуда произрастают наши проблемы, и определить наилучшие методы их решения. И в этом смысле профессор Чиж остается нашим современником, указывающим на то, что мы еще пока недостаточно осознали, и напоминающим о том, что мы, возможно, уже успели подзабыть.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абрамова Л.И. 2015. Чиж Владимир Федорович (к 160-летию со дня рождения) // Психиатрия. № 2 (66). С. 59–61.

Артемьева Т.И. 2016. Частушка как источник изучения образа жизни и психологии деревенской молодежи в дореволюционной России // Историогенез и современное состояние российского менталитета / отв. ред. А.Л. Журавлев [и др.]. Москва : Ин-т психологии РАН. С. 38–47.

Белякова Е.Н. 2016. Роман Ф.М. Достоевского «Идиот» в литературно-критической, научной и философской мысли России (1868–1917). Кострома : Изд-во Костром. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. 351 с.

Бобылев Е.Л. 2017. Проблема гениальности в отечественной психологической науке конца XIX – начала XX веков // Приволжский научный вестник. № 3 (67). С. 71–73.

Бобылев Е.Л. 2021. Ф.М. Достоевский как психопатолог // Православие и русская литература : сб. ст. участников VII Всерос. науч.-практ. конф. 27–28 мая 2021 г. / отв. ред. С.Н. Пяткин. Арзамас : Арзамас. фил. Нижегород. гос. ун-та. С. 72–77.

Бобылев Е.Л. 2022. И.С. Тургенев как психопатолог // Карповские чтения : сб. ст. участников X Всерос. науч.-практ. конф. «Проблемы региональной фольклористики и исторического краеведения» (X Карповские чтения), 20–21 окт. 2022 г. / отв. ред. Ю.А. Курдин. Арзамас : Арзамас. фил. Нижегород. гос. ун-та. С. 164–170.

Борисов П.М. 2010. Вербальная характеристика концепта деструктивной личности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. № 2. С. 78–92.

Васечко В.Ю. 2024. Идеиное наследие Д.А. Дриля: становление русской уголовно-антропологической школы // Антиномии. Т. 24, № 2. С. 161–185. DOI 10.17506/26867206_2024_24_2_161

Горячева Т.С. 2020. Евгенические идеи в уголовной антропологии России в конце XIX – начале XX века // Вестник Саратовской государственной юридической академии. № 1(132). С. 30–36. DOI 10/24411/2227-7315-2020-1003

Гуревич С.А. 1982. Выдающийся психиатр В.Ф. Чиж в Прибалтике // Тартуский государственный университет: История развития, подготовка кадров, научные исследования / отв. ред. В.В. Калинин. Тарту : Тарт. гос. ун-т. Т. 3: Медицина, биология, физическая культура. С. 88–97.

Демин М.Р. 2012. Писатель как философ. Философская рефлексия над русской литературой в конце 19 – начале 20 вв. // Die Welt der Slaven. Т. 57, № 1. С. 59–78.

Дорошевич В.М. 2022. Сахалин. Каторга. Москва : Захаров. 656 с.

Журавель В.А. 2011. Владимир Федорович Чиж как психолог (1855–1922): Малоизвестные страницы жизни и научного творчества (к 150-летию со дня рождения) //

Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. № 2. С. 68–77.

Кольцова В.А., Олейник Ю.Н. 2017. Отечественная экспериментальная психология: история формирования, особенности развития, место в профессиональной подготовке специалиста // Научное обеспечение психолого-педагогической и социальной работы в уголовно-исполнительной системе : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию со дня образования психолог. службы уголовно-исполнит. системы / под общ. ред. Д.В. Сочивко. Рязань : Изд-во Акад. права и управления ФСИН. С. 9–16.

Корсаков К.В. 2014. Парадигмальный фон дискурса об абсолютном и утилитарном в уголовном наказании // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Т. 14, вып. 1. С. 119–132.

Корсаков К.В. 2015. Религиозный подход к преступлению и наказанию: от принципа талиона и кровной мести к доктрине покаяния // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Т. 15, вып. 3. С. 147–159.

Кравченко В.В. 1997. Мистицизм в русской философской мысли XIX – начала XX веков. Москва : Издатцентр. 280 с.

Круглянский В.Ф. 1979. Психиатрия: История, проблемы перспективы. Минск : Вышэйшая шк. 208 с.

Курносова М.Г. 2011. Становление патопсихологии в России в конце XIX – начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. психолог. наук. Москва. 24 с.

Кушнир С.И. 2022. К вопросу об истории пенитенциарной психологии в Европе // Современные исследования в гуманитарных и естественнонаучных отраслях : сб. науч. ст. / науч. ред. С.П. Акутина. Москва : Перо. Ч. 9. С. 15–19.

Логинова И.А. 2021. Достоевский как криминолог // Эволюция российского права : материалы XIX Междунар. науч. конф. молодых ученых и студентов, 29–30 апр. 2021 г. Екатеринбург : Урал. гос. юрид. ун-т. С. 1516–1522.

Мазилев В.А. 2019. В.Ф. Чиж как историк психологии // Развитие российской психологии накануне и после русской революции 1917 года: тенденции, научные школы, персоналии : сб. ст. участников Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. А.Л. Журавлев и др. Арзамас : Интерконтакт. С. 366–377.

Михельсон О. 2018. Из истории российского религиозоведения: у истоков научной психологии религии в России (конец XIX – начало XX в.) // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. Т. 36, № 1. С. 145–170. DOI 10.22394/2073-7203-2018-36-1-145-170

Пятницкий Н.Ю. 2023. Эволюция отечественной психиатрии: от первого (1887 г., Москва) до второго (1905 г., Киев) съезда психиатров // Психиатрия и психофармакотерапия. Т. 25, № 3. С. 36–44.

Розин В.М. 2019. Психическое расстройство или социокультурный раскол личности (размышление о судьбе Гоголя) // Вопросы культурологии. № 8. С. 10–23.

Санксаев Е.А. 2022. Влияние криминологии на развитие иных юридических наук криминального цикла // Вектор развития криминологии в XXI веке : материалы Всерос. науч.-практ. конф., приуроч. к 30-летию Рос. криминолог. ассоциации / под ред. В.В. Меркурьева [и др.]. Владимир : Владимир. гос. ун-т. С. 142–147.

Сироткина И. 2008. Классики и психиатры: Психиатрия в российской культуре конца XIX – начала XX века. Москва : Новое лит. обозрение. 272 с.

Слабинский В.Ю. 2015. Владимир Федорович Чиж и Зигмунд Фрейд: сходжение биографий и различие судеб // Медицинская психология в России : электрон. науч. журн. № 3 (32). С. 1–30. URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: 26.09.2024).

Холондович Е.Н. 2012. Личность гения (исследование, выполненное на примере изучения жизненного пути и творчества Ф.М. Достоевского) // Современная

личность: Психологические исследования / отв. ред. М.И. Воловикова, Н.Е. Харламенкова. Москва : Ин-т психологии РАН. С. 118–140.

Чиж В.Ф. 2001a. Болезнь Н.В. Гоголя: Записки психиатра. Москва : Республика. 512 с.

Чиж В.Ф. 2001b. Достоевский как криминолог // Чиж В.Ф. Болезнь Гоголя: Записки психиатра. Москва : Республика. С. 384–418.

Чиж В.Ф. 2001с. Достоевский как психопатолог // Чиж В.Ф. Болезнь Гоголя: Записки психиатра. Москва : Республика. С. 287–384.

Чиж В.Ф. 2001d. И.С. Тургенев как психопатолог // Чиж В.Ф. Болезнь Гоголя: Записки психиатра. Москва : Республика. С. 204–286.

Чиж В.Ф. 2001е. Психология злодея, властелина, фанатика: Записки психиатра. Москва : Республика. 416 с.

Чингаева А.С. 2016. Профессор В.Ф. Чиж и его криминальная антропология // Инновационные технологии в кооперативном образовательном процессе : материалы Междунар. заоч. студенческой науч.-практ. конф., посвящ. 40-летию Саран. кооператив. ин-та (ф-ла) Рос. ун-та кооперации / редкол.: Б.Ф. Кевбрин (отв. ред.) и др. Саранск. С. 227–230.

References

Abramova L.I. *Chizh Vladimir Fedorovich (k 160-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Vladimir Fedorovich Chizh (on the 160th anniversary of his birth)], *Psychiatry (Moscow)*, 2015, no. 2, pp. 59–61. (in Russ.).

Artemieva T.I. *Chastushka kak istochnik izucheniya obraza zhizni i psikhologii derevenskoy molodezhi v dorevolutsionnoy Rossii* [Chastushka as a source of studying the lifestyle and psychology of rural youth in pre-revolutionary Russia], *Zhuravlev A.L. et al. (Eds.), Istoriogenez i sovremennoe sostoyanie rossiyskogo mentaliteta*, Moscow, Institut psikhologii RAN, 2016, pp. 38–47. (in Russ.).

Belyakova E.N. *Roman F.M. Dostoevskogo «Idiot» v literaturno-kriticheskoy, nauchnoy i filosofskoy mysli Rossii (1868–1917)* [F.M. Dostoevsky's novel "The Idiot" in Literary-critical, Scientific and Philosophical Thought of Russia (1868–1917)], Kostroma, Izdatel'stvo Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova, 2016, 351 p. (in Russ.).

Bobylev E.L. *F.M. Dostoevskiy kak psikhopatolog* [F.M. Dostoevsky as a Psychopathologist], *Pyatkin S.N. (Resp. ed.), Pravoslavie i russkaya literatura : sb. st. uchastnikov VII Vseros. nauch.-prakt. konf. 27–28 maya 2021 g.*, Arzamas, Arzamasskiy filial Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta, 2021, pp. 72–77. (in Russ.).

Bobylev E.L. *I.S. Turgenev kak psikhopatolog* [I.S. Turgenev as a Psychopathologist], *Kuridin Yu.A. (Resp. ed.), Karpovskie chteniya : sb. st. uchastnikov X Vseros. nauch.-prakt. konf. «Problemy regional'noy fol'kloristiki i istoricheskogo kraevedeniya» (X Karpovskie chteniya), 20–21 okt. 2022 g.*, Arzamas, Arzamasskiy filial Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta, 2022, pp. 164–170. (in Russ.).

Bobylev E.L. *Problema genial'nosti v otechestvennoy psikhologicheskoy nauke kontsa XIX – nachala XX vekov* [The Problem of Genius in the Domestic Psychological Science Late XIX – Early XX Centuries], *Privolzhskiy nauchnyy vestnik*, 2017, no. 3(67), pp. 71–73. (in Russ.).

Borisov P.M. *Verbal'naya kharakteristika kontsepta destruktivnoy lichnosti* [Verbal Characteristics of the Destructive Personality Concept], *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2010, no. 2, pp. 78–92. (in Russ.).

Chingaeва A.S. *Professor V.F. Chizh i ego kriminal'naya antropologiya* [Professor V.F. Chizh and His Criminal Anthropology], *Kevbrin B.F. (Resp. ed.), Innovatsionnye tekhnologii v kooperativnom obrazovatel'nom protsesse : materialy Mezhdunar. zaoch. studencheskoy nauch.-prakt. konf., posvyashch. 40-letiyu Saran. kooperativ. in-ta (f-la) Ros. un-ta kooperatsii*, Saransk, 2016, pp. 227–230. (in Russ.).

Chizh V.F. *Bolezn' N.V. Gogolya: Zapiski psikhiatra* [N.V. Gogol's Illness: Notes of a Psychiatrist], Moscow, Respublika, 2001, 512 p. (in Russ.).

Chizh V.F. *Dostoevskiy kak kriminolog* [Dostoevsky as a Criminologist], Chizh V.F. *Bolezn' Gogolya: Zapiski psikhiatra*, Moscow, Respublika, 2001, pp. 384–418. (in Russ.).

Chizh V.F. *Dostoevskiy kak psikhopatolog* [F.M. Dostoevsky as a Psychopathologist], Chizh V.F. *Bolezn' Gogolya: Zapiski psikhiatra*, Moscow, Respublika, 2001, pp. 287–384. (in Russ.).

Chizh V.F. *I.S. Turgenev kak psikhopatolog* [I.S. Turgenev as a Psychopathologist], Chizh V.F. *Bolezn' Gogolya: Zapiski psikhiatra*, Moscow, Respublika, 2001, pp. 204–286. (in Russ.).

Chizh V.F. *Psikhologiya zlodeya, vlastelina, fanatika: Zapiski psikhiatra* [Psychology of the Villain, the Lord, the Fanatic: Notes of a Psychi], Moscow, Respublika, 2001, 416 p. (in Russ.).

Demin M.R. *Pisatel' kak filosof. Filosofskaya refleksiya nad russkoy literaturoy v kontse 19 – nachale 20 vv.* [A writer as a philosopher. Philosophical reflection on Russian literature in the late 19th and early 20th centuries], *Die Welt der Slaven*, 2012, vol. 57, no. 1, pp. 59–78. (in Russ.).

Doroshevich V.M. *Sakhalin. Katorga* [Sakhalin. Penal Servitude], Moscow, Zakharov, 2022, 656 p. (in Russ.).

Goryacheva T.S. Eugenic Ideas in Criminal Anthropology of Russia in the Late XIX – Early XX Century, *Saratov State Law Academy Bulletin*, 2020, no. 1(132), pp. 30–36. <https://doi.org/10/24411/2227-7315-2020-1003> (in Russ.).

Gurevich S.A. *Vydayushchiysya psikhiatr V.F. Chizh v Pribaltike* [Outstanding Psychiatrist V.F. Chizh in the Baltic States], Kalinin V.V. (Resp. ed.), *Tartuskiy gosudarstvennyy universitet: Istoriya razvitiya, podgotovka kadrov, nauchnye issledovaniya*, Tartu, Tartuskiy gosudarstvennyy universitet, vol. 3, 1982, pp. 88–97. (in Russ.).

Kholondovich E.N. The Personality of a Genius (A Study Based on the Example of Studying the Life and Work of F.M. Dostoevsky), Volovikova M.I., Kharlamenkova N.E. (Resp. eds.), *Sovremennaya lichnost': Psikhologicheskie issledovaniya*, Moscow, Institut psikhologii RAN, 2012, pp. 118–140. (in Russ.).

Koltsova V.A., Oleynik Yu.N. *Otechestvennaya eksperimental'naya psikhologiya: istoriya formirovaniya, osobennosti razvitiya, mesto v professional'noy podgotovke spetsialista* [Russian Experimental Psychology: The History of its Formation, the Peculiarities of its Development, and its Place in the Professional Training of a Specialist], Sochivko D.V. (Ed.), *Nauchnoe obespechenie psikhologo-pedagogicheskoy i sotsial'noy raboty v ugovno-ispolnitel'noy sisteme : sb. materialov Vseros. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 25-letiyu so dnya obrazovaniya psikholog. sluzhby ugovno-ispolnit. sistemy*, Ryazan, Izdatel'stvo Akademii prava i upravleniya FSIN, 2017, pp. 9–16. (in Russ.).

Korsakov K.V. Paradigm Background of Discourse on Absolute and Utilitarian in Criminal Penalty, *Research Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, 2014, vol. 14, iss. 1, pp. 119–132. (in Russ.).

Korsakov K.V. Religious Approach Towards Crime and Punishment: From the Principle of Talion and Blood Feud to Doctrine of Repentance, *Research Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, 2015, vol. 15, iss. 3, pp. 147–159. (in Russ.).

Kravchenko V.V. *Mistitsizm v russkoy filosofskoy mysli XIX – nachala XX vekov* [Mysticism in Russian Philosophical Thought of the 19th – early 20th Centuries], Moscow, Izdatsentr, 1997, 280 p. (in Russ.).

Kruglyanskiy V.F. *Psikhiatriya: Istoriya, problemy perspektivy* [Psychiatry: History, Problems and Prospects], Minsk, Vysheyschaya shkola, 1979, 208 p. (in Russ.).

Kurnosova M.G. *Stanovlenie patopsikologii v Rossii v kontse XIX – nachale XX vv. : avtoref. dis. ... kand. psikholog. nauk* [The Formation of Pathopsychology in Russia in the Late 19th and Early 20th Centuries: Abstr. of diss.], Moscow, 2011, 24 p. (in Russ.).

Kushnir S.I. *K voprosu ob istorii penitentsiarnoy psikhologii v Evrope* [On the History of Penitentiary Psychology in Europe], *Akutina S.P. (Ed.), Sovremennye issledovaniya v gumanitarnykh i estestvennonauchnykh otraslyakh : sb. nauch. st.*, Moscow, Pero, 2022, pt. 9, pp. 15–19. (in Russ.).

Loginova I.A. *Dostoevskiy kak kriminolog* [Dostoevsky as a Criminologist], *Evolutsiya rossiyskogo prava : materialy XIX Mezhdunar. nauch. konf. molodykh uchenykh i studentov*, 29–30 apr. 2021 g., Ekaterinburg, Ural'skiy gosudarstvennyy yuridicheskiy universitet, 2021, pp. 1516–1522. (in Russ.).

Mazilov V.A. V.F. *Chizh kak istorik psikhologii* [V.F. Chizh as a Historian of Psychology], *Zhuravlev A.L. et al. (Resp. ed.), Razvitie rossiyskoy psikhologii nakanune i posle russkoy revolyutsii 1917 goda: tendentsii, nauchnye shkoly, personalii : sb. st. uchastnikov Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem*, Arzamas, Interkontakt, 2019, pp. 366–377. (in Russ.).

Mikhelson O. From the History of Russian Religious Studies: the Origins of the Scientific Psychology of Religion in Russia (Late 19th to Early 20th Centuries), *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, 2018, vol. 36, no. 1, pp. 145–170. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-1-145-170> (in Russ.).

Pyatnitskiy N.Yu. The Evolution of Russian Psychiatry: From the First (1887, Moscow) to the Second (1905, Kyiv) Congress of Psychiatrists, *Psychiatry and Psychopharmacotherapy*, 2023, vol. 25, no. 3, pp. 36–44. (in Russ.).

Rozin V.M. Mental Disorder or Sociocultural Personality Split (Refection on the Fate of Gogol), *Issues of Cultural Studies*, 2019, no. 8, pp. 10–23. (in Russ.).

Sanksaev E.A. *Vliyanie kriminologii na razvitie inyykh yuridicheskikh nauk kriminal'nogo tsikla* [The Influence of Criminology on the Development of Other Legal Sciences of the Criminal Cycle], *Merkuriev V.V. et al. (Eds.), Vektor razvitiya kriminologii v XXI veke : materialy Vseros. nauch.-prakt. konf., priuroch. k 30-letiyu Ros. kriminolog. assotsiatsii*, Vladimir, Vladimirskiy gosudarstvennyy universitet, 2022, pp. 142–147. (in Russ.).

Sirotkina I. *Klassiki i psikiatry: Psikiatriya v rossiyskoy kul'ture kontsa XIX – nachala XX veka* [Classics and Psychiatrists: Psychiatry in Russian Culture of the Late 19th – Early 20th Century], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2008, 272 p. (in Russ.).

Slabinskii V.Yu. Vladimir Chizh and Sigmund Freud: Similarity of Biographies and Dissemblance of Fates, *Medical Psychology in Russia*, 2015, no. 3(32), pp. 1–30, available at: <http://mprij.ru> (accessed September 26, 2024). (in Russ.).

Vasechko V.Yu. The Ideological Legacy of Dmitry Dril: The Formation of the Russian Anthropological School of Criminal Law, *Antinomies*, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 161–185. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_2_161 (in Russ.).

Zhuravel V.A. Vladimir Fedorovich Tchizh as Psychologist (1855–1922): Unknown Pages of Biography and Scientific Activity (To 150 years Anniversary), *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2011, no. 2, pp. 68–77. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вячеслав Юрьевич Васечко

доктор философских наук, доцент, научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук;
г. Москва, Россия;
ORCID: 0000-0002-1808-4404;
ResearcherID: K-2505-2018;
SPIN-код: 3610-5534;
E-mail: vyacheslavpetro@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vyacheslav Yu. Vasechko

Doctor of Philosophy, Associate Professor, Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences;
Moscow, Russia;
ORCID: 0000-0002-1808-4404;
ResearcherID: K-2505-2018;
SPIN-code: 3610-5534;
E-mail: vyacheslavpetro@yandex.ru

Лапаева В.В. Тема русского раскола в отечественной историографии: политико-правовой анализ // Анти-номии. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 180-197. https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_1_180

УДК 340.15

DOI 10.17506/26867206_2025_25_1_180

Тема русского раскола в отечественной историографии: политико-правовой анализ

Валентина Викторовна Лапаева

Институт государства и права РАН

г. Москва, Россия

E-mail: lapaeva07@mail.ru

*Поступила в редакцию 06.02.2025, поступила после рецензирования 12.03.2025,
принята к публикации 17.03.2025*

В статье обосновывается необходимость такого построения историографии политико-правовых учений, которое давало бы материал для осмысления явлений, пронизывающих разные этапы отечественной истории и оказывающих значимое влияние на современность. К числу важнейших явлений подобного рода относится, по мнению автора, феномен, который в российском общественном дискурсе обозначается термином «русский раскол». В юридической литературе тема русского раскола анализируется главным образом в связи с церковной реформой XVII в. Однако историография политико-правовой мысли, посвященная данной теме, не должна ограничиваться лишь подобными исследованиями историко-юридического профиля, поскольку русский раскол не сводится к религиозной составляющей, а представляет собой гораздо более сложный социокультурный феномен, фокусирующий в себе основные проблемы социально-экономического, политико-правового и духовно-нравственного развития страны. Русский раскол как многоаспектное социокультурное явление, отражающее объективно обусловленную специфику исторического развития России, требует широкого отражения в историографии отечественной политико-правовой мысли путем включения в нее исследований, осуществляемых в смежных областях знания, в которых затрагиваются правовые аспекты данной проблематики. С позиции именно такого междисциплинарного подхода в статье дается обзор и анализ освещения темы русского раскола в историографии отечественного обществоведения.

Ключевые слова: русский раскол; историография; междисциплинарный подход; Российская империя; СССР; современная Россия

© Лапаева В.В., 2025

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение от 12.07.2024 № 075-15-2024-639).

The Russian Schism in Domestic Historiography: A Political and Legal Analysis

Valentina V. Lapaeva

Institute of State and Law, the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

E-mail: lapaeva07@mail.ru

Received 06.02.2025, revised 12.03.2025, accepted 17.03.2025

Abstract. This article argues for the necessity of constructing a historiography of political and legal doctrines that facilitates an understanding of phenomena permeating various stages of Russian history and significantly influencing the present. The author identifies one of the most important phenomena in this context as the *Russian schism*, a term prevalent in Russian public discourse. While legal literature primarily analyzes the Russian schism in relation to the church reform of the 17th century, the historiography of political and legal thought on this topic should extend beyond historical and legal studies. The Russian schism encompasses more than a religious dimension; it also represents a complex socio-cultural phenomenon that reflects main issues related to socio-economic, political, legal and spiritual development of the country. As a multifaceted socio-cultural phenomenon reflecting the unique historical trajectory of Russia, the Russian schism requires a comprehensive exploration within the historiography of domestic political and legal thought. This exploration should include studies from related fields that address its legal aspects. Adopting this interdisciplinary approach, the article provides an overview and analysis of how the Russian schism has been addressed in the historiography of domestic social sciences.

Keywords: Russian schism; historiography; interdisciplinary approach; Russian Empire; USSR; modern Russia

Acknowledgements: The study was conducted with financial support from the Ministry of Education and Science of Russia provided in the form of subsidies from the federal budget for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement No. 075-15-2024-639, dated July 12, 2024).

For citation: Lapaeva V.V. The Russian Schism in Domestic Historiography: A Political and Legal Analysis, *Antinomies*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 180-197. (in Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_1_180

Введение

Одним из направлений работы Института государства и права РАН в настоящее время является создание новой историографии политико-правовой мысли. Эта непростая с содержательной точки зрения работа предполагает необходимость 1) объективно и максимально полно отразить процесс развития политико-правовой мысли человечества во всем ее многообразии, выстроив структуру историографии таким образом, чтобы она позволяла высветить наиболее актуальные общемировые проблемы политико-правового профиля и 2) преодолеть серьезные пробелы, идеологические искажения и исторические неточности в освещении отечественной политико-правовой культуры от самых ее истоков до современности. В рамках данной статьи мы остановимся на втором из указанных направлений работы, сделав акцент на задаче восполнения пробелов в освещении отечественной политико-правовой культуры.

Решению подобных задач будет способствовать правильное формирование проблемно-тематического каркаса новой историографии отечественных политико-правовых учений, т.е. выбор идей и концепций, которые в своей совокупности позволяли бы дать не только достаточно полный ретроспективный обзор политико-правовой проблематики, ранее находившейся в центре внимания отечественных исследователей, но и материал для осмысления явлений, которые пронизывают разные этапы отечественной истории, выражают те или иные черты русской (российской) национальной идентичности и оказывают значимое влияние на современность, рассматриваемую в ее политико-правовых аспектах. Например, речь может идти о таком феномене, как «национальная идея или национальное самосознание, присутствующее в истории политической и правовой мысли на всех ее этапах и проявляющееся в той или иной степени в различных вариантах трактовки и обсуждения основных смысловых характеристик права и государства» (Горбань 2024: 68). Предметом данной статьи является другой социальный феномен, такого же масштаба и значимости, который в российском философском и политико-правовом дискурсе нередко обозначается термином «русский раскол».

Первоначально этот термин, вошедший в широкий общественный дискурс в середине XIX в., был связан исключительно с церковным расколом XVII в. Однако позднее раскол Русской православной церкви стал рассматриваться в качестве исходной точки «глубокого раздвоения в русской жизни и русской истории» (Бердяев 2008: 39), усиленного петровской реформой, которая, как писал Ф.М. Достоевский, «оторвала одну часть народа от другой» и заложила начало «раздвоения народа», от которого «страшно страдают обе его части»¹. Впоследствии через всю историю России проходили разные, нередко пересекающиеся и усиливающие друг друга в точках пересечения, линии социокультурных расколов, порожденных крепост-

¹ Достоевский Ф.М. Два лагеря теоретиков (По поводу «Дня» и кой чего другого). URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/public/dva-lagerya-teoretikov.htm> (дата обращения: 11.12.2024).

ничеством, Русской революцией 1917 г., сталинскими преобразованиями, неправовым характером постсоциалистической приватизации общенародной собственности, чреватой очередным расколом на «красных» и «белых». С учетом значения феномена раскола для осмысления отечественной истории, новую российскую историографию политико-правовой мысли следует, на наш взгляд, выстраивать таким образом, чтобы охватываемые ею концепции в своей совокупности давали как можно более полную теоретическую базу для правового анализа причин русского раскола как многоаспектного социокультурного явления, его содержания (исторического смысла), масштабов его деформирующего влияния на политико-правовое развитие России, а также возможных путей его преодоления.

В свете такой задачи историография политико-правовой мысли, посвященная данной теме, не должна, на наш взгляд, ограничиваться лишь исследованиями юридического профиля, замыкающимися на церковном расколе. Во-первых, сложный феномен русского раскола в его современной трактовке фокусирует в себе основные проблемы социально-экономического, политико-правового и духовно-нравственного развития страны и в таком своем качестве требует комплексного междисциплинарного анализа. А во-вторых, наиболее значимые исследования данной темы, проводимые в смежных с юриспруденцией дисциплинах, зачастую содержат в себе существенную правовую составляющую, которую юристам необходимо вычленивать и осмыслить в контексте своего предмета исследований. Именно с позиции такого подхода мы и будем далее рассматривать проблематику историографии русского раскола.

Русский раскол в историографии Российской империи

Долгое время тема раскола рассматривалась лишь в ее конфессиональных аспектах и интересовала главным образом представителей церковной и светской властей, а также специалистов в области богословия и истории религии. Первым из светских историков, кто «дал оценку «старой веры», патриарху Никону, протопопу Аввакуму с монархической, государственной, просветительской точки зрения» (Маджаров 2019: 71), был В.Н. Татищев, изложивший свои взгляды на церковный раскол в «Истории Российской» и в работе «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах». Историк, заложивший основы официального (охранительного) направления в отечественной историографии, резко осуждал раскольников как противников просвещения, действовавших вразрез с государственными интересами, но при этом, в отличие от апологетов клерикально-охранительной доктрины, он не был безоговорочным сторонником церковной точки зрения на события отечественного прошлого и с сожалением писал о том, что в ходе николаевских реформ много тысяч людей «пожгли и порубили или из государства выгнали» (Татищев 1979: 99).

Проблема русского раскола как социокультурного феномена, имеющего важное политико-правовое значение, начала привлекать внимание научного сообщества и широкую общественность лишь с середины XIX в. Так,

тема раскола не была даже обозначена ни в «Русской правде» П.И. Пестеля, ни в «Православном катехизисе» С.И. Муравьева-Апостола, ни в многотомных исторических изданиях 1820–1830-х годов, включая «Историю государства российского» Н.М. Карамзина, «Историю русского народа» Н.А. Полевого и др., ни в трудах ранних славянофилов, за исключением А.С. Хомякова, который коснулся ее лишь вскользь² (Пыжиков 2023: 8–25). И даже представители государственной школы, наиболее влиятельной в русской исторической мысли второй половины XIX в., ограничивали проблематику русского раскола конфессиональными последствиями церковной реформы XVII в. и не считали раскол социокультурным явлением, имманентно присущим русской жизни в целом. Показательна в данном плане доктрина религиозного раскола такого яркого представителя этой школы, как С.М. Соловьев, который рассматривал раскол в качестве локального явления, не затрагивающего магистрального направления развития России (Маджаров 2017: 40).

Гораздо больший интерес к проблеме раскола проявляли в период, относящийся к царствованию Николая I, чиновники Министерства внутренних дел, по мнению которых деятельность раскольников носила не религиозный, а политический, антигосударственный характер, и поэтому на нее не распространялись принципы веротерпимости, действовавшие в отношении представителей иноверия. В первой половине XIX в. силами Министерства были организованы специальные комиссии, которые изучали деятельность и мировоззрение раскольников в разных губерниях страны. К этой работе привлекли ученых – этнографа и фольклориста В.И. Даля и этнографа Н.И. Надеждина. Членом одной из комиссий был будущий известный славянофил И.С. Аксаков, который, столкнувшись с неожиданными для него реальными масштабами раскола, так характеризовал ситуацию в частной переписке: «...Россия скоро разделится на две половины: православие будет на стороне Казны, Правительства, неверующего дворянства и отвращающегося от веры духовенства, а все прочие обратятся к расколу... Все соки испорчены и едва ли есть исцеление» (Пыжиков 2023: 26). Позднее богатый информационно-аналитический материал, подготовленный чиновниками Министерства внутренних дел, был передан в редакцию журнала «Православный собеседник», к изучению этих архивов были допущены и светские историки (например, А.П. Щапов), что положило начало комплексному научному осмыслению русского раскола как социокультурного феномена.

² Так, в первом томе собрания сочинений в разделе «Корни старообрядства» А.С. Хомяков лишь выразил сожаление о «преобладании обрядности и формальности общественной и религиозной, выразившейся в старообрядческие расколы», корень которых «таится в глубочайшей древности и в особенностях распространения Христианства в России». При этом, добавил автор, «самые явные и сильные остатки язычества и его поверий совпадают с теми местностями, в которых сильнее распространено старообрядство, и что эти местности удалены от древних и живых средоточий, в которых первоначально проповедовалось Слово Божие просветителями Русской земли» (URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksej_Homyakov/polnoe-sobranie-sochinenij-tom-1/7_19 (дата обращения: 11.12.2024)).

Н.И. Надеждин не успел опубликовать работу, обобщающую собранные им материалы, которые были утеряны после его смерти, и тема русского раскола в сугубо религиозной коннотации данного термина вошла в общественный дискурс из работ отечественных богословов. В этом контексте особо следует отметить книгу известного историка церкви митрополита Макария (Булгакова) «История русского раскола, известного под именем старообрядчества» (СПб., 1855). Привлечению внимания общественности к расколу в немалой степени способствовал выход за рубежом в 1847–1853 гг. на немецком и французском языках трехтомного труда о жизни русского крестьянства немецкого барона Августа фон Гакстгаузена³, в котором тема русского раскола стала предметом серьезного научного анализа. А. фон Гакстгаузен (отпрыск одного из старейших дворянских родов прусской провинции Вестфалии, по своим идеологическим убеждениям ярый монархист), будучи охвачен патриотическим энтузиазмом, проявлял большой интерес к традиционно-общинным формам аграрных отношений Пруссии, критикуя с этих позиций растущее влияние капиталистического рынка. Его работы заинтересовали кронпринца Фридриха Вильгельма, по инициативе которого А. Гакстгаузен был нанят в течение 1830-х гг. прусским Министерством юстиции для изучения правовых традиций аграрных отношений в различных провинциях прусской монархии. Однако прусское чиновничество, стремившееся к модернизации страны, не оценило консервативных установок ученого и добилось того, что контракт с ним продлен не был (Dennison, Carus 2003). Приглашение для изысканий по совершенствованию сельского хозяйства России дало возможность А. Гакстгаузену продолжить свои исследования общинной формы землевладения в ходе шестимесячной экспедиции в разных регионах страны. Научным консультантом барона стал В.И. Даль; это, несомненно, способствовало тому, что немецкий ученый (который начал свои исследования на родине с создания коллекции северогерманского фольклора, а затем перешел к изучению сельскохозяйственных народных традиций) сумел разглядеть и описать недоступные ранее для научного анализа особенности русской народной религиозности (Dennison, Carus 2003).

Труд А. Гакстгаузена частично⁴ переведен на русский язык только в 1870 г., но его фрагменты были «по горячим следам» опубликованы в журнале «Современник» (1857) и стали предметом серьезного анализа⁵. И хотя наибольший интерес для российской общественности представляли на тот

³ Гакстгаузен А. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России / отв. ред. О.А. Платонов. Москва : Ин-т рус. цивилизации, 2017. 672 с.

⁴ О причинах неполного перевода, связанных, по-видимому, с критикой автором некоторых сторон русской жизни и, прежде всего, крепостного права, см.: Гакстгаузен А. Исследования внутренних отношений... С. 10, сноска ред.).

⁵ См.: Чернышевский Н.Г. Исследования о внутренних отношениях народной жизни и в особенности сельских учреждениях России. Барона Августа Гакстгаузена // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений : в 15 т. Москва : Гос. изд-во худож. лит. 1948. Т. 4. С. 303–348.

момент суждения немецкого ученого о русской крестьянской общине, которые особенно воодушевили народников, славянофилов и социалистов, не прошла незамеченной и поднятая им тема старообрядцев. В настоящее время некоторые зарубежные исследователи творчества немецкого ученого вполне обоснованно опровергают его представления о русской крестьянской общине как о форме гармоничного устройства сельской жизни (Dennison, Carus 2003), тем не менее собранные им сведения об особенностях религиозного сознания русского крестьянства, никак не продиктованные его априорными романтическими установками по поводу сельской общины, заслуженно получили в свое время заметный резонанс и в окружении царя Николая I (который отреагировал на них дополнительными законодательными мерами против старообрядцев), и среди представителей разных идейных направлений в обществе. Некоторые из них (А.И. Герцен, а затем народники) попытались, хотя и безуспешно, вовлечь староверов в свои политические проекты.

Во второй половине XIX в. у светских и церковных ученых сложились два противоположных воззрения на социальные аспекты церковного раскола. Как писал в 1867 г. доктор богословия Н.И. Субботин, для одних специалистов это явление оставалось чисто религиозным, другие, напротив, считали раскол следствием социальных причин и выражением оппозиционных настроений по отношению к общественному и государственному устройству. Сам Н.И. Субботин, хотя и подчеркивал, что церковный раскол был использован разными политическими силами в своей враждебной по отношению к России деятельности, тем не менее исходил из того, что причины раскола имели сугубо конфессиональные истоки. С точки зрения такого видения ситуации он полемизировал с историком А.П. Шаповым, позиция которого, по его словам, имела «характер социально-политико-демократический» (Субботин 2016: 6). И хотя автор прямо не называл фамилию А.П. Шапова, а говорил лишь об «одном ученом исследователе», очевидно, что речь шла именно об этом историке и публицисте как самом ярком представителе так называемого демократического направления в отечественной историографии, ориентированного на освещение исторической роли народных масс в контексте их борьбы за свободу. Сторонники этого направления (Н.Я. Аристов, В.Б. Андреев, Н.И. Костомаров и др.) развивали идею А.П. Шапова о том, что в некоторых учениях раскольников «намекками проглядывали народный взгляд па причины социальных неустройств»⁶ и трактовали религиозный раскол как своеобразную форму народного протеста против социальной несправедливости и властного произвола (Снигирева 2020: 17). Близких взглядов на социальный потенциал движения раскольников придерживался, в частности, и Н.Г. Чернышевский⁷.

В рамках нашего анализа следует прежде всего обратить внимание на работу А.П. Шапова «Русский раскол старообрядства, рассматриваемый

⁶ Шапов А.П. Земство и раскол. Санкт-Петербург : То-во «Общественная польза», 1862. С. 56.

⁷ Чернышевский Н.Г. Указ. соч.

в связи с внутренним состоянием церкви и гражданственности...»⁸, в которой автор затронул не только широкие социальные пласты народной жизни, но и существенные характеристики народного сознания. Так, отмечая исключительно высокий духовный накал противостояния старообрядцев, доходящий до акций коллективного самосожжения (которых до этого, по-видимому, не знала мировая история религиозных противоречий), он подчеркивал, что глубинные причины такой реакции на церковную реформу надо искать в том, что в XVII в. национальное сознание русского народа «имело характер исключительно религиозный»⁹: «Сам народ наш, – писал А.П. Шапов, – не давал другого отличительного свойства своей национальности, не знал другого национального различия, кроме веры православной»¹⁰. Протестуя против изменений древних форм духовной жизни, «русский народ восстал за свою народность, или, как тогда говорили русские люди, “за свое приращение”»¹¹. Близкой позиции придерживался, например, и специалист в области церковного права протоиерей И.М. Громогласов, который писал, что раскол стал реакцией части русского народа на стремление подчинить его стороннему авторитету ученых из греков и малороссов «в то время, когда – по мнению русских людей – религиозный быт их достаточно сложился и окреп для того, чтобы громко заявить свои права на самостоятельность»¹².

Такой подход к анализу проблемы позволяет лучше понять глубину внутреннего противоречия между двумя важнейшими нарративами российской истории, в которых получили отражение, с одной стороны, модернизационные усилия правящей элиты, а с другой – стремление народа в противовес этим усилиям отстаивать свою корневую идентичность, которая на момент церковного раскола была связана исключительно с православной верой в ее интерпретации, уходящей корнями в древние, дохристианские духовные традиции. На основе народного православия сформировался феномен, обозначаемый философами как «дух нации». В XVII в. этот еще только зарождавшийся в русском коллективном сознании феномен уже в полной мере обрел свою религиозную глубину, и старообрядцы, выступившие за сохранение отеческих традиций богослужения, по сути, отстаивали то, что И.А. Ильин назвал «русским православно-национальным самочувствием» (Ильин 2008: 389). При этом идея связи религиозного опыта с этническим самосознанием стала первым актом «актуализации русской философии как самобытного мышления» (Бобков 2017: 57).

⁸ Шапов А.П. Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII. Опыт исторического исследования о причинах происхождения и распространения русского раскола // Шапов А.П. Сочинения А.П. Шапова : в 3 т. Санкт-Петербург : Изд. М.В. Пирожкова, 1906. Т. 1. С. 173-450.

⁹ Шапов А.П. Русский раскол... С. 231.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Громогласов И.М. О сущности и причинах русского раскола так называемого старообрядчества. Сергиев Посад : 2-я типография, 1895. С. 55.

Позднее различные аспекты многогранной темы русского раскола, фокусирующей в себе главные противоречия социально-экономического и политико-правового развития России, привлекали внимание целой плеяды ярких представителей научной и общественно-политической мысли XIX–XX вв. О русском расколе «писали и говорили И. Киреевский, В. Соловьев, В. Ключевский, А. Герцен, Г. Флоровский, Н. Лосский, Н. Бердяев, Г. Федотов, Д. Мережковский... и многие другие, вплоть до В. И. Ленина, указывавшего на противоположность двух культур в одной нации, конфликт между которыми “неизбежен”» (Матвеева 1997: 9). Такое понимание места и роли русского раскола как масштабного социокультурного явления, пронизывающего разные этапы отечественной истории, было, по сути, представлено уже в трудах выдающегося историка В.О. Ключевского, который в своих набросках к лекции «Древняя и новая России» писал, что из древней (допетровской) и новой России «вышли не два смежных периода нашей истории, а два враждебных склада и направления нашей жизни, разделившие силы русского общества и обратившие их на борьбу друг с другом, вместо того чтобы заставить их дружно бороться с трудностями своего положения» (Ключевский 1983: 363).

Русский раскол в историографии советского и постсоветского периодов

В СССР тема русского раскола как особого социокультурного явления ушла из научного дискурса, однако церковный раскол, порожденный реформами XVII в., по-прежнему составлял предмет исследований историков. В качестве примеров таких исследований можно привести следующие работы: Платонов С.Ф. «Памятники истории старообрядчества XVII в.» (Ленинград, 1927); Миловидов В.Ф. «Старообрядчество в прошлом и настоящем» (Москва, 1969); Шишкин А.А. «Сущность и критическая оценка обновленческого раскола Русской Православной Церкви» (Казань, 1970); Карцов В.Г. «Религиозный раскол как форма антифеодального протеста в истории России» (Калинин, 1971); Подмазов А.А. «Старообрядчество в Латвии» (Рига, 1970); Покровский Н.Н. «Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVII веке» (Новосибирск, 1974); Гурьянов Н.С. «Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма» (Новосибирск, 1988); Никольский Н.М. «История русской церкви» (Москва, 1988) и др. В юридической (преимущественно учебной) литературе правовые аспекты церковного раскола затрагивались в работах таких ведущих специалистов в области истории российского государства и права, а также истории политических и правовых учений, как В.Г. Графский, И.А. Исаев, Н.М. Золотухина и др. В последние годы появляются специальные юридические исследования по данной теме, в которых освещаются политико-правовые взгляды идеологов старообрядчества в их столкновении с мировоззрением представителей светской и религиозной властей (Водопьянова 2017), дается анализ нормативной базы актов, регламентирующих правовой статус старообряд-

цев и сторонников иных вероучений, обозначаемых как ереси (Ермилов 2023), и т.д.

Особо следует отметить работы И.А. Исаева советского и постсоветского периодов (Исаев 1988; Исаев 1991), в которых проблематика раскола анализируется не столько в исторической, сколько в историософской плоскости. Ученый рассматривает русский раскол в контексте укоренившейся в сознании представителей государственной и церковной элиты XVII в. концепции «Москва – Третий Рим», лейтмотивом которой было единение светской и духовной власти. Проводя аналогии между русскими раскольниками и западными протестантами, автор пишет: «Раскол... внес в это единство рационалистическое и одновременно разлагающее начало: он подверг сомнению сакральный характер государственной власти. Отвергнув внешнее принуждение, использующееся для защиты духовной, внутренней веры, Раскол разорвал... казавшееся органическим единство» (Исаев 1991: 58), породив «жестокое столкновение идеи всеединства с индивидуалистическими устремлениями» (Исаев 1991: 60). Соглашаясь с В.С. Соловьевым в том, что порок раскольничьего сознания заключался в его индивидуализации, противостоящей вселенскому единству¹³, автор подчеркивает, что русское религиозное сознание начала XX в. «стремилось преодолеть “протестантский” индивидуализм новым коллективизмом, солидаризмом, тотальностью» (Исаев 1991: 61).

В период постсоциалистических трансформаций тема русского раскола вновь выходит в центр научных дискуссий в отечественном общественном сознании. Помимо появившегося к настоящему времени огромного числа статей и монографий, посвященных церковному расколу XVII в. в различных его аспектах (религиозных, историософских, исторических, юридических, экономико-хозяйственных, регионально-территориальных и т.д.) историография раскола пополняется работами, которые рассматривают этот феномен как социокультурное явление, существенно влияющее на самые разные сферы российской жизни (Кузьменков 2015). Такой поворот в анализе проблематики русского раскола во многом обусловлен тем, что перед научным сообществом и обществом в целом встала необходимость понять причины очередных неудач либеральных реформ в России (а постсоветские реформы с определенными оговорками вполне можно назвать ультралиберальными), которые свели на нет колоссальные усилия советской власти по преодолению прежнего социального раскола, стоившие народу, и прежде всего его образованному слою, огромных жертв. Не менее важно понять и то, почему так называемые реформы (а по сути, революционная ломка социального устройства и общественного сознания), перечеркнувшие

¹³ Иначе трактует позицию староверов известный богослов С.А. Зеньковский, считавший, что идея соборного единства, несомненно, жила в умах Аввакума и его сторонников: «Они осмысливали церковь как соединение всего духовенства и мирян под благословением Христа, смотрели на ее работу как на общее молитвенное стремление к правде и Богу. Они... надеялись провести в жизнь свой теократический идеал государства, руководимого церковью» (Зеньковский 2009: 182).

прежнюю социокультурную идентичность граждан и породившие новый, очевидный в своей несправедливости, социальный раскол, были, как и в начале XX в., активно поддержаны (и отчасти инициированы) многими представителями интеллектуального класса, который в итоге вновь существенно пострадал от этих преобразований.

В числе современных авторов, внесших заметный вклад в разработку теоретико-методологических основ осмысления русского раскола в свете поставленных вопросов (т.е. раскола как фундаментального социокультурного явления, пронизывающего своим воздействием почти всю историю страны), следует выделить отечественного философа и культуролога А.С. Ахиезера. С позиции своей версии социокультурного подхода он рассматривал русский раскол как устойчивое, воспроизводящееся на разных этапах жизни России противостояние между двумя ведущими социальными субкультурами, одна из которых ориентирована на модернизацию, требующую развития права как формы свободы индивида, а другая тяготеет к общинно-коллективистским традициям, своими корнями уходящим в архаику. Подобный конфликт между инновациями и традициями, присущий любому обществу, в России приобрел характер глубокого социокультурного раскола в силу отсутствия социальных механизмов медиации, способных синтезировать противоборствующие смыслы и сформировать срединную культуру, примиряющую крайности.

Раскол, как отмечал А.С. Ахиезер, ведет к подмене диалога самоубийственной для общества борьбой монологов, каждая из сторон которой считает, что борется с мировым злом. Подобный характер взаимодействия основных социальных групп обуславливает инверсионно-циклический характер развития страны с присущим ему чередованием реформ и контрреформ, с резкими поворотами в системе ценностей, с периодическими попытками «вернуться спиной к своему вчерашнему опыту, к своим царям и вождям, с тем чтобы то ли прорваться к будущему, то ли вернуться к позавчерашнему дню» (Ахиезер 1997а: 42). Всепроникающий характер такого раскола «означает, что само принятие значимых для общества решений также расколото, что они носят особый характер хромающих решений, которые в соответствии с противоположно направленными расколотыми частями общества отрицают друг друга», а длительное существование раскола свидетельствует о том, что общество «не столько пытается его преодолеть, сколько приспособливается к нему» (Ахиезер 1992b: 394). В своих работах А.С. Ахиезер проводит мысль о том, что общественное сознание россиян так и не смогло преодолеть манихейский¹⁴, т.е. основанный на жестком противопоставлении добра и зла (света и тьмы и т.д.), характер восприятия мира древними славянами.

Эта тема получила развитие в работах группы авторов (А.А. Пилипенко, И.Г. Яковенко и А.И. Музыкантского), которые идут дальше, обосновывая

¹⁴ Учение пророка Мани, наиболее распространенное в III в. на территории современного Ирана, представляло собой гностическую разновидность раннего христианства, соединенного с элементами зороастризма.

тезис о манихео-гностической сущности русского массового сознания как о цивилизационной специфике России. Они исходят из того, что в сознании русского человека манихейские представления об онтологической раздвоенности мироздания дополняются и усиливаются гностическим убеждением в богооставленности материального мира, созданного не божественной волей, а демиургом низшего порядка (Яковенко, Музыкантский 2010: 41–49). При этом авторы, хотя и отмечают архаическую природу манихео-гностического типа мировоззрения как фактора, способствующего расколу, однако не дают ему однозначно негативную оценку. Они признают эмоциональную насыщенность и идейную принципиальность манихейства, а также ориентацию на высокую духовность гнозиса как сакрального знания, стремящегося к преодолению тяготения грубой материи¹⁵, а в его современной версии – к отказу от идеологии общества потребления. Такой взгляд на специфику массового сознания россиян привлек внимание специалистов, вызвав в том числе и критические отклики. В порядке критики отмечается, в частности, субъективизм исследователей, их склонность опираться на неverified суждения и расплывчатые трактовки смысла манихейства и гностицизма. Однако даже авторы, которые критически анализируют рассматриваемую концепцию с позиций лингвистического анализа, оперирующего верифицируемыми данными, признают, что «понятие Зла в языке русской культуры покрывает значительно большую часть семантического пространства, чем понятие Добра, и этот факт говорит об известном пессимизме языка русской духовной культуры» (Морозов 2013: 155). Причем показательно, что особенно пессимистичным в этом смысле оказался язык элитарной культуры.

Рассматриваемая концепция частично подтверждается также и данными одного из наиболее серьезных социологических исследований последних лет, релевантных рассматриваемой нами проблематике, – мониторинга, направленного на выявление социокультурного портрета российской нации. Описывая результаты мониторинга в монографии, посвященной осмыслению культурного кода отечественной экономики в контексте сравнительного межстранового анализа, руководитель этого проекта А.А. Аузан отмечает, что самой главной спецификой российской нации является то, что россияне – это бесспорные «мировые лидеры по уровню избегания неопределенности, боязни новых ситуаций и изменений» (Аузан 2023: 128). Другой важный момент российской специфики, выделенный А.А. Аузаном по итогам мониторинга, – это то, что он называет недоговороспособностью россиян, корнем которой как раз и является диаметрально противоположность двух менталитетов (Аузан 2023: 128).

Будучи известным специалистом в области институциональной экономики (направления экономических исследований, включающего в свой

¹⁵ В данном контексте интересно отметить, что А. Гакстгаузен, предложивший собственную классификацию русских религиозных сект, выделил в ней группу, появившуюся до Никона и происходившую, по его мнению, от гностиков (Гакстгаузен А. Исследования внутренних отношений... С. 361).

анализ систему реально действующих в обществе социальных институтов), А.А. Аузан видит выход из сложившейся ситуации в развитии таких апробированных в мире институтов, как исламский кредит, целевые налоги, дифференцированная шкала налогообложения и т.п., которые в российской ситуации соответствуют социальному запросу на справедливость значительной части общества, тяготеющей к общинно-братской модели социального устройства. Подобные предложения несут в себе правовое начало справедливости, поскольку находятся в русле тех социальных интересов, которые в период постсоциалистических преобразований принимались в расчет лишь в той мере, в какой требовалось не допустить социального взрыва. Очевидно, что предлагаемые сторонниками институциональной экономики меры социальной инженерии могут внести позитивный вклад в формирование правовых компромиссов между социальными интересами и наращивания на этой основе экономико-правовых институтов срединной культуры с постепенным выходом на политико-правовую сферу. Однако проблема в том, что в нынешних условиях сильно спрессованного исторического времени, отпущенного России для широкомасштабного модернизационного прорыва, тактика «малых дел» может оказаться недостаточной. Тем не менее данный подход, ориентированный на социальное творчество, добавляет заметную долю оптимизма в социокультурный анализ А.С. Ахиезера, который делает акцент «на глубинных и устойчивых социально-ценностных структурах, задающих объективные границы для трансформации российского общества, выявляет социокультурные основания, позволяющие объяснить отклонения хода реформ от планов» (Кирдина-Чэндлер 2002: 27).

Более радикальный вариант решения проблемы преодоления русского раскола предложен в рамках отечественной философии права академиком В.С. Нерсесянцем. Речь идет о его концепции цивилизма (от *civis* – гражданин) как постсоциалистического общественного строя, который основан на индивидуальной (но не частной, т.к. она есть у всех граждан страны) собственности на средства производства (Нерсесянц 2001), принадлежащей каждому гражданину в форме прирожденного права на равную с другими долю доходов от введения в рыночный оборот объектов бывшей социалистической собственности. При создании своей концепции В.С. Нерсесянц опирался на разработанную им либертарно-юридическую теорию правопонимания с ее принципом формального равенства как триединства равной меры, свободы и справедливости, а также на гегелевскую диалектику, с позиций которой он трактовал концепт индивидуальной собственности на средства производства как диалектический синтез капиталистической идеи частной собственности и социалистической идеи отрицания частной собственности. Рассматривая каждого гражданина России в качестве правомерного наследника общенародного социалистического достояния, концепция цивилизма вводит в сферу действия правового принципа формального равенства идею братства, демонстрируя таким образом на теоретическом уровне потенциал для создания институтов срединной культуры, способных заполнить рвы социального раскола. И хотя В.С. Нерсесянц редко использовал в своих работах термин «раскол», весь смысл его концепции

цивилизма заключается в том, чтобы преодолеть наиболее существенный вековой раскол российского общества, при котором собственники и не-собственники неизбежно оказываются «во враждебном противостоянии, исповедуя разные ценности и идеологии» (Нерсисянц 1992: 326). Без признания права каждого на гражданскую собственность, писал он, этот раскол будет углубляться, потому что «никакая социальная инженерия не в состоянии справиться с последствиями неправомерной и несправедливой подмены всеобщей, бесплатной и равной индивидуализации социалистической собственности ее произвольной приватизацией в пользу лишь части общества» (Нерсисянц 1992: 326–327).

Заключение

Значение темы русского раскола для формирования новой историографии отечественной политико-правовой мысли обусловлено тем, что в смысловом пространстве данной проблематики соединяются две ключевые для России задачи, актуализированные современными процессами трансформации глобального миропорядка, – осуществление технологической модернизации как условие обеспечения государственного суверенитета (Лапаева 2024) и возрождение корневой национально-цивилизационной идентичности России как государства-цивилизации. В свете этих экзистенциально значимых задач нужна такая историография отечественной политико-правовой мысли, которая способствовала бы междисциплинарному освещению русского раскола как фактора, препятствующего модернизации, а также включала бы в себя работы, нацеленные на выработку цивилизационного проекта будущего, необходимого для формирования национально-цивилизационной идентичности страны. Целесообразность охвата при этом работ, посвященных цивилизационным проектам будущего России, обусловлена уже тем, что «будущее влияет на прошлое и настоящее, точнее говоря, тот или иной предполагаемый образ будущего ... играет существенную роль в процессе познания и преобразования практики, понимания и оценке прошлого и современности» (Нерсисянц 1992: 321–322). Особое значение следует уделить философско-правовым исследованиям, в которых идет поиск соединения идеи братства с присущей ей этикой коллективного спасения (которая в своей сакрально-религиозной интерпретации представлена концептами соборности и всеединства) и идеи права как формы и меры свободы индивида. Именно такой философско-правовой синтез этих важнейших для современной России идей предложен и обоснован в концепции цивилизма В.С. Нерсисянца.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аузан А.А. 2023. Культурные коды экономики. Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. Москва : АСТ. 147 с.
- Ахиезер А.С. 1997а. Раскол // Ахиезер А.С. Социокультурный словарь : [Основные термины, используемые в книге А.С. Ахиезера «Критика исторического опыта», 1997. 2-е изд.]. Новосибирск : Сибир. хронограф. С. 390–394.

Ахиезер А.С. 1997b. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России) : От прошлого к будущему. 2-е изд. Новосибирск : Сибир. хронограф. 804 с.

Бердяев Н.А. 2008. Русская идея. Санкт-Петербург : Азбука-классика. 318 с.

Бобков А.И. 2017. Русский раскол как философское противостояние соборности и квазирелигиозности // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. Т. 19. С. 57–62.

Водопьянова М.В. 2017. Политические и правовые взгляды идеологов Раскола в России XVII века : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Москва. 25 с.

Горбань В.С. 2024. Историографические исследования концептуализации национальной идеи в политико-правовых учениях // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). № 12. С. 68–76. DOI 10.17803/2311-5998.2024.124.12.068-076

Ермилов И.В. 2023. Развитие законодательства в отношении «раскола» в первой половине – середине XIX в. // Аграрное и земельное право. № 4. С. 21–23. DOI 10.47643/1815-1329_2023_4_21

Зеньковский С.А. 2009. Русское старообрядчество. В 2 т. Москва : Ин-т ДИ-ДИК ; Квадрига. 688 с.

Ильин И.А. 2008. Опасности и задания русского национализма (II) // Ильин И.А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. : в 2 т. Москва : Айрис-пресс. Т. 1. С. 388–393.

Исаев И.А. 1988. Рецидив теократической утопии: церковь и феодальная государственность в Расколе // Историко-правовые вопросы взаимоотношений государства и церкви в истории России : сб. науч. тр. / отв. ред. И.А. Исаев, О.А. Омельченко. Москва : Изд-во Всесоюз. юрид. заоч. ин-та. С. 110–119.

Исаев И.А. 1991. Политико-правовая утопия в России (конец XIX – начало XX в.). Москва : Наука. 272 с.

Кирдина-Чэндлер С.Г. 2002. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России // Социологические исследования. № 12. С. 23–32.

Ключевский В.О. 1983. Неопубликованные произведения. Москва : Наука. 416 с.

Кузьменков В.А. 2015. Социально-политические расколы в современной России: виды и пути их урегулирования // Ценности и смыслы. № 2. С. 36–45.

Лапаева В.В. 2024. Россия в новых геополитических реалиях: правовой вектор цивилизационного самоопределения // Государство и право. № 6. С. 33–43. DOI 10.31857/S1026945224060023

Маджаров А.С. 2017. Развитие концепции религиозного раскола Русской православной церкви и земства во второй половине XIX в. (С.М. Соловьев, А.П. Шапов) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. Т. 19. С. 40–49.

Маджаров А.С. 2019. Становление официальной доктрины религиозного раскола Русской православной церкви в трудах В. Н. Татищева // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. Т. 27. С. 67–76. DOI 10.26516/2073-3380.2019.27.67

Матвеева С.Я. 1997. Расколотое общество: путь и судьба России в социокультурной теории Александра Ахиезера // Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России) : От прошлого к будущему. 2-е изд. Новосибирск : Сибир. хронограф. С. 3–41.

Морозов Н.М. 2013. Идея манихейской цивилизации в современной отечественной историографии // Вестник Томского государственного педагогического университета. № 2(130). С. 154–158.

Нерсисянц В.С. 1992. Наш путь к праву. От социализма к цивилизму. Москва : Рос. право. 345 с.

Нерсисянц В.С. 2001. Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости : Манифест о цивилизме. Москва : Норма. 59 с.

Пыжиков А.В. 2023. Грани русского раскола. Тайная роль старообрядчества от 17 века до 17 года. Москва : Концептуал. 528 с.

Снигирева С.Д. 2020. Историософские воззрения Ф.М. Достоевского и демократическая концепция раскола А.П. Шапова // *Litera*. № 5. С. 14–26. DOI 10.25136/2409-8698.2020.5.32888

Субботин Н.И. 2016. Раскол как орудие враждебных России партий: Политико-религиозная борьба в России XIX века (до середины 1860-х годов). Москва : ЛЕНАНД. 200 с.

Татищев В.Н. 1979. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах // Татищев В.Н. Избранные произведения. Ленинград : Наука. С. 51–133.

Яковенко И.Г., Музыкантский А.И. 2010. Манихейство и гностицизм: культурные коды русской цивилизации. Москва : Рус. путь. 320 с.

Dennison T., Carus A. 2003. The invention of the Russian rural commune: Haxthausen and the evidence // *The Historical Journal*. Vol. 46, № 3. P. 562–564. DOI 10.1017/S0018246X03003145

References

Akhiezer A.S. *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta. (Sotsiokul'turnaya dinamika Rossii) : Ot proshlogo k budushchemu* [Russia: Criticism of Historical Experience. (Socio-Cultural Dynamics of Russia) : From the Past to the Future], 2nd ed., Novosibirsk, Sibirskiy khronograf, 1997, 804 p. (in Russ.).

Akhiezer A.S. Schism, Akhiezer A.S. *Sotsiokul'turnyy slovar' : (Osnovnye terminy, ispol'zuemye v knige A.S. Akhiezer «Kritika istoricheskogo opyta», 1997. 2-e izd.)*, Novosibirsk, Sibirskiy khronograf, 1997, pp. 390–394. (in Russ.).

Auzan A.A. *Kul'turnye kody ekonomiki. Kak tsennosti vliyayut na konkurentsuyu, demokratiyu i blagosostoyanie naroda* [Cultural Codes of the Economy. How Values Affect Competition, Democracy, and the Well-Being of the People], Moscow, AST, 2023, 147 p. (in Russ.).

Berdyaev N.A. *The Russian Idea*, St. Petersburg, Azbuka-klassika, 2008, 318 p. (in Russ.).

Bobkov A.I. The Russian Church Schism as Philosophical Opposition of Sobornost and Quasi-Religiosity, *The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science and Religion Studies*, 2017, vol. 19, pp. 57–62. (in Russ.).

Dennison T., Carus A. The invention of the Russian rural commune: Haxthausen and the evidence, *The Historical Journal*, 2003, vol. 46, no. 3, pp. 562–564. <https://doi.org/10.1017/S0018246X03003145>

Ermilov I.V. Development of Legislation in Relation to the “Split” in the First Half – Middle of the XIX century, *Agrarnoe i zemel'noe pravo*, 2023, no. 4, pp. 21–23. https://doi.org/10.47643/1815-1329_2023_4_21 (in Russ.).

Gorban V.S. Historiographical Studies on the Conceptualization of the National Idea in Political and Legal Thought, *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2024, no. 12, pp. 68–76. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2024.124.12.068-076> (in Russ.).

Ilyn I.A. *Opasnosti i zadaniya russkogo natsionalizma (II)* [The Dangers and Tasks of Russian Nationalism (II)], *Il'in I.A. Nashi zadachi. Stat'i 1948–1954 gg. : v 2 t.*, Moscow, Ayris-press, 2008, vol. 1, pp. 388–393. (in Russ.).

Isaev I.A. *Politiko-pravovaya utopiya v Rossii (konets XIX – nachalo XX v.)* [Political and Legal Utopia in Russia (late 19th – early 20th century)], Moscow, Nauka, 1991, 272 p. (in Russ.).

Isaev I.A. *Retsidiv teokraticheskoy utopii: tserkov' i feodal'naya gosudarstvennost' v Raskole* [A Relapse Into Theocratic Utopia: The Church and Feudal Statehood in Schism], Isaev I.A., Omel'chenko O.A. (Resp. ed.), *Istoriko-pravovye voprosy vzaimootnosheniy gosudarstva i tserkvi v istorii Rossii : sb. nauch. tr.*, Moscow, Izdatel'stvo Vsesoyuznogo yuridicheskogo zaochnogo instituta, 1988, pp. 110–119. (in Russ.).

Kirdina-Chendler S.G. *Sotsiokul'turnyy i institutsional'nyy podkhody kak osnova pozitivnoy sotsiologii v Rossii* [Sociocultural and Institutional Approaches as the Basis of Positive Sociology in Russia], *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2002, no. 12, pp. 23–32. (in Russ.).

Klyuchevskiy V.O. *Neopublikovannye proizvedeniya* [Unpublished Works], Moscow, Nauka, 1983, 416 p. (in Russ.).

Kuzmenkov V.A. Socio-Political Cleavages in Modern Russia: Views and Ways of Solving Them, *Tsennosti i smysly*, 2015, no. 2, pp. 36–45. (in Russ.).

Lapaeva V.V. Russia in the New Geopolitical Realities: The Legal Vector of Civilizational Self-Determination, *State and Law*, 2024, no. 6, pp. 33–43. <https://doi.org/10.31857/S1026945224060023> (in Russ.).

Madzharov A.S. Development of Official Doctrine of the Religious Schism in the Russian Orthodox Church in the Works by V.N. Tatishchev, *The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science and Religion Studies*, 2019, vol. 27, pp. 67–76. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2019.27.67> (in Russ.).

Madzharov A.S. Development of the Concept of the Russian Orthodox Church Splitting and the Zemstvo in the late XIX (S.M. Solovyov, A.P. Shchapov), *The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science and Religion Studies*, 2017, vol. 19, pp. 40–49. (in Russ.).

Matveeva S.Ya. *Raskolotoe obshchestvo: put' i sud'ba Rossii v sotsiokul'turnoy teorii Aleksandra Akhiezer* [A Divided Society: the Path and Fate of Russia in Alexander Akhiezer's Socio-Cultural Theory], Akhiezer A.S. *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta. (Sotsiokul'turnaya dinamika Rossii) : Ot proshlogo k budushchemu*, 2nd ed., Novosibirsk, Sibirskiy khronograf, 1997, pp. 3–41. (in Russ.).

Morozov N.M. Manichean Idea of Modern Civilization in the National Historiography, *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2013, no. 2(130), pp. 154–158. (in Russ.).

Nersesyants V.S. *Nash put' k pravu. Ot sotsializma k tsivilizmu* [Our Path to the Right. From Socialism to Islam], Moscow, Rossiyskoe parvo, 1992, 345 p. (in Russ.).

Nersesyants V.S. *Natsional'naya ideya Rossii vo vsemirno-istoricheskom progresse ravenstva, svobody i spravedlivosti : Manifest o tsivilizme* [The National Idea of Russia in the World-Historical Progress of Equality, Freedom and Justice : A Manifesto on Civilizationism], Moscow, Norma, 2001, 59 p. (in Russ.).

Pyzhikov A.V. *Grani russkogo raskola. Taynaya rol' staroobryadchestva ot 17 veka do 17 goda* [The Facets of the Russian Schism. The Secret Role of the Old Believers from the 17th century to the 17th year], Moscow, Kontseptual, 2023, 528 p. (in Russ.).

Snigireva S.D. Historiosophical Views of F.M. Dostoevsky and Democratic Concept of Schism of A.P. Shchapov, *Litera*, 2020, no. 5, pp. 14–26. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2020.5.32888> (in Russ.).

Subbotin N.I. *Raskol kak orudie vrazhdebnykh Rossii partiy: Politiko-religioznaya bor'ba v Rossii XIX veka (do serediny 1860-kh godov)* [The Split as an Instrument of Parties Hostile to Russia: The Political and Religious Struggle in 19th – century Russia (until the mid-1860s)], Moscow, LENAND, 2016, 200 p. (in Russ.).

Tatishchev V.N. *Razgovor dvukh priyateleyo pol'ze nauki i uchilishchakh* [A Conversation Between Two Friends about the Benefits of Science and Colleges], *Tatishchev V.N. Izbrannye proizvedeniya*, Leningrad, Nauka, 1979, pp. 51–133. (in Russ.).

Vodopyanova M.V. *Politicheskie i pravovye vzglyady ideologov Raskola v Rossii XVII veka : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk : 12.00.01* [Political and Legal Views of the Ideologists of the Schism in Russia of the 17th century: Abstr. of diss.], Moscow, 2017, 25 p. (in Russ.).

Yakovenko I.G., Muzykantsky A.I. *Manikheystvo i gnostitsizm: kul'turnye kody russkoy tsivilizatsii* [Manichaeism and Gnosticism: Cultural Codes of Russian Civilization], Moscow, Russkiy put', 2010, 320 p. (in Russ.).

Zenkovskiy S.A. *Russkoe staroobryadchestvo. V 2 t.* [Russian Old Believers. In 2 vols.], Moscow, Institut DI-DIK, Kvadriga, 2009, 688 p. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Валентина Викторовна Лапаева

доктор юридических наук, главный научный сотрудник Сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права РАН;
г. Москва, Россия;
ORCID: 0000-0001-7170-8610;
ResearcherID: MCI-95542025;
SPIN-код: 1389-8478;
E-mail: lapaeva07@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valentina V. Lapaeva

Doctor of Law, Chief Researcher, Sector of Philosophy of Law, History and Theory of State and Law, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences;
Moscow, Russia;
ORCID: 0000-0001-7170-8610;
ResearcherID: MCI-95542025;
SPIN-код: 1389-8478;
E-mail: lapaeva07@mail.ru

Руденко В.В. Солидарность как конституционно-правовая ценность в России // Антиномии. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 198-216. https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_1_198

УДК 342.4:342.7

DOI 10.17506/26867206_2025_25_1_198

Солидарность как конституционно-правовая ценность в России

Валентина Викторовна Руденко

Институт философии и права Уральского отделения РАН

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: emikh.valentina@gmail.com

*Поступила в редакцию 24.09.2024, поступила после рецензирования 16.01.2025,
принята к публикации 25.02.2025*

Ключевая цель статьи – раскрыть потенциал солидарности как конституционно-правовой ценности в Российской Федерации. В качестве методологической основы в статье обозначены ключевые подходы к солидарности в контексте теории конституционализма. Показана роль солидарности в деле противостояния современным внутренним и внешним вызовам Российской Федерации и место данной категории в системе конституционно-правовых ценностей России. Солидарность соотнесена с такими ценностями как социальное государство, доверие, справедливость, равноправие и др. Раскрыта корреляция концепта прав человека и солидарности. Сделан вывод о том, что они не противостоят друг другу, а составляют основу конституционного правопорядка в определенном балансе индивидуализма и коллективизма, частных и публичных интересов, интересов индивида, общества и государства. Показано влияние солидарности на формирование конституционной идентичности Российского государства и общероссийской гражданской идентичности. В заключении статьи выделены направления совершенствования российского законодательства в части регламентации механизмов гарантирования солидарности как конституционно-правовой ценности и обеспечения консолидирующих механизмов.

Ключевые слова: солидарность; взаимопомощь; гражданская идентичность; консолидация; социальное государство; суверенитет; конституция; аксиология; ценности

Благодарности: Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда «Социальная консолидация российского общества: механизмы ценностно-институционального обеспечения» (рук. акад. Руденко В.Н., грант № 23-18-00427).

© Руденко В.В., 2025

Solidarity as a Constitutional and Legal Value in Russia

Valentina V. Rudenko

Institute of Philosophy and Law;
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia
E-mail: emikh_valentina@mail.ru

Received 24.09.2024, revised 16.01.2025, accepted 25.02.2025

Abstract. The article aims to explore the axiological potential of *solidarity* as a constitutional and legal value in Russia, through examining basic approaches to this concept within the framework constitutionalism. It highlights the role of *solidarity* in addressing contemporary external and internal threats to the Russian Federation and situates this value among other constitutional and legal principles. The article correlates *solidarity* with values such as *social state*, *federalism*, *trust*, *justice*, and *equality*. Furthermore, it establishes a connection between *human rights* and *solidarity*, concluding that these concepts are not mutually excluded; rather, they underpin the constitutional legal order by balancing *individualism* with *collectivism*, along with *private interests* and *public good* – encompassing the interests of individuals, society and the state. The article also discusses the influence of *solidarity* on shaping the constitutional identity of the Russian state and fostering an all-Russian civil identity. In conclusion, it identifies areas for enhancing Russian legislation regarding the regulation the mechanisms that guarantee *solidarity* as a constitutional and legal value, while ensuring consolidating mechanisms.

Keywords: solidarity; mutual assistance; civil identity; consolidation; welfare state; sovereignty; constitution; axiology; values

Acknowledgements: The research was conducted with the support of the Russian Science Foundation under grant No. 23-18-00427. For more information, please visit <https://rscf.ru/en/project/23-18-00427/>.

For citation: Rudenko V.V. Solidarity as a Constitutional and Legal Value in Russia, *Antinomies*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 198-216. (in Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_1_198

Введение

Солидарность как общность ценностей имеет весомый потенциал в ситуациях, когда требуется мобилизация ресурсов для противостояния вызовам, подрывающим гражданский дух граждан государства. В связи с этим в текущей геополитической ситуации концепт солидарности получил актуализацию и осуществляется поиск и апробация новых консолидирующих механизмов как со стороны государства, так и со стороны общества¹. Не случайно данный концепт по смыслу Основного закона коррелирует

¹ В рамках настоящей статьи солидарность понимается как внутренний аспект объединения людей на базе общности ценностей, а консолидация как внешний аспект объединения, осуществляемого посредством целенаправленных действий разных субъектов.

с такими понятиями как доверие (Зорькин 2016), социальное партнерство, благосостояние граждан, экономический рост, заряжая правовую систему нацеленностью на решение ранее не прогнозируемых задач.

Баланс между коллективным и индивидуальным, интересами личности, общества и государства, фундирующий солидаризированность, изначально был заложен Конституцией Российской Федерации 1993 г. В ходе конституционной реформы 2020 г. скорректирована система ценностей общества и государства, наметились ранее не акцентировавшиеся подходы к конституционной и гражданской идентичностям. В условиях, когда Основной закон переходит в категорию конституций, формируемых по ценностной модели (Хабриева 2020: 407), принципиально важно переосмыслить роль солидарности в российском праве, установок о соотношении прав человека и интересов общества и государства в контексте солидарности и консолидации, усовершенствовать механизмы консолидации.

В рамках статьи поставлены следующие задачи: 1) обозначить потенциал солидарности как конституционно-правовой ценности для дальнейшей трансформации российского права, 2) попытаться показать место данной ценности среди конституционно-правовых ценностей, 3) продолжить дискуссию о возможном сочетании прав человека и солидарности, 4) исследовать вопрос о влиянии солидарности на конституционную и гражданскую идентичности, 5) предложить направления совершенствования законодательства в части регламентации механизмов гарантирования солидарности как конституционно-правовой ценности и обеспечения консолидирующих механизмов.

Солидарность в теории конституционализма: отдельные аспекты

Конституционализм как идея о верховенстве конституции над другими правовыми актами зародился в Соединенных Штатах Америки, когда принималась конституция 1787 г., и постепенно развивается по мере принятия конституций по всему миру. Концепт солидарности как согласия между различными социальными группами возник в середине XIX в. в трудах О. Конта и затем развит Э. Дюргеймом и другими мыслителями в парадигме классической социологии. Если указанные авторы рассматривали солидарность в контексте классовой структуры общества и разделения труда и соответственно обосновывали солидарность через необходимость совместного труда в системе общественного производства, то Л. Дюги противопоставляет свои идеи учению о классовой борьбе и видит функционал права в возложении обязанности не делать ничего, что противоречит общественной солидарности, и делать все возможное для развития такой солидарности, то есть следуя логике автора, по солидаристской доктрине у индивида нет прав, у него есть только социальные обязанности. Впоследствии солидаризм стал одной из идеологических основ Третьей Республики во Франции. Несмотря на то, что при первом рассмотрении идеи конституционализма и солидарности имеют абсолютно разный предмет на этапе их зарождения,

данные идеи взаимодополняют друг друга и взаимовлияют друг на друга, поскольку они формируют представления о социальном порядке, которые при определенных подходах пересекаются. Здесь следует учитывать и фактор вариативности представлений как о конституционализме, так и о солидарности.

Если подходить к конституционализму в позитивистском смысле как к идее о выстраивании связей между правовыми актами, то он выступает в качестве механизма воплощения солидарности при условии, что данный концепт получил воплощение на нормативном уровне.

В рамках аксиологического подхода к конституционализму, то есть определение сути этого явления через систему ценностей, ценности конституционализма нередко включают в себя ценности, близкие или так или иначе связанные с концептом солидарности. В частности, американский проф. Д. Ховард среди ценностей конституционализма называет согласие народа (Ховард 1992: 53). Отечественные конституционалисты зачастую к числу ценностей конституционализма относят социальное государство (Зорькин 2009: 49). Сочетание ценностей, их иерархия, характеристики социального порядка, возникающего в действительности на основании этих ценностей, весьма вариативны. В разрезе солидарности различны основания, на базе которых происходит консолидация сообщества в разных подходах к конституционализму.

В контексте либерально-демократического подхода к конституционализму солидарность властей предержащих с подвластными рассматривается как один из механизмов ограничения государственной власти (Алебастрова 2017: 140).

По мере интернационализации конституционного права и формирования теории транснационального конституционализма потенциал солидарности обогащается, солидарность становится инструментом интеграционных процессов на наднациональном уровне (Spijkers 2009–2010; Peter 2012). Принятая 17 января 2024 г. резолюция Европейского парламента «О европейском историческом сознании» является ярким примером инструментализации солидарности на наднациональном уровне. В контексте интеграционного конституционализма интеграция и солидарность возникают на высокой нравственной основе, опирающейся на культурно-исторические традиции народов и основополагающие принципы мировых религий (Бабурин 2023: 139).

Также необходимо учитывать, что нередко представления о конституционализме различны в рамках отдельных национальных правовых порядков. В современном российском конституционализме наблюдается отход от либерального понимания свободы – институт прав и свобод человека и гражданина необходим для достижения пользы себе и обществу, для достижения общего блага, осуществляется поиск оптимального баланса между свободой личности и социального долга, равновесие между частными и публичными интересами, между отдельными частными интересами и отдельными публичными интересами. Подобный подход позволяет сочетать права человека и солидарность в российском конституционном правовом порядке.

Конституционный суд Российской Федерации, объясняя природу солидарности в политическом измерении, подчеркнул, что она не противостоит ни представительной демократии, ни правовому государству, а напротив укрепляет конституционализм, является началом, лежащим в основе осуществления политических прав и обеспечивающим взаимодействие государства и гражданского общества².

Солидарность в контексте современных вызовов российским обществу и государству

В ходе реформы 2020 г. солидарность получила закрепление в ст. 75¹ Конституции Российской Федерации, что было обусловлено не только новыми вызовами, но и уже сложившейся практикой правотворчества и правоприменения в России, демонстрирующей практическое воплощение данного принципа в правоотношениях. Иными словами, концепт солидарности не инновация, он был реализован в текущем законодательстве до его конституционализации. Возведение данного концепта в статус конституционно-правовой ценности, то есть конституционализация солидарности, особенно значимо с той точки зрения, что в таком статусе он оказывается под дополнительной правовой защитой, в том числе посредством деятельности Конституционного суда Российской Федерации, и может использоваться как руководящее начало, мерило и принцип на всех стадиях правового регулирования, а также в жизнедеятельности общества. Вместе с тем, конституционализация ценностей всегда влечет за собой и вопрос об их встраивании в правовую действительность, о гармонизации и совместимости их с уже имеющимися подобного рода явлениями (Авдеев 2020: 83).

Основной закон подчеркивает три измерения солидарности – политическое, экономическое и социальное, что соотносится с аналогичными группами прав граждан и сферами общественных отношений, в которых они реализуются. Подобное «деление» солидарности показывает, что проявления данного концепта многолики. Он коррелирует не только с концептом социального государства и связанных с ним ценностей социального партнерства, благосостояния граждан, системы пенсионного обеспечения на основе принципов всеобщности, справедливости и солидарности поколений, уважения труда граждан и уважения человека труда (ч. 5-7 ст. 74 и ст. 75¹ Конституции), но и прослеживается во взаимодействии государства и гражданского общества, воздействии граждан, некоммерческих организаций и гражданского общества на принятие публично-властных решений³, а также влияет на экономический рост страны. Вместе с тем,

² Информация Конституционного Суда Российской Федерации «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2020–2023 годов)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 14.11.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Подробнее об этом см.: (Никовская 2017).

подобная характеристика солидарности в трех разрезах имеет весьма условный характер, поскольку солидарность – сложное явление, проявляющееся на ценностно-мировоззренческом, культурно-языковом, политико-идеологическом, конфессиональном, межэтническом уровнях, а потому ее проявления на обозначенных в Конституции уровнях тесно переплетаются между собой, то есть солидарность имеет интегрированное проявление. В правовой плоскости солидарность находит отражение в разнообразных юридических конструкциях и правовых средствах разной отраслевой принадлежности.

Обращает на себя внимание транспоколенческий аспект солидарности, соединяющий три измерения – прошлое, настоящее и будущее, что проявляется в разнообразных общественных отношениях, в частности в пенсионном обеспечении, сохранении культурного и исторического наследия, охране окружающей среды, заботе о здоровье, преемственности государств. В конституционном тексте этот аспект проявился в закреплении таких ценностей как уважение к старшим в контексте воспитания детей, (ч. 4 ст. 67¹ Конституции), забота о родителях (п. «ж¹» ч. 1 ст. 72), достойное воспитание детей в семье (п. «ж¹» ч. 1 ст. 72), здоровый образ жизни (п. «ж» ч. 1 ст. 72), культура ответственного отношения к здоровью (п. «ж» ч. 1 ст. 72), экологическая культура (п. «е⁶» ч. 1 ст. 114) уникальное природное и биологическое многообразие (п. «е⁶» ч. 1 ст. 114), ответственное отношение к животным (п. «е⁵» ч. 1 ст. 114), преемственность в развитии Российского государства (ч. 2 ст. 67¹), солидарность поколений в контексте пенсионного обеспечения (ч. 6 ст. 75). В последующем гарантирование данных ценностей происходит через отраслевое законодательство – право социального обеспечения, экологическое право, семейное право и др. Важнейшее звено в обеспечении транспоколенческого характера солидарности в России это сохранение традиционных ценностей.

В ходе реформы 2020 г. произошло усиление консолидирующего потенциала Основного закона. Это осуществлено посредством трансформации конституционно зафиксированного ценностного ряда, что сделано не только посредством фиксации солидарности как ценности, но и посредством акцентирования таких ценностей как государственное единство (ч. 2 ст. 67¹), преемственность в развитии Российского государства (ч. 1 ст. 67, ч. 2¹ ст. 67), государственная целостность (ст. 80), единство системы публичной власти (ч. 3 ст. 132) (Руденко 2020: 74).

Солидарность в системе конституционно-правовых ценностей в России

Рассматривая значение солидарности в правовой системе, Конституционный суд подчеркивает значимость солидарности как ценности для использования им аксио-телеологического метода⁴ и это не случайно –

⁴ Информация Конституционного Суда Российской Федерации «Актуальные конституционно-правовые аспекты...».

будучи содержательно связанной со значительным количеством иных конституционно-правовых ценностей, она пронизывает все правовое поле. Эта особенность обуславливает использование Судом данного концепта для балансировки ценностей. Примечательно, что и сам этот концепт несет в себе аксиологическую нагрузку, поскольку предполагает сплочение на базе общих ценностей.

Конституционный текст задает взаимосвязи между зафиксированными в нем ценностями: 1) солидарность системно связана с ценностями, составляющими основы конституционного строя РФ⁵, 2) солидарность гармонично вплетается в ценности, нашедшие отражение впервые или получившие дополнительное акцентирование в ходе реформы 2020 г.: социокультурные и духовные ценности российского народа⁶; ценности общественного развития⁷; государственно-правовые ценности⁸, 3) солидарность коррелирует с такими имплицитно присущими российской правовой системе ценностями как справедливость, взаимопомощь, доверие, юридическое равенство.

Солидарность также связана с ценностями историко-культурной направленности, поскольку именно история и культура являются связующим звеном нации (народа) в историческом континууме, теми ключевыми факторами, которые предопределяют ее цивилизационный код и которые позволяют транслировать в настоящем и сохранять данный код в будущем. В этом аспекте солидарность связана с такими ценностями как память предков, историческая правда и память, русский язык как язык государствообразующего народа, культура как уникальное наследие, культурная самобытность всех народов и этнических общностей (ч. 2 ст. 68), этнокультурное и языковое многообразие (ч. 2 ст. 68).

Солидарность не противоречит принципу идеологического многообразия, а напротив предполагает развитие механизмов демократии, возможностей участия граждан в осуществлении публичной власти, в том числе через право на создание политических партий, право на участие в публичных

⁵ Среди них можно назвать: социальное государство (ст. 7 Конституции Российской Федерации), правовое государство (ч. 1 ст. 1), федеративное государство (ч. 1 ст. 1), права и свободы человека и гражданина (ст. 2), идеологическое многообразие (ч. 1 ст. 13).

⁶ К этой группе ценностей, коррелирующих с солидарностью, можно отнести: многонациональный союз равноправных народов, объединенных тысячелетней историей, преемственность в развитии Российского государства, исторически сложившееся государственное единство, ценности-идеологемы гражданской идентичности, в том числе традиционные ценности.

⁷ К числу таких ценностей относятся устойчивый экономический рост, социальное партнерство, уважение труда, безопасность, благополучие граждан, доверие государства и общества (ст. 75¹ Конституции Российской Федерации), гражданское общество (п. «е¹» ч. 1 ст. 114), гражданский мир и согласие (п. «ж» ст. 83).

⁸ Например, суверенная российская государственность как особая конституционно-правовая ценность, преемственность в отношении СССР, единство публичной власти, национальная безопасность.

мероприятиях, право выбирать и быть избранным⁹. Вместе с тем, не стоит отрицать программно-идеологическую роль Конституции Российской Федерации, в которой солидарность выступает в качестве одной из идеологем, присущих коллективному самосознанию российского народа. Как поясняет судья Конституционного суда РФ А.Н. Кокотов, запрет установления любой идеологии в качестве государственной или обязательной должен пониматься ограничительно как запрет идеологического монополизма и возможность изменять официальные идеологемы в рамках конституционного правотворчества (Кокотов 2023: 17). Конституция сама выполняет консолидирующую роль, создавая образ консолидированного сообщества, придерживающегося определенных ценностей, влияет на представления граждан о правопорядке, в рамках которого они живут и за счет подобной идеологической роли может способствовать взаимопониманию и доверию между гражданами, отдельными группами граждан, государства и общества.

Если речь идет о солидарности как определенном общественном порядке, то солидаризация граждан в рамках государства немыслима без обеспечения принципов законности, справедливости, юридического равенства, а также доверия между обществом и властью и между самими гражданами. Доверие, будучи изначально универсальным социальным институтом, находит в праве разнообразные способы формализации: заключение договора, доверительное управление имуществом, институт доверия как элемент юридической ответственности органа публичной власти, законодательное закрепление требований к кандидатам на государственные должности как «теста верности» и др. Если до реформы 2020 г. теме доверия в разрезе права были посвящены лишь единичные работы, самая без преувеличения значимая из которых – монография проф. А.Н. Кокотова «Доверие. Недоверие. Право» (Кокотов 2004), то после реформы число работ по этой проблематике существенно возросло, в том числе и по вопросам доверия к праву, соотношения доверия и справедливости, права и доверия, доверия и солидарности (Макаренко, Задорин 2023; Тихонова, Лунева 2021; Степкин 2023).

В разрезе солидарности доверие выполняет функцию социальной интеграции (Глушко 2012: 26), а также выступает критерием проверки социальной действительности (Кокотов 2004: 172). Доверие усиливает солидарность и способствует формированию идентичности. В то же время доверие и солидарность внутри определенной группы ограничивают контакты данной группы с другими группами. Определение уровня доверия позволяет понять

⁹ Информация Конституционного Суда Российской Федерации «Актуальные конституционно-правовые аспекты...»; Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.03.2020).

насколько социальная общность является солидаризированной и в конечном счете позволяет сделать выводы о стабильности в рамках определенной правовой системы. Доверие власти в солидаризированном обществе является мощным ресурсом управления (Москвин 2011: 7), поскольку оно обладает мобилизационным потенциалом, который собственно и требуется для противодействия внешним и внутренним вызовам современности. В статье 75¹ Конституции Российской Федерации, в которой доверие и солидарность конституируются как конституционно-правовые ценности, речь идет только об одном аспекте доверия – между государством и обществом. Несмотря на декларативный характер нормы (Нарутто, Никитина 2022: 14), положительной оценки заслуживает закрепление данного аспекта доверия как элемента взаимной ответственности государства и общества за развитие страны, что выводит отношения государство-общество на качественно иной уровень. Создание атмосферы доверия между государством и обществом в логике Основного закона связано с созданием социально-экономических условий развития страны – устойчивым экономическим ростом, повышением благосостояния граждан, гарантированием прав граждан, эффективностью пенсионного обеспечения граждан, что накладывает определенный объем обязательств на государство, иначе доверие будет утрачено или подорвано.

Доверие между государством и обществом в свою очередь связано со справедливостью как критерием оценки деятельности обоих обозначенных субъектов. В Конституции Российской Федерации справедливость упоминается в контексте формирования системы пенсионного обеспечения и в преамбуле в рамках ценностного ряда, переданного предками и уже в отраслевом законодательстве получает конкретное наполнение в институтах и подинститутах – справедливое судебное разбирательство (система доказывания в судебном процессе, механизмы обеспечения справедливого правосудия в специальных правовых режимах, справедливость смертного приговора и др. (Клеандров 2022)), система мер социальной поддержки (определение критериев их предоставления, методика исчисления прожиточного минимума, пенсий, порядок предоставления адресной помощи и др. (Астаева 2022; Антонова 2024)), справедливая оплата труда (соотношение оплаты труда и его сложности при регламентации оплаты труда, регулирование оплаты труда при неполной занятости, механизмы гарантирования справедливой оплаты труда в специальных правовых режимах и др. (Сковпень и др. 2023; Карпучно, Бускина 2020)). На уровне целеполагания принцип справедливости и его соотношение с принципом солидарности зафиксированы в Конституции Российской Федерации и на уровне сущего разворачивается в отраслевом законодательстве и реальных общественных отношениях (Чиркин 2016: 78). Более того, Конституционным судом РФ стремление к социальной справедливости, которое пронизывает все проявления социальной солидарности, рассматривается как слагаемое конституционной идентичности¹⁰.

¹⁰ Информация Конституционного Суда Российской Федерации «Актуальные конституционно-правовые аспекты...».

Равноправие, формирующее сознание национального единства, возможно достичь только при условии единообразного понимания нормы как правила поведения. Иное, а именно неоднозначность в понимании нормы, подрывает солидарность¹¹. При этом равноправие следует отличать от «уравнительности», поскольку равноправие предполагает учет потребностей граждан, которые нуждаются в дополнительных мерах поддержки, что и предполагает принцип социального государства.

Продвижению органических видов солидарности (Дюркгейм 1996: 60–70), то есть основанных на однородности индивидов и складывающихся естественным образом, способствуют такие конституционно-правовые ценности, как дети в контексте определения важнейших приоритетов государственной политики (ч. 1 ст. 67¹), уважение к старшим в контексте воспитания детей (ч. 4 ст. 67¹), семья, материнство, отцовство, детство, институт брака как союз мужчины и женщины, достойное воспитание детей в семье, забота о родителях (п. «ж¹» ч. 1 ст. 72) и в целом традиционные семейные ценности (п. «в» ч. 1 ст. 114).

Таким образом, солидарность как ценность будучи закрепленной в ст. 75¹ Конституции Российской Федерации, которая расположена в главе 3 «Федеративное устройство», то есть относится к тем положениям, которые могут быть изменены посредством поправок, находится в системной взаимосвязи с ценностями, составляющими основы конституционного строя и которые могут быть изменены только посредством принятия новой конституции, и не противоречит им. При этом данная ценность укрепляет консолидирующий потенциал Основного закона и используется Конституционным судом Российской Федерации для балансировки ценностей. Более того, конституционализация солидарности позволяет вывести на новый уровень конституционные принципы и ценности, закрепленные в главах 1 и 2 Конституции Российской Федерации, без их изменения.

Социальная солидарность и социальное государство в России

Положения ст. 75¹ Конституции Российской Федерации необходимо рассматривать в системной взаимосвязи со ст. 7 и ч. 3 ст. 17, а также ч. 5–7 ст. 75 данного документа¹². Воплощение социальной солидарности невозможно вне социального государства. Предоставление социальных прав по общему правилу сопряжено с социальным включением лица в жизнь

¹¹ Там же.

¹² П. 3.2 Заключения Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 г. № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации “О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти”, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.03.2020).

общества. Логика Основного закона такова: в качестве конституционной ценности провозглашается благополучие граждан (ст. 75¹), государство обязуется его поддерживать, этому обязательству корреспондирует право-обязанность гражданина трудиться, в том числе, и на благо общества и государства¹³. Не случайно достоинство граждан, уважение человека труда, социальное партнерство, взаимное доверие общества и государства поставлены в один ценностный ряд (ст. 75¹), который раскрывает содержание характеристики России как социального государства. Ч. 5-7 ст. 75 Конституции в развитие глав 1 и 2 данного документа устанавливают конкретные меры, свидетельствующие о реализации социального государства как основы конституционного строя: минимальный размер оплаты труда – не менее величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по РФ, гарантируется система пенсионного обеспечения, система обязательного социального страхования, оказывается адресная социальная поддержка граждан и осуществляется индексация социальных выплат как антиинфляционная мера. Выполняя социальную функцию, государство пытается выровнять возможные противоречия в обществе и что самое существенное – выстроить отношения с обществом по схеме «государство – социальный партнер», укрепив тем самым и политическую солидарность.

Социальная ориентированность характеризует реформу 2020 г.¹⁴ В связи с этим произошло изменение наполнения социальных прав граждан изменен порядок расчета минимального размера оплаты труда, введены новые гарантии доступа граждан к высококвалифицированной помощи, упрощены правила получения инвалидами средств реабилитации, усовершенствован порядок переселения из аварийного жилья и др. Текущая задача государства – воплотить принцип социального государства в правоотношениях, сбалансировав частные и публичные интересы, интересы отдельных граждан, групп граждан, общества, публичных образований и государства в целом между собой исходя из массового представления о справедливости, что собственно и составляет основу социальной солидарности. Идея помощи нуждающимся, как подчеркивает Конституционный суд РФ, корениться в традициях российского народа и проявляется во взаимопомощи¹⁵. Система социального обеспечения являются воплощением солидарности общества с теми его членами, которые оказались неспособными в силу тех или иных причин самостоятельно преодолеть трудные жизненные обстоятельства и обеспечить свое благополучие.

¹³ В ст. 37 Конституции Российской Федерации зафиксировано, что труд свободен, каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию.

¹⁴ Клишас А.А. Сообща – победим: доверие, общественная солидарность и расширение социальных прав и гарантий в условиях новых вызовов // Российская газета. 2020. 22 апр.

¹⁵ Информация Конституционного Суда Российской Федерации «Актуальные конституционно-правовые аспекты...».

Солидарность и права человека в России

Человек, его права и свободы названы в Конституции высшей ценностью (ст. 2). Такой подход, когда человек поставлен в центр правовой системы, предполагает учет принципа индивидуализма, в тоже время солидарность всегда связана с коллективизмом, что и порождает вопрос о сочетаемости этих двух концептов в рамках одной системы. Долгое время ориентиром для России в области прав человека были западные стандарты. В текущее время дискурс прав человека актуализируется именно в контексте отстаивания национальных интересов России. Данный институт обретает свою национальную специфику. Укрепляется внутригосударственный механизм защиты прав человека с присущими ему особенностями. Сам дискурс прав человека используется для сплоченности граждан.

Баланс солидарности и концепта прав человека программируют ч. 3 ст. 17 и ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации¹⁶. Солидарность не обязательно означает действие в интересах определенного сообщества в ущерб личным интересам, солидарность возможна при установлении баланса индивидуальных и коллективных интересов (Эбзеев 2019: 16). Действующая Конституция решает данную проблему, преодолевая крайности индивидуалистского и коллективистского подходов о сочетании и взаимодействии индивидуального и коллективного в балансе интересов личности, общества и государства и закрепляет синтетическую модель организации социума и правового статуса человека и гражданина, соединив ценности свободы как проявление индивидуализма и ценности ответственности как проявления коллективизма, этот баланс и эта модель является основанием незыблемости российского государства и его конституционного строя (Эбзеев 2013: 987–988).

В таких координатах концепты солидарности и прав человека не противостоят друг другу, а составляют основу конституционного правопорядка в определенном балансе индивидуализма и коллективизма, частных и публичных интересов, интересов индивида, общества и государства, что находит отражение в правах и обязанностях субъектов права, компетенции органов публичной власти, предметах ведения публичных образований¹⁷.

¹⁶ Согласно ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц, в ч. 3 ст. 55 введена юридическая конструкция ограничения прав человека и критерии правомерности такого ограничения: соответствующая форма – федеральный закон, цели – строго определены Конституцией Российской Федерации, степень ограничения должна быть соразмерна цели.

¹⁷ Конкретные примеры такого баланса можно найти в решениях Конституционного суда РФ: например, Постановление от 25 декабря 2020 г. № 49-П, Постановление от 27 апреля 2021 г. № 16-П, Постановление от 15 декабря 2004 г. № 18-П и др.

**Конституционная идентичность,
общероссийская гражданская идентичность и солидарность**

В конституционном тексте понятия конституционной¹⁸ и гражданской идентичности¹⁹ не используются – в контексте политики в отношении соотечественников за рубежом упоминается культурная идентичность, объединяющим началом для которой выступает принадлежность к одной культуре и которая также выступает основанием солидаризации граждан²⁰. Конституционная и гражданская идентичности имеют привязку к конкретному государству: если конституционная идентичность непосредственно характеризует сама государство, то гражданская идентичность характеризует сознание граждан конкретного государства и выступает основанием их солидаризации в нацию.

В России после реформы 2020 г., которая заряжает правовую систему ценностным потенциалом, произошла активизация политики идентичности, целенаправленно формируется гражданская идентичность на основе общих ценностей. Ценности, фундирующие конституционную и гражданскую идентичности, одновременно составляют основу солидаризации граждан РФ в единую нацию и консолидации российского общества и государства.

Система ценностей, программируемая Конституцией, отражает в том числе и общечеловеческие ценности, но в то же время ориентирована на отражение особенностей российского цивилизационного развития. В конституционной идентичности заложен цивилизационный код развития РФ, который и задает состояние солидаризованности в рамках страны.

Реформа 2020 г. стала логичным продолжением развития российской государственности, оформлением механизмов защиты конституционной идентичности, возникших в практике Конституционного суда РФ (Шустров 2022; Блохин 2018). Формирование концепта конституционной идентичности в России возникло как ответ на кризис либеральной идеологии и возвращение к ценностям, которые в прошлом были продемонстрированы в общественных отношениях и могут быть охарактеризованы как устоявшиеся, тем ценностям и смыслам, которые присущи российскому народу²¹. Конституционный суд РФ связывает солидарность с ценностным ядром конституционной идентичности²². На сознательном уровне конституци-

¹⁸ Впервые использован в Постановлении Конституционного суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П.

¹⁹ Дефиниция данного понятия содержится в Указе Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 52. Ст. 7477.

²⁰ Ч. 3 ст. 69 Конституции Российской Федерации.

²¹ Зорькин В.Д. Конституционная идентичность России: доктрина и практика. URL: <https://ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=82> (дата обращения: 10.09.2024).

²² Информация Конституционного Суда Российской Федерации «Актуальные конституционно-правовые аспекты...».

онная идентичность проявляется в гражданской идентичности, для которой солидарность – это та константа, которая обеспечивает диалог между разными национальностями, культурами и конфессиями в рамках единого российского общества. Обе эти идентичности призваны снимать противоречия, возникающие между представителями различных групп российского общества, преодолевать возникающие между ними конфликты (Блещик и др. 2021: 91).

Дефиниция гражданской идентичности сформулирована в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Этот документ обращается к ресурсам идентичности как к условию сплоченности и единства перед лицом разнообразных угроз (пп. 7 п. 25). Вызывает интерес формулировка, которая обращена к народу как к согласованному социально-политическому единству, носителю суверенитета и главному достоянию страны (п. 28)²³. Именно духовные ценности определяются в качестве стержня, обеспечивающего единство российского народа. Это же тенденция прослеживается в тексте конституционных поправок 2020 г. и Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей²⁴. Несмотря на то, что солидарность не названа в данном документе в числе традиционных ценностей, она содержательно связана с такими ценностями как коллективизм, гражданственность, единство народов России. В некоторых научных исследованиях солидарность выделяется в структуре гражданской идентичности как самостоятельная ценность (Семенова и др. 2023).

Стратегические документы формулируют совершенно определенный образ социальной общности, которому будет соответствовать российский социум (Панкевич, Руденко 2021). Снижается политическая значимость социальных различий отдельных социальных групп, а задачей государственного управления становится преодоление конфликтов конфессионального и этнонационального толка (пп. 17 п. 47). Таким образом начало солидарности проникает в стратегическое программирование единства российской нации, конструирование гражданской идентичности становится одной из приоритетных задач государства.

Представляется, что солидарность и конституционная и гражданская идентичности взаимообусловлены: формирование «Я Российского государства» в конституционной идентичности, проявляющееся в гражданской идентичности на индивидуальном уровне, способствует солидаризации, напротив, солидарность и солидаризация является неотъемлемой характеристикой конституционной идентичности и гражданской идентичности.

²³ Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 52. Ст. 7477.

²⁴ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.11.2022).

Кроме того, солидарность несет в себе интеграционный потенциал для решения проблемы конкуренции однопорядковых для индивида идентичностей (гражданской, этнической, конфессиональной), а также обеспечения баланса отношений между государством и обществом во избежание ухода деятельности некоммерческих организаций в деструктивное русло.

Заключение

Солидарность как предусмотренный Конституцией ориентир получает воплощение в решениях органов публичной власти, хозяйствующих субъектов, некоммерческих организаций, граждан. Солидарность пронизывает как публичное, так и частное право, получая проявление в правовых институтах, юридических конструкциях, правовых режимах. Принцип солидарности проявляется и в содержательном наполнении прав граждан. Так содержание свободы труда сбалансировано за счет сочетания интересов работодателя и работника и предполагает защиту трудящегося от эксплуатации, адекватную оценку трудозатрат работника, обеспечение работнику дополнительных гарантий. Право на свободу экономической деятельности предполагает возложение на работодателя определенных обременений в пользу работника. В избирательном праве его проявлениями являются требования к формированию избирательных комиссий, особенностях реализации избирательных прав, в том числе так называемые «цензы гражданской верности».

Если до реформы 2020 г. принцип солидарности был присущ российскому праву имплицитно и отчетливо проявлялся преимущественно в решениях Конституционного суда Российской Федерации при балансировке ценностей, то сейчас данный принцип активно внедряется на законодательном уровне. Наиболее перспективными направлениями в данном контексте в условиях СВО, санкций со стороны недружественных государств и территориальных образований и необходимости противостояния воздействию со стороны государств, враждебно относящихся к России, российскому народу и русскому языку, представляются следующие: 1) национальная политика РФ – формирование гражданской идентичности на базе традиционных ценностей (с выделением целевых групп – дошкольники, школьники, студенты) и формирование мер противодействия деструктивному поведению, 2) право социального обеспечения – совершенствование системы выплат по категориям граждан, совершенствование системы пенсионного обеспечения, 3) финансовое право – совершенствование налогообложения в целях повышения наполняемости бюджета в условиях СВО, 4) языковая политика – упрочение позиций русского языка как языка государствообразующего народа и развитие механизмов обеспечения языкового многообразия, 5) миграционная политика – обеспечение интеграции и адаптации иностранных граждан, 6) политика в отношении соотечественников за рубежом – формирование культурной идентичности и др.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Авдеев Д.А. 2020. Конституционно-правовые ценности: понятие, виды и иерархия // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Т. 6, № 2(22). С. 73–91. DOI 10.21684/2411-7897-2020-6-2-73-91
- Алебастрова И.А. 2017. Принцип социальной солидарности в конституционном праве : дис. ... д-ра юрид. наук. Москва. 555 л.
- Антонова Н.В. 2024. Система социального обеспечения в РФ: социальная солидарность или социальная справедливость? // Правовое обеспечение социальной справедливости и государственный суверенитет : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 16 февр. 2024 г. / под общ. ред. Т.А. Сошниковой. Москва : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. С. 104–112.
- Астаева М.Г. 2022. Искоренение бедности и нищеты: на пути к достижению социальной справедливости // Черные дыры в Российском законодательстве. № 1. С. 54–56.
- Бабурин С.Н. 2023. Интеграционный конституционализм. Москва : Норма. 264 с.
- Блещик А.В. и др. 2021. Трансформация конституционной идентичности государства в условиях вызовов современности / А.В. Блещик, Е.Г. Калинина, С.Э. Несмеянова // Правоприменение. Т. 5, № 3. С. 87–100. DOI 10.52468/2542-1514.2021.5(3).87-100
- Блохин П.Д. 2018. Судебная доктрина конституционной идентичности: генезис, проблемы, перспективы // Сравнительное конституционное обозрение. № 6. С. 62–81. DOI 10.21128/1812-7126-2018-6-62-81
- Глушко И.В. 2012. Социальное доверие в контексте модернизации общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 5, ч. 1(19). С. 24–27.
- Дюркгейм Э. 1996. О разделении общественного труда / пер. с фр. А.Б. Гофмана. Москва : Канон. 430 с.
- Зорькин В.Д. 2009. Аксиологические аспекты Конституции России // Конституционные ценности в теории и судебной практике : сб. докл. / Ин-т права и публичной политики. Москва. С. 47–66.
- Зорькин В.Д. 2016. Доверие к праву – путь разрешения глобальных кризисов // Судья. № 6(66). С. 12–20.
- Карпухно И.А., Бускина Д.А. 2020. Труд как категория социальной справедливости // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. № 1. С. 95–105.
- Клеандров М.И. 2022. Правосудие и справедливость. Москва : Норма : ИНФРА-М. 364 с.
- Кокотов А.Н. 2004. Доверие. Недоверие. Право. Москва : Юрист. 192 с.
- Кокотов А.Н. 2023. Конституция России и идеология // Актуальные проблемы российского права. Т. 18, № 12(157). С. 11–23. DOI 10.17803/1994-1471.2023.157.12.011-023
- Макаренко Д.Г., Задорин И.В. 2023. Право и доверие // Мониторинг правоприменения. № 4(49). С. 8–15.
- Москвин Л.Б. 2011. Власть и общество: проблема доверия // Власть. № 9. С. 7–10.
- Нарутто С.В., Никитина А.В. 2022. Конституционный принцип доверия в современном российском обществе // Конституционное и муниципальное право. № 7. С. 1–18. DOI 10.18572/1812-3767-2022-7-13-18
- Никовская Л.И. 2017. Роль гражданского общества в формировании гражданской идентичности и консолидации российского общества: политико-управленческий

аспект // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. № 3. С. 62–67.

Панкевич Н.В., Руденко В.В. 2021. Отдельные проблемы идентичности в документах стратегического планирования Российской Федерации // Вестник Сургутского государственного университета. № 4(34). С. 128–134. DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-128-134

Руденко В.В. 2020. Российская конституционная реформа 2020 года: трансформация системы ценностей // Ленинградский юридический журнал. № 4(62). С. 71–83. DOI 10.35231/18136230_2020_4_71

Семенова Д.М. и др. 2023. Ценности в структуре гражданской идентичности: понятие и инструменты / Д.М. Семенова, М.В. Афонин, С.А. Кудрявцев // Политконсультант. Т. 3, № 1. URL: <https://politicjournal.ru/PDF/04PK123.pdf> (дата обращения: 09.09.2024).

Сковпень В.А. и др. 2023. Оценка сложности труда – инструмент реализации принципа справедливости в оплате труда / В.А. Сковпень, А.В. Агарычева, В.П. Старокожева // Экономика труда. Т. 10, № 10. С. 1599–1618. DOI 10.18334/et.10.10.119510

Степкин С.П. 2023. Доктрина «доверие» в современном конституционном праве: возникновение, перспективы ее развития и оценки // Актуальные проблемы российского права. Т. 18, № 10(155). С. 30–44. DOI 10.17803/1994-1471.2023.155.10.030-044

Тихонова Ж.К., Лунева У.С. 2021. Доверие в конституционном праве // Тенденции развития науки и образования. № 76-4. С. 89–93. DOI 10.18411/Ij-08-2021-142

Хабриева Т.Я. 2020. Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности // Вестник Российской академии наук. Т. 90, № 5. С. 403–414. DOI 10.31857/S0869587320050035

Ховард Д. 1992. Конституционализм // Верховенство права : пер. с англ. / ред. А. Куликов. Москва : Прогресс : Универс. С. 53–79.

Чиркин В.Е. 2016. Принцип социальной справедливости в сравнительном измерении // Труды Института государства и права Российской академии наук. № 5. С. 72–83.

Шустров Д.Г. 2022. Полномочия Конституционного Суда РФ по охране и защите конституционной идентичности России. Часть 1 // Журнал конституционного правосудия. № 3. С. 18–28. DOI 10.18572/2072-4144-2022-3-18-28

Эбзеев Б.С. 2013. Государство и личность в России: социальная солидарность как парадигма отечественного конституционализма // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. № 6(43). С. 986–999.

Эбзеев Б.С. 2019. Введение в Конституцию России. Москва : Норма. 560 с.

Peter S. 2012. Public Interest and Common Good in International Law. Basel, Switzerland : Helbing Lichenhahn. 221 p.

Spijkers O. 2009–2010. What's Running the World: Global Values, International Law, and the United Nations // Interdisciplinary Journal of Human Rights Law. № 4. P. 67–87.

References

Alebastrova I.A. *Printsip sotsial'noy solidarnosti v konstitutsionnom prave : dis. ... d-ra yurid. nauk* [The Principle of Social Solidarity in Constitutional Law: Dissertation], Moscow, 2017, 555 l. (in Russ.).

Antonova N.V. The Social Security System in the Russian Federation: Social Solidarity or Social Justice? T.A. Soshnikova (ed.) *Pravovoe obespechenie sotsial'noy spravedlivosti i gosudarstvennyy suverenitet : materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Moskva, 16 fevr. 2024 g., Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta, 2024, pp. 104–112. (in Russ.).*

Astaeva M. Eradicate Poverty and Poverty: Towards Social Justice, *Black Holes in the Russian Legislation*, 2022, no. 1, pp. 54–56. (in Russ.).

Avdeev D.A. Constitutional Legal Values: Concept, Types, and Hierarchy, *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 2020, vol. 6, no. 2(22), pp. 73–91. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2020-6-2-73-91> (in Russ.).

Baburin S.N. *Integratsionnyy konstitutsionalizm* [Integration constitutionalism], Moscow, Norma, 2023, 264 p. (in Russ.).

Bleshchik A.V., Kalinina E.G., Nesmeyanova S.E. Transformation of Constitutional Identity Due to Contemporary Challenges, *Law Enforcement Review*, 2021, vol. 5, no. 3, pp. 87–100. [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2021.5\(3\).87-100](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2021.5(3).87-100) (in Russ.).

Blokhin P. The Judicial Doctrine of Constitutional Identity: Genesis, Issues, and Perspectives, *Comparative Constitutional Review*, 2018, no. 6, pp. 62–81. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2018-6-62-81> (in Russ.).

Chirkin V.E. Principle of Social Justice: Comparative Dimension, *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk*, 2016, no. 5, pp. 72–83. (in Russ.).

Durkheim É. *The Division of Labour in Society*, Moscow, Kanon, 1996, 430 p. (in Russ.).

Ebzeev B.S. *Gosudarstvo i lichnost' v Rossii: sotsial'naya solidarnost' kak paradigma otechestvennogo konstitutsionalizma* [The State and the Individual in Russia: Social Solidarity as a Paradigm of Domestic Constitutionalism], *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2013, no. 6(43), pp. 986–999. (in Russ.).

Ebzeev B.S. *Vvedenie v Konstitutsiyu Rossii* [Introduction to the Constitution of Russia], Moscow, Norma, 2019, 560 p. (in Russ.).

Glushko I.V. Social Confidence in the Context of Society Modernization, *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 2012, no. 5, pt. 1(19), pp. 24–27. (in Russ.).

Howard D. Constitutionalism, Kulikov A. (Ed.), *Verkhovenstvo prava*, Moscow, Progress, Univers, 1992, pp. 53–79. (in Russ.).

Karpukhno I., Buskina D. Labor as a Category of Social Justice, *Bulletin of Donetsk National University. Series V. Economics and Law*, 2020, no. 1, pp. 95–105. (in Russ.).

Khabrieva T.Ya. *Konstitutsionnaya reforma v Rossii: v poiskakh natsional'noy identichnosti* [Constitutional Reform in Russia: in Search of National Identity], *Vestnik Rossijskoy akademii nauk*, 2020, vol. 90, no. 5, pp. 403–414. <https://doi.org/10.31857/S0869587320050035> (in Russ.).

Kleandrov M.I. *Pravosudie i spravedlivost'* [Justice and Fairness], Moscow, Norma, INFRA-M, 2022, 364 p. (in Russ.).

Kokotov A.N. *Doverie. Nedoverie. Pravo* [Trust. Distrust. Right], Moscow, Yurist", 2004, 192 p. (in Russ.).

Kokotov A.N. The Constitution of Russia and Ideology, *Actual Problems of Russian Law*, 2023, vol. 18, no. 12(157), pp. 11–23. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.157.12.011-023> (in Russ.).

Makarenko D., Zadorin I. Law and Trust, *Monitoring of Law Enforcement*, 2023, no. 4(49), pp. 8–15. (in Russ.).

Moskvina L.B. *Vlast' i obshchestvo: problema doveriya* [Government and Society: the Problem of Trust], *The Authority*, 2011, no. 9, pp. 7–10. (in Russ.).

Narutto S.V., Nikitina A.V. The Constitutional Principle of Trust in the Modern Russian Society, *Constitutional and Municipal Law*, 2022, no. 7, pp. 1–18. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-7-13-18> (in Russ.).

Nikovskaya L.I. The Role of Civil Society in Shaping Social Identity and the Consolidation of the Russian Society: Politics-Nanagerial Aspect, *Proceedings*

of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology, 2017, no. 3, pp. 62–67. (in Russ.).

Pankevich N.V., Rudenko V.V. Various Problems of Identity in the Documents of Strategical Planning of the Russian Federation, *Surgut State University Journal*, 2021, no. 4(34), pp. 128–134. <https://doi.org/10.34822/2312-3419-2021-4-128-134> (in Russ.).

Peter S. *Public Interest and Common Good in International Law*, Basel, Switzerland, Helbing Lichenhahn, 2012, 221 p.

Rudenko V.V. The 2020 Russian Constitutional Reform: Transformation of the Values System, *Leningrad Legal Journal*, 2020, no. 4(62), pp. 71–83. https://doi.org/10.35231/18136230_2020_4_71 (in Russ.).

Semenova D.M., Afonin M.V., Kudryavtsev S.A. Values in the Structure of Civic Identity: Concept and Tools, *Political Science and Technology*, 2023, vol. 3, no. 1, available at: <https://politicjournal.ru/PDF/04PK123.pdf> (accessed September 09, 2024). (in Russ.).

Shustrov D.G. The Constitutional Court of the Russian Federation Authority to Protect and Defense Russia's Constitutional Identity. Part 1, *Journal of Constitutional Justice*, 2022, no. 3, pp. 18–28. <https://doi.org/10.18572/2072-4144-2022-3-18-28> (in Russ.).

Skovpen V.A., Agarycheva A.V., Starokozheva V.P. Job Evaluation as a Tool for Implementing the Principle of Pay Equity, *Russian Journal of Labor Economics*, 2023, vol. 10, no. 10, pp. 1599–1618. <https://doi.org/10.18334/et.10.10.119510> (in Russ.).

Spijkers O. What's Running the World: Global Values, International Law, and the United Nations, *Interdisciplinary Journal of Human Rights Law*, 2009–2010, no. 4, pp. 67–87.

Stepkin S.P. The Doctrine of “Trust” in Modern Constitutional Law: Emergence, Prospects for Development and Evaluation, *Actual Problems of Russian Law*, 2023, vol. 18, no. 10(155), pp. 30–44. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.155.10.030-044> (in Russ.).

Tikhonova Zh.K., Luneva U.S. *Doverie v konstitutsionnom prave* [Trust in Constitutional Law], *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*, 2021, no. 76-4, pp. 89–93. <https://doi.org/10.18411/lj-08-2021-142> (in Russ.).

Zorkin V.D. *Aksiologicheskie aspekty Konstitutsii Rossii* [Axiological Aspects of the Russian Constitution], *Konstitutsionnye tsennosti v teorii i sudebnoy praktike : sb. dokl.*, Moscow, 2009, pp. 47–66. (in Russ.).

Zorkin V.D. *Doverie k pravu – put' razresheniya global'nykh krizisov* [Trust in the Law is the Way to Resolve Global Crises], *Sudya*, 2016, no. 6(66), pp. 12–20. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Валентина Викторовна Руденко

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН;
г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: 0000-0002-6641-691X;
Scopus AuthorID: N-6495-2016;
SPIN-код: 4985-2588;
E-mail: emikh.valentina@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valentina V. Rudenko

Candidate of Law, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences;
Ekaterinburg, Russia;
ORCID: 0000-0002-6641-691X;
Scopus AuthorID: N-6495-2016;
SPIN-code: 4985-2588;
E-mail: emikh.valentina@gmail.com

Дьяченко Е.Б. Формирование концепции евразийского интеграционного правового порядка в отечественной юриспруденции // Антиномии. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 217-237. https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_1_217

УДК 341.1/8

DOI 10.17506/26867206_2025_25_1_217

Формирование концепции евразийского интеграционного правового порядка в отечественной юриспруденции

Екатерина Борисовна Дьяченко

Институт государства и права РАН

г. Москва, Россия

E-mail: dyachenkoeb@gmail.com

*Поступила в редакцию 13.03.2025, поступила после рецензирования 21.03.2025,
принята к публикации 24.03.2025*

Идея формирования интеграционного объединения на постсоветском пространстве насчитывает уже более трех десятилетий. Первый международный договор в данной сфере – Соглашение о создании СНГ – был подписан 8 декабря 1991 г. За прошедшие с указанной даты годы представления о необходимости «интеграционного строительства» то набирали силу и формализовывались в заключении международных договоров, то угасали, оставляя многие нормы существующими лишь на бумаге. Применение ретроспективного метода позволяет заключить, что каждый новый этап развития межгосударственного взаимодействия на евразийском пространстве обусловлен внешними вызовами. В конце 2010-х гг. интеграционному проекту был придан новый импульс, который выразился в заключении в 2014 г. Договора о Евразийском экономическом союзе. Несмотря на то, что в 2024 г. данный Договор отметил свой десятилетний юбилей, в отечественной науке не сформировалось самостоятельного научного направления, посвященного исследованию интеграционных процессов. Применение метода индукции показывает, что интеграция анализируется исключительно в экономическом аспекте, хотя с позиции правовой науки требуется разработка представлений именно о правовой интеграции, которая, хотя и связана с экономической, но не равнозначна ей. Проблемный момент заключается и в том, что евразийская интеграция исследуется сугубо «механистически», в разрезе отдельных отраслей права, регулирование которых передано на уровень интеграционного объединения, а также в свете деятельности его институтов. Наука международного права сосредоточена на изучении права интеграционных объединений в его компаративистской составляющей, а не на анализе права ЕАЭС. Имеет место недостаточное изучение ценностной основы евразийской интеграции. Выявление и восполнение указанных пробелов имеет не только теоретическое, но и практическое

© Дьяченко Е.Б., 2025

значение, поскольку способно оказать влияние на формирование представления о феномене права ЕАЭС, заложить основы для доктринального изучения его правового порядка, повлиять на толкование и применение права данного интеграционного объединения его институтами и органами государств-членов.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; СНГ; интеграция; ценности; внутренний рынок

Благодарности: Исследование выполнено в рамках научного проекта «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого при финансовой поддержке Минобрнауки России (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Establishing the Concept of Eurasian Integration Legal Order in Russian Jurisprudence

Ekaterina B. Dyachenko

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

E-mail: dyachenkoeb@gmail.com

Received 13.03.2025, revised 21.03.2025, accepted 24.03.2025

Abstract. The idea of forming an integration association in the post-Soviet space has been in development for more than three decades. The first significant step in this direction was the signing of the Agreement on the Establishment of the Commonwealth of Independent States on December 8, 1991. Since then, concepts surrounding “integration building” have fluctuated, leading to the conclusion of various international treaties, yet many norms remain unimplemented and only exist on paper. Employing a retrospective method reveals that each new phase of interstate cooperation in the Eurasian space has been driven by external challenges. In the late 2010s, a renewed impetus for integration emerged, culminating in the signing of the Treaty on the Eurasian Economic Union in 2014. Despite this treaty having reached its 10th anniversary in 2024, Russian academia is still lacking an independent scientific field dedicated to studying integration processes. An inductive approach shows that integration is primarily analyzed from an economic perspective; however, legal scholarship must also develop concepts related to legal integration, which, while connected to economic aspects, are not synonymous with them. Moreover, current studies tend to examine Eurasian integration in a “mechanical” manner, focusing on the individual branches of law that have been transferred to the level of the integration association and its institutions. The science of international law often emphasizes comparative studies of integration association law, rather than analyzing Eurasian Economic Union legal order specifically. Additionally, there is a lack of exploration into the value foundations of Eurasian Integration. Addressing these gaps holds significant theoretical and practical importance, as it can shape understanding of Eurasian Economic Union, establish a doctrinal basis for its rule of law, and influence how member states’ institutions interpret and apply this body of law.

Keywords: Eurasian Economic Union; Commonwealth of Independent States; integration; values; internal market

Acknowledgments: The research was conducted as part of the scientific project titled “Creating a Russian Historiographic Model of Political and Legal Knowledge and Its Application to Develop Promising Means of Countering Ideological Distortions of Russia's Civilizational Development”. This project received financial support from the Russian Ministry of Education and Science (Agreement No. 075-15-2024-639, dated July 12, 2024).

For citation: Dyachenko E.B. Establishing the Concept of Eurasian Integration Legal Order in Russian Jurisprudence, *Antinomies*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 217-237. (in Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_1_217

Введение

Отличительной чертой интеграционных объединений является формирование в рамках каждого из них собственного правопорядка, отличного от международного права. Особенностью таких правопорядков зачастую выступает не только и не столько обособление от международного права, продолжающего во многих случаях оказывать на них существенное влияние, сколько формирование отличительных свойств, определяющих их взаимоотношения с национальными правопорядками, – верховенства права интеграционного объединения и его прямого действия.

Развитие интеграционного правопорядка – это всегда длительный и непростой путь, а его начало – часто реакция на фундаментальные внешние вызовы. Не является исключением и межгосударственное взаимодействие на постсоветском пространстве, начавшееся с создания Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) и получившее продолжение в форме интеграционных объединений Таможенного союза и Единого экономического пространства (далее – ЕЭП), а затем и Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз). Данный период охарактеризовался заключением значительного числа международных договоров с различной судьбой: положения одних никогда не были реализованы, в то время как нормы других стали основой для функционирования международной организации региональной экономической интеграции в формате ЕАЭС.

Договор о Евразийском экономическом союзе¹ (далее – Договор о ЕАЭС, Договор о Союзе) и принятые в его развитие международные договоры в рамках Союза, а также акты вторичного права сформировали евразийский интеграционный правопорядок – уникальный феномен, заслуживающий пристального внимания представителей отечественного правоведения. К сожалению, до настоящего времени в ней не сформировано отдельное направление, которое бы занималось проблематикой права ЕАЭС; право Союза исследуется в общем контексте интеграционных объединений. Представляется, что подобное положение вещей подлежит изменению – в рамках ЕАЭС накоплена достаточная правоприменительная (в том числе судебная) практика, которая позволяет анализировать право Союза в качестве отдельного правового явления, бесспорно, с привлечением метода компаративизма, но не ограниваясь лишь им.

¹ Датирован 29 мая 2014 г.

Одним из элементов, на наш взгляд, ослабляющих развитие науки права ЕАЭС, является неразработанность общих подходов к пониманию интеграции в ее правовом, в отличие от экономического, аспекте. Думается, что формирование научного знания о праве ЕАЭС должно происходить с учетом анализа его ценностной основы, в том числе.

Исследование перечисленных проблем представляет предмет данной статьи, который автор стремится изучить сквозь призму анализа подходов отечественной правовой доктрины к интеграции на пространстве, образовавшемся после распада СССР, а также разработки понятия «правовая интеграция» с его отграничением от «экономической интеграции».

От СНГ к ЕАЭС

Идея построения новых взаимосвязей, кооперации независимых государств на пространстве Евразии насчитывает уже более трех десятилетий – Соглашение о создании Содружества Независимых Государств было подписано 8 декабря 1991 г. и стало документом, заложившим фундамент новой реальности, в которой экономический вектор вышел на первый план. Одновременно с формированием нового объединения в указанном международном договоре констатируется прекращение существования Союза ССР как субъекта международного права и геополитической реальности. Иные же аспекты Соглашения носят исключительно декларативный характер и лишь точно намечают цели будущего взаимодействия. Это позволяет согласиться с высказываемым российскими правоведом мнением о том, что новое межгосударственное образование не связано с началом интеграционного строительства на постсоветском пространстве, поскольку оно имело обратные цели – ликвидацию СССР, став своего рода «площадкой для развода» бывших советских республик, «элементом стремительной дезинтеграции государств» (Каширкина, Морозов 2015). Закономерно, что СНГ никогда не имело созидательного потенциала для экономической интеграции республик бывшего Советского Союза (Гинзбург 2013).

Подлинно интеграционный вектор развития связан с подписанием в 1993–1994 гг. Договора о создании Экономического союза² и Соглашения стран СНГ о создании зоны свободной торговли³. Их ключевой задачей являлось поступательное движение от зоны свободной торговли к валютному союзу через этапы таможенного союза и общего рынка (подробнее см.: Дьяченко 2015).

Содержание названных актов весьма наглядно демонстрирует, что их принятие стало неизбежной реакцией на исторические процессы: распад СССР, разрушение существующих хозяйственных связей и, как следствие, необходимость обеспечить жизнеспособность экономик. Во многом по этой причине первые международные договоры, ставшие прообразом интеграции на евразийском пространстве, не ставили перед собой никаких политических целей, а были направлены исключительно на решение таких прикладных вопросов, как взимание налогов и пошлин, свобода транзита

² Датируется 24 сентября 1993 г.

³ Датируется 15 апреля 1994 г.

и другие. Неслучайно в статье 1 Устава СНГ особо подчеркивается, что Содружество не обладает наднациональными полномочиями (Дьяченко 2015: 140).

Обращение к международному опыту показывает, что движение в направлении интеграционного развития всегда является ответом на серьезные, а порой и переломные исторические события.

Так, образование Европейского объединения угля и стали (далее – ЕОУС), предшественника Европейского союза (далее – ЕС), стало реакцией на завершившуюся Вторую мировую войну и недопустимость ее повторения, для чего был произведен трансфер суверенных прав по контролю за производством угля и стали от самостоятельных государств к их объединению, наделенному наднациональными полномочиями в соответствующих сферах (Энтин Л., Энтин М. 2018: 22–25). Вторым ориентиром при создании данного объединения следует считать восстановление разрушенных войной экономических связей и создание новых – идея, которая восходит еще к Конвенции 1948 года, учредившей Организацию европейского экономического сотрудничества и, по сути, давшей старт процессам интеграции на европейском континенте. Отличительной особенностью ЕОУС стало построение такого правопорядка, в рамках которого произошла передача полномочий в избранных сферах от государств–членов к их объединению и был провозглашен наднациональный характер созданного объединения государств.

Следует согласиться с утверждением о том, что формирование Европейской ассоциации свободной торговли (далее – ЕАСТ) представляет собой результат тех же процессов, которые привели к учреждению ЕС (Чайка 2022: 128). Достаточно отметить лишь тот факт, что в состав ЕАСТ вошли семь других государств, подписавших Конвенцию об учреждении Организации европейского экономического сотрудничества, которые по разным причинам не стали учредителями ЕС⁴. Примечательно, что изначально намерения Великобритании, лидера среди стран, не участвовавших в создании ЕС, состояли в заключении Договора о зоне свободной торговли этих семи государств с Европейским союзом – идея, которая будет реализована спустя 30 лет с началом применения Соглашения о Едином экономическом пространстве между ЕС и некоторыми членами ЕАСТ⁵. На тот же момент все завершилось подписанием Стокгольмской конвенции от 30 ноября 1959 г., учредившей ЕАСТ, по своей природе являющейся зоной свободной торговли, в рамках которой также урегулирована защита конкуренции в части, способной затронуть торговлю между участниками Ассоциации, и защита интеллектуальной собственности.

Экономические трудности, слабость политических и правовых систем в конце 1960-х годов привели к формированию Андского сообщества, ключевой целью которого в Соглашении об Андской субрегиональной интеграции обозначен экономический рост, регулирование иностранных инвестиций и гармонизация национальных законодательств (Helfer et al. 2009: 8).

⁴ Австрия, Великобритания, Дания, Норвегия, Португалия, Швеция и Швейцария.

⁵ Участниками Соглашения о Европейском экономическом пространстве со стороны ЕАСТ являются Исландия, Лихтенштейн и Норвегия.

Что касается природы данного объединения, то по мере развития практики Суда Андского сообщества в ней сформировался подход, тяготеющий к наднациональности.

Разная природа анализируемых нами учреждений (категорический отказ от идеи наднациональности в СНГ, ее столь же однозначное признание в ЕОУС и движение в ее направлении в Андском сообществе) вполне объяснима с точки зрения процессов, приведших к созданию этих объединений государств. Недавнее обретение суверенитета странами – учредителями СНГ не давало им возможности стать членами международной организации, которая предусматривала бы отказ хоть от какой-то части этого суверенитета, в то время как достижение цели постановки под контроль двух ключевых отраслей экономик государств послевоенной Европы, напротив, было невозможно без трансфера соответствующих полномочий на уровень объединения государств.

Возвращаясь к прообразу евразийской интеграции, отметим, что все дальнейшие успешные шаги происходили в направлении создания Таможенного союза, во многом по той причине, что к середине 1990-х гг. стала очевидна неспособность СНГ претворить в жизнь интеграционные проекты глубокого характера (Кембаев 2016). В такой ситуации государства, настроенные на более глубокое взаимодействие, решили воплотить в жизнь положения Договора об Экономическом союзе, вследствие чего было подписано Соглашение о Таможенном союзе⁶, предусматривавшее его поэтапное формирование.

Международно-правовым актом, в котором впервые на евразийском пространстве фигурировала дефиниция «интеграция», стал Договор об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях⁷, предусматривающий создание общего рынка и ставший стимулом к заключению Договора о Таможенном союзе⁸ и Едином экономическом пространстве, а также Соглашения⁹, являющегося базой для формирования ЕЭП. Последнее примечательно указанием на два ключевых момента: допустимость «разноскоростной интеграции», а также сочетание в деятельности институтов нового объединения межправительственных и наднациональных элементов.

Одновременно с действиями, призванными «запустить» Таможенный союз его государствами-членами, начато движение в направлении ЕЭП, которое ознаменовалось принятием международных договоров, заложивших фундамент данного объединения¹⁰.

Процессы, которые привели к началу деятельности Таможенного союза и ЕЭП, иллюстрируют, что к интеграции способно привести создание

⁶ Соглашение датировано 6 января 1995 г. Его участниками стали Российская Федерация, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Республика Таджикистан.

⁷ Договор датирован 29 марта 1996 г. Его участниками являются Российская Федерация, Республика Беларусь, Республика Казахстан и Кыргызская Республика.

⁸ Датирован 26 февраля 1999 г.

⁹ Датировано 19 сентября 2003 г.

¹⁰ Данные международные договоры рассматриваются в качестве «формирующих ЕЭП». Они вступили в силу с 1 января 2012 г.

такой институциональной структуры, в которой приоритет отдан наднациональным элементам и функционированию самостоятельного регулирующего органа, в пользу которого осуществлен трансфер отдельных полномочий государств-членов (см.: Дьяченко 2021). В рассматриваемом случае на первый план вышла правовая, а не экономическая составляющая межгосударственного взаимодействия, выразившаяся в создании автономного правопорядка, который независим как от универсального международного права, так и от национального законодательства, а также в переходе к созданию институтов, которые отличны от тех, что опосредуют межправительственное взаимодействие.

Обзор развития договорно-правовой базы на постсоветском пространстве свидетельствует, что ее эволюция во многом является реакцией на внешние вызовы. Очередное расширение ЕС в 2004 г. и тот факт, что «после присоединения к ЕС ряда восточноевропейских стран он стал непосредственным соседом евразийской интеграционной группировки» (Кембаев 2016: 40), приводят к активизации процессов в рамках развития Таможенного союза и ЕЭП. Запуск в 2008–2009 гг. программы «Восточное партнерство», одной из задач которой являлось включение государств-участников¹¹ в политическую и экономическую орбиту ЕС путем заключения соглашений об ассоциации, предусматривающих возникновение «продвинутой» зоны свободной торговли и гармонизацию с правом ЕС, включая законодательства государств-участников и их технические стандарты¹², привел к активизации процессов по развитию евразийской интеграции и вовлечению в ее орбиту новых государств и, прежде всего, Армении, подписавшей Договор о присоединении к ЕАЭС 10 октября 2024 г.

Небезынтересна также точка зрения о влиянии на евразийскую интеграцию интенсификации межгосударственного взаимодействия в рамках Шанхайской организации сотрудничества.

Именно на таком фоне подписан Договор о ЕАЭС¹³, которым создана институциональная и правовая системы данного объединения, осуществлено нормативное регулирование по большому перечню вопросов, ранее находившихся в ведении Таможенного союза и ЕЭП. Не будет преувеличением утверждение о том, что учредительным Договором ЕАЭС сформирован самостоятельный евразийский правопорядок, материально-правовая часть которого представлена собственно учредительным договором, иными международными договорами в рамках данного объединения государств и актами вторичного права. Наличие у ЕЭК полномочий на издание актов

¹¹ На момент создания участниками были Беларусь, Армения, Молдова, Азербайджан, Грузия и Украина.

¹² См.: Декларация по итогам саммита Восточного партнерства в Праге 7 мая 2009 г. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/31797/2009eapdeclaration.pdf> (дата обращения: 26.02.2025).

¹³ Его государства-учредители – Россия, Беларусь и Казахстан, к которым на основании Договоров от 10 октября 2014 г. и от 23 декабря 2014 г. еще до вступления в силу Договора о ЕАЭС присоединились Армения и Кыргызстан.

вторичного права наглядно подтверждает наднациональный характер евразийской интеграции по той причине, что роль правотворца принадлежит не только государствам, к воле которых отнесено подписание международных договоров в рамках Союза, но также и независимому от них актору, наделенному компетенцией в отдельных сферах реализовывать исключительные полномочия, результат которых, материализованный в решениях, обязателен для государств-членов. Специфика правопорядка ЕАЭС, включая его автономность, проистекает из его верховенства по отношению к национальным правовым системам. Краеугольным камнем для Союза становится наличие у него свойств прямого действия и непосредственного применения (Дьяченко, Энтин 2018). Значимую роль в обосновании особого правопорядка ЕАЭС играет формирование общих принципов права данного объединения государств (см.: Энтин 2022b).

Представляется, что проанализированные черты ЕАЭС стали залогом того, что данное объединение государств, вслед за Таможенным союзом и ЕЭП, смогло реализовать заложенный в нем потенциал, стало реальным актором как на международной арене, так и в отношениях между государствами-членами. В настоящее время именно в формате ЕАЭС упорядочены такие значимые сферы, как таможенное и техническое регулирование, ведется работа по снятию барьеров и ограничений во взаимной торговле. Союзу переданы исключительные полномочия по введению мер защиты внутреннего рынка, которые им активно реализуются – в настоящее время в ЕАЭС действует девятнадцать антидемпинговых мер, субъектом принятия которых является ЕЭК. Союзу принадлежат полномочия по пресечению нарушений общих правил конкуренции на трансграничных рынках, которые активно реализуются ЕЭК. Символом действительной, а не декларативной международной правосубъектности ЕАЭС является заключение им международных договоров о свободной торговле, торгово-экономическом сотрудничестве с третьими странами¹⁴.

Изложенное наглядно отличает Союз от иных создававшихся на евразийском пространстве объединений, начиная с СНГ.

Доктринальное осмысление евразийской интеграции

Проведенный обзор демонстрирует, что процессы, опосредующие интеграционное взаимодействие государств на евразийском пространстве, происходили почти непрерывно последние тридцать пять лет. Бывали периоды большей или меньшей интенсивности, но окончательно они не затухали никогда. Какие-то идеи были слишком радикальными для своего времени и потребовались почти десятилетия, чтобы они обрели реальное воплощение, как, например, идея создания таможенного союза, впервые сформулированная в Договоре о создании Экономического союза от 24 сентября 1993 г., а реализованная в Договоре от 26 февраля 1999 г. о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве. Другие идеи, наоборот,

¹⁴ Подробнее см. официальный сайт ЕЭК: URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/238/> (дата обращения: 19.03.2025).

оказывались своевременны и продвигались интенсивно. Казалось бы, подобные процессы заслуживали серьезного и постоянного правового осмысления, но, к сожалению, этого не произошло. Вплоть до настоящего времени вокруг евразийского интеграционного проекта не сформировалось научной школы, а его изучение фрагментарно или секторально – отдельным институтам или сферам уделяется внимание, они становятся объектом научного исследования, другие же почти не получают освещения. При том последнее справедливо только по отношению к тому этапу, который начинается с создания Таможенного союза и ЕЭП и продолжается в рамках ЕАЭС. Здесь наличествуют исследования, посвященные общим вопросам права Союза (Капустин 2015; Нешатаева 2023; Чайка 2020b; Энтин 2021; Энтин 2022b), его институтам (Суду¹⁵, меньше – ЕЭК¹⁶), единому (внутреннему) рынку (Михалева, Берман 2023), а также таможенным правоотношениям (Сидорова, Артемьев 2022; Энтин 2022a), праву конкуренции (Дьяченко, Энтин 2021; Соколов, Дехтярь 2019), трудовой миграции (Захарова 2020; Энтин, Пиркер 2020). Остальные отрасли остаются на периферии. Для иллюстрации отметим, что соответствие мер защиты внутреннего рынка, введенных не только страной – участницей ЕАЭС или им самим, требованиям права Всемирной торговой организации (далее – ВТО) и их проверки Органом по разрешению споров ВТО находятся в фокусе российской науки (Боклан 2015).

Анализ указанных научных публикаций свидетельствует об очевидно недостаточном внимании к основополагающим вопросам права ЕАЭС, о неисследованности его как самостоятельного феномена. Также отсутствуют теории, направленные на осмысление правовой природы евразийской интеграции. В отличие от доктринальных исследований права ЕС, в рамках которого сформировалось как минимум четыре группы теорий, в которых делается попытка концептуализировать природу юридического элемента европейской интеграции (Капустин 2015: 62), применительно к ЕАЭС подобные попытки не предпринимались.

В том же, что касается СНГ и движения от него к Таможенному союзу и ЕЭП, а затем и к ЕАЭС, какой-либо серьезный доктринальный анализ и вовсе отсутствует. Фактически двадцать лет международной деятельности государств остались без внимания правовой науки. Проводимые исследования касались отдельных сфер, затронутых правовым регулированием в рамках СНГ, как, например, правоотношения в области таможенного дела (Корф 2011), взимание косвенных налогов (Пономарева 2018). Собственно исследования межгосударственного взаимодействия как прообраза интеграции на постсоветском пространстве не предпринималось. В лучшем случае этой проблематике уделено внимание в рамках общих исследований международного права¹⁷ или при изучении процессов в рамках Таможенного

¹⁵ См.: (Дьяченко, Энтин 2017; Чайка 2018; Шинкарецкая 2012).

¹⁶ См.: (Трунина 2016; Савенков и др. 2021: 134–142).

¹⁷ См. главу «Содружество независимых государств (СНГ) и его первоначальная трансформация. ЕврАзЭС и другие учреждения на постсоветском пространстве» в моногр.: (Вельяминов 2015).

союза и ЕЭП (Кембаев 2016), которые в большей степени оказались в фокусе внимания отечественной науки. Между тем, с позиции сегодняшнего дня и уже десятилетнего опыта функционирования ЕАЭС представляется, что предшествующие ему попытки наладить экономическое межгосударственное взаимодействие имеют значение в аспекте осмысления целей и ценностей Союза, которые оказываются принципиально важны, но зачастую недооценены в свете применения права ЕАЭС и, главное, восполнения существующих в нем пробелов. Простой пример – внутренний рынок, который зачастую мыслится как весьма прикладная материя, а в действительности является той ценностью, для защиты которой и предпринимались все попытки создать интеграционный проект.

Еще один важный аспект: международные договоры, предшествующие Таможенному союзу и ЕЭП, содержали довольно много ценной правовой материи (отмена таможенных пошлин, защита конкуренции, свобода движения товаров, работ и услуг), но все это терялось либо среди иных нереалистичных задач (создание общего финансового рынка, переход к единой валюте), либо среди невыполнимых сроков. К примеру, в Соглашении о Таможенном союзе от 6 января 1995 г. в течение четырех месяцев с даты его подписания предполагалась унификация валютно-финансового законодательства. На этом фоне содержательная часть указанных договоров осталась в тени амбициозных деклараций. Думается, что при должном внимании науки в соответствующий момент, критическом осмыслении международно-правовых актов и выработке рекомендаций по их корректировке, вектор интеграции мог получить свое развитие в более короткие сроки.

На протяжении многих лет в рамках российской доктрины обсуждается проблематика интеграции в ее различных проявлениях и во многом именно с точки зрения правового оформления. Проблема в том, что не формулируется однозначной и именно правовой дефиниции «интеграции». Данное явление осмысливается исключительно в его экономическом аспекте, как оно было выработано в середине XX столетия (см.: Tinbergen 1954: 95; Balassa 1961: 1-4), и в этом значении перешло в правовую науку (см.: Капустин 2004: 146; Соколова 2016: 181), которая традиционно относит к числу интеграционных объединений зоны свободной торговли, таможенные, экономические, валютные союзы и, наконец, так называемые «полные экономические союзы» (см.: Кашкин 2014; Лисицын-Светланов 2018; Closa, Casini 2016: 12-14).

Подобный терминологический плюрализм приводит к тому, что зачастую понятием интеграция охватывается все межгосударственное взаимодействие, начиная с образования СНГ. К примеру, О.Ю. Бакаева считает СНГ реализацией «идеи о возможной интеграции стран – бывших советских республик» (Бакаева 2014).

В свою очередь, доктринальное определение интеграционного объединения, выработанное российской правовой наукой, сводится к его пониманию в качестве «международной организации, ставшей основой для формирования зоны свободной торговли, таможенного союза, общего рынка, экономического либо валютного союзов» (Чайка 2022: 68), характеризующейся такими чертами, как передача части суверенных полномочий

государств соответствующей международной организации (см.: Капустин 2004: 146) и автономность ее правопорядка (см.: Юмашев 1989).

В науке почти не предпринимаются попытки осмыслить интеграцию в ее правовом аспекте. Между тем, учитывая, что дефиниция «интеграционное объединение» включает как элементы, демонстрирующие уровень экономических взаимосвязей государств, так и характеристики их правового взаимодействия, обоснованно обособить категорию правовой интеграции и выдвинуть гипотезу о ее возможном несовпадении с экономической, в первую очередь, в рамках зоны свободной торговли (Дьяченко 2023: 48).

Наиболее близко к формулированию понятия правовой интеграции подходит Н.Г. Доронина, отмечая необходимость «сближения правовых систем государств-участников интеграционного взаимодействия», в том числе за счет унификации и гармонизации законодательства (Доронина 1998).

Видится необходимым дополнить обозначенную формулировку, исходя из того, что одной из характеристик интеграционного объединения признается наличие у него собственного права, обладающего верховенством по отношению к законодательствам государств-членов (Klabbers 2015: 26). В состав права интеграционного объединения, как правило, входит его учредительный договор, договоры в рамках данного объединения и с третьими странами, а также акты вторичного права. Выработка указанных актов осуществляется двумя способами: международные договоры являются результатом согласования воли суверенных государств (*masters of treaties*), в то время как акты вторичного права исходят от исполнительно-распорядительного органа соответствующего интеграционного объединения. При этом в различных объединениях способ принятия актов вторичного права, хотя и отличается, но в зависимости от степени чувствительности регулируемого вопроса включает единогласие, консенсус, квалифицированное или простое большинство.

Особенностью права интеграционных объединений является наличие в нем разных типов правоустановлений: одни заменяют собой положения законодательства государств-членов, становясь инструментом унификации в той или иной сфере, другие – допускают дискрецию государств по их имплементации, являясь способом гармонизации. Подчеркнем, что именно наличие общих, унифицирующих норм является особенностью, которая отличает интеграционное объединение от международной организации иного типа.

При таких обстоятельствах под правовой интеграцией целесообразно понимать формирование нормативного регулирования, где в обязательном порядке наличествуют правовые нормы, общие (единые) для объединения государств и имеющие целью упорядочивание тех общественных отношений, в которых ранее действовали положения внутригосударственного права, но с учреждением интеграционного объединения их регулирование передано на его уровень (Дьяченко 2023: 49). Методом создания подобных норм является унификация. Таким образом, за счет унификации в отдельных сферах общественных отношений происходит замена национальных правоположений нормами интеграционного права. В свою очередь, гармонизация является средством достижения единообразия на внутригосударственном уровне за счет имплементации интеграционной нормы.

Неотъемлемой чертой правовой интеграции также является существование органа интеграционного объединения, который независим от государств-членов и обладает полномочиями на принятие актов вторичного права.

Применение сформулированного подхода позволяет исключить из интеграционных процессов на евразийском пространстве СНГ, в рамках которого не был создан орган, независимый от государств и уполномоченный на принятие актов вторичного права; помимо этого не произошло формирования собственной правовой системы. Отсутствует возможность отнести к числу интеграционных объединений и Союзное государство¹⁸ по той причине, что в его рамках тоже не подразумевалось создание наднационального органа, уполномоченного на принятие актов нормативно-правового характера, а также формирование собственной правовой системы. При таких обстоятельствах старт интеграции был дан лишь с формированием Таможенного союза и ЕЭП.

Представляется, что формулирование данного вывода носит отнюдь не абстрактный характер, а имеет целью подчеркнуть необходимость четкого разделения разных типов объединений государств для выбора присутствующих им методов правового регулирования и, как следствие, подходов к их доктринальному анализу.

В этом контексте будет уместно обратиться к вопросу о том, каким образом сейчас изучается ЕАЭС. В основу положено сравнение с иными интеграционными объединениями и, прежде всего, ЕС, его институтами и правовой системой. Не возражая против обоснованности применения компаративизма, отметим, что если безусловная приверженность ему была оправдана в первые годы функционирования ЕАЭС, то с накоплением им собственной практики видится обоснованным применение сравнительного метода в дополнение к осмыслению Союза как самостоятельного правового феномена, специфика которого вызвана, среди прочего, историческими особенностями его создания и отдельных этапов развития. Немаловажную роль в изучении правовой системы ЕАЭС должно играть понимание его учредительного договора не как единого документа, написанного в качестве такового, а как акта кодификации разрозненных договоров, принятых на разных этапах эволюции евразийской интеграции. Подобное знание позволит лучшим образом уяснить причину семантических особенностей Договора о Союзе, формулирования в различных разделах несовпадающих дефиниций одних и тех же понятий. Последнее носит прикладной характер, позволяя вырабатывать подходы к преодолению подобных противоречий, иметь возможность дать ответ на вопрос о том, требуется ли в конкретном случае внесение изменений в право Союза или достаточно судебного толкования для преодоления возникшей коллизии. Данная проблематика подводит нас к теме судебного активизма, которая также незначительно исследована в аспекте ЕАЭС (Дьяченко 2020) и зачастую незаслуженно рассматривается исключительно в негативной коннотации. Между тем, судебный активизм находится на стыке исследований права интеграционных объединений и общей теории права,

¹⁸ Учреждено на основании Договора между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 8 декабря 1999 г.

а, возможно, и философии права, формулируя центральный вопрос – о судебном усмотрении (дискреции). Учитывая представление о том, что право интеграционных объединений – это зачастую право, сформированное его судебным органом, закономерно, что в этой ситуации вопрос судебного усмотрения многократно возрастает и выходит на универсальный уровень.

Нельзя исключить из внимания науки права интеграционных объединений исследование феномена интеграционного процессуального права, которое отлично от порядка разрешения споров и в «классических» международных судах, и в национальных судах, хотя зачастую вдохновлено каждым из них. В рамках общих подходов к толкованию права международных договоров требует развития и обособления интерпретация права интеграционных объединений. Последняя приобрела многие уникальные черты, начиная с необязательности последовательного применения интерпретационных инструментов, поименованных в статье 33 Венской конвенции о праве международных договоров, включая выработку методов, не свойственных «классическому» международному праву, и заканчивая необходимостью толковать не только международный договор, но и акт вторичного права.

Учитывая развитие практики Суда Союза как органа, призванного обеспечить единообразное применение права интеграционного объединения посредством разрешения споров и предоставления консультативных заключений, полагаем, что анализ системы институтов ЕАЭС и его права невозможен без взгляда на них в аспекте правоприменения¹⁹. Именно в актах Суда Союза обозначена специфика его права, сформулированы общие принципы права ЕАЭС, разъяснено понимание политик, в рамках которых интеграционное объединение осуществляет свои полномочия; восполнены пробелы в отраслевом регулировании, как в вопросе применения общих правил конкуренции. В области таможенного регулирования практику Суда составляют дела о классификации отдельных видов товаров, о порядке определения таможенной стоимости. Судом сформулированы правовые позиции о функционировании внутреннего рынка, о введении антидемпинговых мер, о применении технических стандартов. Изложенное демонстрирует, что накоплено достаточно эмпирического материала, который позволяет изучать и преподавать право ЕАЭС в преломлении его судебной практики. На актуальном этапе развития доктрины анализ права Союза в подобном аспекте являлось предметом лишь одного исследования.

Принимая во внимание тот факт, что «будучи субъектами международного права, интеграционные объединения связаны как заключаемыми ими международными договорами, так и нормами международного обычного права», а «передача государствами части своих суверенных полномочий на наднациональный уровень также не освобождает их от взятых на себя в рамках международных договоров обязательств» (Энтин 2021: 103), чрезвычайно важное значение в рамках изучения права ЕАЭС имеет анализ вопроса о соотношении права Союза и общего международного права. В настоящее время

¹⁹ Опыт осмысления права ЕАЭС с учетом практики его Суда получил выражение в моногр.: (Савенков и др. 2021).

цитируемая публикация является единственной посвященной данной проблематике.

Залогом успешного развития региональной интеграции является наличие у нее ценностного базиса, которым может быть как идея исторического, культурного единства, защиты прав человека²⁰, так и экономические категории, первое место среди которых занимает внутренний рынок²¹. В аспекте евразийской интеграции, изучение которой, на наш взгляд, должно включать и анализ ее ценностей, комплексные исследования по данному вопросу практически отсутствуют, за небольшими исключениями (Чайка 2020а). Вместе с тем данная проблематика носит отнюдь не абстрактный характер. Как показывает опыт ЕС, приверженность общим ценностям является одним из условий вступления в интеграционное объединение²², что с практической точки зрения весьма рационально – единство ценностей призвано минимизировать правовые конфликты. В число центральных элементов европейской идентичности включается приверженность верховенству права, представительной демократии и социальной политике, а в качестве экономического компонента – защита внутреннего рынка (Jesse, Williams 2012: 63). Права человека также рассматриваются как неотъемлемая часть европейской идентичности, которая подлежит защите и продвижению не только в европейском, но и в более широком контексте (Zamburlini et al. 2021: 34).

Разделяя убежденность в том, что ценностную основу ЕАЭС составляют уважение суверенного равенства государств, соблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина, общепризнанных принципов и норм международного права и рыночной экономики (Чайка 2022: 132), дополним это перечисление указанием на два таких значимых компонента, как верховенство права и внутренний рынок.

Отталкиваясь от выработанных доктриной компонентов верховенства права, в основе которого связанность правом и публичных акторов, и частных лиц, чьи права и обязанности формируются исключительно на правовой основе (Чиркин 2015), полагаем, что само по себе формирование правовой системы Союза, фундамент которой образует Договор о ЕАЭС, устанавливающий институциональное устройство ЕАЭС, иерархию норм, составляющий его право, регулирующий правовое положение лиц в тех сферах, ре-

²⁰ В Декларации о европейской идентичности от 14 декабря 1973 г. содержится намерение государств-членов обеспечить уважение основополагающих ценностей их правового, политического и морального порядка, а также многообразие национальных культур. Из Договора об учреждении ЭКОВАС, Африканской хартии основных прав человека и гражданина и Декларации о политических принципах ЭКОВАС следует, что к числу ценностей данного объединения относится защита прав человека и основных свобод.

²¹ Декларация о европейской идентичности в числе ее неотъемлемых элементов идентичности называет общий рынок, основанный на таможенном союзе, институты и общие политики.

²² В пункте 4 Декларации о Европейской идентичности отмечено, что «объединенная Европа... открыта ко вступлению других европейских государств, разделяющих те же идеалы и цели».

гулирование которых передано на уровень интеграционного объединения, свидетельствует о создании Союза на основе принципа верховенства права. Данный подход получил развитие и в практике Суда²³: в числе принципов, на основе которых действует Союз, поименовано верховенство права.

Идея верховенства права неразрывно связана с приверженностью ЕАЭС целям и принципам Устава ООН, а также другим общепризнанным принципам и нормам международного права, которая звучит в преамбуле и в статье 3 Договора о Союзе. Подобное правовое регулирование отражает идею о «встроенности» ЕАЭС в международное право, несмотря на наличие у него собственного «особого» правопорядка, и может рассматриваться как готовность Союза к взаимодействию с иными государствами и их объединениями. В пользу тезиса об открытости Союза международному праву свидетельствует и упоминание в преамбуле Договора его деятельности с учетом права ВТО. На предшествующих этапах соблюдение общепризнанных норм международного права, а также следование нормам и принципам ВТО фигурировали в Декларации о евразийской экономической интеграции от 18 ноября 2011 г., которая знаменовала переход к ЕЭП. Изложенное означает, что указанный подход является базисом всего процесса евразийской интеграции. Представляется, что сочетание автономности правопорядка и открытости международному праву и взаимодействию на международном уровне является сильной чертой ЕАЭС и выгодно отличает его, к примеру, от ЕС, который в большей степени сконцентрирован на идее собственной автономности.

Тезис о внутреннем рынке Союза как ценности евразийской интеграции следует из пункта 1 статьи 1 Договора о ЕАЭС, в котором учреждение ЕАЭС связано, в первую очередь, с обеспечением в его рамках свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы как элементов внутреннего рынка по смыслу пункта 2 статьи 28 Договора. При таких обстоятельствах внутренний рынок становится той основной целью, для достижения которой создано интеграционное объединение²⁴. Данный вывод подтверждает и ретроспективный взгляд на весь процесс евразийской интеграции, описанный в первом разделе настоящей статьи.

Признание внутреннего рынка ценностью ЕАЭС позволяет при применении метода телеологического толкования принять за основу данную цель как ключевую и соотносить с ней интерпретацию правовых норм.

Заключение

Проведенный анализ демонстрирует эволюцию идей интеграции на пространстве, возникшем после распада СССР. Примечательно, что возникновению интеграционного объединения в качестве Таможенного союза предшествовало длительное развитие межгосударственных отношений, резюмировавшихся созданием в пределах СНГ зоны свободной торговли. В свою очередь, появление Таможенного союза и ЕЭП стало своеобразной

²³ В консультативном заключении Суда ЕАЭС от 30 октября 2017 г. по делу № Р-3/17 «О свободном движении товаров».

²⁴ На это прямо указано в статье 4 Договора о Союзе.

реакцией государств – участников СНГ на неготовность их партнеров по данному объединению углублять свое взаимодействие.

Несмотря на почти тридцатипятилетнюю историю экономического взаимодействия государств, ее доктринальное осмысление в правовом ракурсе представляется недостаточным. Международные договоры, заключенные до тех, что сформировали Таможенный союз и ЕЭП, практически не анализировались в пределах отечественной доктрины как самостоятельный феномен. Право Таможенного союза и ЕЭП, а затем и ЕАЭС изучено в большей степени, но глубина подобного изучения неравномерна – проблематика общих вопросов правопорядка, соотношения с международным правом, общих ценностей интеграционного проекта требует углубленного анализа. Это утверждение справедливо и в аспекте конкретных сфер материально-правового регулирования в рамках Союза: таможенного дела, права конкуренции, мер защиты внутреннего рынка и других.

Требует теоретической проработки понятие «правовая интеграция», которую предлагается рассматривать в качестве создания правовых норм, общих для объединения государств и имеющих целью упорядочивание тех общественных отношений, в которых ранее действовали положения их внутригосударственного права.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бакаева О.Ю. 2012. Таможенный союз – Единое экономическое пространство – Евразийский экономический союз: этапы интеграции // Международное публичное и частное право. № 4. С. 7–9.

Боклан Д.С. 2015. Россия – колесные транспортные средства (О взимании «утилизационного сбора» в отношении автомобилей) // Право ВТО. № 1. С. 57–59.

Вельяминов Г.М. 2015. Международное право: опыты. Москва : Статут. 1005 с.

Гинзбург Ю.В. 2013. Эволюция форм экономической интеграции на постсоветском пространстве // Реформы и право. № 3. С. 9–12.

Доронина Н.Г. 1998. Унификация и гармонизация права в условиях международной интеграции // Журнал российского права. № 6. С. 53–67.

Дьяченко Е.Б. 2015. Эволюция евразийской интеграции // Закон. № 2. С. 137–158.

Дьяченко Е.Б. 2020. Судебный активизм и его роль в практике международных судов // Международное правосудие. № 2. С. 103–125. DOI 10.21128/2226-2059-2020-2-103-125

Дьяченко Е.Б. 2021. Таможенный союз и Единое экономическое пространство как основа евразийской интеграции // Суд Евразийского экономического союза и становление права ЕАЭС: моногр. / А.Н. Савенков, К.Л. Чайка, Е.Б. Дьяченко, К.В. Энтин. Москва : Проспект. С. 52–55.

Дьяченко Е.Б. 2023. Отправление правосудия в судах интеграционных объединений : дис. д-ра юрид. наук. Москва. 433 с.

Дьяченко Е.Б., Энтин К.В. 2017. Компетенция Суда Евразийского экономического союза: мифы и реальность // Международное правосудие. № 3. С. 76–95. DOI 10.21128/2226-2059-2017-3-76-95

Дьяченко Е.Б., Энтин К.В. 2018. Свойства права Евразийского экономического союза сквозь призму практики Суда ЕАЭС // Журнал российского права. № 10. С. 123–133. DOI 10.12737/art_2018_10_12

Дьяченко Е.Б., Энтин К.В. 2021. Роль консультативных заключений Суда ЕАЭС в развитии права конкуренции Евразийского экономического союза // Право. Журнал Высшей школы экономики. № 4. С. 177–204. DOI 10.17323/2072-8166.2021.4.177.204

Захарова Л.И. 2020. Влияние Консультативного заключения суда ЕАЭС от 7 декабря 2018 года на осуществление трудовой деятельности профессиональных спортсменов // Международное правосудие. № 1. С. 97–106. DOI 10.21128/2226-2059-2020-1-97-106

Капустин А.Я. 2004. Понятие, предмет, источники и субъекты права международных организаций // Лекции по актуальным проблемам международного и европейского права / под ред. Л.Н. Галенской, М.Л. Энтина. Санкт-Петербург : Россия-Нева. С. 113–156.

Капустин А.Я. 2015. Право Евразийского экономического союза: международно-правовой дискурс // Журнал российского права. № 11. С. 59–69.

Каширкина А.А., Морозов А.Н. 2015. Развитие евразийской интеграции в контексте процессов глобализации и регионализации // Международное право и международные организации. № 2. С. 231–245. DOI 10.7256/2226-6305.2015.2.14762

Кашкин С.Ю. (отв. ред.) 2014. Интеграционное правосудие: сущность и перспективы: монография / П.А. Калинин, С.Ю. Кашкин, Я.С. Кожеуров и др.; отв. ред. С.Ю. Кашкин. Москва : НОРМА : ИНФРА-М. 110 с.

Кембаев Ж.М. 2016. Региональная интеграция в Евразии: основные признаки, проблемы и перспективы // Российский юридический журнал. № 2. С. 32–45.

Корф Д.В. 2011. Таможенное законодательство о стране происхождения товаров // Реформы и право. № 1. С. 12–22.

Лисицын-Светланов А.Г. (гл. ред.) 2018. Механизм разрешения споров в региональных интеграционных группировках на примере Европейского союза, ЕАЭС, АСЕАН, МЕРКОСУР, НАФТА и в ГАТТ/ВТО / Г.М. Вельяминов, Н.Н. Вознесенская, У. Клинке и др.; гл. ред. А.Г. Лисицын-Светланов. Москва : Междунар. отношения. 406 с.

Михалёва Т.Н., Берман А.М. 2023. Единый рынок Евразийского экономического союза: de jure, de facto, de lege ferenda // Вестник Пермского университета. Юридические науки. № 62. С. 673–688. DOI 10.17072/1995-4190-2023-62-673-688

Нешатаева Т.Н. 2023. Евразийский экономический союз: органы, практика, право // Журнал российского права. Т. 23, № 5. С. 187–201. DOI 10.12737/jrp.2023.061

Пономарева К.А. 2018. Акты наднационального права как основа правового режима налогообложения прибыли доходов в ЕС и ЕАЭС // Финансовое право. № 3. С. 25–29.

Савенков А.Н. и др. 2021. Суд Евразийского экономического союза и становление права ЕАЭС: моногр. / А.Н. Савенков, К.Л. Чайка, Е.Б. Дьяченко, К.В. Энтин. Москва : Проспект. 352 с.

Сидорова Е.Ю., Артемьев А.А. 2022. Система нормативно-правового регулирования в сфере таможенного налогообложения, действующая в России // Хозяйство и право. № 9. С. 106–120. DOI 10.18572/0134-2398-2022-9-106-120

Соколов А.Ю., Дехтярь И.Н. 2019. К вопросу о полномочиях ЕЭК по применению мер административного принуждения в связи с нарушениями антимонопольного законодательства // Административное право и процесс. № 7. С. 61–64.

Соколова А.Н. 2016. Укрепление региональной интеграции: судебное влияние // Актуальные проблемы российского права. № 10(71). С. 181–189. DOI 10.17803/1994-1471.2016.71.10.181-189

Трунина Е.В. 2016. Интерпретационные акты Евразийской экономической комиссии в контексте судебной практики // Вестник арбитражной практики. № 4. С. 62–70.

Чайка К.Л. 2018. Международно-правовые подходы в практике Суда Евразийского экономического союза // Журнал российского права. № 11. С. 138–151. DOI 10.12737/art_2018_11_14

Чайка К.Л. 2020а. Правовые ценности и их влияние на таможенное регулирование Евразийского экономического союза // Вестник Российской таможенной академии. № 1 (50). С. 60–66.

Чайка К.Л. 2020b. Роль общих ценностей Евразийского экономического союза в становлении и развитии права интеграционного объединения // Журнал российского права. № 5. С. 148–157. DOI 10.12737/jrl.2020.062

Чайка К.Л. 2022. Суды интеграционных объединений среди иных органов международного правосудия : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.10. Москва. 420 Л.

Чиркин В.Е. 2015. Верховенство права: современные варианты терминологии // Журнал российского права. № 12. С. 5–11. DOI 10.12737/16624

Шинкарецкая Г.Г. 2012. Суд Евразийского экономического сообщества и Таможенного союза // Международное правосудие. № 1. С. 98–106.

Энтин К.В. 2021. Роль международных договоров и международного обычного права в правовом порядке ЕС и ЕАЭС // Международное правосудие. № 1(37). С. 102–130. DOI 10.21128/2226-2059-2021-1-102-130

Энтин К.В. 2022а. Влияние правовых позиций Суда Евразийского экономического союза на правоприменительную практику российских судов по таможенным спорам // Вестник Российской таможенной академии. № 3. С. 56–64. DOI 10.54048/20727240_2022_03_56

Энтин К.В. 2022b. Общие принципы права интеграционных объединений как тайное оружие Суда ЕС и Суда ЕАЭС // Международное правосудие. № 2(42). С. 64–83. DOI 10.21128/2226-2059-2022-2-64-83

Энтин К.В., Пиркер Б. 2020. Свободное движение лиц в ЕАЭС: между *Civis Eurasiaticus* и *Homo Oeconomicus* // Международное правосудие. № 1 (33). С. 79–96. DOI 10.21128/2226-2059-2020-1-79-96

Энтин Л.М., Энтин М.Л. (отв. ред.) 2018. Европейское право. Основы интеграционного права Европейского союза и Евразийского экономического союза : учебник / М.М. Бирюков, Л.М. Энтин, Е.А. Торкунова и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. Л.М. Энтин, М.Л. Энтин. Москва : Норма : Инфра-М. 528 с.

Юмашев Ю.М. 1989. Внешнеэкономические связи ЕЭС: правовые аспекты : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.10. Москва. 41 с.

Balassa B. 1961. *The Theory of Economic Integration*. Homewood, Ill. : R.D. Irwin. 304 p.

Closa C., Casini L. 2016. *Comparative regional integration: Governance and Legal Models*. Cambridge : Cambridge Univ. Press. 525 p.

Helfer L.R., Alter K.J., Guertzovich, M.F. 2009. *Islands of Effective International Adjudication: Constructing an Intellectual Property Rule of Law in the Andean Community* // *American Journal of International Law*. Vol. 103, iss. 1. P. 1–47. DOI 10.2307/20456720

Jesse N.G., Williams K.P. 2012. *Identity and institutions: Conflict Reduction in Divided Societies*. Albany, NY : State Univ. of New York Press. 208 p.

Klabbers J. 2015. *An Introduction to International Institutional Law*. 3rd ed. Cambridge : Cambridge Univ. Press. 424 p.

Tinbergen J. 1954. *International Economic Integration*. 2nd ed., rev. Amsterdam : Elsevier. 191 p.

Zamburlini I., Lorenzini S., Umberto T.U. (eds.) 2021. *The Human Rights Breakthrough of the 1970s: The European Community and international relations*. London ; New York : Bloomsbury Academic. 280 p.

References

Bakaeva O.Yu. *Tamozhennyi soyuz – Edinoe ekonomicheskoe prostranstvo – Evraziyskiy ekonomicheskii soyuz: etapy integratsii* [Customs Union – Common Economic Space –

Eurasian Economic Union: Stages of Integration], *Public International and Private International Law*, 2012, no. 4, pp. 7–9. (in Russ.).

Balassa B. *The Theory of Economic Integration*, Homewood, Ill., R.D. Irwin, 1961, 304 p.

Boklan D.S. *Rossiya – kolesnye transportnye sredstva (O vzimanii «utilizatsionnogo sbora» v otnoshenii avtomobiley)* [Russia – Wheeled Vehicles (On the Collection of a “Recycling Fee” for Cars)], *Pravo VTO*, 2015, no. 1, pp. 57–59. (in Russ.).

Chaika K.L. Legal Values and Their Impact on Customs Regulation of the Eurasian Economic Union, *Vestnik Rossiyskoy Tamozhennoy Akademii*, 2020, no. 1(50), pp. 60–66. (in Russ.).

Chayka K.L. International Legal Approaches in the Practice of the Court of the Eurasian Economic Union, *Journal of Russian Law*, 2018, no. 11, pp. 138–151. https://doi.org/10.12737/art_2018_11_14 (in Russ.).

Chayka K.L. *Sudy integratsionnykh ob'edineniy sredi inykh organov mezhdunarodnogo pravosudiya : dis. ... d-ra yurid. nauk : 12.00.10* [Courts of Integration Associations Among Other Bodies of International Justice: Dissertation], Moscow, 2022, 420 l. (in Russ.).

Chayka K.L. The Role of the EAEU Common Values in the Formation and Development of the Integration Association's Law, *Journal of Russian Law*, 2020, no. 5, pp. 148–157. <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.062> (in Russ.).

Chirkin V.E. Supremacy of Law: Contemporary Terminology, *Journal of Russian Law*, 2015, no. 12, pp. 5–11. <https://doi.org/10.12737/16624> (in Russ.).

Closa C., Casini L. *Comparative regional integration: Governance and Legal Models*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2016, 525 p.

Doronina N.G. *Unifikatsiya i garmonizatsiya prava v usloviyakh mezhdunarodnoy integratsii* [Unification and Harmonization of Law in the Context of International Integration], *Journal of Russian Law*, 1998, no. 6, pp. 53–67. (in Russ.).

Dyachenko E. Judicial Activism and its Role in Case-Law of International Court, *International Justice*, 2020, no. 2, pp. 103–125. <https://doi.org/10.21128/2226-2059-2020-2-103-125> (in Russ.).

Dyachenko E.B. Evolution of the Eurasian Integration, *Statute*, 2015, no. 2, pp. 137–158. (in Russ.).

Dyachenko E.B. *Otpravlenie pravosudiya v sudakh integratsionnykh ob'edineniy : dis. d-ra yurid. nauk* [Administration of Justice in the Courts of Integration Associations: Dissertation], Moscow, 2023, 433 p. (in Russ.).

Dyachenko E.B. *Tamozhennyi soyuz i Edinoe ekonomicheskoe prostranstvo kak osnova evraziyskoy integratsii* [The Customs Union and the Single Economic Space as the Basis of Eurasian Integration], Savenkov A.N., Chayka K.L., Dyachenko E.B., Entin K.V. *Sud Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza i stanovlenie prava EAES: monogr.*, Moscow, Prospekt, 2021, pp. 52–55. (in Russ.).

Dyachenko E.B., Entin K.V. Competence of the Eurasian Economic Union Court: Myths and Realities, *International Justice*, 2017, no. 3, pp. 76–95. <https://doi.org/10.21128/2226-2059-2017-3-76-95> (in Russ.).

Dyachenko E.B., Entin K.V. Properties of the EAEC Law Through the Prism of the Practice of the Court of the Eurasian Economic Union, *Journal of Russian Law*, 2018, no. 10, pp. 123–133. https://doi.org/10.12737/art_2018_10_12 (in Russ.).

Dyachenko E.B., Entin K.V. The Role of the EAEU Court's Advisory Opinions in Development of the Eurasian Economic Union's Competition Law, *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2021, no. 4, pp. 177–204. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2021.4.177.204> (in Russ.).

Entin K. General Principles of Integration Law as a Secret Weapon of the Cjeu and of the Eurasian Economic Union Court, *International Justice*, 2022, no. 2(42), pp. 64–83. <https://doi.org/10.21128/2226-2059-2022-2-64-83> (in Russ.).

Entin K. The Role of International Agreements and International Customary Law in the EU and EAEU Legal Orders, *International Justice*, 2021, no. 1(37), pp. 102–130. <https://doi.org/10.21128/2226-2059-2021-1-102-130> (in Russ.).

Entin K., Pirker B. Free Movement of People in the Eaeu: Between Civis Eurasiaticus and Homo Oeconomicus, *International Justice*, 2020, no. 1(33), pp. 79–96. <https://doi.org/10.21128/2226-2059-2020-1-79-96> (in Russ.).

Entin K.V. The Influence of the Eurasian Economic Union Court's Legal Findings on the Case Law of Russian Courts in Customs Disputes, *Vestnik Rossiyskoy Tamozhennoy Akademii*, 2022, no. 3, pp. 56–64. https://doi.org/10.54048/20727240_2022_03_56 (in Russ.).

Entin L.M., Entin M.L. (Resp. eds.) *Evropeyskoe pravo. Osnovy integratsionnogo prava Evropeyskogo soyuza i Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza : uchebnik* [European Law. Fundamentals of the Integration Law of the European Union and the Eurasian Economic Union : textbook], Moscow, Norma, Infra-M, 2018, 528 p. (in Russ.).

Ginzburg Yu.V. *Evolutsiya form ekonomicheskoy integratsii na postsovetском prostranstve* [The Evolution of Forms of Economic Integration in the Post-Soviet Space], *Reformy i Parvo*, 2013, no. 3, pp. 9–12. (in Russ.).

Helfer L.R., Alter K.J., Guertzovich, M.F. Islands of Effective International Adjudication: Constructing an Intellectual Property Rule of Law in the Andean Community, *American Journal of International Law*, 2009, vol. 103, iss. 1, pp. 1–47. <https://doi.org/10.2307/20456720>

Jesse N.G., Williams K.P. *Identity and institutions: Conflict Reduction in Divided Societies*, Albany, NY, State Univ. of New York Press, 2012, 208 p.

Kapustin A.Ya. *Ponyatie, predmet, istochniki i sub'ekty prava mezhdunarodnykh organizatsiy* [The Concept, Subject, Sources and Subjects of the Law of International Organizations], *Galenskaya L.N., Entin M.L. (Eds.), Lektsii po aktual'nykh problemam mezhdunarodnogo i evropeyskogo prava*, St. Petersburg, Rossiya-Neva, 2004, pp. 113–156. (in Russ.).

Kapustin A.Ya. The Law of Eurasian Economic Union: International Legal Discourse, *Journal of Russian Law*, 2015, no. 11, pp. 59–69. (in Russ.).

Kashirina A.A., Morozov A.N. *Razvitiye evraziyskoy integratsii v kontekste protsessov globalizatsii i regionalizatsii* [The Development of Eurasian Integration in the Context of Globalization and Regionalization Processes], *International Law and International Organizations*, 2015, no. 2, pp. 231–245. <https://doi.org/10.7256/2226-6305.2015.2.14762> (in Russ.).

Kashkin S.Yu. (Resp. ed.) *Integratsionnoye pravosudie: sushchnost' i perspektivy: monografiya* [Integration Justice: the Essence and Prospects], Moscow, NORMA, INFRA-M, 2014, 110 p. (in Russ.).

Kembayev Zh.M. Regional Integration in Eurasia: The Main Features, Problems, and Prospects, *Russian Juridical Journal*, 2016, no. 2, pp. 32–45. (in Russ.).

Klabbers J. *An Introduction to International Institutional Law*, 3rd ed., Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2015, 424 p.

Korf D.V. *Tamozhennoye zakonodatel'stvo o strane proiskhozhdeniya tovarov* [Customs Legislation on the Country of Origin of Goods], *Reformy i parvo*, 2011, no. 1, pp. 12–22. (in Russ.).

Lisitsyn-Svetlanov A.G. (Gen. ed.) *Mekhanizm razresheniya sporov v regional'nykh integratsionnykh gruppirovka kha na primere Evropeyskogo soyuza, EAES, ASEAN, MERKOSUR, NAFTA i v GATT/VTO* [Dispute Resolution Mechanism in Regional Integration Groupings on the Example of the European Union, EAEU, ASEAN, MERCOSUR, NAFTA and GATT/WTO], Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2018, 406 p. (in Russ.).

Mikhaleva T.N., Berman A.M. Single Market of the Eurasian Economic Union: De jure, de facto, de lege ferenda, *Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2023, no. 62, pp. 673–688. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2023-62-673-688> (in Russ.).

Neshataeva T.N. Eurasian Economic Union: Bodies, Practice, Law, *Journal of Russian Law*, 2023, vol. 23, no. 5, pp. 187–201. <https://doi.org/10.12737/jrp.2023.061> (in Russ.).

Ponomareva K.A. Supranational Legal Acts as a Basis of the Legal Regime of Profit and Income Taxation in the EU and the EAEU, *Financial Law*, 2018, no. 3, pp. 25–29. (in Russ.).

Savenkov A.N., Chayka K.L., Dyachenko E.B., Entin K.V. *Sud Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza i stanovlenie prava EAES: monogr.* [The Court of the Eurasian Economic Union and the formation of the EAEU law: a monograph], Moscow, Prospekt, 2021, 352 p. (in Russ.).

Shinkaretskaya G. Court of the Eurasian Economic Community and the Customs Union, *International Justice*, 2012, no. 1, pp. 98–106. (in Russ.).

Sidorova E.Yu., Artemyev A.A. The System of Statutory Regulation in the Customs Taxation Sphere Applicable in Russia, *Economy and Law*, 2022, no. 9, pp. 106–120. <https://doi.org/10.18572/0134-2398-2022-9-106-120> (in Russ.).

Sokolov A.Yu., Dekhtyar I.N. On the ECE Authorities to Apply Administrative Coercion Measures with Regard to Violations of Antimonopoly Laws, *Administrativnoe Pravo i Protsess*, 2019, no. 7, pp. 61–64. (in Russ.).

Sokolova A.N. Strengthening Regional Integration: The Influence of Courts, *Actual Problems of Russian Law*, 2016, no. 10(71), pp. 181–189. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2016.71.10.181-189> (in Russ.).

Tinbergen J. *International Economic Integration*, 2nd ed., rev., Amsterdam, Elsevier, 1954, 191 p.

Trunina E.V. Interpretative Acts of the Eurasian Economic Commission in the Context of Judicial Practice, *Vestnik Arbitrazhnoy Praktiki*, 2016, no. 4, pp. 62–70. (in Russ.).

Velyaminov G.M. *Mezhdunarodnoe pravo: opyty* [International Law: Experiments], Moscow, Statut, 2015, 1005 p. (in Russ.).

Yumashev Yu.M. *Vneshneekonomicheskie svyazi EES: pravovye aspekty : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk : 12.00.10* [External Economic Relations of the UES: Legal Aspects: Abstr. of diss.], Moscow, 1989, 41 p. (in Russ.).

Zakharova L.I. Impact of the Advisory Opinion of the Court of the Eurasian Economic Union of 7 December 2018 on the Work of Professional Athletes, *International Justice*, 2020, no. 1, pp. 97–106. <https://doi.org/10.21128/2226-2059-2020-1-97-106> (in Russ.).

Zamburlini I., Lorenzini S., Umberto T.U. (Eds.) *The Human Rights Breakthrough of the 1970s: The European Community and international relations*, London, New York, Bloomsbury Academic, 2021, 280 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Екатерина Борисовна Дьяченко

Доктор юридических наук, старший научный сотрудник Института государства и права РАН, советник Председателя Суда ЕАЭС; г. Москва, Россия;
SPIN-код: 4762-3011;
E-mail: dyachenkoeb@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina B. Dyachenko

Doctor of Law, Senior Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Advisor to the Chairman of the EAEU Court;
Moscow, Russia;
SPIN-code: 4762-3011;
E-mail: dyachenkoeb@gmail.com

Доурадо Роша Г., Карнеро Арройо Э., Отрашевская А.М. Защита прав коренных народов Перу в контексте Межамериканской системы защиты прав человека // Антиномии. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 238-259. https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_1_238

УДК 341.231.14

DOI 10.17506/26867206_2025_25_1_238

Защита прав коренных народов Перу в контексте Межамериканской системы защиты прав человека

Габриел Доурадо Роша

Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы
г. Москва, Россия
E-mail: gabriel_drocha@hotmail.com

Эна Карнеро Арройо

Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы
г. Москва, Россия
E-mail: enacarnero@hotmail.com

Анастасия Михайловна Отрашевская

Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы
г. Москва, Россия
E-mail: a.otrashevskaya@gmail.com

*Поступила в редакцию 24.11.2023, поступила после рецензирования 10.01.2025,
принята к публикации 04.02.2025*

В работе освещается деятельность Межамериканской системы защиты прав человека в области защиты прав коренных народов Перу. Анализируются особенности и ее практическая деятельность, в ходе которой оказывается воздействие на правовые системы отдельных государств региона и их коренных народов. Как правило, основные исследования касаются решения Межамериканского суда по правам человека по спорным делам, однако в предшествующих исследованиях не уделялось должного внимания работе Межамериканской комиссии по правам человека и Межамериканского индигенистского института. В статье на конкретных примерах рассматривается роль Межамериканского суда в делах «Каяра», «Община Сан-Матео-де-Уанчор и ее члены», «Сельская община Санта-Барбара» и «Жители Ла-Оройя», в рамках

© Доурадо Роша Г., Карнеро Арройо Э., Отрашевская А.М., 2025

которых для Перу были разработаны меры по увеличению эффективности защиты прав коренных народов. Кроме этого, в работе приводятся несколько исторических фактов, касающихся отношения Перу к праву коренных народов в рамках Межамериканской системы защиты прав человека. В значительной степени анализ функционирования этой системы применительно к Перу касается решения Межамериканского суда по делу «Сельская община Санта-Барбара», однако опускается деятельность Межамериканской комиссии в отношении других кейсов и защиты иных этнических прав, к примеру, тех, которые связаны с гендерными вопросами или правом на добровольную изоляцию. Таким образом, в статье анализируется защита прав коренных народов Перу в Межамериканской системе защиты прав человека с целью выявления ее основных элементов и стандартов защиты этих прав. В заключении делается вывод о том, что современное регулирование прав и основных свобод коренных народов в Перу должно соответствовать стандартам Межамериканской комиссии.

Ключевые слова: Американская декларация о правах коренных народов; Американская декларация прав и обязанностей человека; индихенизм; Межамериканская система защиты прав человека; Межамериканская комиссия по правам человека; Перу; права коренных народов

Protection of Indigenous Peoples' Rights in Peru: An Analysis Within the Inter-American Human Rights Framework

Gabriel Dourado Rocha

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Moscow, Russia
E-mail: gabriel_drocha@hotmail.com

Ena Carnero Arroyo

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Moscow, Russia
E-mail: enacarnero@hotmail.com

Anastasia M. Otrashkevskaya

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Moscow, Russia
E-mail: a.otrashevskaya@gmail.com

Received 24.11.2023, revised 10.01.2025, accepted 04.02.2025

Abstract: This article examines the activities of the Inter-American Human Rights System in protecting the Rights of Indigenous Peoples in Peru. The analysis of Indigenous Peoples' Rights is evolving alongside the practical activities of the system, significantly influencing the legal frameworks of American States and their Indigenous populations. While much of the existing literature focuses on the verdicts of the Inter-American Court of Human Rights in controversial cases, previous studies have often overlooked the contributions of the Inter-American Commission on Human Rights and the Inter-American Indigenist Institute. The article analyses specific cases, including "Cayara", "Community

of San Mateo de Huanchor and its members”, “Rural Community of Santa Barbara” and “Community of La Oroya”, highlighting how these cases have led to measures aimed at enhancing the effectiveness of the Indigenous Rights protection in Peru. In addition, it explores historical aspects of Peru's relationship with Indigenous Peoples' law within the framework of the Inter-American system for Human Rights protection. While much attention has been given to the Inter-American Court of Human Rights' ruling the case of “Rural Community of Santa Barbara”, an insufficient attention has been paid to the work of the Inter-American Commission regarding other cases and various ethnic rights, including gender-related issues and rights concerning voluntary isolation. Thus, this article aims to identify key elements and conclusions regarding standards of protecting the Rights of Peruvian Indigenous Peoples within the Inter-American System. In conclusion, it emphasizes that contemporary regulations governing these rights and fundamental freedoms must align with definitions established by the Inter-American Commission.

Keywords: American Declaration on the Rights of Indigenous Peoples; American Declaration of the Rights and Duties of Man; Indigenism; Inter-American Human Rights System; Inter-American Commission on Human Rights; Peru; Indigenous Rights

For citation: Dourado Rocha G., Carnero Arroyo E., Otrasevskaya A.M. Protection of Indigenous Peoples' Rights in Peru: An Analysis Within the Inter-American Human Rights Framework, *Antinomies*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 239-259. (in Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_1_239

Введение

Развитие прав коренных народов Перу имеет долгую и непростую историю. Процесс колонизации Перу означал трагический сценарий для коренного населения. К 1620 г., по некоторым подсчетам, на территории современного Перу коренное население сократилось на 92%. С другой стороны, по официальным данным 2017 г., 26% населения страны идентифицируют себя как «коренные народы» или «коренные жители». В настоящее время насчитывается 55 коренных народов, из которых 51 проживает в районе Амазонки и 4 в Андах. 18 из всего числа коренных народов, проживающих в Амазонии, а также кечуа и аймара (Анды) находятся в «первоначальном контакте»¹ с перуанским обществом.

Нарушение прав коренных народов в Перу представлено не только на уровне трудовых отношений, так как только 11 % из них имеет офици-

¹ Термины «первоначальный контакт», «добровольная изоляция» и «отказ от контакта» в отношении коренных народов «оставшихся на родах», которые «не были колонизированы и не имеют постоянных связей с преобладающими сегодня национальными обществами» используется МКПЧ для того, чтобы подчеркнуть право этих народов на самоопределение, учитывая, что решение оставаться в изоляции является легальным и легитимным выражением автономии этих коренных народов (см.: CIDH. Povos indígenas em isolamento voluntário e contato inicial nas Américas: Recomendações para o respeito integral a seus direitos humanos. Aprovado pela Comissão Interamericana de Derechos Humanos em 30 de dezembro de 2013, p. 05-06. ISBN 978-0-8270-6327-3, preparado pela Relatoria sobre os Direitos dos Povos Indígenas da Comissão Interamericana de Derechos Humanos. URL: <https://www.oas.org/pt/cidh/relatorios/pdfs/informe-sobre-pueblos-en-aislamiento-port.pdf>).

альную работу, но также связано с соблюдением других этнических прав, таких как: право на гендерное равенство или право на добровольную изоляцию, чему сегодня не уделяется достаточного внимания со стороны Межамериканской системы защиты прав человека (далее – МСЗПЧ). Приведем несколько исторических фактов в отношении Перу, касающихся прав коренных народов в МСЗПЧ. На конкретных примерах рассмотрим ее роль в делах «Каяра», «Община Сан-Матео-де-Уанчор и ее члены», «Сельская община Санта-Барбара», «Сельская община Санта-Барбара» и «Жители Ла-Оройя».

Авторы статьи 17 ноября 2023 г. приняли участие в Перуанском конгрессе прав человека и 13 апреля 2024 г. в юбилейном XX конгрессе «Блищенковские чтения», в связи с чем работа в той или иной степени является результатом научной дискуссии в ходе упомянутых выше мероприятий, что также обусловило факт избрания в качестве предмета исследований системы защиты прав коренных народов Перу.

Перу и защита прав коренных народов в рамках МСЗПЧ

Широкое признание прав коренных народов в межамериканской практике не происходило независимо, а скорее является результатом обширного опыта, приобретенного не только в рамках Организации американских государств (далее – ОАГ), но и у ее предшественника – Панамериканского союза, в рамках которого VIII Панамериканская конференция, состоявшаяся в 1932 г. в г. Лиме (Перу), рекомендовала создание Межамериканского института для исследования морального и материального положения коренных народов американского континента. Во исполнение этого в 1940 г. был проведен I Межамериканский индихенистский конгресс (далее – МИК или Конгресс) и создан Межамериканский индихенистский институт (далее – МИИ или Институт), функционировавший в г. Мехико (Мексика) до его роспуска в 2009 г.

А.А. Шинкаренко разделяет данный процесс (индихенизм), в рамках которого специалисты предприняли попытку периодизации межнациональных отношений, на следующие этапы (Шинкаренко 2010). Первый – преиндихенизм, протекавший во второй половине XIX в., второй пришелся на 1910–1940-е гг., на период «интеллектуальных кружков», а третий этап, или так называемый «период официального индихенизма», начался с проведения МИК в 1940 г. в г. Пацкуаро (Мексика). А.А. Шинкаренко также отмечает, что мексиканский опыт индихенизма воспринимался как эталон в государствах Андской зоны (там же). Действительно, мексиканский индихенизм играл важную роль в основании МИК. Кроме того, этот опыт регионального сотрудничества стал примером для Андской программы Международной организации труда (далее – МОТ) с 1952 по 1972 гг. и для признания Конвенции № 107² данной организации (Dourado 2022).

² Текст Конвенции № 107 «О защите и интеграции коренного и другого населения, ведущего племенной и полуплеменной образ жизни, в независимых странах»

Авторы статьи, несмотря на существование термина «общинное право» и дискуссии касательно употребления термина «права коренных народов», сочли необходимым использовать в заголовке выражение «защита прав коренных народов Перу», поскольку большинство кейсов в рамках международного права содержат такое название (Костогрызов 2019: 76).

Не менее важно упомянуть дискуссию в контексте так называемых латиноамериканских общинных исследований (в широком смысле), которые за более чем вековой период развития получили другую периодизацию по сравнению с «индихенизмом», являющимся более узким определением. В Перу в XX в. росло число общин, и большинство из них появилось непосредственно после 1920 г. в прибрежной и высокогорной частях страны, когда была изменена государственная политика, вследствие чего крестьянам стало выгодно организовываться в общины и регистрировать их в органах власти (Костогрызов 2022: 118), что совпадает с началом латиноамериканских общинных исследований.

Существует также периодизация схожего, но не одинакового, явления на основании материалов этнографии Перу. Перуанскими этнографами К. Де-Грегори, Р. Пахуэло и Ф. Феррейра были сформулированы четыре периода в изучении общинных институтов в Андах: «ранние исследования» (до начала 1930-х гг.); «золотой век» (1930–1960-е гг.); «великая трансформация» (1960–1980-е гг.) и «тематическая диверсификация» (1980–1990-е гг.). Авторы статьи разделяют взгляд П.И. Костогрызова, который считает, что, несмотря на небольшие различия в определении временных рамок отдельных периодов в разных странах, периодизацию можно распространить на весь макрорегион, потому что общинные исследования в Латинской Америке в целом испытывали аналогичные интеллектуальные влияния и прошли через последовательное доминирование сменяющих друг друга одних и тех же методологических концепций (Костогрызов 2022).

Кроме того, в сфере межамериканского индихенизма в некоторых случаях важная роль отводится Перу. МИК позволил перуанским индихенистам Х.М. Аргедасу, Х.А. Энсиасу и Х.К. Посо более детально ознакомиться с проблемами, связанными с образованием коренных народов и сельскими школами (Giraud 2011: 41).

Во исполнении п. 10 второй статьи Конвенции Пацкуаро 15 мая 1946 г. был создан Перуанский институт индихенизма, через три года был проведен второй МИК в г. Куско (Перу), на котором были приняты резолюции, не соответствующие идеям первого МИК. Например, прозвучало мнение о том, что самоидентификация является основным критерием принадлежности к коренным народам. Индихенисты того периода также сфор-

состоит из 37 статей. Документ призван способствовать «интеграции» коренного населения в жизнь доминирующего общества и «развитию» в западном понимании, с чем не были согласны коренные народы. Несмотря на это, Конвенцию № 107 ратифицировали Перу и еще 26 стран, однако перуанское правительство в 1994 г. при ратификации денонсировало ее обновленную версию – Конвенцию № 169 (более подробно она будет рассмотрена далее).

мулировали новое определение индейцев: «наследники доколумбовых цивилизаций с особыми традициями, языками и укладом жизни» (Шинкаренко 2011: 81).

Конвенция Пацкуаро 1940 г. постановила, что конгресс должен проводиться каждые четыре года, однако на практике встречи носили нерегулярный характер вплоть до одиннадцатого МИК в г. Манагуа (Никарагуа) в 1993 г., когда руководителем МИИ был перуанский антрополог Х.М. Мар (с 1989 по 1997 гг.). В ходе работы мероприятия был выдвинут тезис о полном пересмотре Конвенции Пацкуаро для реструктуризации и усиления Межамериканской системы индихенизма (Шинкаренко 2010: 37). Вплоть до 1999 г. были предприняты попытки реформировать МИИ через преобразование учредительной конвенции, с целью фиксации обязательного участия коренных народов в работе МИИ. Планировалось провести двенадцатый конгресс в 1999 г., однако он не состоялся ввиду отсутствия поддержки со стороны всех государств-членов ОАГ.

В свою очередь, несмотря на то что на современном этапе число сторонников официального индихенизма резко уменьшилось и на смену пришли адепты «индеанизма» и «этноразвития» со значительной критикой ассимиляционных процессов (Шинкаренко 2011: 86), опыт в рамках ОАГ был примером для признания прав коренных народов в разных странах региона в конце XX в.

В начале работы МИИ участники первого конгресса практически единодушно полагали, что коренные американцы были «социально и экономически недееспособные индивиды», однако изменения во взглядах по данному вопросу заметны ввиду того, что основным элементом деятельности института стали государственные образовательные программы. Это в межамериканских организациях является «первыми попытками» сохранения их идентичности при интеграции ненасильственным путем с момента начала колонизации региона (Шинкаренко 2011: 86).

Упомянутый выше опыт образовательных программ позже активно применялся в рамках МОТ при реализации Андской программы. В Перу после 1940-х гг. индихенизм потерял свою важность в обществе, однако в 1960 г. была ратифицирована Конвенция МОТ № 107, и с 1952 по 1972 гг. организация реализовывала Андскую программу на юге страны. Официальный индихенизм повторно возник в 1970-х гг. при правительстве Х. Веласко Альварадо (1968–1975), который через государственную политику обратился к борьбе с землевладельцами и олигархией (Gonzales 2012).

Следует отметить, что принятые конституции 1979 и 1993 гг. признавали права коренных народов Перу, но в различных контекстах и формулировках. Важно упомянуть, что Перу ратифицировало Американскую конвенцию о правах человека и признал юрисдикцию Межамериканского суда по правам человека (далее – МСПЧ, Международный суд, Суд) в соответствии с 16 общими и переходными положениями Конституции 1979 г.

Кроме того, в 1994 г. Перу ратифицировало Дополнительный протокол об экономических, социальных и культурных правах к Пакту Сан-Хосе

в 1995 г. и Межамериканскую конвенцию о предупреждении и искоренении насилия в отношении женщин и наказании за него (Конвенция Белен-дупара 1994 г.) в 1996 г.

Конституция 1993 г. базировалась на принципах этнического плюрализма, признавала существование коренного населения как субъекта политики и гарантировало право использовать родной язык через переводчика, что было закреплено в статье 2, пункт 19.

Таким образом, на данный момент права и обязанности коренных народов в Перу более детально были зафиксированы законодательно в соответствии с подходом о том, что коренные народы рассматриваются не как индивиды, а как часть общины конкретного коренного народа (Анаидзе 2000).

В частности, было установлено билингвальное и мультикультурное обучение в зависимости от района проживания конкретного этноса, кроме испанского официальными языками признавались кичуа и аймара (в районах их доминирования) и другие индейские наречия, а также диалекты (Шинкаренко 2009: 69).

Несмотря на вышесказанное, в Конституции Перу 1993 г. упоминаются «сельские и коренные общины» (исп. *comunidades campesinas y nativas*), а не «коренные народы», что следует рассматривать как наследие мер Х. Веласко Альварадо, который запретил использование термина «коренной народ», заменив его «сельскими общинами» и закрыл Перуанский институт индихенизма, но в то же время проявил внимание к требованиям коренных народов прошлых лет. К примеру, к таким, как официальное признание языка кечуа (Masferrer 1986). В дальнейшем, когда коренные народы Перу обратились к МСЗПЧ, термин «сельские общины» также использовался для обозначения общин коренных народов, в докладе № 62/14 Межамериканской комиссии по правам человека (далее – МКПЧ, Комиссия), которая приняла к рассмотрению петицию, поданную жителями г. Кишке-Тапайриуа против Перу. Заявитель утверждает, что перуанское законодательство признает и классифицирует коренные общины как «крестьянские общины» для тех народов, которые живут в Андской зоне и «туземные сообщества» для народов, населяющих перуанскую Амазонку³. Окончательных сведений по данному делу до сих пор нет, поэтому он не анализируется в работе.

Другим значимым аспектом стало признание Конвенции МОТ №169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах от 1989 г.», направленной на отказ от ассимиляционистского подхода Конвенции № 107, и попытка регулирования свободного, предварительного и осознанного согласия коренных народов, т.е. определять, как должны осуществляться закрепленные в конвенции меры консультаций, посредством исполнения перуанского закона № 29.785, который был при-

³ CIDH. Informe no. 62/14 Petición 1216-03 Admisibilidad. Pobladores de Quishque-Tapayrihua Perú 24 de julio de 2014. URL: <https://www.oas.org/es/cidh/decisiones/2014/PEAD1216-03ES.pdf>

нят 6 сентября 2011 г., но не стал в результате положительным примером регулирования этого принципа в регионе (Marés 2019: 37).

Декрет 001/2012/МС был принят для регулирования этого закона, который также вызвал критику со стороны В. Куэто, представителя перуанской ассоциации «Право, окружающая среда и природные ресурсы» (исп. *Derecho, Ambiente y Recursos Naturales – DAR*), в рамках слушания 09 октября 2020 г. в МКПЧ о праве свободного, предварительного и осознанного согласия коренных народов в Бразилии, Колумбии и Перу.

Вышеупомянутые слушания были организованы бразильской «Обсерваторией протоколов добровольной, предварительной и информированной консультаций» (пор. *Observatório de Protocolos Comunitários de Consulta e Consentimento Livre Prévio e Informado: direitos territoriais, autodeterminação e jusdiversidade*)⁴. Организация возглавляется Л.А. Лима да Сильва, профессором Федерального Университета Гранде Доурадоса (Бразилия) и выпускницей курса повышения квалификации «Международного института права и общества» (исп. *Instituto Internacional Derecho y Sociedad – IIDS*), который играет важную роль в Южной Америке в контексте популяризации ключевых правовых актов о защите прав коренных народов, такие как Конвенция МОТ № 169. Упомянутый выше Институт находится в г. Лиме, его директором выступает эксперт по правам коренных народов – Р. Иригойен Фахардо, а среди его членов – перуанские и зарубежные специалисты.

Помимо слушания в октябре 2020 г., Комиссия собрала другие материалы о праве на предварительные и информированные консультации и опубликовала их 28 декабря 2021 г. В докладе освещается опыт «нации» Вампи (исп. *Wampí*) в перуанской Амазонии, которая в ноябре 2015 г. провозгласила себя «нацией» и обнародовала «Статут автономного территориального правительства нации Вампи» с учетом оговорки пункта 3 первой статьи Конвенции № 169, которая сводится к тому, что термин «народы» не рассматривается как «несущий какой-либо смысл в отношении прав, могущих заключаться в этом термине в соответствии с международным правом».

«Статут Вампи» устанавливает порядок избрания представителей государственных структур и других аспектов местного управления⁵.

Несмотря на то, что на современном этапе четко признается обязанность государств делимитировать землю коренных народов и уважать их права, сотрудничество между различными группами не менее важно для осуществления этих прав.

Страны, которые ратифицировали Конвенцию МОТ № 169, не должны ограничиваться формальным согласием, а для соблюдения данной конвенции

⁴ Observatório de Protocolos Comunitários de Consulta e Consentimento Livre Prévio e Informado: direitos territoriais, autodeterminação e jusdiversidade. URL: <http://observatorio.direitosocioambiental.org/>

⁵ CIDH. Derecho a la libre determinación de los Pueblos Indígenas y Tribales / Aprobado por la Comisión Interamericana de Derechos Humanos el 28 de diciembre de 2021 / Comisión Interamericana de Derechos Humanos. P. 120-122.

коренные народы региона разрабатывают собственные протоколы, которые позволяют им выражать свое согласие (Руденко 2021: 104).

В последнее время Декларация Организации Объединенных Наций (далее – ООН) о правах коренных народов 2007 г., одобренная Перу, закрепила факт того, что государства должны обеспечивать признание и правовую защиту земель, территорий и ресурсов коренных народов, что также признано в Американской Декларации о правах коренных народов 2016 г., которую поддержало Перу при голосовании.

Также важно подчеркнуть, что обе декларации включали в себя вопросы, касающиеся прав женщин и детей. Первая декларация в статьях XXI и XXII закрепляет, что используется другая терминология касательно следующего положения документа: «конкретное внимание уделяется правам и особым потребностям престарелых, женщин, молодежи, детей и инвалидов». Статья VII (Гендерное равенство) гласит, что «женщины коренных народов имеют право на признание, защиту и пользование всеми правами человека и основными свободами, предусмотренными международным правом, без какой бы то ни было дискриминации» (исп. *Las mujeres indígenas tienen derecho al reconocimiento, protección y goce de todos los derechos humanos y libertades fundamentales contenidos en el derecho internacional, libres de todas las formas de discriminación*).

Кроме этого, в контексте трудовых прав имеет место аналогичная ситуация, т.е. Американская декларация продвинулась дальше по сравнению с декларацией ООН, в которой в статье 17 написано, что «Лица, принадлежащие к коренным народам, не должны подвергаться дискриминации в отношении условий их труда и, в частности, занятости или заработной платы», в то время, как в Американской декларации также упоминается, что «Государства совместно с коренными народами должны принять незамедлительные и эффективные меры по искоренению практики эксплуатации труда в отношении коренных народов, особенно девочек, мальчиков, женщин и пожилых людей из числа коренных народов» (исп. *Los Estados, en conjunto con los pueblos indígenas, deberán adoptar medidas inmediatas y eficaces para eliminar prácticas laborales de explotación con respecto a los pueblos indígenas, en particular, las niñas, los niños, las mujeres y los ancianos indígenas*).

К тому же, в статье XXVII приводится список из шести пунктов с целью соблюдения законов, касающихся как женщин, так и других работников из числа коренных народов.

Таким образом, согласно Американской декларации 2016 г., гендерное равенство – это обширная тема, которая включает в себя в том числе равенство в трудовых отношениях. Другими словами, необходим интерсекционный подход при анализе прав женщин из числа коренных народов, как это было сделано Межамериканским судом в деле «Фернандес Ортега и другие vs Мексика»⁶. Помимо этого, в конвенции Белен-ду-Пара 1994 г. рассматривается структурная дискриминация по признаку пола и заявля-

⁶ IACtHR. Caso Fernández Ortega y otros vs. México. Sentencia de 30 de agosto de 2010. URL: <https://www.refworld.org/es/jur/jur/corteidh/2010/es/127001>

ется, что насилие является проявлением исторически сложившихся неравных властных отношений между женщинами и мужчинами. Соглашение также включает право женщин быть свободными от всех форм дискриминации и дает определение насилия в отношении женщин, поэтому из статей VI и IX упомянутой выше конвенции следует, что при принятии мер по искоренению насилия государства-участники должны учитывать ситуации уязвимости перед насилием, от которого женщины могут страдать, среди прочего, в силу своей расы, социального и этнического положения (Carnero Arroyo 2022).

Не менее важно отметить, что МСЗПЧ также касается таких тем, как права коренных народов при аресте или их права «в ситуации добровольной изоляции или при первоначальном контакте».

30 мая 2022 г. «Межамериканский суд опубликовал Консультативное заключение ОС-29/22», запрошенное МКПЧ. В нем приводятся результаты анализа применения дифференцированных подходов при аресте некоторых групп лиц, среди которых в том числе коренные народы. Публичные слушания состоялись с 19 по 22 апреля 2021 г. в рамках 141-го очередного заседания Межамериканского суда в формате видеоконференцсвязи, в которой приняли участие Э.Р. Карнеро Арройо (соавтор этой статьи) и В.П. Кастильо в качестве представителей Национального университета Трухильо⁷.

Комиссия получила информацию о том, что нахождение коренных народов в ситуации «добровольной изоляции или первоначального контакта» имеет место в ряде стран Южной Америки, таких как Боливия, Бразилия и Перу. Таким образом, уже несколько раз миссия проводила публичные слушания по правам коренных народов в изоляции и при «первоначальном контакте», например в 2013, 2017, 2019 и 2020 гг. в отношении Перу⁸.

Неизвестно, сколько коренных жителей остаются в изоляции в Южной Америке, но, по некоторым оценкам, их число – около 200 народов, что составляет примерно 10 000 чел. Согласно ряду источников, только в Перу в добровольной изоляции находится более 29 коренных народов (Rodríguez 2013), а по данным Национальной комиссии по окружающей среде Перу, в период с 1950 по 1957 гг. в Амазонке исчезли 11 коренных народов, а 18 из числа оставшихся находятся под угрозой исчезновения, так

⁷ IACtHR. Opinión Consultiva OC-29/22, 30 de mayo de 2022. Enfoques diferenciados respecto de determinados grupos de personas privadas de la libertad. Solicitada por la Comisión Interamericana de Derechos Humanos. P. 100-117 URL: https://www.corteidh.or.cr/docs/opiniones/seriea_29_esp.pdf

⁸ CIDH. Audiencias públicas. Sesión: 149 Periodo de Sesiones; Fecha: November 1, 2013 Situación de derechos humanos de los pueblos indígenas en aislamiento voluntario en Perú. Sesión: 165 Periodo de Sesiones; Fecha: October 23, 2017 Situación de derechos humanos de los pueblos en aislamiento voluntario y contacto inicial en la Amazonia y el Gran Chaco. Sesión: 172 Periodo de Sesiones; Fecha: May 10, 2019 Derechos humanos de los pueblos indígenas y la situación de aislamiento en la Amazonia Peruana. Sesión: 178 Periodo de Sesiones Virtual; Fecha: December 9, 2020 Situación de Pueblos Indígenas en aislamiento y contacto inicial en Perú.

как к каждому из них относится менее 225 чел. МКПЧ считает, что уважение прав коренных народов на добровольную изоляцию – это уважение к отказу от контактов и их решению оставаться в изоляции⁹.

С целью защиты прав коренных народов перуанской Амазонии, находящихся «в изоляции или при первоначальном контакте» в Перу 24 апреля 2006 г. был принят Закон № 28736. Акт предлагает создавать резервации для изолированных или первоначально контактирующих коренных народов и устанавливает необходимость проведения исследований воздействия на окружающую среду, связанных с добычей полезных ископаемых в заповедниках, что было положительно оценено МКПЧ. В Американской декларации прав коренных народов 2016 г. также есть особая статья, касающаяся данного вопроса. Статья XXVI рассматриваемой декларации устанавливает, что коренные народы «в добровольной изоляции или при первоначальном контакте» имеют право оставаться в текущем состоянии, жить свободно и в соответствии со своей культурой. Государства, в свою очередь, должны установить адекватную политику и принять меры, учитывая мнение и при участии коренных народов и соответствующих организаций с целью признания, уважения и защиты их земель, территорий, окружающей среды и культур, а также индивидуальной и коллективной жизни и целостности этих народов¹⁰.

10 мая 2006 г. Комиссия ввела предупредительные меры (анг. *precautionary measures*) в пользу коренных народов, проживающих в эквадорских джунглях р. Амазонки, расположенных на границе с Перу и находящихся в добровольной изоляции или «скрытия»¹¹.

МСПЧ первым из региональных судов по правам человека вынес решения по правам коренных народов в добровольной изоляции или в первоначальном контакте в кейсе «Коренные народы Тагаэри и Тароменани против Эквадора» в начале 2025 г.

Опыт по защите этих групп населения является одним из показателей того, что защита прав коренных народов в МСЗПЧ продвинулась дальше по сравнению с Европейской системой прав человека в некоторых сферах (Абашидзе 2004). Несмотря на то, что Межамериканская система основана на Европейской, в системе ОАГ сложилась уникальная ситуация, поскольку в рамках этой системы двумя органами – Комиссией и Судом – осуществ-

⁹ CIDH. Povos indígenas em isolamento voluntário e contato inicial nas Américas: Recomendações para o respeito integral a seus direitos humanos. Aprovado pela Comissão Interamericana de Derechos Humanos em 30 de dezembro de 2013, p. 05-06. ISBN 978-0-8270-6327-3, preparado pela Relatoria sobre os Direitos dos Povos Indígenas da Comissão Interamericana de Derechos Humanos. URL: <https://www.oas.org/pt/cidh/relatorios/pdfs/informe-sobre-pueblos-en-aislamiento-port.pdf>

¹⁰ Declaración Americana sobre los Derechos de los Pueblos Indígenas. Departamento de Inclusión Social de la Secretaría de Acceso a Derechos y Equidad de la Secretaría General de la Organización de los Estados Americanos, 2016, p. 05-06, ISBN 978-0-8270-7000-4. URL: <http://www.oas.org/es/sadye/documentos/DADPI.pdf>

¹¹ CIDH. Informe no. 96/14 Petición 422-06 Admisibilidad. Pueblos indígenas en aislamiento Tagaeri y Taromenani vs. Ecuador. 6 de noviembre de 2014. URL: <https://www.oas.org/es/cidh/decisiones/2014/ECAD422-06ES.pdf>

вляется контроль и одновременное действие, по сути, двух подсистем. Для первой базовым документом (договор, обязательный для государств-участников) выступает Американская конвенция 1969 г., а для второй, в свою очередь – Американская декларация 1948 г., документ, не имеющий равной юридической силы по сравнению с первым случаем. Однако Суд и ряд специалистов рассматривают Декларацию в качестве обязательной (Кузнецова 2005: 132). Кроме того, отличие от Европейской системы состоит также в том, что МКПЧ, созданная в 1959 г., хотя и медленно, но сумела выявить различные нарушения прав коренных народов в ряде стран.

Развитие защиты прав коренных народов в ОАГ в конце XX в. связано с различными факторами, такими, как: влияние работы, проводимой другими группами за пределами МИИ, как указано в докладе ООН о дискриминации в отношении коренного населения 1982 г.¹² В этом же докладе упоминается, что действия в рамках Индейского совета Южной Америки¹³ и в рамках ОАГ во многом способствовали сотрудничеству в отношении коренного населения в рамках общих тенденций того, что известно как «индихенизм» (Dourado 2022: 134–140).

Несмотря на частую ограниченность ресурсов (значительные судебные издержки, длительные процессуальные сроки, медленный процесс исполнения решений и т.д.), приводящие к снижению эффективности системы в целом, в странах Латинской Америки и Карибского бассейна решение Суда приносят конкретные достижения в общество региона. Как следствие, существует разумный уровень доверия между населением и государством к Американской системе (Хейфец, Хадорич 2015), что отражает веру правительства и гражданских сообществ в права человека, независимо от негативной интервенционистской роли, которые ОАГ выполняет в политических процессах региона.

Авторы статьи разделяют вышеупомянутое мнение П.И. Костогрызова касательно того, что начало XXI в. является в целом продолжением этапа диверсификации индихенизма конца XX в., то есть закрепились и развиваются наметившиеся тогда тенденции к диверсификации тем и подходов (Костогрызов 2022: 118). Таким образом, развитие индихенизма в прошлом веке было неотделимо от хода развития межамериканского сотрудничества в области защиты прав коренных народов, а начало XXI в. демонстрирует положительный эффект этого взаимодействия и защиты прав коренных народов в рамках ОАГ, несмотря на имеющуюся в регионе турбулентность.

Соответственно, значительное число дел по защите прав коренных народов Перу в МСЗПЧ свидетельствует о том, что «индейский вопрос» на современном этапе по-прежнему занимает важное место в повестке дня страны, даже при «более демократичной» этнической политике в Перу

¹²United Nations. UN Declaration on the Rights of Indigenous Peoples. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml

¹³Неправительственная организация, созданная в г. Куско в 1980 г. и имевшая консультативный статус при ЭКОСОС. Она поддерживала участие коренных народов в разработке Конвенции МОТ № 169.

по сравнению с рядом стран региона (Кретов 2020). Однако нередко Перу не соблюдает стандартов МСЗПЧ, что будет рассмотрено более подробно далее.

Защита прав коренных народов Перу в рамках Межамериканской комиссии по правам человека

Несмотря на то, что законодательство Перу содержит несколько статей, посвященных защите прав коренных народов, значительное количество кейсов и слушаний (более 25) в МКПЧ являются примером несоблюдения этих законов. Одно из последних слушаний по защите права добровольной, предварительной и информированной консультаций состоялось 9 октября 2020 г., в рамках которого К.П. Чипиво, президент Межэтнической ассоциации развития перуанских джунглей (*Asociación Interétnica de Desarrollo de la Selva Peruana – AIDSESP*), представляющей 1800 общин и 51 коренной народ Перу, выступил с докладом о несоблюдении Конвенции МОТ № 169 перуанским государством.

Следовательно, публичные слушания, а не отчеты и доклады о деятельности Комиссии, имеют большее значение в работе МСЗПЧ. В последнее время Комиссия обратила внимание на нарушение прав человека ввиду политического кризиса в Перу. М.М. Маколей, президент Комиссии, выразила обеспокоенность по поводу сообщений, в которых коренные народы называются «террористами, террuko, сендеристами, чолос или индейцами», а также другим дискриминационным образом, что «способствуют созданию атмосферы вседозволенности и терпимости к дискриминации, стигматизации и институциональному насилию» в отношении коренного населения¹⁴.

Комиссия также рассмотрела дела, в которых права коренных народов Перу были нарушены, чему, по сути, посвящено данное исследование. Далее приводится краткий анализ следующих кейсов: «Каяра против Перу» и «Община Сан-Матео-де-Уанчор и ее члены против Перу».

Каяра против Перу

На фоне внутреннего конфликта, существовавшего в Перу, 13 мая 1988 г. в Эруско, община округа Кайара провинции Виктор Фахардо в департаменте Аякучо, восемь военнослужащих и членов вооруженных групп были убиты в результате вооруженного столкновения. На следующий день армейские войска вошли в общину коренного народа Кайара и убили первого встреченного ими жителя (Э.А. Баутиста), после чего прибыли в сельскую церковь, где расстреляли на месте еще 5 мужчин.

Заявление было подано в Комиссию 17 ноября 1988 г., которая, в свою очередь, посчитала, что в период с 14 мая 1988 г. по 8 сентября 1989 г. 33 человека были произвольно казнены, 7 пропали без вести, не менее 6 выживших подверглись пыткам, а также был нанесен ущерб государственному и частно-

¹⁴ CIDH. Situación de Derechos Humanos en Perú en el contexto de las protestas sociales. OEA/Ser.L/V/II. Doc. 57/23 23 de abril de 2023.

му имуществу¹⁵. МКПЧ, передав это дело на рассмотрение суда, подтвердила свою убежденность в международной ответственности Перу, вытекающей из нарушений прав, признанных статьями IV (Право на жизнь), V (Свобода от пыток), VII (Право на личную свободу), VIII (Право на справедливый суд) и XXV (Право на судебную защиту) Американской конвенции, которые были совершены военными против граждан Перу.

3 февраля 1993 г. Межамериканский суд вынес решение по делу «Каяра против Перу», в котором говорится, что заявление Комиссии от 14 февраля 1992 г. просрочено, поскольку было подано после истечения срока, установленного в статье 51 Американской конвенции, предусматривавшая, что Комиссия в течение трех месяцев после опубликования доклада должна принять решение о направлении дела в Суд или о вынесении заключения, если вопрос не был решен.

Кроме того, Суд также указал, что из статьи 51 следует вывод о том, что вынесение этого решения не может означать нейтрализацию других механизмов защиты, предусмотренных Американской конвенцией, и что, следовательно, Комиссия сохраняет за собой все другие полномочия, предусмотренные этой статьей, которая к тому же совпадает с объектом и целью конвенции.

Община Сан-Матео-де-Уанчор и ее члены против Перу

Сан-Матео-де-Уанчор – община, расположенная в регионе Лима. 28 февраля 2003 г. Комиссия получила заявление, представленное Национальным координатором сообществ Перу, пострадавших от добычи полезных ископаемых – CONACAMI (далее – заявители), из-за последствий, понесенных членами сообщества в результате загрязнения окружающей среды, вызванного наличием хранилища токсичных отходов вблизи сообщества.

17 августа 2004 г. Комиссия приняла предупредительные меры в пользу О.Г. Анчурайко и членов общины Сан-Матео-де-Уанчор, поскольку имеющаяся информация указывала на то, что условия жизни, здоровья, питания, сельскохозяйственной и животноводческой деятельности в пяти крестьянских общинах коренного происхождения, насчитывающих более 5000 семей, серьезно пострадали от хранилища токсичных отходов, расположенного под открытым небом в районе реки Римак (Anicama 2009: 297).

Необходимо также упомянуть, что в другом кейсе от 11 августа 2006 г. Комиссия ввела предупредительные меры в отношении М.П. Анчирайко, президента Комитета по защите интересов горнодобывающих компаний в регионе Майоке (Перу), которая утверждала, что подвергалась угрозам из-за своей активности в общине Сан-Матео-де-Уанчор, что стало предметом индивидуального заявления в Комиссию¹⁶.

¹⁵ CIDH. Demanda e informes sobre el Caso Cayara Peru. OEA/Ser.L/V/II.83 Doc. 32 12 marzo 1993. URL: <http://www.cidh.org/countryrep/cayarasp/indice.htm>

¹⁶ CIDH. Margarita Pérez Anchiraico y otros (Comunidad de San Mateo de Huanchor) contra Perú. 11 de agosto de 2006. URL: <https://www.cidh.org/annualrep/2006sp/CAP.III.A-C.INTRO.ESTAD.MED%20CAUTE.pdf>

15 октября 2004 г. в Докладе о приемлемости 69/04 Комиссия объявила это дело приемлемым в связи с предполагаемым нарушением прав, закрепленных в статьях IV (Право на жизнь), V (Свобода от пыток), VIII (Право на справедливый суд), XVII (Права семьи), XIX (Права ребёнка), XXI (Право на имущество), XXV (Право на судебную защиту) и XXVI (Прогрессивное развитие экономических, социальных и культурных прав) Американской конвенции¹⁷. Дело по-прежнему находится на рассмотрении Комиссии, т.е. решение по существу пока не принято. Затянутая работа Комиссии не является фактором незначимости защиты окружающей среды, а показывает, что каждая жалоба требует тщательного рассмотрения и изучения, ввиду чего не всегда возможно вынести решение в кратчайшие сроки.

Защита прав коренных народов Перу в рамках Межамериканской суда по правам человека

Комиссия выступила инициатором возбуждения в Суде дел по защите прав коренных народов, чему также посвящена статья, поскольку, как указано выше, Перу присоединилось к Американской конвенции 1969 г. и приняло юрисдикцию Суда. Далее следует обратиться к анализу дел «Сельская община Санта-Барбара против Перу» и «Жители Ла-Оройя против Перу».

Сельская община Санта-Барбара против Перу

В контексте внутреннего конфликта, существовавшего в Перу в конце XX в., 15 человек были выведены против их воли из общины Санта-Барбара (Уанкавелика) и задержаны 4 июля 1991 г., после чего были доставлены в заброшенную шахту, где их расстреляли, затем были использованы взрывчатые вещества с целью сокрытия факта преступления.

Перуанская комиссия по установлению истины и примирению определила жертв случая в своем Заключительном докладе 2003 г., в главе «Внесудебные казни в Санта-Барбаре (1991 г.)». Межамериканский суд, в свою очередь, признал произошедшее насильственным исчезновением, а не внесудебной казнью.

Межамериканский суд посчитал, что поджог домов военнослужащими не только является нарушением права пользования имуществом, но и представляет собой злоупотребление и произвольное вмешательство в их частную жизнь, поэтому государством также было нарушено право не подвергаться произвольному или оскорбительному вмешательству в их частную жизнь и жилище, что признано в п. 2 в статье XI Американской конвенции о правах человека в связи с п. 1 статьи I указанного документа.

Суд указал, что государство также виновно в халатном отношении при проведении первичных следственных действий, поскольку, среди прочего, не было принято должных усилий при проведении расследования описанных выше событий.

¹⁷ CIDH. Informe de admisibilidad 69/04. Comunidad de San Mateo de Huanchor y sus miembros. URL: <https://cidh.oas.org/annualrep/2004sp/Peru.504.03.htm>

Суд также определил, что рассмотрение петиции Хабеас корпуса, поданной семьей Э. Хуамани, не было эффективным при определении его местонахождения и, следовательно, не обеспечивала никакой защиты, поэтому правительство Перу несет ответственность за нарушение п. 6 статьи VII Американской конвенции (Право обратиться в компетентный суд) о причинении ущерба членам семьи Э. Хуамани.

Таким образом, государство нарушило права, признанные статьями III (Право на признание правосубъектности), IV (Право на жизнь), V (Свобода от пыток), VI (Свобода от рабства), VII (Право на личную свободу), VIII (Право на справедливый суд), XI (Право на личную жизнь), XXI (Право на имущество) и XXV (Право на судебную защиту) Американской конвенции 1969 г. и I.b и II Межамериканской конвенции о насильственном исчезновении лиц, а также в отношении статей I, VI и VIII Межамериканской конвенции о предупреждении пыток и наказании за них.

В постановлении Суда от 21 июня 2021 г. указано, что Перу полностью выполнило меры возмещения ущерба в отношении обязательств по распространению судебного решения в СМИ и официальных журналах, но Суд частично оставил открытым вопрос о расследовании фактов, установлении виновных и привлечении их к ответственности, о поиске, эксгумации и идентификации человеческих останков, находящихся в шахте «Валларон», поэтому он (Суд) оставил открытой процедуру надзора за мерами, связанными с этими делами¹⁸.

Жители Ла-Оройя против Перу

Подобно тому, что произошло в общине Сан-Матео, дело жителей общины Ла-Оройя (Перу) является типичным примером нарушения прав человека из-за ухудшения состояния окружающей среды, в частности, загрязнения воздуха по причине отсутствия контроля над сложным металлургическим заводом, который работает в городе, куда выбрасывает столь значительное количество загрязняющих веществ, приведшее не только к экологической проблеме, но и к серьезной проблеме для здоровья населения.

27 декабря 2006 г. в Межамериканскую комиссию по правам человека поступило заявление о нарушении Республикой Перу прав, закрепленных в статьях IV (Право на жизнь), V (Свобода от пыток), XI (Право на личную жизнь), XIII (Свобода мысли и выражения), VIII (Право на справедливый суд) и XXV (Право на судебную защиту) Американской конвенции о правах человека¹⁹.

МКПЧ приняла предупредительные меры в пользу жителей Ла-Оройи в 2007 г., признала перуанское государство ответственным за нарушение

¹⁸ IACtHR. Resolución de la Corte Interamericana de Derechos Humanos. 21 de junio de 2021. Caso Comunidad Campesina de Santa Bárbara vs. Perú. URL: https://www.corteidh.or.cr/docs/supervisiones/comunidadcampesina_santabarbara_21_06_21.pdf

¹⁹ CIDH. CIDH presenta la Corte IDH sobre responsabilidad de Perú por efectos de la contaminación en la Comunidad de La Oroya. 14 de octubre de 2021. URL: <https://www.oas.org/pt/CIDH/jsForm/?File=/es/cidh/prensa/comunicados/2021/274.asp>

их прав в докладе по существу 2020 г., а в 2021 г. передал дело Суду, после того, как Перу не выполнило рекомендации Комиссии для сдерживания загрязнения и защиты жителей Ла-Оройя.

Слушание в суде состоялось 12 и 13 октября 2022 г., Суд вынес решение 27 ноября 2023 г., признав обязательства перуанского государства по поддержанию здоровой окружающей среды в общине Ла-Оройя.

Суд пришел к выводу, что права на здоровье и здоровую окружающую среду защищены статьей 26 Американской конвенции, тогда как первая вытекает из статей 34.i), 34.l) и 45.h) Устава ОАГ, и вторая из статей 30, 31, 33 и 34 того же документа.

Право на здоровую окружающую среду косвенно защищено статьей 21 Пакта Сан-Хосе, посредством коллективной собственности коренных народов и народов, ведущих племенной образ жизни, статьей 23, посредством эффективного участия в консультациях, и статьей 13, посредством доступа к информации.

Суд подтвердил, что решение не является исключением в межамериканской судебной практике по экологическим нарушениям, поскольку решение дела «Члены коренных общин Ассоциации Лхака Хонхат (Наша земля) против Аргентины» 2020 г. было парадигмальным, заявив автономность права на здоровую окружающую среду. Таким образом, Суд упомянул очень широкий спектр решений. Например, в решении «Резня в Рио-Негро против Гватемалы» 2021 г. были утверждены программы восстановления и сохранения культуры коренных народов в соответствии с их культурной самобытностью и мировоззрением, а в решении «Коренная община Шакмок Касек против Парагвая» 2010 г. создание Фонда общинного развития было направлено не только на устранение коллективных последствий нарушений прав человека, которые особенно чувствительны в отношении территории проживания коренных народов, но и на устранение причиненного ущерба и культурное сохранение традиций коренных народов для будущих поколений. Было также упомянуто о реализации программ здравоохранения, жилья и образования для жителей общины, как это произошло в решениях «Сообщество Мойвана против Суринама» 2005 г., «Община коренных народов Якье Акса против Парагвая» 2005 г. и «Община коренных народов Савхоямакса против Парагвая» 2006 г.

Упомянув эту судебную практику и адаптируя ее, меры по возмещению ущерба МСПЧ в деле Ла-Оройя призваны гарантировать максимальный объем возмещения, пропорциональный масштабу нарушений, что оказывает положительное влияние на защиту прав коренных народов не только в Перу, но и в МСЗПЧ.

Заключение

Развитие прав коренных народов имеет длительную и непростую историю в Перу и в других странах региона. В XX в. данный процесс протекал совместно с официальным индихенизмом, а в XXI в. имеет место ослабление и отказ от индихенизма со стороны большинства специалистов,

поддерживающих такие концепции как «этноразвитие» и «индеанизм», что рассматривается как в рамках ОАГ, так и внутри Перу.

Попытки денонсировать Американскую конвенцию предпринимались не один раз, но безуспешно. Данное явление имеет место, поскольку до марта 2014 г. Межамериканским судом в отношении Перу было вынесено наибольшее число постановлений о нарушении прав человека – 29 решений. Ситуация представляется более серьезной, если учесть, что в странах с несовершенной судебной властью, таких как Перу, граждане чаще всего обращаются в суд в поисках справедливости²⁰.

Следовательно, Перу занимает первое место среди 20 государств, признавших юрисдикции Межамериканского суда. Как было отмечено, вынесение решения 2015 г. в отношении сообщества Санта Барбара и публикация других материалов суда показывают уязвимость коренных народов и необходимость укрепления мер для защиты их прав.

В случае деносации Американской конвенции Перу будет вынуждено исполнить свои обязательства перед МКПЧ, которая проделала и продолжает проделывать работу в рамках защиты прав коренных народов Перу.

Первое дело, которое было рассмотрено, связано с заявлением, поданным в МКПЧ в ноябре 1988 г. (Каяра против Перу). Передав его на рассмотрение суда, Комиссия выразила мнение о международной ответственности Перу, но 3 февраля 1993 г. Межамериканский суд постановил, что заявление было просрочено, поскольку оно было подано Комиссией по истечении положенного срока.

Следующее дело, которое было рассмотрено, связано с заявлением, поданным в МКПЧ 28 февраля 2003 г. (Община Сан-Матео-де-Уанчор и ее члены против Перу). На сегодняшний день его рассмотрение в Комиссии не было завершено.

С другой стороны, касательно кейса «Сельская община Санта-Барбара против Перу» суд решил, что Перу нарушило права, признанные в статьях III (Право на признание правосубъектности), IV (Право на жизнь), V (Свобода от пыток), VI (Свобода от рабства), VII (Право на личную свободу), VIII (Право на справедливый суд), XI (Право на личную жизнь), XXI (Право на имущество) и XXV (Право на судебную защиту) Американской конвенции 1969 г. и I.b и II Межамериканской конвенции о насильственном исчезновении лиц, а также в отношении статей I, VI и VIII Межамериканской конвенции о предупреждении пыток и наказании за них. В постановлении Суда от 21 июня 2021 г. указано, что Перу пока не выполнило все обязательства, возложенные на него решением Суда.

В деле о жителях Ла-Оройя (Перу) доказательства, представленные истцами, показали, что из-за ухудшения состояния окружающей среды и его последствий для здоровья пострадавшей общины необходимо было вынесение решения Судом.

²⁰ ¿Salir del Pacto de San José? Editorial Enfoque Derecho. Perú, 6 noviembre, 2017. URL: <https://www.enfoquederecho.com/2017/11/06/salir-del-pacto-de-san-jose/>

Кроме того, следует вывод, что деятельность МСЗПЧ по защите прав коренных народов в значительной степени развивается в соответствии с индигенизмом и защитой прав коренных народов внутри Перу.

В связи с этим, международно-правовая защита коренных народов Перу в рамках МСЗПЧ основывается на таких значимых документах, как Американская декларация 1948 г., Американская конвенция о правах человека 1969 г., Декларация ООН о правах коренных народов 2007 г. и Американская декларация о правах коренных народов 2016 г., на которых базируется работа Комиссии.

В заключение следует отметить, что современное регулирование прав и основных свобод коренных народов в Перу должно соответствовать стандартам МСЗПЧ, а также национальной и региональной динамикам этноразвития.

Таким образом, необходимо учитывать как работу экспертов по региону, так и деятельность организаций, таких, к примеру, как «Обсерватория протоколов добровольной, предварительной и информированной консультаций» и «Международный институт права и общества», играющих важную роль в Южной Америке в контексте популяризации ключевых правовых актов о защите прав коренных народов (Конвенция МОТ № 169) и взаимодействующих с МСЗПЧ.

Перуанские и зарубежные специалисты этих организаций также обращают внимание на обязательное сотрудничество с коренными народами региона, учитывая, в том числе, их материалы о праве на самоопределение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абашидзе А.Х. 2004. Межамериканская система защиты прав человека и проблема защиты прав коренных народов // Московский журнал международного права. № 1. С. 55–75. DOI 10.24833/0869-0049-2004-1-55-75

Ананидзе Ф.Р. 2000. Положение коренных народов в Северной и Латинской Америке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. № 2. С. 108–117.

Костогрызов П.И. 2019. Общинное право // Антиномии. Т. 19, вып. 2. С. 67–86. DOI 10.17506/aipl.2019.19.2.6786

Костогрызов П.И. 2022. Изучение общинных институтов в современной латиноамериканистике // Этнографическое обозрение. № 4. С. 109–127. DOI 10.31857/S0869541522040066

Кретов С.М. 2020. «Индийский вопрос» в Перу. Исторический контекст и современное состояние межэтнического диалога // Латинская Америка. № 10. С. 81–98. DOI 10.31857/S0044748X0011334-6

Кузнецова С.Н. 2005. Международная защита прав человека : учеб. пособие. Нижний Новгород : Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 159 с.

Руденко В.В. 2021. Реализация принципа свободного, предварительного и осознанного согласия коренных народов: опыт стран Латинской Америки и возможность его адаптации в России // Вестник Сургутского государственного университета. № 1(31). С. 101–107. DOI 10.34822/2312-3419-2021-1-101-107

Хейфец В.Л., Хадорич Л.В. 2015. Достижения и проблемы Межамериканской системы защиты прав человека в новом региональном контексте // Вестник Санкт-

Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. № 3. С. 99–112.

Шинкаренко А.А. 2009. Индейский вопрос: международно-правовые аспекты // Латинская Америка. № 2. С. 66–75.

Шинкаренко А.А. 2010. Индейские движения и организации в политических процессах Перу и Эквадора : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. Москва. 180 л.

Шинкаренко А.А. 2011. Становление индихенизма в Латинской Америке // Латинская Америка. № 10. С. 76–88.

Anicama C. 2009. Las responsabilidades del Estado para regular y judicializar las actividades empresariales en el marco del Sistema Interamericano de Derechos Humanos. Informe sobre la Convención Americana sobre Derechos Humanos // Revista de Derecho de la Pontificia Universidad Católica del Perú Lima. Perú. № 63, julio-nov.

Carnero Arroyo E.R. 2022. El Derecho de las Mujeres Indígenas a una Vida Libre de Violencia desde un Enfoque Intercultural // Constitucionalismo en clave descolonial / Amélia Sampaio Rossi [et al.]; L. Estupiñán-Achury, L. Balmant Emerique (editoras académicas). Bogotá : Universidad Libre. P. 243–261.

Dourado G. 2022. Um olhar antropológico sobre a Convenção 169 da Organização Internacional do Trabalho (OIT) sobre povos indígenas e tribais em países independentes : Dissertação (Mestrado em Antropologia) / Universidade Federal da Grande Dourados. Dourados, MS. 209 p.

Giraud L. 2011. Un campo indigenista transnacional y “casi profesional”: la apertura en Pátzcuaro (1940) de un espacio por y para los indigenistas // La ambivalente historia del indigenismo. Campo interamericano y trayectorias nacionales 1940–1970 / L. Giraud, J. Martín-Sánchez (Eds.). Lima : Instituto de Estudios Peruanos. P. 21–98.

Gonzales O. 2012. The Instituto Indigenista Peruano: A New Place in the State for the Indigenous Debate // Latin American Perspectives. Vol. 39, № 5. P. 33–44. DOI 10.1177/0094582X12447276

Marés C.F. 2019. A força vinculante do protocolo de consulta. Primeira Parte // Protocolos de consulta prévia e o direito à livre determinação / Glass V. (org.). São Paulo: Fundação Rosa Luxemburgo ; CEPEDIS. P. 19–46.

Masferrer K.E. 1986. El Instituto Indigenista Interamericano // Boletín de Antropología Americana. № 13. P. 107–122.

Rodríguez G.H. 2013. Pueblos Indígenas en aislamiento voluntario de la Amazonía peruana: el derecho inherente al territorio ancestral y la explotación de hidrocarburos // Medio Ambiente & Derecho. Revista Electrónica de Derecho Ambiental. № 24. ISSN-e 1576-3196. URL: <https://huespedes.cica.es/gimadus/24/04.html> (дата обращения: 12.09.2023).

References

Abashidze A.Kh. *Mezhamerikanskaya sistema zashchity prav cheloveka i problema zashchity prav korennykh narodov* [The Inter-American Human Rights Protection System and the Problem of Protecting the Rights of Indigenous Peoples], *Moscow Journal of International Law*, 2004, no. 1, pp. 55–75. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2004-1-55-75> (in Russ.).

Ananidze F.R. Legal Situation of Indigenous' Peoples in Notheren and Latin America, *RUDN Journal of Law*, 2000, no. 2, pp. 108–117. (in Russ.).

Anicama C. *Las responsabilidades del Estado para regular y judicializar las actividades empresariales en el marco del Sistema Interamericano de Derechos Humanos. Informe sobre la Convención Americana sobre Derechos Humanos* [The Responsibilities of the State to Regulate and Prosecute Business Activities Within the Framework of the Inter-American Human Rights System. Report on the American Convention on Human Rights], *Revista*

de Derecho de la Pontificia Universidad Católica del Perú Lima, Peru, 2009, no. 63, July-Nov. (in Spanish).

Carnero Arroyo E.R. *El Derecho de las Mujeres Indígenas a una Vida Libre de Violencia desde un Enfoque Intercultural* [The Right of Indigenous Women to a Life Free of Violence from an Intercultural Approach], Estupiñán-Achury L., Balmant Emerique L. et al., *Constitucionalismo en clave descolonial*, Bogotá, Universidad Libre, 2022, pp. 243–261. (in Spanish).

Dourado G. *Um olhar antropológico sobre a Convenção 169 da Organização Internacional do Trabalho (OIT) sobre povos indígenas e tribais em países independentes : Dissertação (Mestrado em Antropologia)* [An Anthropological Look at Convention 169 of the International Labour Organization (ILO) on Indigenous and Tribal Peoples in Independent Countries: Dissertation], Dourados, MS, 2022, 209 p. (in Spanish).

Giraud L. *Un campo indigenista transnacional y “casi profesional”: la apertura en Pátzcuaro (1940) de un espacio por y para los indigenistas* [A Transnational and “Almost Professional” Indigenist Field: The Opening in Patzcuaro (1940) of a Space by and for Indigenists], Giraud L., Martín-Sánchez J. (Eds.), *La ambivalente historia del indigenismo. Campo interamericano y trayectorias nacionales 1940–1970*, Lima, Instituto de Estudios Peruanos, 2011, pp. 21–98. (in Spanish).

Gonzales O. The Instituto Indigenista Peruano: A New Place in the State for the Indigenous Debate, *Latin American Perspectives*, 2012, vol. 39, no. 5, pp. 33–44. <https://doi.org/10.1177/0094582X12447276>

Jeifets V.L., Khadorich L.V. Achievements and Challenges of the Inter-American System of Human Rights in the New Regional Context, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2015, no. 3, pp. 99–112. (in Russ.).

Kostogryzov P. Community Law, *Antinomies*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 67–86. <https://doi.org/10.17506/aip.2019.19.2.6786> (in Russ.).

Kostogryzov P.I. Research on Community Institutions in Contemporary Latin American Studies, *Ethnographic Review*, 2022, no. 4, pp. 109–127. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040066> (in Russ.).

Kretov S.M. “Indigenous Question” in Peru. Historical Background and Actual State of Inter-Ethnic Dialogue, *Latinskaia Amerika*, 2020, no. 10, pp. 81–98. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0011334-6> (in Russ.).

Kuznetsova S.N. *Mezhdunarodnaya zashchita prav cheloveka : ucheb. posobie* [International Protection of Human Rights : a Study Guide], Nizhniy Novgorod, Izdatelstvo NNGU im. N.I. Lobachevskogo, 2005, 159 p. (in Russ.).

Marés C.F. *A força vinculante do protocolo de consulta. Primeira Parte* [The binding force of the consultation protocol. First part], Glass V. (org.). *Protocolos de consulta prévia e o direito à livre determinação*, São Paulo, Fundação Rosa Luxemburgo, CEPEDIS, 2019, pp. 19–46. (in Spanish).

Masferrer K.E. *El Instituto Indigenista Interamericano* [The Inter-American Indigenous Institute], *Boletín de Antropología Americana*, 1986, no. 13, pp. 107–122. (in Spanish).

Rodríguez G.H. *Pueblos Indígenas en aislamiento voluntario de la Amazonía peruana: el derecho inherente al territorio ancestral y la explotación de hidrocarburos* [Indigenous Peoples in Voluntary Isolation of the Peruvian Amazon: The Inherent Right to Ancestral Territory and the Exploitation of Hydrocarbons], *Medio Ambiente & Derecho. Revista Electrónica de Derecho Ambiental*, 2013, no. 24, ISSN-e 1576-3196, available at: <https://huespedes.cica.es/gimadus/24/04.html> (accessed September 12, 2023). (in Spanish).

Rudenko V.V. Implementation of Principle of Free, Prior and Informed Consent of Indigenous Peoples: The Experience of Latin American Countries and the Possibility of its

Adaptation in Russia, *Surgut State University Journal*, 2021, no. 1(31), pp. 101–107. <https://doi.org/10.34822/2312-3419-2021-1-101-107> (in Russ.).

Shinkarenko A.A. *Indeyskiye dvizheniya i organizatsii v politicheskikh protsessakh Peru i Ekvadora : dis. ... kand. polit. nauk : 23.00.02* [Indian Movements and Organizations in the Political Processes of Peru and Ecuador: Dissertation], Moscow, 2010, 180 l. (in Russ.).

Shinkarenko A.A. *Indeyskiy vopros: mezhdunarodno-pravovye aspekty* [The Indian Question: International Legal Aspects], *Latinskaia Amerika*, 2009, no. 2, pp. 66–75. (in Russ.).

Shinkarenko A.A. *Stanovlenie indikhenizma v Latinskoy Amerike* [The Emergence of Indigenism in Latin America], *Latinskaia Amerika*, 2011, no. 10, pp. 76–88. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Габриел Доурадо Роша

Магистр по направлению «Юридическая антропология», Федеральный университет Гранде-Доурадос (UFGD, Бразилия)
Аспирант кафедры международного права Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы;
г. Москва, Россия;
ORCID: 0000-0002-7641-9997;
E-mail: gabriel_drocha@hotmail.com

Эна Карнеро Арройо

PhD в политических и юридических науках, Национальный университет Трухильо (UNT, Перу); профессор международного и интеграционного права, экс-заведующая кафедрой политических и публично-правовых наук юридического факультета Национального университета Трухильо (UNT, Перу), заместитель декана Коллегии адвокатов Ла Либертад (CALL, Перу); специалист по правоведению факультета экономики и права Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы;
г. Москва, Россия;
ORCID: 0000-0003-3395-8779;
E-mail: enacarnero@hotmail.com

Анастасия Михайловна Отрашевская

Кандидат юридических наук, кафедра международного права Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы;
г. Москва, Россия;
ORCID: 0000-0002-5745-5722;
E-mail: a.otrashevskaya@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Gabriel Dourado Rocha

Master's in Legal Anthropology, Federal University of Grande Dourados (UFGD, Brazil)
PhD Candidate, Department of International Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia;
Moscow, Russia;
ORCID: 0000-0002-7641-9997;
E-mail: gabriel_drocha@hotmail.com

Ena Carnero Arroyo

PhD in Political Sciences and Law, National University of Trujillo (UNT, Peru); Professor of International and Integration Law; Former Head of the Department of Political and Public Law at the Faculty of Law, National University of Trujillo (UNT, Peru); Deputy Dean of the La Libertad Bar Association (CALL, Peru); Researcher at the Faculty of Economics and Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia;
Moscow, Russia;
ORCID: 0000-0003-3395-8779;
E-mail: enacarnero@hotmail.com

Anastasia Mikhailovna Otrashevskaya

Candidate of Law, Department of International Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia;
Moscow, Russia;
ORCID: 0000-0002-5745-5722;
E-mail: a.otrashevskaya@gmail.com

Правила подачи рукописей

1. Рукописи статей в формате .docx или .doc отправляются в редакцию по электронной почте: admin@instlaw.uran.ru.

2. Статьи, представляемые на русском или английском языке, должны соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука, право.

3. Принимаются только рукописи ранее не опубликованных, оригинальных работ. Все статьи проверяются в разных системах на плагиат, самоплагиат и иные формы нарушения этических норм (ключевая – Advengo; рекомендуемый уровень оригинальности с учетом рерайта – не ниже 80%/65%). В случае их обнаружения на любой стадии работы со статьей авторам направляется уведомление об отказе в публикации.

4. Все поступившие рукописи проходят двойное слепое рецензирование. К рецензированию привлекаются как внешние эксперты – специалисты по проблематике представленной статьи, так и члены редакционной коллегии. Если мнения двух рецензентов принципиально расходятся, редакция привлекает третьего рецензента или принимает решение самостоятельно. Процедура рецензирования обычно не занимает больше двух месяцев. Однако в случае рекомендации статьи к доработке и повторному рецензированию общий срок ее рассмотрения может быть увеличен до четырех месяцев.

5. По результатам рецензирования статья может быть принята к печати, направлена на доработку или отклонена. При принятии к печати статья пополняет редакционный портфель, из материалов которого редколлегия комплектует ближайшие номера журнала.

6. Рецензии хранятся в редакции в течение пяти лет. Редакция направляет авторам рукописей отзывы рецензентов или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

7. Рукопись оформляется в соответствии с принятыми в журнале техническими требованиями. Рекомендуемый объем – от 30 до 60 тысяч знаков с учетом пробелов. Шрифт – 14 Times New Roman, полуторный межстрочный интервал. Текст должен быть отформатирован по ширине без переносов. Абзацный отступ – 1 см (выполняется без использования пробелов или табуляции). Поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 3 см, правое – 1,5 см. Основной вид кавычек в текстах на русском языке: « ». Однако, если внутри цитаты есть закавыченный фрагмент, он выделяется с помощью “ ”, а вся цитата – с помощью « ». Основной вид кавычек в текстах на английском языке: “ ”. Подзаголовки основных разделов статьи набираются полужирным шрифтом по центру.

8. В самом начале рукописи, в левом верхнем углу, указывается код УДК. Затем набирается полужирным шрифтом название статьи, под которым указываются имя, отчество (при наличии), фамилия автора, аффилиация (полное название организации без почтового адреса; возможно указание нескольких организаций), город, страна, адрес электронной почты автора. Далее размещается аннотация объемом от 2000 до 2200 знаков с учетом пробелов. Желательно, чтобы в ней была отражена следующая информация: актуальность, цель, теоретико-методологическая основа, краткое содержание и основные выводы исследования. После аннотации приводится список из 5–10 ключевых слов.

9. В разделе «Благодарности» дается информация о финансировании исследования (финансирующее агентство и номер гранта). Также в этом разделе можно выразить благодарность людям, которые помогли автору в работе над статьей.

10. В конце статьи приводятся сведения об авторе: имя, отчество (при наличии), фамилия, ученая степень, звание, должность и место работы; ORCID; ResearcherID (при наличии); Scopus AuthorID (при наличии); SPIN-код; адрес электронной почты.

11. Информация, указанная в пунктах 8–10 (название статьи, аннотация, ключевые слова, благодарности и информация об авторе), предоставляется также на английском языке.

12. Все таблицы и рисунки должны иметь последовательную нумерацию, название; быть включены как в основной файл статьи, так и представлены отдельными файлами.

13. Библиографический список в конце рукописи включает только научную литературу. Примечания, ссылки на нормативно-правовые акты, статистические данные, интернет-ресурсы, словари, газеты и так далее оформляются в виде постраничных сносок (12 Times New Roman, одинарный межстрочный интервал, отступ – 1 см). Внутритекстовые ссылки на научную литературу даются в круглых скобках, где указывается фамилия автора или составителя (главного или ответственного редактора), год издания и при необходимости после двоеточия страница(ы). Например: (Луман 1999: 204).

14. В Библиографическом списке сначала идут в алфавитном порядке работы на русском языке, затем на иностранных языках. В книге (монографии, сборнике) указывается год, место издания, издательство, общее число страниц. В статье указывается диапазон страниц. При наличии нескольких работ одного автора, вышедших в одном календарном году, к цифровому обозначению года добавляются строчные буквы латинского алфавита – a, b, c..., что отражается и во внутритекстовых ссылках. Если публикация имеет DOI, следует обязательно указать его.

Все представленные в Библиографическом списке работы оформляются также в виде *References* в алфавитном порядке, где источники на кириллице даются в транслитерации и переводе на английский язык: название журнала, сборника – в транслитерации и переводе; заглавие книги или статьи, место издания – только в переводе; издательство – только в транслитерации. Работы на английском языке приводятся без изменений, источники на иных языках также даются в переводе на английский язык.

15. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно. Гонорар автору не выплачивается.

16. К представленной в редакцию рукописи автор прилагает письменное согласие на размещение опубликованной в журнале статьи в электронных базах данных; письменное согласие на опубликование персональных данных.

Более подробно с требованиями к рукописям и примерами их оформления можно ознакомиться на сайте журнала по адресу: <http://yearbook.uran.ru/avtoram/trebovaniya-k-statiam>

Manuscript Submission Guidelines

1. Manuscripts of articles in .docx or .doc format should be sent to the editorial board's email address: admin@instlaw.uran.ru.

2. Manuscripts submitted in Russian or English have to correspond to the subject areas of the Journal – philosophy, political science, and law.

3. Only manuscripts of previously unpublished and original articles are acceptable. All manuscripts are checked for plagiarism, self-plagiarism and other forms of ethical violations. In case of their detection at any stage of editing, the authors are notified of the refusal to publish. Manuscripts submitted to the editorial office are evaluated using various plagiarism detection systems, with the key system being Advego. A manuscript may be rejected if its originality level is below 80%, or below 65% when accounting for rewriting (according to Advego).

4. Every submitted manuscript is subjected to a double-blind peer review. Peer reviewers involved are both external experts, specialists in the same subject area as the submitted manuscript, and members of the editorial board. If peer reviews fundamentally differ, the article will either be passed for evaluation to a third reviewer, or the decision will be taken by the editorial board itself. The reviewing procedure usually takes no more than two months. However, if the manuscript is recommended for revision and re-reviewing, the total consideration period can be extended to four months.

5. Based on the results of the review, the manuscript may be accepted for publication, sent back to the author for revision, or rejected. When accepted for publication, the article replenishes the editorial portfolio which materials are used for completing the next issues of the Journal.

6. Peer reviews are retained in the editorial office for five years. The editorial board sends reviews or reasonable rejections to the authors. It is also committed to sending copies of reviews to the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in case of being requested.

7. The manuscripts should be designed in accordance with the Journal's technical specifications. The recommended length is between 30,000 and 60,000 characters, including spaces. Font – 14 Times New Roman, line spacing – 1.5. Justified text alignment, no automatic hyphenation. First-line indent (without the use of tabs or space) – 1 cm. Page layout: top margin – 2 cm, bottom – 2 cm, left – 3 cm, right – 1.5 cm. The main type of quotation marks in Russian language manuscripts: « ». However, if there is a quoted extract inside the quote, it is marked with “ ”, and the whole quote is marked with « ». The main type of quotation marks in English language manuscripts: “ ”. The subheadings of the main sections of the article are typed in bold in the center of the page.

8. At the very beginning of the manuscript, in the top-left corner, a universal decimal classification (UDC) code should be indicated if possible. Then the article title is typed in bold, under which the author's personal data should be provided: the name, patronymic (if any), and the surname of the author, affiliation (full name without a postal address; multiple affiliations are permitted), city, country, e-mail of the author. Next, an abstract comprising 2,000–2,200 characters in length (including spaces) is placed. It is advised to contain the following information: relevance, purpose, theoretical and methodological basis, summary, and main conclusions of the study. After the abstract, a list of 5–10 keywords is to be provided.

9. Acknowledgement section includes information on the financial support (the funding agency and the grant number). Also in this section, it is possible to express gratitude to those who helped the author in working on the article.

10. At the end of the manuscript, information about the author should be placed: first name, patronymic (if any), and the surname, academic degree, title, and position held; ORCID; ResearcherID (if any); Scopus AuthorID (if any); SPIN-code (if any); E-mail.

11. The information specified in paragraphs 8–10 (the article title, abstract, keywords, acknowledgements, and information about the author) is also provided in Russian if possible.

12. All tables and figures should be numbered in order of appearance and have captions. They should be both placed within the text of the manuscript and provided in separate files.

13. The Bibliography at the end of the manuscript includes only scientific literature. Notes, links to regulatory legal acts, statistical data, Internet resources, dictionaries, newspapers, etc. are given in the footnotes (12 Times New Roman, single line spacing, first-line indent – 1 cm). In-text references to scholarly sources are placed in parenthesis with the surname of the author or the compiler (chief or responsible editor), the year of publication, and, if necessary, the page(s) after a colon. For example: (Luhmann 1999: 204).

14. The Bibliography first includes alphabetically ordered works in Russian, then in other languages. A book (monograph, collection) indicates the year, place of publication, publisher, and a total number of pages. An article specifies the range of pages. When there are several works of the same author, published in the same calendar year, lowercase letters of the Latin alphabet (a, b, c, etc.) are added to the numerical year designation; this should also be reflected in the in-text references. If the publication has DOI, it is obligatory to be stated.

All works in the Bibliography are also arranged as References in alphabetical order with Cyrillic sources given in transliteration and translation into English: the name of the journal, collection – in transliteration and translation; the title of the book or the article, place of publication – only in translation; the publisher – only in transliteration. Sources originally written in English are given without changes, sources in other languages are also cited in English translation.

15. Publication of accepted articles is free of charge. No honorarium is paid to the author.

16. In addition to the manuscript, the author provides a written consent to display the published article in the electronic databases, as well as a written consent to make public his/ her personal data.

More detailed information about manuscript submission guidelines and design samples are provided on the Journal's website: <http://yearbook.uran.ru/en/for-authors/accepted-papers>

Научное издание

АНТИНОМИИ

Том 25

Выпуск 1

*Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института философии и права
Уральского отделения РАН*

Ответственный за выпуск
В.С. Мартьянов

Редакторы *М.В. Воробьева, М.И. Лаевская*
Корректор *Е.М. Олову*
Компьютерная верстка *А.Э. Якубовского*
Дизайн обложки *Е. Ширяевой, «РА4»*

Подписано в печать: 28.03.2025. Дата выхода в свет: 23.05.2025.
Формат 70х100/16. Бумага типографская.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 21,4 Уч.-изд. л. 18,4
Тираж 500 экз. Заказ №
Цена свободная

Институт философии и права УрО РАН
620108, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, д. 16.

Изготовлено ООО «Издательство УМЦ УПИ»
620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 17, офис 134.